

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

И. В. МОЖЕЙКО
А. Н. УЗЯНОВ

ИСТОРИЯ БИРМЫ

(КРАТКИЙ ОЧЕРК)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1973

Ответственный редактор
В. Ф. Васильев

В книге в сжатой форме излагается история Бирмы с древнейших времен до наших дней. Эпоха первобытнообщинного строя, возникновение первых государств, период феодализма, завоевание Бирмы Англией и борьба бирманцев за независимость — все эти вопросы нашли отражение в данном очерке. Последние главы книги посвящены периоду независимого развития бирманского народа.

0163-2148
М 82-73
042(02)-73

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1973.

OCR – Aspar, 2010. [3] – так обозначен конец страницы оригинального издания

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление	3
Глава I Древняя Бирма (до 1044 г.)	10
Глава II Паганское царство (1044—1287)	33
Глава III Период раздробленности (1287—1531)	64
Глава IV Великие цари (1531—1752)	89
Глава V Накануне британской агрессии (1752—1824)	111
Глава VI Завоевание Бирмы Англией (1824—1885)	138
Глава VII Бирма в составе Британской империи (1886—1939)	170
Глава VIII Вторая мировая война и достижение независимости (1939—1948)	218
Глава IX Период парламентарной демократии (1948—1962)	262
Глава X Бирма на пути преобразований	333
Хронология	374
Литература	379

ВСТУПЛЕНИЕ

Республика Бирманский Союз занимает западную часть Индокитайского полуострова. Ее площадь 677,6 тыс. кв. км, население — около 30 млн. человек. Бирма протянулась с севера на юг на 2 тыс. км (включая узкую полосу Тенаосерима). С трех сторон она ограничена труднопроходимыми горами и лишь на юге омывается водами Индийского океана. Основные реки Бирмы — Иравади, Ситаун и Салуин — текут с севера на юг и отделены друг от друга невысокими меридиональными хребтами.

Для Бирмы характерен тропический муссонный климат с относительно прохладной сухой зимой, жаркой весной и дождливым летом. В пределах муссонного климата Бирма делится на ряд климатических районов, от прохладных гор и плоскогорий на севере и востоке до засушливых степей Средней Бирмы и влажных прибрежных лесов Аракана (ныне Ракхайн) и Тенассерима (ныне Танинтайи).

Около двух третей территории Бирмы занято горами и лесами. В этих зонах сконцентрированы основные залежи полезных ископаемых — цветных металлов и драгоценных камней, а также ценные породы дерева, в первую очередь тик. В долине Иравади издавна разрабатываются нефтяные месторождения. Однако в целом запасы разведанных источников природного сырья в Бирме невелики.

Население Бирмы распределено неравномерно. Если по общей плотности населения Бирма стоит на одном из последних мест в Азии и ее горные районы населены чрезвычайно слабо, то в речных долинах плотность населения весьма значительна. Крупнейшая национальная [3] группа Бирмы — бирманцы, народ тибето-бирманской языковой группы, — составляет три четверти населения. За бирманцами по численности следуют карены (2,5 млн.) и шаны (около 2 млн.) Кроме них в Бирме проживает более ста народностей и племен, находящихся на различных уровнях общественного развития.

Основное занятие населения — сельское хозяйство. В деревнях живет около 80% населения, и почти все они в той или иной степени связаны с производством риса — главной сельскохозяйственной культуры Бирмы. В последние годы в связи с ростом промышленности и некоторым уменьшением доли рисоводства в экономике процент городского населения растет.

Господствующая религия в Бирме — буддизм. Буддистами являются практически все бирманцы, большинство шанов и других жителей горных районов. На окраинах Бирмы помимо буддизма можно встретить анимизм, а среди некоторых национальных меньшинств (карены, чины, качины) распространено христианство. Часть населения Аракана — мусульмане. Христиане и мусульмане составляют также некоторый процент населения городов.

Крупнейший город Бирмы — ее столица Рангун, с населением более 1,7 млн. человек. Рангун — основной порт страны, промышленный и культурный центр. Вторым по величине городом является Мандалай — центр Северной Бирмы. Еще два портовых города — Бассейн и Моулмейн (ныне Молямьяйн) — имеют более чем по 100 тыс. жителей.

Географическая замкнутость Бирмы, сравнительная бедность природными богатствами и традиционными предметами экспорта определили своеобразие ее исторического развития. Бирма менее других стран Юго-Восточной Азии подверглась в древности индийской колонизации, была защищена горами от вторжений, особенно с запада, позже других стран района стала объектом колониальной экспансии европейцев и сохраняла независимость до последней четверти XIX в. После окончания второй мировой войны Бирма стала первой колонией Британской империи, добившейся полной независимости.

С 1962 г. Бирма избрала путь преобразований, направленных на создание социалистического общества. [4]

же периодом ограничивается Дж. Харви; третий из крупнейших английских историков Бирмы, Д. Холл, рассматривает историю страны до конца второй мировой войны.

После достижения Бирмой независимости появился ряд исторических работ бирманских историков. Крупнейшими из них являются книги Ба Тана и Маун Тин Ауна, в которых авторы прослеживают историю Бирмы до момента достижения независимости.

Помимо общих трудов по истории Бирмы существует ряд исследований, посвященных отдельным периодам истории страны. Большая работа по изучению древней и средневековой Бирмы была проделана Бирманским исследовательским обществом, созданным в 1912 г. и функционирующим доныне. Члены Общества были пионерами в области изучения эпиграфического материала и археологических памятников. Крупнейшими историками Общества были То Сейн Ко, Дюрузель, Пе Маун Тин, Благден, Тан Тун и Люс. То Сейн Ко, Дюрузель и Благден ограничивались в основном археологическими и эпиграфическими [6] исследованиями; Люс и Тан Тун создали ряд трудов по древней и средневековой истории, среди которых следует отметить в первую очередь трехтомник Люса «Древняя Бирма — Ранний Паган» и цикл статей Тан Туна о Бирме X—XIV вв.

Существует ряд работ, посвященных европейскому проникновению в Бирму, а также колониальному периоду. К их числу относятся книги Д. Холла «Европа «Бирма», С. Роуза «Британия и Юго-Восточная Азия», Д. Вудмэн «Создание современной Бирмы», а также несколько книг бирманских авторов, трактующих в первую очередь вопросы национально-освободительного движения и борьбы за независимость. Этим проблемам посвящен ряд трудов Маун Мауна, как, например, «Бирма в семье народов», «Судебный процесс в Бирме», книга Маун Тин Ауна «Полосатый павлин», целый ряд книг мемуарного характера, написанный участниками борьбы за независимость.

Проблемы современной Бирмы отражены в книгах как западных, так и бирманских авторов. Наиболее известны из них книга Кейди «История современной Бирмы», работы Фэрниволла, Эндрюса, До Мья Тин, Маун Тин Ауна и др. Однако до сих пор ни в бирманской, ни в западной историографии нет ни одного обобщающего труда, который охватывал бы историю Бирмы с древнейших времен до наших дней.

Систематическое изучение Бирмы в Советском Союзе началось с конца 40-х годов. К настоящему времени советскими историками создан ряд трудов, рассматривающих различные периоды бирманской истории и выдвинувших советскую бирманистику на первый план по уровню и объему проделанной работы.

Древняя и средневековая история изложена в книге И. В. Можейко «5000 храмов на берегу Иравади (Паганское царство)». Работа М. Г. Козловой «Бирма накануне английского завоевания» посвящена последним ста годам независимого бирманского государства. Впервые в мировой науке этот важный период рассматривается не только с точки зрения политической истории, но привлекается также важный материал, касающийся экономического развития Бирмы, внутренней жизни бирманского царства. Тематическим продолжением этой работы является вторая монография М. Г. Козловой «Английское завоевание Бирмы», охватывающая практически весь XIX в., от [7] начала подготовки британского вторжения до подавлений партизанского движения после третьей англо-бирманской войны.

Несколько подробнее вопросы, рассмотренные М. Г. Козловой в последних главах ее книги, излагаются в работе Л. Н. Журавлевой «Партизанская война бирманского народа против английского закабаления, 1885—1896 гг.». В этой книге тщательно исследуются причины и ход партизанской войны в оккупированной англичанами Бирме.

Колониальному периоду в истории Бирмы посвящена монография В. Ф. Васильева «Очерки истории Бирмы (1885—1948)» — крупнейший в настоящее время труд по истории Бирмы — британской колонии. В книге не только показана история становления и деятельности колониального режима, но и дана яркая характеристика национально-освободительного движения.

Вопросам национально-освободительного движения в Бирме и достижению независимости посвящены также работы А. Н. Узянова, А. С. Кауфмана, М. Г. Щербакова. К ним примыкают подготовленный Институтом востоковедения сборник документов «Бирма бросает вызов», состоящий из статей и выступлений национального героя Бирмы Аун Сана, и биографическая книга И. В. Можейко «Аун Сан».

Существует ряд работ советских авторов, трактующих вопросы современного развития Бирмы. Это «Бирма на новом пути» В. Ф. Васильева, «Борьба за независимость и прогрессивные преобразования в Бирме» Ю. Н. Гаврилова, «Современная Бирма» В. Ф. Васильева и А. Н. Узянова, книги и статьи А. С. Кауфмана, А. Ф. Малова и др. Институтом востоковедения издан также сборник статей и речей Председателя Революционного совета Бирмы генерала Не Вина.

В работах И. П. Азовского, Г. Г. Попова, С. М. Макаровой, Г. Г. Стратановича, А. Ф. Жабреева, С. С. Ожегова и др. рассматриваются отдельные аспекты экономического, социального и культурного развития Бирмы.

Объем и разнообразие работ советских авторов, а также постоянный интерес советских читателей к истории Бирмы позволили предпринять попытку обобщения достижений бирманистики. Первым опытом такого рода является [8] предлагаемый краткий очерк, который, разумеется, не может претендовать на полноту и исчерпывающую трактовку столь сложной и обширной темы.

* * *

Главы I—VII и IX написаны И. В. Можейко, главы VIII и X — А. Н. Узяновым.

Авторы выражают признательность Э. О. Берзину, А. Р. Вяткину, А. Ф. Жабрееву, А. П. Мурановой и другим специалистам за ценные замечания, а также С. С. Кузнецовой за помощь в подготовке рукописи к печати. [9]

ГЛАВА I ДРЕВНЯЯ БИРМА (до 1044 г.)

1. Бирма в эпоху каменного и бронзового века

Люди заселили Бирму много тысячелетий назад. В этом отношении Бирма не отличается от других районов Юго-Восточной Азии, которая была, возможно, родиной одной из ветвей человечества. Ведь именно в Юго-Восточной Азии, на Яве, были найдены Э. Дюбуа кости питекантропа. Питекантроп и родственные ему предки человека Явы во многом близки синантропу или пекинскому человеку. А орудия, которыми пользовались и синантроп, и питекантроп, и так называемый моджокёртский человек, обитавший на Яве еще раньше, чем питекантроп, сходны с орудиями аньятской культуры (500—300 тыс. лет до н. э.), обнаруженными в Бирме.

Стоянки древних обитателей Бирмы и раннепалеолитические орудия были найдены экспедицией геолога Никкольса в 1900 г. Впоследствии более подробные и достоверные исследования провели в долине Иравади Т. Моррис (1932) и де Терра (1937—1938). Их экспедиции нашли следы палеолитической культуры на большой территории — от Пагана на севере до Таемьо на юге. Найденные орудия были изготовлены из гальки речных террас. И хотя останки создателей аньятской культуры до сих пор не обнаружены, есть основания полагать, что предки человека обитали в Центральной Бирме уже более 400 тыс. лет назад.

Палеолитические орудия, как и орудия последующих эпох, найденные в Бирме, говорят об общности путей развития человека в ней и других районах Юго-Восточной Азии. Аньятские орудия схожи с орудиями синантропа, а так называемые овалы топоры эпохи неолита обнаружены учеными как в Бирме, так и в Камбодже, Ассаме [10] и на восточных островах Малайского архипелага. Неолитические топоры с плечиками

встречаются от Индии до Японии, топоры прямоугольной формы обнаружены повсеместно в долинах рек Китая, Бирмы, Таиланда и Индии.

Связь различных типов неолитических топоров с определенными волнами переселений — проблема сложная и по сей день не решенная окончательно. Были ли владельцы прямоугольных топоров протомалайцами, были ли топоры с плечиками характерны для мон-кхмерских племен и т. д. — все это объект споров археологов и историков. Однако вне зависимости от возможного исхода этих дискуссий можно утверждать, что в период неолита (IV—I тысячелетия до н. э.) Бирма была уже освоена человеком, и это относится не только к долине основной реки Бирмы — Иравади, но и к долинам Ситауна, Салуина и Чиндуина.

Хотя неолит Бирмы до последнего времени специально не изучался, в музеях страны накопилось большое количество подъемного материала, систематизация которого затруднена из-за отсутствия планомерных раскопок. Проведенное в 1969 г. исследование пещер Падалин в районе Таунджи обнаружило культуру раннего неолита и современные ей рисунки на стенах пещеры — первые наскальные рисунки, найденные в Юго-Восточной Азии.

Задолго до начала нашей эры в Бирме стало развиваться земледелие, условия для которого были весьма благоприятны в речных долинах. Землю обрабатывали женщины, а мужчины занимались охотой, рыболовством и собирательством. Такое разделение труда еще сохранилось у салонов архипелага Мергуи, — возможно, древнейших обитателей страны.

Находки предметов бирманского бронзового века едва ли насчитывают два десятка, причем большинство их найдено в Шанских горах, в районах, тяготеющих к Таиланду и Лаосу. Скучность этих находок объясняется прежде всего слабой археологической изученностью Бирмы.

Принято считать, что бронзовый век окончился в Бирме на рубеже нашей эры. Однако эта дата весьма условна. Кончившись в южных долинах, он еще веками продолжал господствовать в горных районах.

К началу нашей эры между жителями речных долин Бирмы, в основном ионами, и обитателями Восточного [11] Индокитая сложились торговые связи. Существовали такие связи и с западными соседями. Рубеж нашей эры можно считать той вехой, от которой начинается отсчет истории Бирмы. Именно тогда в Бирме сложилась своя, автохтонная культура, и население ее наиболее развитых районов перешло к использованию железных орудий.

2. Первые письменные упоминания о Бирме

На рубеже нашей эры на юге Бирмы обитали моны, поселения которых протянулись цепочкой по берегу океана и берегам рек Иравади и Ситауна. В северной части долины Иравади укрепились уже первые тибето-бирманские племена. Это были еще не сами бирманцы, а близкие им племена пью. Редкое первоначальное население этих долин было оттеснено монами и тибето-бирманцами на крайний юг и в горные районы.

Примерно 2 тыс. лет насчитывают и первые письменные упоминания о Бирме. Это — китайские летописи, которые рассказывают о походе в Северную Бирму, предпринятом Чжу Гэ-ляном в 227 г. до нашей эры.

Если верить китайским летописям, на севере Бирмы в III в. до н. э. было несколько независимых или полунезависимых княжеств или племенных владений. Крупнейшим из них было княжество Меньху, которое семь раз воевало против китайцев.

Посольства с Запада, возможно, из Римской империи, о которых упоминают китайские летописцы, начали появляться в Китае со II в. до н. э. Путь некоторых из них проходил по Северной Индии и затем, возможно, по северу Бирмы. Если это так, то какие-то сведения о древней Бирме должны были достигать Европы, тем более что до того, как

первые посольства прошли этим путем, он был уже знаком торговцам, караваны которых ходили из Китая на Запад.

Известно, что в 128 г. до н. э. китайский пилигрим Чжан Цянь обнаружил в Бактрии китайские товары. Китайские власти старались обезопасить торговый путь, и в 69 г. до н. э. в верховьях реки Меконг, неподалеку от современной бирманско-китайской границы, была учреждена провинция Юнчан. Китайские источники называют народы, населявшие эту провинцию, «айлао» и сообщают, [12] что ими правят семьдесят семь правителей, что они прокалывают носы и носят украшения в ушах. Жители этой провинции восставали против власти китайцев. Китайский историк Фань И писал в хронике династии Восточных Хань (25—220 гг. н. э.), что «южные варвары живут разбросанные среди гор и управляются малыми царями. Они знают, как красить ткани и выращивать зерно, они делают также белые ткани, добывают медь, железо, свинец, золото, олово и серебро. У них водятся павлины, носороги, слоны, тапиры и двухголовый священный олень.»

Этим путем в 97 г. прибыли в провинцию Юнчан послы из страны «Тянь», которая, по китайским сведениям, входила в состав Римской империи.

В III—IV вв. торговые пути через Северную Бирму пришли в упадок. Провинции были упразднены, китайские войска ушли на север, и летописи перестали упоминать о «южных варварах». На северных границах Бирмы усилилось государство Наньчао — грозный соперник древнего Китая.

Однако еще до этого, в период, когда существовал северный торговый путь, в долины Бирмы спустились тибето-бирманские племена пью. Пью осели в среднем течении Иравади, вытеснив оттуда дикарей «бесатаи», о которых говорится в «Перипле Эритрейского моря» и у Птолемея. Бесатаи были якобы каннибалами, воинственным и опасным для путешественников народом.

3. Бирма в начале нашей эры

Индийский океан был освоен мореходами задолго до начала нашей эры. Опытными мореходами были древние малайцы: и в Индии и в Китае сохранились некоторые малайские слова, обозначающие понятия мер и весов. В первые века нашей эры мореплавание достигло большого развития в государстве Фунань, занимавшем территорию современной Камбоджи. Там строились многопалубные суда, способные принимать на борт до 600 пассажиров и пересекать океан. Но наибольшего объема морская торговля достигла в Индии. Связи Индии и стран Юго-Восточной Азии в первые века нашей эры были настолько тесными, что дали основания некоторым исследователям считать первые государства Малайского архипелага, [13] Бирмы, Таиланда, Камбоджи индианизированными государствами, представляя их изданием индийских купцов и брахманов.

Действительно, влияние индийской культуры на зарождавшиеся государства было очень велико. Особенно это касается прибрежных районов современных Таиланда, Камбоджи, Малайзии и Индонезии. В этих местах обнаружены санскритские надписи, относящиеся к II — III вв., множество предметов индийского происхождения. Государства, возникавшие восточнее Индии, переняли многое от нее как в области устройства, так и в культуре, религии и т. д. Наиболее ярким примером государства, сложившегося под непосредственным влиянием контактов с Индией, была Фунань.

Индийское влияние в Бирме не было таким заметным и не оставило таких глубоких следов, как, например, в Камбодже. Это объяснялось двумя причинами. Во-первых, Бирма лежала несколько в стороне от истоженных торговых путей, пересекавших Бенгальский залив. Во-вторых, Бирма, как торговый партнер, не представляла большого интереса для индийцев или жителей Фунани. Китайская хроника начала нашей эры, говоря о живущих в долине Иравади пью, сообщает: «Они торгуют с соседними племенами шкурами речных

свиной (пресноводные дельфины Иравади. — *Авт.*), одеждой, глазурованными и неглазурованными горшками». До какой-то степени эти сведения могут относиться и к обитавшим на побережье Бенгальского залива и Андаманского моря монам. В любом случае там не было пряностей, золота, тканей, невелика была добыча драгоценных камней.

Но все-таки торговые связи существовали — в основном, очевидно, посреднические. Те корабли, что следовали вдоль побережья, не могли миновать монских поселений. А на крайнем юге Бирмы, у перешейка Кра, происходила перевалка грузов, которые следовали потом в Фунань по суше.

Монские поселения на юге Бирмы были центром самостоятельной культуры, тесно связанной с культурой лежавшего восточнее монского государства Дваравати. Монские города Бирмы в первые века нашей эры были невелики. Иноземных гостей в них бывало немного, но все-таки эти районы страны были экономически самыми развитыми и теснее других связанными с внешним миром. [14] Об этом говорит и такая деталь: индийцы и кхмеры называли монов «рман». И даже после того как монские города вошли в состав бирманского государства, соседи продолжали именовать всю Бирму Раманнадесой, что значит «страна монов».

В объеме и достоверности информации, касающейся древней истории северных и южных районов Бирмы, есть весьма существенная разница. Северные и центральные районы страны находились в сфере китайских интересов и им уделялось место в китайских хрониках — наиболее полном и достоверном источнике по ранней истории государств Юго-Восточной Азии. (В Индии не существовало летописных традиций.) О тех районах, куда китайцы не попадали или которыми они не интересовались, письменных свидетельств практически не осталось.

Монские города юга Бирмы не имели прямых связей с Китаем, и в китайских хрониках о них почти не упоминается. Дошедшие до нас хроники самих монов относятся уже к средним векам и начали создаваться, скорее всего, под влиянием сложившейся в Бирме летописной традиции. Моны, по-видимому, первыми из народов Бирмы создали государственность, начали строить города и вышли на «международную арену»; однако первым государством на территории Бирмы, о котором мы имеем некоторые сведения, является Шрикшетра — государство пью.

4. Шрикшетра — государство пью

Государство Шрикшетра возникло в среднем течении Иравади. Впервые оно упоминается в китайских источниках IV в. В дальнейшем сведения о нем довольно часто встречаются в китайских и, позже, в арабских источниках.

О границах первого государства пью можно судить по остаткам городов и по упоминаниям о пью в позднейших бирманских хрониках и легендах. К настоящему времени известны три больших города пью: Тарекитара (Хмо-за), Халинджи и Пейктано. Эти города велики даже по сегодняшним масштабам. Все они расположены в долине Иравади: Тарекитара на самом берегу реки в районе довременного Пьи (Прома), Пейктано в 100 км севернее, [15] в стороне от реки, и, наконец, Халинджи в Северной Бирме, вдали от остальных центров цивилизации пью, в 500 км вверх по реке от Тарекитары.

В то время как монские города, не объединенные общей властью, протянулись цепочкой по южному побережью Бирмы, пью создали единое централизованное государство. К этому их толкнула необходимость проводить большие ирригационные работы в засушливых долинах Центральной Бирмы и охранять свои посевы и ирригационные сооружения от соседних горных племен.

Учитывая солидные размеры городов пью и территорию, которую они должны были контролировать, можно утверждать, что Шрикшетра занимала большую часть собственно Бирмы, наиболее важные сельскохозяйственные районы среднего течения

Иравади. Однако судить о размерах Шрикшетры только по расположению главных центров вряд ли возможно. Дело в том, что они существовали не одновременно: годы расцвета Тарекитары падают на VI—VII вв., тогда как Халинджи достиг максимальных размеров и значения не ранее VIII в. Этот факт подтверждается данными археологических раскопок. Другие источники — надписи и позднейшие хроники — позволяют установить местонахождение некоторых других пунктов государства пью. Две надписи на языке пью были найдены в Пагане. Одна из них, которую называют «Розеттским камнем Бирмы», четырехязычная надпись Мьязеди, относится к XII в.; другая не датирована. В хрониках шанских княжеств имеется целый ряд указаний на то, что местности в Северной Бирме, впоследствии занятые шанами, были подвластны в древние времена Шрикшетре. Бирманские хроники упоминают также поселения на западе и юге страны, входившие в состав государства пью. К ним относятся, например, города Пьин-мана и Таемьо.

Самыми ранними датированными находками, относящимися к пью, являются так называемые золотые листья из Мауннгана (в 12 км от Тарекитары). Это надписи на пали, написанные алфавитом пью и содержащие буддийские тексты. Они датируются V—VI вв. Другая подобная находка была сделана в пагоде Бободжи в самой Таре-китаре — это осколок каменной надписи также на языке пали. Ряд надписей VI — VIII вв. был обнаружен в Тарекитаре, Халинджи и Пейктано, который был [16] наименьшим из городов. Все они носят религиозный характер и не дают обширного исторического материала. Исключением являются надписи на погребальных урнах в Тарекитаре, которые позволили установить некоторые даты в истории древней Бирмы.

Найденные в Тарекитаре четыре погребальные урны с надписями отличаются от многочисленных подобных находок в Шрикшетре прежде всего тем, что сделаны из камня, а не из глины. Это указывает на высокое социальное положение людей, прах которых был захоронен в этих урнах. Надписи логически связаны между собой и гласят:

Надпись № 1. Год тридцать пятый. Умерли родственники Суриявикрамы.

Надпись № 2. Год пятидесятый, месяц пятый. Царь Суриявикрама умер в возрасте шестидесяти четырех лет.

Надпись № 3. Год пятьдесят седьмой, второй месяц, двадцать четвертый день. Царь Харивикрама умер в возрасте сорока одного года, семи месяцев и девяти дней.

Надпись № 4. Год восьмидесятый, второй месяц, четвертый день. Царь Шивавикрама умер в возрасте сорока четырех лет девяти месяцев и двадцати дней.

Если предположить, что в урнах был захоронен прах правителей Тарекитары (а это наиболее логичное предположение, судя по слову «царь» в некоторых из надписей, а также по исключительности каменных урн вообще), то мы узнаем, что в промежутке между 35-м и 80-м годами неизвестной нам эры в Тарекитаре правила династия Викрама (распространенное индийское династическое имя). Известны три царя этой династии: Суриявикрама, Харивикрама и Шивавикрама. На основании этого уже много лет назад было сделано предположение о том, что Шрикшетрой правили индийские цари.

Однако индийские имена еще ни о чем не говорят. Буквально все молодые государства Юго-Восточной Азии восприняли от Индии некоторые внешние атрибуты государственного строя. Династии с именами Викрама, Варман и т. д. встречаются не только в Шрикшетре, но и в Аракане, в Ангкоре и в других местах. Принятие индийского династического имени поднимало авторитет власти, подчеркивало ее исключительность, освящало новые социальные отношения в обществе. [17]

За то, что цари Шрикшетры были пью, говорит захоронение их по обычаю этого народа, а также язык надписей. Даты, указанные в надписях, свидетельствуют о существовании в государстве пью своей эры. Годы правления царей пью должны падать примерно на VI — VII вв. — на это указывают палеографические данные. Но, для того чтобы привязать даты эры пью к какому-то определенному году нашего летосчисления, необходимо установить, чему соответствовал первый год этой эры.

В настоящее время в исторической науке существует разделяемое практически всеми учеными мнение, что 35—80 гг. эры пью соответствуют 673—718 гг. н. э. Это мнение основывается на предположении, что пью пользовались тем летосчислением, которое принято в настоящее время у бирманцев и начинается с 638 г. н. э. До открытия надписей в Тарекитаре происхождение бирманского летосчисления было непонятно ученым и по поводу возникновения его приводилось множество гипотез самого различного толка. Поскольку в 638 г. не существовало еще никакого бирманского государственного образования, естественно было предположить, что 638 г. был принят за начало летосчисления не самими бирманцами, а их предшественниками — пью.

Пью были родственным бирманцам народом и впоследствии были ассимилированы бирманцами. При этом вплоть до XIII в. утратившая свое значение бывшая столица Шрикшетры Тарекитара сохраняла титул столицы, которого не был удостоен Паган — действительный центр Паганского царства.

Если согласиться с этой гипотезой, то в истории Бирмы появляется первая дата — 673 г. В этом году (или несколько ранее) к власти в Тарекитаре пришла династия Викрама. За то, что Суриявикрама был первым царем этой династии, говорит отсутствие в надписи № 1 указаний на то, что умершие родственники Суриявикрамы были царской крови. В 638 г., за 35 лет до этого, в Тарекитаре было установлено летосчисление, которое впоследствии стало называться «бирманской эрой».

Надписи на урнах дополняет и подтверждает надпись на постаменте каменной статуи, также найденная в столице Шрикшетры. В надписи говорится, что статуя поставлена на общие средства неким Джаясандраварманом и его «братом» Харивикрамой. Далее сообщается, [18] что некогда были созданы два города. В одном правил Харивикрама, в другом — Джаясандраварман. У них был общий наставник, который уговаривал царей любить друг друга. В конце надписи выражена надежда, что дружба между соседними городами пью продлится на вечные времена и будет поддерживаться также наследниками братьев.

Само появление такой надписи говорит о каком-то расколе в государстве пью, о внутренних распрях. Наставнику не было бы необходимости призывать братьев к любви и миру, если бы они не выражали склонности к обратному.

Если Харивикрама известен нам как царь Тарекитары, то с появлением в надписи имени Джаясандравармана мы сталкиваемся с новым династическим именем, с династией Варман, которая правила где-то неподалеку от Тарекитары. Действительно, сравнительно недалеко от этого города существуют развалины города, называемого Пейктано или город Вишну. Археологические раскопки 1959—1969 гг. обнаружили там остатки храма, дворца и еще нескольких крупных строений. Логично предположить, что в надписях говорится о властителях этих двух городов, один из которых, Пейктано, вскоре после создания совместной статуи был заброшен.

О Варманах, правивших в Пейктано, больше ничего не известно. Династия же Викрама правила в Тарекитаре еще по крайней мере 20 лет, до 718 г. Вероятно, Шивавикрама был последним или предпоследним царем этой династии. Дальнейшая история государства пью известна нам из китайских источников, в первую очередь из хроники китайской династии Тан, правившей в 618 — 907 гг. Хроника повествует о событиях на северных границах государства пью, трагическим образом повлиявших на судьбу Шрикшетры.

В 755 г. властитель Наньчжао Колофен (Го Ло-фэнь) заключил союз с Тибетом и начал войну против китайской династии Тан. Войска союзников нанесли Танам два серьезных поражения, и это укрепило независимость Наньчжао от Китая. Упрочив свое положение, Колофен стал хозяином весьма значительной территории и обратил внимание на расширение торговых связей с Индией. Для этого было необходимо вновь освоить и обезопасить забытые торговые пути, проходившие некогда по территории [19] Шрикшетры. Шрикшетра оказалась в сфере интересов могучего соседа, и эта ситуация

кратко охарактеризована в хронике Танов следующим образом: «Наньчжао силой своей военной мощи взяло пью под контроль».

Очевидно, в течение VIII в. Шрикшетра еще сохраняла какую-то долю самостоятельности, признавая Наньчжао сюзереном. В той же хронике сообщается, что восстановленные торговые пути проходили «через столицу пью». Эта фраза указывает на то, что столицей пью во второй половине VIII в. была уже не Тарекитара: торговые караваны, шедшие из столицы Наньчжао в Северную Индию, не могли делать громадного крюка до Тарекитары. Значит, столица была перенесена значительно севернее, в город Халинджи. В пользу этого предположения говорит упоминание в хронике Танов о том, что вблизи столицы пью находятся песчаные холмы, а дорога к ней ведет через степь. Это непохоже на пейзаж, окружающий Тарекитару, но соответствует окрестностям Халинджи. Наконец, ни в Тарекитаре, ни в Пейктано не найдено предметов китайского происхождения и вообще почти не найдено предметов VIII—X вв.

Очевидно, Тарекитара перестала быть столицей в первой половине VIII в.: ведь если бы династия Викрама продолжала царствовать там, вероятнее всего, урны последующих правителей были бы найдены по соседству с урнами их предков. Что же касается причин переноса столицы на север, то их могло быть несколько: и набеги каренов (сокро), о которых говорится в одной из бирманских хроник, и давление монов, и, наконец, взаимоотношения с Наньчжао.

В конце VIII — начале IX в. Шрикшетра еще существовала. Хроника Аракана говорит о том, что в эти годы внук араканского царя взял в жены принцессу пью. В 794 г. Колофен, заключивший мир с Танами, прислал к их двору посольство, в составе которого были музыканты из страны пью. В 802 г. царь пью послал в Китай самостоятельное посольство, и музыканты, вновь включенные в его состав, пользовались при китайском дворе большим успехом. Появилась даже мода на музыку пью.

Во время пребывания посольства пью в Китае придворные хронисты получили возможность собрать информацию [20] о Шрикшетре «из первых рук». Именно к этому времени относятся подробные сведения о пью, зафиксированные в китайских источниках.

Дипломаты пью, рассказывая о своем государстве, сильно преувеличили его размеры и значение. Китайские историки записали, что Шрикшетра занимает территорию в 3 тыс. ли с запада на восток и 5 тыс. ли с севера на юг, т. е. значительно большую, чем современная Бирма. Подвластны правителю Шрикшеты, заявили послы, восемнадцать царств, в том числе остров Ява и другие не менее отдаленные государства.

Куда более интересны и достоверны сведения о повседневной жизни государства. Вот некоторые отрывки из китайской хроники.

«Когда царь пью отправляется в путешествие, он выезжает на носилках, сплетенных из золотых полос. А когда путешествует далеко, едет на слоне. У него много жен и наложниц... Стена города облицована плитками зеленой глазури (эти плитки обнаружены как в Тарекитаре, так и в Халинджи. — *Авт.*), и длина ее — дневной переход. Откосы рва устланы кирпичом. В городе обитает несколько тысяч семейств. Там же более ста буддийских монастырей, комнаты в них украшены золотом и серебром, полы покрыты коврами. Таков же дворец царя... В обычае пью любить все живое и воздерживаться от убийства. Их земля родит сою, рис, просо, но конопля и пшеница там не растут... По достижении семи лет мальчикам и девочкам бреют головы и отдают в монастырь, где они учатся и постигают буддийские законы. Если к двадцати годам они не хотят посвятить свою жизнь служению Будде, то снова отращивают волосы и возвращаются к мирской жизни... Одежда их из хлопка. Они оборачивают ее вокруг тела. Они не носят шелковых одежд, потому что производство шелка связано с убийством живого существа... Среди них много предсказателей и астрологов. В городе двенадцать ворот и пагоды по четырем углам. Все люди живут внутри городских стен. Они кроют крыши свинцом и оловом и употребляют в строительстве дерево... Они здороваются за руку и наклоняют голову в знак уважения. Они знакомы с астрономией и знают буддийские законы. Они носят

головные уборы, украшенные золотыми цветами... В царском дворе два колокола: один серебряный, другой золотой. Когда враг [21] близко, они курят благовония и бьют в колокола... сахарный тростник растет там в ногу толщиной. Деньги их — серебряные и золотые. У них нет масла, они жгут воск с благовониями... женщины ходят с веерами, а те, ранг которых высок, выходят из дома в сопровождении пяти-шести служанок».

В китайских хрониках подробно описаны музыкальные инструменты пью, их музыка и танцы. На основе этих описаний можно определить материалы, которые употреблялись при изготовлении музыкальных инструментов. Металлов было восемь: серебро, золото, электрон (сплав золота с серебром), олово, железо, бронза, свинец, медь. Все эти металлы обнаружены при раскопках в Тарекитаре, и повсеместное их употребление говорит о высоком уровне развития металлообрабатывающего ремесла в государстве пью.

Большого мастерства достигли камнерезы и стеклодувы Шрикшетры. Одна из статуэток, найденная в Тарекитаре, — самое старое изделие из стекла, обнаруженное в Бирме. Множество украшений изготовлялось из драгоценных и полудрагоценных камней; копи, в которых они добывались, разрабатываются в Бирме по сей день. Многочисленной и разнообразной была и керамика пью, которую даже вывозили в соседние страны.

Китайские хроники говорят о высоком уровне сельского хозяйства Шрикшетры. В стране выращивали не только рис, но и бобовые культуры, сахарный тростник и хлопчатник. До наших дней дошли крупные ирригационные сооружения пью, частично использованные бирманцами.

Пью обладали уже монетной системой. Находки серебряных монет пью — не редкость. Один из кладов такого рода был обнаружен в конце 1967 г. и состоял из сорока монет, на которых изображены индийские символы. Золотых монет, о которых говорится в китайских хрониках, не обнаружено.

Документов, рассказывающих об общественном строе Шрикшетры, не сохранилось. Известно только, что правил страной царь; концепции царской власти, вероятнее всего, были заимствованы в Индии, откуда пришла и основная религия Шрикшетры — буддизм, которому китайские источники уделяют немало места при описании государства. Однако он был не единственной религией в [22] стране, и немалую роль, очевидно, играли местные до-буддийские верования.

Археологические раскопки показали, что пью многого достигли в области архитектуры. Их храмы и пагоды были прототипами многих зданий, воздвигнутых позднее в Пагане. Здания сооружались из обожженного кирпича и покрывались штукатуркой.

Крупнейшим из городов пью была Тарекитара. Город существовал в течение нескольких столетий — культурный слой в нем очень мощный. Овальная в плане, с юга и востока столица Шрикшетры была окружена двойным кольцом стен и валов. С севера город охраняли три ряда стен, с запада — стена и ров. Диаметр Тарекитары — 5 км. Столь большие размеры города объясняются тем, что в пределах стен находились не только дома, но и поля, сады и водоемы, так что город мог выдержать долгую осаду.

Начавшиеся в Тарекитаре в 1966 г. новые раскопки уже принесли первые интересные результаты. Обнаружены городские ворота шириной 7 м, которые позволяли въезжать в город на слонах и больших колесницах. У ворот найден каменный столб с надписью на пали, исполненной алфавитом пью.

Если Тарекитара была оставлена жителями не сразу и даже после переноса столицы в Халинджи продолжала существовать, то развалины Халинджи, последней столицы Шрикшетры, несут следы внезапного и жестокого разрушения. Остатки зданий буквально разбросаны по земле, слой угля и пепла рассказывает о пожаре, бушевавшем в городе.

О причинах гибели Шрикшетры можно только догадываться. Не последнюю роль в этом сыграла, видимо, политика последних царей пью, которые старались наладить связи

с Танской империей «через голову» своего сюзерена — Наньчжао, которому они начали оказывать неповиновение. В 832 г., сообщает хроника Танов, «войска Наньчжао разгромили и сравняли с землей столицу пью, взяли в плен оставшихся в живых 3 тыс. человек, поселили их как рабов в Чентунге (Юньнань Фу, восточная столица Наньчжао. — *Авт.*) и велели им самим добывать себе пропитание».

Очевидно, разгром столицы пью положил конец существованию их государства. Упоминаний о Шрикшетре [23] больше нигде не встречается, хотя пью как народ еще существовали по крайней мере до XIII в., когда последние сведения о них исчезают из документов.

5. Монские государства Бирмы в IX—X вв.

События на севере, приведшие к гибели крупнейшего государства древней Бирмы, в незначительной степени отразились на судьбе монских городов юга. В 835 г. армия Наньчжао, уничтожившая Шрикшетру, разгромила государство Ми-чен в Южной Бирме, которое, по словам пью, было подвластно Шрикшетре. Очевидно, речь идет об одном из монских княжеств. Однако дальше войска Наньчжао продвинуться не смогли: моны остановили их. Отрезанные шанскими племенами от основной части монов, создавших государство Дваравати в Таиланде, моны Бирмы во второй половине I тысячелетия н. э. значительно расширили свои владения и укрепились на побережье. По мере роста и развития монских городов их взаимоотношения становились все сложнее. Бирманские хроники утверждают, что на небольшом расстоянии между устьями Салуина и Ситауна находилось восемь таких городов и все они вели между собой войны.

Ко времени переноса столицы пью на север среди монских городов выделились Татон (ныне Татхоун) и Тайкала. Названия менее значительных монских центров Бирмы неизвестны. Историки условно называют их по именам тех современных деревень, у которых найдены руины крепостных стен: Хоток, Мутхин, Лейкпон и др.

Даже крупнейшие из монских городов были по современным масштабам невелики. Они не включали ни полей, ни садов, ни резервуаров, как поселения пью. Влажный климат и применение в качестве строительного материала недолговечного латерита привели к тому, что от древних монских городов до нас практически ничего не дошло — они были съедены муссонными ливнями и джунглями.

Перенос центра Шрикшетры на север привел к тому, что место пью в среднем течении Иравади заняли сокро (карены) и другие племена. Это создало благоприятные условия для продвижения монов к северу. В IX—X вв. монские поселения существовали уже в долине Чаусхе в среднем течении Иравади. [24]

Борьба с нашествием Наньчжао в 835 г. привела к большому сплочению монских городов. Это ускорило образование двух монских государств. Центром первого стал Татон, второго — Пегу. Расцвета эти государства достигли в X в. К их берегам приставали многочисленные корабли, в городах селились торговцы из разных стран. Археологические раскопки в Пегу и Татоне обнаружили остатки кораблей, якоря, железные скобы и множество предметов импорта. Весьма разнообразны также свидетельства о существовании в монских городах самых различных религиозных культов, в основном индуистских.

Если верить монским легендам и хроникам, буддизм взял верх над другими религиями не без борьбы. Под оболочкой религиозных распрей скрывалась, очевидно, борьба за преимущественное влияние на торговом пути Индия — Китай.

Монское государство Дваравати в X в. потеряло самостоятельность и было вынуждено признать власть Кхмерской империи. Угроза потери самостоятельности нависла и над монами Южной Бирмы. Кхмерский царь Яшоварман I претендовал на власть над всем Индокитайским полуостровом вплоть до Бенгальского залива. Не исключено, что монские города Бирмы в той или иной мере признавали сюзеренитет Ангкора (Кхмерской империи), однако кхмерские цари не пришли на помощь монам в X

в., когда на них напали войска Чолов, тамильских властителей юго-востока полуострова Декан. Сохранились монские легенды, которые рассказывают об этой войне и о том, как моны отстояли свою независимость.

6. Аракан до XI в.

Еще одним крупным государственным образованием в Бирме, существовавшим до XI в., было Араканское царство.

Аракан представляет собой узкую полосу побережья, зажатую между Бенгальским заливом и лесистыми хребтами Западной Бирмы. Особенности географического положения Аракана обусловили его более тесные в древности связи с Индией, чем с Бирмой. И морские и сухопутные [25] пути, ведущие в Аракан, значительно доступнее с запада, со стороны Бенгалии, нежели со стороны Бирмы. В первые века нашей эры население Аракана было родственным населению Восточной Индии.

Эпиграфические данные Аракана указывают на то, что с IV в. н. э. там правила династия Чандра. Столица Чандров находилась в Вейшали в Северном Аракане. Правители Аракана чеканили монету, имели флот и поддерживали с Индией постоянные торговые связи.

В IX—X вв. в жизни Аракана произошли два события, резко изменившие течение его истории. Во-первых, в Аракан проникло мусульманство, носителями и проповедниками которого были моряки, потерпевшие кораблекрушение у араканского берега. Во-вторых, в Аракан вступили тибето-бирманские племена, частично вытеснившие, частично ассимилировавшие первоначальное население, так что теперь араканцы мало чем отличаются от населения собственно Бирмы. Можно предположить, что пришельцами были остатки пью, покинувшие долину Иравади и спасавшиеся от власти Наньчжао или набегов сокро. Это предположение основывается на араканских хрониках, которые рассказывают о войнах с пью и относят эти войны к X в., т. е. ко времени, когда государство пью уже не существовало, а пью исчезли из Бирмы.

В X в. в Аракане наступает длительный период междоусобиц и борьбы за власть, и терпящие поражение в этой борьбе цари обычно ищут помощи либо в Индии, либо в Бирме — в Паганском царстве.

7. Бирманцы в долине Иравади

Когда бирманские хроники описывают начало бирманской государственности, они неизменно обращаются к северу Бирмы, не признавая непосредственными родоначальниками бирманских царств ни пью, ни монов.

Практически все хроники называют первой бирманской столицей Тагаун в Северной Бирме. Традиция приписывает создание этого царства индийским князьям, близким к роду самого Будды, и относит его создание к последним векам до нашей эры.

Однако раскопки, проведенные в районе Тагауна современными [26] археологами, не обнаружили в тех местах ни одного предмета, предшествующего XII в., когда в Тагауне была создана паганская пограничная крепость. Да и местоположение Тагауна в малоприспособленном для сельского хозяйства горном районе также говорит против того, что он мог стать центром бирманского государства.

Тем не менее эта легенда имеет под собой основу. Ее корни кроются, видимо, не только в желании хронистов проследить бирманскую историю в далекой древности, но и в воспоминаниях о пройденном бирманскими племенами пути на их теперешнюю родину. Именно там, в горах на северных границах Бирмы, эти племена прожили много столетий.

Г. Люс в результате длительных исследований пришел к выводу, что предками бирманцев были племена, называемые китайскими источниками «западными цянь» и обитавшие во II тысячелетии до нашей эры в долине реки Таохэ, неподалеку от

современного китайского города Ланьчжоу. В истории династии Хань говорится о цянях как о пастушеских племенах, враждовавших с китайцами. Китайцы часто совершали на них набеги, уводили скот и пленных.

Под давлением сильных соседей цяни покинули долину Таохэ и отступили в Северо-Восточный Тибет. Но и это не избавило их от нападения китайцев. Пришлось снова оставлять обжитые места и уходить к югу. В результате цяни попали в Сычуань и стали вассалами Наньчжао, которое покорило все племена Сычуани, Восточного Тибета и севера современной Бирмы.

К VIII в. (миграция цяней заняла более полутора тысячелетий) они уже более известны под именем мранма. Имя мранма сохранилось в названии государства, которое им суждено было создать, — Бирмы. Однако в это время мранма были лишь одним из многочисленных племен Сычуани, воинственных и непокорных, как уверяют китайские хроники.

Как и другие племена гор, мранма поставляли в армию Наньчжао воинов и поэтому, вероятнее всего, познакомились с Бирмой задолго до того, как начали переселение в ее долины. Известно, что в числе других подвластных Наньчжао племен они ходили походом на территорию теперешнего Вьетнама. Возможно также, что они [27] воевали с пью и участвовали в покорении княжества Ми-чен в Южной Бирме.

Оказавшись в более благоприятных условиях, чем другие племена, научившись приручать коней и освоив террасное земледелие, мранма захотели избавиться от власти Наньчжао. Сделать это можно было, только уйдя к югу, и с середины IX в. первые роды мранма начали спускаться в долину Иравади. Горный народ, привыкший к жизни в сухих и прохладных районах, стал селиться в речных долинах, в местах с резкими перепадами температуры и влажности.

Несколько причин способствовали успеху предпринятого мранма переселения. Первой из них было ослабление самого Наньчжао, которое не могло контролировать подвластные племена так же эффективно, как в VIII в. Ослабление Наньчжао позволило мранма, не опасаясь преследования и мести, покинуть обжитые места.

Воины Наньчжао ненавидели равнины Бирмы из-за жаркого климата, насекомых, болезней. Составитель китайской хроники «Мань Шу» пишет о гарнизонах крепостей Наньчжао, расположенных на границах бирманских долин: «Вся область там заражена малярией. Земля плоская, как точильный камень. Зимой трава и деревья не шелохнутя. Чиновники Наньчжао боятся малярии и других болезней. Некоторые солдаты покидают свои посты и проживают в других местах, не являясь на службу. Властители Наньчжао специально отбирают самых проверенных слуг для того, чтобы селить их в крепостях для контроля над пятью провинциями и десятью племенами».

Из этих слов становится ясно, что Наньчжао не смогло колонизовать долины Бирмы и что после разгрома пью и большого похода на юг Бирмы войска Наньчжао отступили в горы. Также можно сделать вывод, что мранма (которых далее мы будем называть бирманцами), спустившись в долины, ушли и из-под власти Наньчжао. Государство Наньчжао слабело, и с каждым годом все менее вероятной становилась угроза карательных мер против отколовшегося племени.

Второй важной причиной, способствовавшей успеху переселения бирманцев и их закрепления в долинах, были те самые опустошительные походы Наньчжао в IX в., в результате которых погибли государства Центральной [28] и Северной Бирмы и часть населения была уведена в плен. В долине Иравади не было силы, которая могла бы воспрепятствовать заселению ее воинственным племенем. За короткий срок бирманцы заняли теперешний округ Чаусхе и район Минбу на правом берегу Иравади, которые получили в бирманской литературе название «дома бирманцев».

Однако места, занятые бирманцами, не были безлюдными. Отсутствие силы, способной организовать сопротивление бирманцам, вовсе не означало, что сопротивления не было вообще. Долина Чаусхе, занимающая площадь в 1 тыс. кв. км, уже тогда была

наиболее плодородным и освоенным районом средней Бирмы. В ней сохранились и действовали крупные ирригационные сооружения, построенные пью и другими народами, находилось много деревень и укрепленных поселений.

Надписи XI—XIII вв., найденные в долине, позволяют представить, каким было ее население к моменту прихода бирманцев. Прежде всего, здесь жили моны. Память о них сохранилась в названиях некоторых деревень. Кроме монов в долине Чаусхе обитало тибето-бирманское племя саков. О нем остались воспоминания в надписях и названии одной из вершин горы Туран — «правящая саками». Титул высокого должностного лица Паганского царства читается как Маха-сак-ити, что означает «поражающий саков». Очевидно, отношения бирманцев с саками были враждебными.

Еще одним племенем, с которым столкнулись бирманцы, были сокро (карены). В надписях паганского периода встречаются частые упоминания о рабах сокро из Сагу (Сагу — район Минбу). В надписях говорится также о племени лава, чья деревня находилась в округе Минбу, о сьямах (шанах) и других племенах. Некоторые из них отступили в горы, другие остались жить бок о бок с бирманцами, сохраняя свой язык и обычаи. Наконец, в округе Чаусхе жили остатки пью.

Заняв долину Чаусхе, бирманцы основали в ней 11 «каруинов», которые можно считать родовыми округами. Каждый каруин имел укрепленную «столицу» и состоял из одной или нескольких деревень. Недавно при помощи аэрофотосъемки удалось обнаружить остатки этих укрепленных «столиц» в четырех из одиннадцати каруинов долины Чаусхе. Каруины находились также в округе [29] Минбу (шесть) и по берегам Иравади между Минбу и Чаусхе (два). Всего каруинов было 19.

За короткое время бирманцы освоили и расширили ирригационные системы и в течение столетия сравнительно мирной жизни за счет прихода с севера новых родов и естественного прироста населения выросли количественно настолько, что «дом бирманцев» стал им тесен.

8. Бирма накануне образования Паганского царства

Первое столетие жизни бирманцев в Бирме было знаменательно не только их количественным ростом, но и качественными изменениями общественного сознания, ростом культуры. Общение с пью и монами, прошедшими длительный путь развития и стоявшими выше бирманцев на лестнице цивилизации, многому научило пришельцев. Влияние монов и пью ощущалось как в области экономики — устройстве ирригационных сооружений, освоении новых сельскохозяйственных культур, строительстве поселений городского типа и т. д., так и в области идеологии. Бирманцы познакомились с классовым обществом, с концепциями государственного устройства, с буддийской религией. Следующей ступенью в их развитии должно было стать создание государства. К этому их толкала социальная эволюция общества, а также необходимость строить и поддерживать крупные ирригационные сооружения, что было возможно только при условии централизованной власти. Наступление бирманцев вызывало растущее сопротивление соседей, что требовало создания сильного войска.

Однако долина Чаусхе не стала центром бирманского государства. Она находилась в стороне от основных торговых путей, в ней господствовали родо-племенные отношения, оберегаемые «старой» знатью каруинов. Те бирманские вожди, которые олицетворяли новый этап в развитии бирманского общества, предпочитали бороться за власть в крупнейшем городе Средней Бирмы, в быстро растущем Пагане. Каруины долины Чаусхе были их базой, опорой, Паган — их будущим, центром первого бирманского государства.

Бирманские хронисты относят основание города Паган к середине IX в. По сведениям бирманских хроник, [30] уже в 850 г. князь Пьинбу (о нем не сохранилось никаких сведений в эпиграфике) «обнес Паган стеной». Неизвестно, был ли бирманцем князь Пьинбу и был ли основан этот город именно в IX в., а не раньше, когда эта

местность входила в состав Шрикшетры, или позже, когда бирманцы распространили свою власть на этот район, находившийся в нескольких десятках километров южнее долины Чаусхе; однако уже к концу X в. бирманцы владели районом Пагана, и первый из известных по надписям бирманских князей, Сорахан, в 1000 г. построил около Пагана буддийскую молельню. Вероятно, город Паган уже существовал в это время, потому что к середине XI в. относится надпись, найденная в нескольких стах километров к востоку от Пагана, в государстве Тямпа. В ней говорится о рабах из Пукама (так называли город сами бирманцы и их соседи).

К сожалению, именно от X и первой половины XI в. до нас не дошло ни документов, ни надписей. Китайские хронисты ничего не писали о Бирме того времени. Арабские и индийские мореплаватели имели дело только с ионами южного побережья, бирманцы же еще не выработали письменности и не оставили никаких письменных памятников. Поэтому этот период бирманской истории освещен только в написанных много позднее хрониках, которые утверждают, что конец X и первая половина XI в. были периодом становления государства с центром в Пагане и борьбы за власть между бирманскими князьями в этом городе.

Хроники говорят о том, что князь Сорахан, построивший буддийскую молельню неподалеку от Пагана, склонялся к культу змея Нага (буддизм еще не стал господствующей религией бирманцев) и даже поставил его изображение в своем саду. Один из его прислужников, Чаунпью, лишил Сорахана трона в Пагане, а двоих его сыновей воспитал в своем доме. Когда молодые князья выросли, они построили в лесу монастырь и пригласили узурпатора посетить его. Там они силой заставили его постричься в монахи, а сами заняли престол. Через несколько лет один из братьев умер; другой, Сокка-те, продолжал править Паганом. Тем временем подрос сын заключенного в монастырь Чаунпью, которого звали Анирудой (Аноратой). Анируда вызвал Сокка-те на поединок и, убив его, возвратил трон своему роду. Это случилось [31] в 1044 г., и именно этот год принято считать годом основания первого государства, объединившего всю Бирму, — Паганского царства.

Фактически Паганское государство было создано несколькими годами позже. К моменту восшествия на престол Анируды, первого крупного государственного деятеля Бирмы, о котором мы имеем достоверные исторические сведения, бирманцы контролировали только небольшую часть среднего течения Иравади и вряд ли кто-нибудь в Бирме или за ее пределами подозревал, что вскоре Паганское царство станет одним из крупнейших и могущественнейших государств Юго-Восточной Азии. [32]

ГЛАВА II ПАГАНСКОЕ ЦАРСТВО (1044—1287)

1. Создание Паганского государства

1044 год не только открывает новый этап в истории Бирмы. Для историков 1044 г. — год начала письменной истории страны. Если до этой даты историю Бирмы приходится собирать по крупицам, основываясь на данных пока немногочисленных и недостаточных археологических раскопок, обращаясь к недостоверным в этом периоде хроникам и легендам, разыскивая отрывочные сведения в китайских хрониках, то начиная с 1044 г. история Бирмы, по крайней мере политическая, в общих чертах достаточно документирована.

Преемственность (хоть порой и весьма условная) бирманских государств, последовавших за Паганским, создание бирманской письменности, зарождение бирманской литературы вызвали к жизни национальные хроники, первые из которых

создавались уже в монастырях Пагана начиная с XI—XII вв., так что составители этих хроник были очевидцами событий паганского периода.

Тот факт, что до наших дней не дошло ни одной паганской хроники, не означает их гибели. Хроники переписывались непрерывно. Правда, порой они редактировались в соответствии с политической обстановкой, из них нередко выпадали те или иные части и вписывались другие, зачастую вымышленные эпизоды. Однако основная последовательность и датировка важнейших событий бирманской истории оставались неизменными.

Находка в Пагане надписи Раджжумара (надписи Мьязеди) с текстом на четырех сторонах каменной колонны позволила в свое время не только расшифровать [33] язык пью, но и проверить точность дат, сообщаемых хрониками. В надписи, датированной 1113 г., давались даты восшествия на престол второго царя Паганской династии — Тилуин Мана. При сверке этих дат с датами хроник обнаружилось, что они полностью совпадают. Дальнейшие находки надписей подтвердили точность хроник. Это относится ко всему паганокому периоду, за исключением сравнительно короткого промежутка времени в середине XII в., о котором хроники не имеют общего мнения и противоречат друг другу. Это связано, очевидно, с тем, что в эти годы Паган вел неудачную войну с Цейлоном, которую редакторы XV—XIX вв. предпочли обойти молчанием.

В 1044 г. Паганское государство, как отмечалось, занимало лишь часть среднего течения Иравади. Границы Пагана проходили на севере в районе современного города Мандалай, на западе — по среднему течению Чин-дуина, на юге — вряд ли южнее самого Пагана. В 1077 г., когда умер Анируда, его царство в несколько раз превышало по площади государство 1044 г. По местонахождению найденных археологами votивных табличек с именем Анируды можно установить, что оно протянулось от реки Швели (24° сев. широты) до Тванте в дельте Иравади. Расстояние между этими пунктами превышает 1 тыс. км.

Быстрота, с которой было создано это государство, качественное различие между союзом племен, живущих в небольшой долине, и обширной страной с несколькими большими городами, например с Паганом, одним из крупнейших городов Азии — столицей этой страны, нередко приводили историков в замешательство. Дело тут не только в территориальном росте. Ведь именно за эти тридцать лет родился бирманский письменный язык, были сооружены первые громадные пагоды и написаны первые фрески, была создана государственная машина, возникли и стали развиваться экономические и социальные отношения нового типа, были построены обширные ирригационные сооружения, многочисленные пограничные крепости и т. д.

Более того, бирманские хроники в один голос утверждают, что в течение первых 13 лет, до 1057 г., никаких крупных событий в истории Бирмы не происходило. Только начиная с 1057 г., с похода на Татон, началось строительство [34] Паганской державы, т. е. государство было создано всего за 20 лет.

Если следовать версии хроник, принятой многими историками, в 1057 г. при дворе Анируды появился монский буддийский монах по имени Шин Арахан. Шин Арахан склонил Анируду к переходу в буддизм Геравада (в «чистый буддизм»). До этого, по свидетельству хроник, в Пагане процветали ари — проповедники жестокого культа. Они угнетали народ, пьянствовали, развратничали. Склоненный к истине проповедями Шин Арахана, Анируда, как говорит «Хроника Стеклянного дворца», «исполненный благочестия и мудрости, отверг ересь ари и последовал по стопам Шин Арахана». Анируда согласился на предложение Шин Арахана призвать на помощь из Татона других монахов и с их помощью выгнал ари из государства. Затем по совету того же Шин Арахана Анируда обратился к царю Татона Манухе с просьбой передать ему часть имевшихся у того буддийских священных текстов. Монский царь отказался, причем сделал это в очень грубой форме, и оскорбленный Анируда собрал армию и отправился в поход на монов во славу религии. С помощью славных воинов Анируда взял Татон, поко-

рил прочие монские города, захватил в плен Мануху, обратил часть населения юга в рабов и вернулся в Паган, приведя несколько тысяч пленных, трофеи и в том числе пять слонов, груженных желанными рукописями. В Пагане Анируда построил для рукописей специальный дом.

Несмотря на верность дат и сохранение общей канвы происходивших в Бирме событий, в сообщаемой хрониками версии многое не соответствует истине. Причиной тому была важность, с точки зрения позднейших хронистов, первых лет существования Паганского царства для дальнейшей истории Бирмы. Исправляя историю, хронисты были ведомы вполне благочестивой и патриотической целью — вознести и прославить царя не только как создателя государства, но и как первого истинного покровителя религии, тем самым ставя его в пример последующим государям. Ради этого они шли на то, чтобы приписать Анируде действия, несовместимые с образом истинного буддиста, в частности заставили его вести чисто религиозную войну с другим буддийским государством. В версии хроник загадка взлета Паганского царства [35] объясняется вмешательством религии, и создание государства прямо выводится из перехода Анируды и всех бирманцев в буддизм.

На настоящем этапе историческая наука о Бирме накопила большое количество надписей, а также собрала воедино все основные хроники, в том числе хроники монских городов и других областей Бирмы. Существует возможность воссоздать истинную картину событий второй половины XI в., которая существенно отличается от канонической.

Прежде всего необходимо отметить, что в Бирме в X в. не было никакого засилия «злых» проповедников-ари. Бирманский историк Тан Гун на основе скрупулезного исследования надписей как паганского, так и после-паганского периода обнаружил, что под ари составители хроник подразумевали аранов, или «лесных братьев» — секту, возникшую в Бирме на рубеже XIII в. и не обладавшую никакими заведомо отрицательными чертами. Первые араны были отшельниками, аскетами, уходившими в леса в знак протеста против обогащения буддийских монастырей, против стремления монахов к земным благам. Однако по истечении некоторого времени араны, создавшие в лесах монастыри, потеряли свой аскетический облик, и их монастыри стали брать дары от мирян и обогащаться, так что вряд ли можно было уже говорить о качественной разнице между ними и обычными буддийскими монахами.

Некоторые обряды аранов (например, употребление пальмового вина, порядок принятия пищи и т. д.) отличали их от обычных монахов, однако эти различия не играли существенной роли. Главное заключалось в том, что араны были солидной социальной силой и соперниками ортодоксальных буддистов в борьбе за влияние на правителей Бирмы. И если эта рознь между двумя крупнейшими направлениями в буддизме не ощущалась в паганский период, то впоследствии она обострилась. К XV и XVI вв. относятся эдикты бирманских царей, направленные против аранов. Впрочем, араны существовали вплоть до XVIII в.: так, в XVII в. бирманский царь, отправляясь в поход на Аютию, включил в свое войско отряд монахов-аранов.

Варианты хроник, обличающие аранов, создавались именно в XV—XVIII вв., когда борьба была в самом разгаре. [36] И современное хронистам явление было перенесено ими в глубь веков.

По сведениям, которые дают надписи, можно уверенно сказать, что в Пагане весьма мирно сосуществовали различные религии и секты, и описания религиозных церемоний включают в себя обряды самых различных толков. Отступник и еретик в понятии бирманского средневековья означал отступника от какой-то конкретной религии, еретика по отношению к нормам исповедуемой веры, а не представителя другой веры или религии. Что касается буддизма Теравада, то бирманцы, вероятно, были знакомы с ним еще до захвата власти в Пагане в период жизни в Чаусхе, ведь буддистами этого толка были и окружавшие их моны, и пью, и другие племена. Буддистами, хоть и недостаточно

«чистыми» с точки зрения буддиста XVIII в., были и сами бирманцы; но надо сказать, что такими же «нечистыми» буддистами были и моны. Однако если отпадают ари, как противостоящая Анируде и Шину Арахану сила, то исчезает и необходимость идти походом на Татон для захвата рукописей.

В действительности ничего подобного не было. История Паганского царства началась раньше 1057 г. Несмотря на сравнительно малые размеры, уже в начале XI в. Паган был княжеством, с которым в Бирме считались, и был известен за пределами Бирмы.

Перед пришедшим к власти Анирудой стояла задача взять в свои руки важнейшую торговую артерию страны — Иравади и южное побережье Бирмы. Это была задача не одного похода, а целого ряда военных экспедиций. Ее выполнение облегчалось тем, что моны вряд ли твердо контролировали земли, принадлежавшие прежде государству пью, в том числе потерявшую свое значение, но еще существовавшую Тарекитару. Вполне возможно, что бирманцы уже до Анируды предпринимали походы на юг и экспедиции, проведенные Анирудой, только закрепили их успех в этом направлении.

Тринадцать лет, прошедших с 1044 г. до захвата Татона, были годами походов, отзвуки которых сохранились в хрониках. Хроники рассказывают о соперничестве главных городов монского юга, Татона и Пегу, и о подвигах богатырей Анируды, совершенных именно на юге и совсем не обязательно во время похода 1057 г.

Стремившемуся к окончательному покорению юга [37] Анируде помог случай. Город Пегу и подвластные ему земли страдали от набегов восточных горных племен. Татон, возможно опасавшийся усиления соседа, отказался прийти на помощь в отражении этих набегов, и правитель Пегу обратился за помощью к бирманцам. Анируда с готовностью заключил союз с Пегу для отражения набегов и прислал свою армию. Горцы были разгромлены, но бирманские войска из Пегу не ушли, и в руках Анируды оказались важнейшие ключевые пункты на южном побережье. Это случилось в конце 40-х — начале 50-х годов XI в.

Татон, основной оплот монов, очутился в изоляции, и падение его стало вопросом времени. Как писал Г. Люс, «Паган выступил в этой военной кампании в роли льва, который, будучи призван разнять двух шакалов, сожрал их обоих». Не исключено, что история с буддийскими рукописями действительно фигурировала как один из поводов для выступления против Татона, а впоследствии была взята на вооружение хронистами как наиболее удобная версия создания Паганского царства.

Захват Татона и покорение монских городов юга позволили Анируде начать широкое строительство в Пагане. Вывезенные из южных городов многочисленные опытные строители, художники, ученые приступили к сооружению первых пагод и храмов Пагана; бирманцы, накопившие основательный опыт за сто лет работы в долине Чаусхе и Пагане, оказались способными учениками.

Дальнейшему расцвету Пагана способствовало не столько введение буддизма, сколько открытие для бирманцев международных торговых путей, выход на рынки Индийского океана, непосредственные связи с Индией, Юго-Восточной Азией и Цейлоном. Особенно часто хроники и надписи упоминают о связях с Цейлоном. Это и понятно — ведь Цейлон был одним из основных центров буддизма Теравада. Известны три миссии, которые Анируда посылал на Цейлон. О миссиях говорится как в бирманских, так и в цейлонских хрониках. Цейлонцы, со своей стороны, обращались к Анируде с просьбой о военной помощи против Чолов. Анируда помощи не послал — войска нужны были ему самому, но когда после окончания войны цейлонцы попросили буддийские тексты взамен утраченных во время военных действий, их просьба была удовлетворена. [38]

Обмен посольствами с Цейлоном говорит о том, что Анируда уделял большое внимание вопросам идеологии, укрепления в стране основной религии, т. е. буддизма

Теравада. Его внимание к идеологическим вопросам свидетельствовало о стремлении к правовому оформлению государства,

После покорения юга Анируда предпринял ряд походов на север страны, отодвинув границы государства далеко в горы. Хроники объясняют эти походы той же заботой о религии — попытками добыть зуб Будды, хранившийся у правителя страны Тароп. Походы эти с точки зрения хроник были неудачными, потому что зуба Анируда не добыл. Очевидно, бирманцам пришлось остановиться, ибо в своем стремлении к северу они неизбежно должны были вступить во владения Наньчжао, которое все еще было слишком сильным соперником.

Во время северных походов были приведены к покорности некоторые шанские князья, и один из них отдал в жены Анируде свою дочь, судьба которой послужила впоследствии сюжетом для нескольких произведений бирманской литературы. Шанскую княжну невзлюбили при бирманском дворе, и ей пришлось покинуть столицу.

Существует тайская традиция, говорящая о том, что Анируда завоевал также государство Лонгбури и Дваравати и кхмерский царь Урайядитьяварман II вынужден был вернуть себе власть над ними ценой признания власти бирманцев над остальными завоеванными ими землями. Сведения об этом являются преувеличением, однако достижения бирманцев во второй половине XI в. и без того очень велики. И основное их значение вовсе не в масштабе территориальных приобретений, а в том, что было создано государство, просуществовавшее более 250 лет и создавшее своеобразную и высокую культуру.

2. Паган при преемниках Анируды

Неизбежная реакция на завоевательную политику Анируды наступила вскоре после его смерти. В 1077 г. престол в Пагане перешел к сыну Анируды Ман Лулану, известному по хроникам под именем Солу. Сразу по вступлении на престол Ман Лулан был вынужден отправиться [39] в поход на юг для покорения восставших монских городов. Войска бирманцев на этот раз прошли значительно южнее точки, достигнутой Анирудой, и расширили границы Пагана до современного города Мергуи (Мьей). Но стоило бирманцам покинуть побережье, как восстание вспыхнуло вновь. Это случилось, по утверждению хроник, в 1083 г., через 6 лет после смерти Анируды. Хроники не жалуют Ман Лулана. Образ царя, терпящего поражения, не импонировал их составителям, поэтому Ман Лулан предстает перед нами как игрок в кости, проигравший царство монскому принцу Янмакану, который и возглавил монов, захвативших Патан и убивших Ман Лулана. В хрониках даже не нашлось места для упоминания об успешном походе Ман Лулана на юг.

В решающей битве бирманские войска, которыми командовали Ман Лулан и его военачальник Тилуин Ман, впавший в немилость в последние годы царствования Анируды, потерпели поражение. Тилуин Ману удалось бежать. Ман Лулан попал в плен и был казнен.

Дальнейший ход борьбы с ионами интересен тем, что показывает действительную расстановку сил в Бирме в конце XI в. Тилуин Ман отступил не к Пагану, многонациональному центру молодой империи, а дальше — в долину Чаусхе, оплот бирманцев. Само имя этого военачальника, Тилуин, совпадает с названием одного из каруинов долины Чаусхе, и это дало основание утверждать, что Тилуин Ман был одним из вождей бирманцев, главой рода в Чаусхе.

Паган, брошенный на произвол судьбы (а значительную часть его населения составляли угнанные Анирудой моны), был легко взят Янмаканом и разрушен. Бирманское население города было угнано в рабство или перебито. В надписи, относящейся к концу XI в., говорится: «Когда враги нападают на город Аримадаинапур (Паган. — *Авт.*),

то царь уничтожает их. Когда людей, живущих в городе, берут в плен и увозят вниз по реке, царь возвращает их и снова селит в городе».

В долине Чаусхе родовой знатью был избран новый царь Пагана. Им стал Тилуин Ман, наиболее популярный военачальник, опиравшийся на остатки бирманской армии. В течение короткого времени Тилуин Ман смог собрать сильное войско и выступить навстречу подходившим [40] к Чаусхе монам. Теперь уже моны оказались в невыгодном положении. Они далеко оторвались от своих баз и очутились среди враждебного им бирманского населения. В первом же сражении Тилуин Ман нанес монским войскам сокрушительное поражение. Янмакан был убит, и бирманцы, преследуя монов, вернули себе власть над дельтой Иравади и монскими городами.

Однако это третье завоевание монского юга не сопровождалось, как предыдущее, массовым угоном населения и увозом добычи. Тилуин Ман — наиболее, пожалуй, интересная личность среди паганских царей — избрал другой путь умиротворения. Он понимал, что Пагану невыгодны постоянные войны с ионами, и потому предпочел уравнивать монов с бирманцами в Паганском государстве. Период царствования Тилуин Мана можно назвать периодом ионизации Пагана. С конца XI в. монский язык становится основным языком надписей в Пагане, монские вельможи начинают играть важную роль во всех церемониях государственного характера, имена монов часто встречаются в документах о деловых сделках, монское влияние в архитектуре становится доминирующим.

3. Правление Тилуин Мана

Войны на юге, очевидно, не вызвали цепной реакции в других покоренных бирманцами районах. По крайней мере хроники и первые бирманские надписи не упоминают о походах Тилуин Мана на север. После заключения в 1084 г. мира с ионами в жизни Паганского государства наступил спокойный период. Тилуин Ман обратил основное внимание на внутренние проблемы. Единственным исключением была кратковременная война с араканским царем, который, очевидно, шел на помощь монам, но опоздал и оказался в одиночестве. После этой войны Аракан перешел в вассальную (правда, временами не более чем номинальную) зависимость от Пагана.

Во время правления Тилуин Мана были установлены связи с Китаем, куда паганский царь посылал два посольства (в 1103 и 1106 гг.). Паган стал господином торгового пути из Китая в Индию, сменив на нем Наньчао, и во взаимных интересах Китая и Пагана было установление спокойствия на этом пути. Соглашения между [41] Китаем и Паганом давали возможность Тилуин Ману частично обезопасить свои северные пределы от воинственных племен Сычуани.

Продолжали укрепляться связи и со странами на другом конце большого торгового пути. Они не ограничивались торговлей, но и распространялись на другие сферы. Ставший одним из оплотов буддизма, Паган предпринимал шаги для подъема своего авторитета в этой области. На средства Пагана был проведен ремонт священного для буддистов храма Боддхгайя в Индии, пришедшего в упадок после ослабления в Индии буддизма. Репутация Пагана как буддийского центра даже превзошла славу Цейлона, обескровленного войнами с тамиллами. Множество монахов из стран, где буддизм находился в упадке, прибыло в Паган. Надписи указывают, что Тилуин Ману удалось склонить в буддизм одного из Чолов.

Широкая деятельность Тилуин Мана по укреплению Паганского государства нашла отражение в надписи, оставленной им в Проме. Пром, бывшая Тарекитара, столица пью, снова возродился в паганские времена. В промской надписи, датируемой 3 июля 1093 г., говорится о первых 10 годах царствования Тилуин Мана. Надпись эта, одна из первых больших паганских надписей, представляет исключительную ценность как достоверный документ о жизни Паганского царства в XI в. Она характерна тем, что

Тилуин Ман совершенно не упоминает о своих военных подвигах, а перечисляет заслуги в строительстве и развитии страны. В надписи говорится о возведении пагоды Швезигон, о сборе и переписке питак — буддийского канона, о посылке денег, строителей и материалов в Индию для восстановления Бодхгайи, о подарках монахам, о склонении к буддизму принца Чолов, об улучшении ирригационной системы, создании водохранилищ и строительстве плотин, отчего выросли урожаи и люди стали лучше жить. Кроме того, в надписи рассказывается о народных праздниках, которые поощрялись царем, и о заповедниках для зверей и птиц. Наконец, надпись повествует о создании озера Мракан у горы Туй-ин — большого водохранилища, сохранившегося до наших дней, — и сооружении каменной библиотеки на берегу этого озера.

Другая надпись посвящена строительству царского дворца в Пагане. Дворец этот был деревянным и, как и [42] прочие гражданские здания Пагана, не сохранился. В надписи есть многочисленные упоминания о монах, которые играли важную роль в освящении дворца, а также о пью и их музыке. Это одно из последних упоминаний о пью в истории. Любопытно, что именно с музыкой пью связано одно из первых документированных сообщений об этом народе и о ней же говорится в последнем упоминании о них.

4. Бирманская культура в конце XI — начале XII в.

Начало строительства больших храмов Пагана — источника славы этого города — связано также с именем Тилуин Мана.

Первый из этих храмов, храм Ананда, был освящен, очевидно, в 1091 г., т. е. всего через 50 лет после восшествия на престол Анируды. Этот один из самых замечательных храмов Юго-Восточной Азии был построен за несколько месяцев, так же быстро, как строились, впоследствии другие громадные храмы. Скорость, с которой сооружались эти здания, говорит об экономическом потенциале молодого государства, о значительном росте Производительных сил в Бирме, а также о складывании административной службы Паганского государства.

Масштабы и красота храмов Пагана издавна наводили многих европейцев на мысль о том, что они не могли быть построены «отсталыми» бирманцами. Даже сегодня можно встретить (как в популярных статьях, так и в научных исследованиях) заявления о том, что храмы Пагана являются кальками с индийских средневековых храмов. Приводятся даже многочисленные примеры таких заимствований. Однако при внимательном изучении индийской и бирманской архитектуры средневековья нетрудно прийти к выводу о том, что паганские храмы оригинальны. Более того, с точки зрения техники строительства и конструктивных новшеств паганские храмы превосходят все, что было создано в то время в соседних странах, включая саму Индию. Наиболее ярким примером конструктивных достижений бирманцев является арка. О существовании ее было известно архитекторам многих стран мира, однако она практически не употреблялась [43] индийцами до тех пор, пока Индия не попала в сферу мусульманского влияния. То же самое можно сказать и об архитектуре других народов Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока. Бирманцы сделали арку основным элементом конструкции храмового здания, что позволило им строить громадные храмы, сохранившиеся и по сей день такими, какими они были в день завершения строительства. Бирманцы изобрели и использовали множество самых различных типов арки и свода, создавая смелые и оригинальные конструкции.

Действительные корни бирманского зодчества следует искать не в Индии или Китае, которые во время создания бирманской культуры не оказывали непосредственного влияния на Бирму, а среди предшественников бирманцев в самой Бирме — среди пью и монов Татона. Именно там, в Тарекитаре и монских городах, найдены остатки небольших храмов VI—X вв., в структуре которых можно угадать, как в зародыше, те вершины

искусства, которые были потом достигнуты в Пагане. Именно монские мастера и мастера Шрикшетры были теми, кто не только воспринял и развил идеи индийского, кхмерского и китайского зодчества, но и нащупал пути к дальнейшему, самобытному развитию архитектуры в Бирме. Их опыт, объединившись с тем, что было известно и освоено самими бирманцами за столетия их жизни в Сычуани, родил к жизни необыкновенное явление, которое теперь зовется архитектурой средневековой Бирмы.

Храм Ананда на 70 м возвышается над прибрежной долиной. Лишь три или четыре храма превосходят его по высоте. В плане он — правильный квадрат со стороной в 80 м. В середине каждой стены от высокого десятиметрового дверного проема вытянулся длинный язык — крытая галерея, так что сверху храм кажется огромным крестом. Почти лишенные украшений, стены с двумя рядами окон поднимаются на высоту 12 м и переходят в крышу, над которой террасой поднимается еще одна. Завершает эту ступенчатую пирамиду сикхара — заимствованный из индийской архитектуры элемент, похожий на четырехгранную сужающуюся башню. Храм светел, спокоен и величествен, как и все большие храмы Пагана. И еще одна черта характерна для всех паганских храмов, как бы разнообразны они ни были в плане или по внешнему оформлению, — предельная лаконичность и строгость. И эта их [44] черта особенно бросается в глаза по сравнению с пышной орнаментикой храмов средневековой Индии или Камбоджи.

В храмах Пагана сохранились многочисленные статуи и барельефы. В храме Ананда, например, находятся четыре десятиметровые статуи стоящего Будды и, что особенно интересно, две в человеческий рост скульптуры, одна из которых изображает Тилуин Мана, другая — Шин Арахана, крупного идеолога буддизма и первосвященника Бирмы при первых царях Паганской династии. Скульптуры царя и монаха очень реалистичны и представляют собой исключение в скульптуре не только Бирмы, но и Азии вообще — реалистические портреты живых людей не типичны для азиатского искусства.

В других храмах Пагана сохранились чудесные фрески, которые помимо своей художественной ценности представляют большой интерес для историков, как яркое свидетельство повседневной жизни Пагана и бирманцев.

При Тилуин Мане также развивались бирманский язык и бирманская литература. Обретший письменность только в X—XI вв. бирманский язык быстро вырабатывает нормы и каноны литературного письма. Надписи этого периода наглядно показывают процесс развития и обогащения языка.

5. Паганское государство в первой половине XII в.

Со смертью Тилуин Мана в 1113 г. в стране возник новый политический кризис. Как бы много ни сделал Тилуин Ман для укрепления государства, внутренние противоречия были настолько существенны, что при малейшем ослаблении центральной власти немедленно ставили под угрозу само существование государства. В отличие от некоторых других стран (например, от соседней Камбоджи) Бирма состояла из объединенных силой оружия весьма различных — как в этническом отношении, так и с точки зрения социального развития — племен и народов, обладавших уже выраженным самосознанием, ощущением своей самобытности и стремлением к самостоятельности. И если бирманцам удалось абсорбировать близких им пью, то ни моны, ни шаны (укрепившиеся [45] на северных и восточных границах), ни араканцы не смирились с зависимым положением.

Политика Тилуин Мана, направленная на уравнивание в правах монов с бирманцами, не имела такого успеха при его наследниках. Бирманская знать противилась пребыванию монов при дворе и их влиянию на дела государства. Особенно сильна эта оппозиция была в долине Чаусхе, где сосредоточились наиболее консервативные представители бирманской племенной аристократии.

Первые годы правления преемника Тилуин Мана — Кансу I — были заняты, как и при предыдущей смене правителя, войнами и подавлением вспыхнувших в государстве мятежей. «Хроника Стеклянного дворца» пишет об этих годах следующее: «Бассейн, страна талаингов (монские области. — *Авт.*), был охвачен анархией. Нга Тит с острова Теттит (?) отказался повиноваться. Тенассерим перестал платить дань, и Текинминкатон (царь Аракана. — *Авт.*) забыл о правде и благодарности». Из других источников известно, что «разбойники» напали на дворец царя в Пагане и сожгли его.

Мятежи и волнения вспыхивали и в последующие годы правления Кансу I, но их удавалось подавить. Сравнительная легкость, с которой достиг этого паганский царь, объяснялась несколькими причинами. Во-первых, в своих выступлениях против Пагана моны, шаны, араканцы действовали разрозненно, что давало возможность бирманцам разгромить их поодиночке. Во-вторых, бирманские районы оставались спокойными и твердо стояли на стороне царя; бирманская знать была заинтересована в сохранении сильной власти. В-третьих, основные соперники бирманцев, моны, были разобщены. Часть их знати, пошедшая на союз с бирманцами и группировавшаяся в Пагане (причем весьма влиятельная часть), поддерживала не восставших соотечественников, а бирманского царя.

Кансу I возглавил войско, выступившее на покорение Тенассерима и конских городов. Следующим был разбит старый враг Пагана, араканский царь, и Аракан вновь (временно) вернулся под власть Пагана. После этого Кансу направил несколько военных экспедиций на север. Хроники упорно называют их походами против страны Тароп с целью получения хранившегося у ее властителя зуба Будды. На самом деле это несомненно были [46] карательные экспедиции против горных племен, блокировавших торговый путь и угрожавших северным районам Паганского царства.

При Кансу I происходит реакция на процесс монизации Пагана, который проводился Тилуин Маном. Окрепшая бирманская знать старается вытеснить монов с высоких постов. Свидетельство этому — исчезновение упоминаний о монских сановниках при описании церемоний, а также резкое уменьшение числа надписей на монском языке: если в конце XI в. они составляли большинство паганских надписей, то в XII в. бирманские надписи вытеснили их почти полностью.

В XII в. Паганское государство складывается как в территориальном, так и в социальном отношении. В это время был составлен первый в Бирме свод законов, оформилась система управления страной и чиновничий аппарат, закрепляются организационно идеологические основы власти, вырабатывается система мер и весов, развивается система монастырского, государственного и частного землевладения и т. д.

В XII в. ведется наиболее активное храмовое строительство, которое к концу века уже начинает оказывать неблагоприятное влияние на экономику страны. Достаточно сказать, что громадную пагоду Швегуджи бирманцы соорудили за полгода, что несомненно потребовало напряжения всех сил государства.

Пагоды и храмы возводились не только в Пагане, но и в других местах страны как государем, так и частными лицами, знатью и даже крестьянскими общинами.

6. Политическая система Паганского царства в XII — XIII вв.

Сложившаяся в XII в. организационно-политическая система Паганского царства сохранилась до 1287 г., а многие ее характерные черты надолго пережили само Паганское государство и существовали до конца XIX в.

Паганскому государству во многих сферах была свойственна двойственность, проистекавшая от молодости государства, от того, что наряду с «новым» центром государства, Паганом, существовала и оказывала большое влияние на его жизнь долина Чаусхе — родовой центр [47] бирманцев. Эта двойственность выражалась во многих сторонах жизни государства, начиная с его административного устройства и кончая

правовыми нормами, так что под оболочкой средневекового царства можно проследить родо-племенную структуру мранма.

Государство делилось на округа, называвшиеся каруинами, туиками и нуиннамами. Каруины были расположены в центре страны; они, как уже говорилось, были местом первоначального поселения бирманцев. И в административном и в правовом отношении каруины находились в привилегированном положении. «Туики», что значит «ограда», или «строение», были организованы на землях, присоединенных бирманцами в первой половине XI в. Туики располагались обычно по берегам рек в Средней Бирме. Несколько туиков объединялось в «клий» (провинцию). Паган был центром туика.

За пределами туиков лежали «нуинмамы» — завоеванные земли. Эти земли включали монские города, порты дельты Иравади и некоторые горные районы. По границам нуиннамов стояли многочисленные крепости — «мруи» (теперь это слово превратилось в бирманском языке в «мьо», что значит город вообще). Особенно многочисленны были эти крепости по северной и восточной границам. Гарнизонную службу несли там как бирманские войска, так и вассальные горцы. Наконец, внешним поясом государства было кольцо вассальных племен, плативших дань Пагану и поставлявших воинов. В горы, где обитали эти племена, периодически направлялись «экспедиции» за рабами.

Самой мелкой административной единицей во всех сельских округах была деревня «рва», в городах — квартал «арап».

Сам Паган, в отличие от многих других городов Бирмы, не был укреплен. Уже к концу XI в. он вышел за пределы стен, а новые стены возводить не стали. Пока это было экономически возможно, Пагану не грозили враги и надобности в таком громадном сооружении не возникало. Тогда же, когда существованию Пагана стали реально грозить соседи, его цари уже не обладали возможностью построить стену вокруг города с миллионным населением, раскинувшимся на много километров вдоль берега Иравади.

Во главе Паганского государства стоял царь, власть [48] которого, по утверждению хроник и надписей, была абсолютной. Царь считался «воплощением Будды», «господином всех», «хозяином всей воды и земли»... Все сделки могли совершаться только с санкции царя, царь был волен в жизни и смерти любого из подданных, он выбирал себе наследника и т. д.

Однако в действительности царь, в отличие от других монархов того времени (кхмерского, например), не объединял в своем лице власть светскую и духовную. Церковь всегда сохраняла определенную независимость. И когда в XIII в. глава церкви в знак протеста против действий монарха покинул страну, это сильно подорвало позиции монарха.

Кроме того, как бы ни подчеркивал царь абсолютность своей власти, он всегда был вынужден считаться с каруинами. Именно они передали трон Тилуин Ману, и это хорошо помнили последующие цари. Да и выбор наследника еще не обуславливал спокойного перехода власти к нему. История Паганской династии представляется исследователю клубком убийств и узурпации. Редко кто умирал естественной смертью и мало кто из царей мирно вступал на престол. Из 14 царей Пагана лишь о двух можно сказать наверняка, что они не были убиты, и только в пяти случаях престол перешел к преемнику без междоусобной войны.

Вопросы престолонаследия в Бирме и в последующие века были сложны. Множество жен и наложниц, десятки принцев и борьба различных родов за престол обычно приводили к трагедии, и вплоть до XIX в. назначение престолонаследника при жизни царя зачастую было равнозначно вынесению наследнику смертного приговора, ибо против него ополчались все дворцовые клики.

Непосредственно ниже царя на социальной лестнице находились «аматы» (министры). Название это произошло, видимо, от санскритского слова «аматья» — так назывались в Индии первых веков нашей эры крупнейшие сановники государства. В конце

XII в. мы находим в надписи упоминание о «совете министров» — в него входили пять аматов, которые делили между собой обязанности главного министра «махасман», верховного главнокомандующего, верховного судьи, министра финансов и главного регистратора и одновременно были наместниками ключевых провинций. Впрочем, обязанности министров не [49] были строго разграничены. Скорее их можно считать главными советниками царя. Даже такая должность, как главнокомандующий, закреплялась за определенным человеком только на период военных действий. Каждый из министров выполнял и судебские обязанности.

Труднее разобраться в функциях чиновников более низких рангов. Надписи, упоминающие о том или ином должностном лице, полагают, что его обязанности и права известны читателю, и не пускаются в объяснения. Обычно мы встречаемся с ними при отчетах о тех или иных сделках или судебных процессах. (Большинство надписей посвящено именно этим проблемам — прочие темы не считались достойными того, чтобы их запечатлеть на камне, а пальмовые листья и бумага не сохранились.)

Наиболее часто встречается в надписях титул «сукри». Он мог употребляться самостоятельно и в сочетании со словами «рва», «туик», «клий», когда он значил соответственно начальник деревни, туика, провинции. Бывали и такие должности, как «кисукри» — начальник житницы, «туин сукри» — межевой чиновник и т. д. Скорее всего, слово «сукри» было административным термином, означавшим «начальник», «управитель», и относилось к различным степеням власти — от губернатора провинции до управляющего житницей.

Должность сукри могла иногда передаваться по наследству. Сукри, особенно рва сукри каруинов, были важными персонами. Почти каждый из них в дополнение к основному званию имел также ряд титулов, указывающих на образованность и знатность. Звание сукри могли носить и женщины, которые в Пагане пользовались сравнительно большими правами и могли заключать сделки, занимать посты в монастырской иерархии и весьма высокие административные должности.

В надписях встречаются упоминания и о других должностных лицах. Это, например, «калан» и «сампьян» — крупные сановники, занимающие посты непосредственно за министрами и связанные обычно с судебскими функциями. В отличие от сукри они не управляли территориями.

Целый ряд чинов и должностей встречается только в связи с каруинами. Другие должности относятся к военным. Часто упоминаются мелкие чиновники: сборщики [50] налогов, писцы, чиновники, ведающие установкой межевых столбов, и др. Наконец, множество специальных должностей существовало при дворе, начиная с многочисленных придворных дам и кончая астрологами, музыкантами, веерничими, держателями ящика с бетелем и т. д.

7. Социальная структура Паганского царства

Социальные категории паганского общества к концу XII в. были уже определены, но еще не успели «затвердеть» — ведь со времени рождения этого общества прошло чуть больше 100 лет. Права свободных земледельцев и ремесленников ничем формально не ограничивались, и крестьяне могли, например, выступать в судебных делах соперниками знати и церкви. Даже раб, внеся определенную сумму за свое освобождение, становился равноправным членом общества. Подобная социальная структура государства обеспечивалась сохранявшим силу в Пагаие обычным правом — решения судей диктовались зачастую не кодексами, разработанными недавно, а обычаями племен мранма, которые ревниво оберегались каруинами.

Основой социальной структуры Паганского государства можно считать деление на свободных и зависимых членов общества. В число свободных входили чиновники, купцы, монахи, ремесленники и, наконец, свободные земледельцы — «асаны». Низший слой

общества составляли несвободные производители — «чваны», имевшие множество подразделений.

Аристократия Пагана (как старая, родовая, так и новая, окружающая царя) и крупное чиновничество составляли весьма немногочисленную высшую прослойку общества. К ней примыкали чиновники (их было немало в этом государстве), офицеры, торговцы, ростовщики. Паган стоял на важных торговых путях Юго-Восточной Азии, и потому торговцы и ростовщики были большой силой в царстве. Их имена нередко в надписях, где говорится о строительстве пагод, богатых пожертвованиях монастырям и храмам, покупке рабов и скота.

Основная масса свободного населения Пагана — ремесленники, рудокопы, крестьяне — обычно не имели возможности делать дары церкви и надписей почти не оставили. [51] Однако и о них можно кое-что узнать из надписей, сделанных по приказу аристократов и царей. Построив пагоду, они, чтобы не забыли потомки, заказывали обширную надпись на камне, в которой перечислялось, сколько рабочих трудилось на строительстве, сколько и за что им платили, сколько и чего они съели. Эти надписи — интереснейший источник сведений как об экономике паганского общества, так и о социальном его составе.

Впрочем, в тех немногих случаях, когда в надписи появляется асан — в качестве ли свидетеля при сделке или продавца сельскохозяйственных продуктов, — о его социальном и правовом положении не говорится. Единственное, о чем можно сказать с уверенностью, это что асаны были свободными земледельцами и что в Паганском царстве существовала сельская община. В немногочисленных надписях, в которых крестьяне фигурируют в качестве стороны в сделке или судебном процессе, отмечается, что земля «такая-то» принадлежит «асанам деревни такой-то», т. е. крестьяне выступают коллективно.

Чванов, или несвободных производителей, низший слой паганского общества, принято называть рабами. Однако это не всегда соответствует истине, и в понятии «чван» существует множество подразделений, статут которых различен. Главным источником их поступления были войны и набеги, но можно было попасть в чваны за долги.

Чваны делились на две большие категории — частных чванов и пагодных, или монастырских. Если частные чваны чаще всего использовались в домашнем хозяйстве, то в монастырях они выполняли всевозможные функции, как бы дублируя свободных в миру. Именно таких чванов можно считать рабами. Но иногда монастырям дарили в качестве чванов целые деревни крестьян с землей и садами. Таких чванов, т. е. крестьян, прикрепленных к земле, можно считать крепостными, отдававшими свой прибавочный продукт монастырю.

В пагодные рабы могли отдавать и знатных людей, вплоть до принцев. В таких случаях пагодные чваны были лишь «рабами божьими», ограниченными социально, но не экономически. Известны даже случаи самопосвящений в чваны.

Владелец мог отпустить чвана на волю, и мы имеем [52] письменные подтверждения, что такие случаи были в Пагане. С согласия хозяина чван мог стать монахом.

Таким образом, можно сделать вывод, что «чван» является сложным собирательным понятием, включающим и рабство с несколько патриархальным оттенком (так, при продаже семьи не дробились), и крепостничество, и коммendaцию.

Сложными были в Пагане и земельные отношения. Земли делились на государственные, частные и монастырские. Формально собственником всей земли был царь, однако на практике его права были ограничены обычным и феодальным правом. Особенно это относилось к монастырям, которые пользовались определенным иммунитетом; количество земель, находившихся в их пользовании, непрерывно увеличивалось, что привело в XIII в. к конфликтам между монастырями, ставшими «государством в государстве», и центральной властью.

В Пагане сложилась восточная деспотия, в системе которой на протяжении длительного периода складывания феодализма прослеживаются значительные элементы рабовладения при одновременном сохранении сильного влияния родоплеменных отношений. Если к этому прибавить, что социальные отношения в бирманских районах Пагана весьма сильно отличались от отношений в областях, населенных другими народами, находившимися в ряде случаев на более низких ступенях социального развития, то станет понятной сложность структуры этого государства. Она усугублялась наличием в стране множества буддийских монастырей, интересы которых далеко не всегда совпадали с интересами государства в целом.

Все это обусловило внутреннюю неустойчивость Паганского государства, привело к появлению в нем, наряду с центростремительными, центробежных тенденций, к чередованию периодов подъема и упадка.

8. Темный период; война с Цейлоном

Очередной период смут и невзгод наступил во второй половине XII в. Хроники практически обходят это время молчанием, уверяя, что он ничем знаменательным в истории Пагана не отмечен и что за эти годы на престоле сменилось несколько незначительных царей. Единственное, [53] о чем они сообщают, это о религиозных реформах в самом конце XII в.

Царь Кансу I, согласно хроникам, был убит в 1167 г. своим сыном Нарату, который правил до 1170 г. Также лишь три года отводят хроники его преемнику Наратейнке, и только в 1174 г. престол надолго занял Наратиситу (Кансу II),

При описании правления двух «краткосрочных» властителей хроники не жалеют черной краски. Особенно отвратительным представлен Нарату — отцеубийца, узурпатор и отравитель, преступления которого были так велики, что многие монахи бежали на Цейлон. Его убил, сообщают хроники, чужестранец «князь Патейкая».

Однако в описании этого краткого периода бирманские хроники полностью расходятся с современными им надписями. Надписи сообщают, что в 1165 г., т. е. за два года до принятой даты убийства Кансу, на престол вступил Имто Сьян (Нарату). Он начал строительство большого храма Дхаммаянджи, но в том же году оно было прервано, что необычно для Пагана, в котором строительство храмов всегда доводилось до конца.

За разрешением этого противоречия следует обратиться к хроникам и надписям Цейлона.

В цейлонской надписи Девангала говорится: «Царь Араманны сказал: Мы не будем заключать договора с Ланкой. И тогда его Величество царь Ланки сказал: погрузите людей на тысячу кораблей и идите походом на Араманну». Далее сообщается, что полководец Кит Нуварагал, подчиняясь этому приказу, «взял штурмом город Кусумья и... через пять месяцев царь Араманны направил послов со словами: мы заключим договор».

Надпись Девангала датируется 1165 г., Араманна — это Раманадесса, т. е. Паган, Ланка — Цейлон, Кусумья — Бассейн. В этом году, как следует из бирманских надписей, было прервано строительство Дхаммаянджи. Значит, в 1165 г. цейлонский царь посылал военную экспедицию против Пагана и взял бирманский город Бассейн в дельте Иравади.

Цейлонская хроника Чулавамса дополняет надпись рядом деталей. В ней говорится, что бирманский царь прекратил торговлю с Цейлоном и арестовал цейлонские грузы на Тенассеримском побережье; кроме того, бирманцами была захвачена цейлонская принцесса, которую [54] везли в жены кхмерскому царю в Ангкор. Тогда цейлонский царь Параккама Баху приказал построить большой флот, который был организован и снаряжен за пять месяцев. Военачальник по имени Китти взял город Бассейн, а другой полководец, Аддика, направился с отрядом дальше к северу, взял столицу бирманцев Уккаму, убил царя и на вечные времена присоединил Бирму к Цейлону.

Несомненно, цейлонская хроника кое-что преувеличивает. Так, если бы цейлонские войска и в самом деле брали Паган, вряд ли бирманские хроники и надписи смогли бы полностью умолчать об этом. К тому же в современных событиям цейлонской надписи о захвате Пагана и вообще о походе вверх по Иравади не говорится, а ведь цейлонскому царю не было смысла умалчивать о таком достижении. Однако с полной очевидностью можно утверждать, что в 1165 г. цейлонские войска действительно вторглись в Бирму и паганскому царю пришлось пойти на унизительный мирный договор. Могло быть и так, что Имто Сьян — Нарату погиб в боях против сингалов. Это косвенно подтверждается бирманскими хрониками, которые говорят, что он погиб от руки иностранца.

Но цейлонская надпись уверяет, что мирный договор был заключен бирманским царем. Значит, в Пагане находился все-таки какой-то царь. Вряд ли это был Наратейнка хроник, потому что о нем не сообщает ни одна надпись; даже надпись с горы Тецо, перечисляющая паганских царей XI и XII вв., ничего не говорит о нем, а после царя Имто Сьяна помещает непосредственно Кансу II. Можно предположить, что Кансу II вступил на престол вскоре после нападения цейлонцев и Имто Сьян процарствовал всего полгода. Возможно также, что Имто Сьян не был убит и правил до 1174 г., т. е. до общепринятой даты вступления на престол Кансу II. В любом случае с его именем были связаны весьма трагические события в истории Бирмы и прекращение строительства храма Дхаммаянджи, и это сделало его личность весьма непопулярной у хронистов.

Действительные события этих лет были давно уже забыты, и осталась, как это бывает, только плохая репутация царя. Это не единственный случай в бирманской истории: так было с Ман Лулаиом, который имел несчастье [55] не справиться с восстанием монов; так было и с царями XIII в., которые не смогли спасти разваливающееся Паганское царство.

Хроники всегда помимо чисто исторических задач выполняли задачи пропагандистские. Они составлялись в монастырях, а начиная с XVII в. — и при дворах государей. Они были не только воспоминаниями о прошлом, но и уроком для будущих властителей. Паганский период с течением времени все больше приобретал ореол «золотого века», и в описание его с каждым новым столетием, с каждой новой хроникой все больше вплетались назидательные элементы. Особенно характерно это было для хроник, которые создавались в тяжелые для Бирмы времена, в годы смут и междоусобиц.

9. Религиозные реформы и политические события конца XII — начала XIII в.

Имя Кансу II обычно связывается с религиозными реформами, которые он проводил с помощью цейлонских монахов. Вполне вероятно, что после заключения мира с Цейлоном отношения между двумя странами улучшились и Цейлон стал «поставщиком» ортодоксальной буддийской идеологии. Выработка норм богослужения и организационных принципов церкви, попытка ограничить рост ее богатств и земельных владений были в интересах центральной власти, тем более что, судя по будущим событиям, в народе зрело недовольство буддийской церковью.

В конце XII в. не было крупных военных походов. В соседних землях укрепились государства, способные противостоять Пагану, и Паган перешел к обороне, пытаясь хотя бы сохранить достигнутое. Впрочем, при Кансу II еще велось обширное храмовое строительство, и один из крупнейших и наиболее самобытный бирманский храм, Годопалин, был создан именно в эти годы.

Наследовал Кансу II его сын Натомья (1211 — 1231). Если верить хроникам, он был младшим из пяти сыновей Кансу II и его избрание на престол было predeterminedено свыше, ибо царский зонт, символ власти, склонился в его сторону (традиционное имя этого царя Тхиломинло — «тот, на которого указал зонт»). Однако надписи и здесь [56] вносят поправки в версию хроник. Натомья не был младшим из братьев: «старшие» —

сыновья сингальской принцессы (опять косвенное свидетельство тесных взаимоотношений этих лет с Цейлоном) — были моложе его. Вопреки уверению хроник между братьями не было единства и они не прожили всю жизнь в мире и согласии. Один из братьев, Пьмкхи, поднял восстание, в котором приняли участие второй брат, Оингаиикан, и даже сын самого Натомьи, Клаква. Восстание было подавлено, и все его руководители, за исключением Клаквы, были казнены.

К правлению Натомьи относится война на севере, представлявшая, очевидно, попытку оградить Паган от наступления шанов и других горных племен. В 1228 г. Натомья наградил военачальника Лаккану Лавея за храбрость «в Таконской войне». К этому же времени относится упоминание о строительстве на севере крупной крепости Каунсин. Она стала центром обороны севера, и туда назначались самые надежные вельможи: в 1236 г., например, ее начальником был командир царских телохранителей.

Несмотря на реформы, проведенные Кансу II, раскол в буддийской церкви все-таки произошел. Характер этого раскола, шедшего снизу, обуславливался недовольством народа и рядовых монахов обогащением церкви. Буддийские монастыри в Бирме настолько отделились от идеалов бедности и смирения, предписываемого догматами буддизма, что авторитет церкви стал катастрофически падать. Многие монахи уходили в леса и становились аскетами.

Это явление характерно не только для Бирмы. Известно о существовании аранов—лесных братьев и в Сиаме и в других странах, т. е. везде, где официальная, поддерживаемая двором буддийская церковь разочаровывала как верующих, так и монахов. Уход в леса не значил еще возникновения сектантских разногласий в основных догматах и мог не приводить к возникновению их.

Процесс ухода монахов в леса в бирманском царстве был весьма интенсивным, причем аскеты пользовались поддержкой не только рядовых мирян, но и многих высокопоставленных лиц в Пагане. Неизвестно, скрывались ли за этим политические причины (например, связь официальной церкви с иноземцами-цейлонцами), но уже через [57] несколько десятилетий после начала движения в окрестностях самого Пагана образуются целые монастыри лесных братьев, которые противопоставляют себя официальной церкви как могучая организация, способная соперничать с армией монахов и богатейшими монастырями Пагана.

Мало чем отличаясь в обрядах и обычаях от реформированной Кансу II буддийской церкви, лесные братья быстро богатели, забывали об аскетизме, и уже к середине XIII в. их монастыри могли соперничать с ортодоксальными по количеству монахов и по богатству. Не только рядовые граждане Пагана, но и родственники царей, да и сами цари, делают лесным монастырям богатые дары. Возможно, это было одним из путей борьбы с официальным монастырским землевладением, с официальной церковью, которая, скопив невероятные богатства и обширные земли, стала объективно выступать против центральной власти, начала подрывать основы Паганского государства.

10. Конфликт государства и церкви

Цари, занимавшие престол в Пагане во второй трети XIII в., — Уккана I (1231 — 1235), его брат Клаква, бывший бунтовщик (1235—1249), Уккана II (1249—1256) и Ман Ян (1256) — характеризуются обычно как ничтожные государи, при которых ничего в жизни Пагана не происходило: войн не было, храмовое строительство уменьшилось и т. д. В мнении о ничтожности этих царей сходятся и бирманские хроники и многие историки новейшего времени. Так, Харви пишет: «Тхиломинло передал престол своему сыну, который учил наизусть Трипитаку, читая ее по десять раз подряд, и писал мадригалы придворным дамам. Его сын Уккана любил вино и охоту. Он погиб при охоте на слонов». Холл еще более лаконичен: «Сын Тхиломинло унаследовал набожность отца и оставил

управление государством в руках своего сына. Последний правил государством всего четыре года и был убит на охоте... появились признаки вырождения династии».

Такое мнение о царях, правивших Паганом с 1231 по 1256 г., не совсем справедливо. Приняв в руки слабеющее [58] государство, «ничтожные» цари старались как-то сохранить его и при этом неизбежно вступали в конфликт с буддийской церковью. Возвращение государству огромных церковных богатств и стало одной из задач последних паганских царей.

Кансу II был последним паганским царем, делавшим многочисленные и щедрые пожертвования монастырям и храмам. Уже Натомья, а потом и Уккана I сводят эти пожертвования до минимума, хотя этим никак не уменьшается общее число пожертвований, которые совершали вельможи, чиновники и купцы государства, скупавшие земли для дарения церкви.

Попытки царей ограничить церковное землевладение запечатлены в нескольких надписях, повествующих о судебных процессах, которые цари вели против монастырей, пользуясь спорностью документов на владение теми или иными землями. Однако попытки отторжения этих земель вызвали резкое противодействие церкви и, очевидно, части знати. Все до единой надписи повествуют о том, что цари эти тяжбы проигрывали и были вынуждены возвращать земли монастырям.

Последний подобный процесс относится к 1255 г. Он не был доведен до конца из-за внезапной смерти царя, случившейся, как уверяют хроники, на охоте.

Цари не смогли победить церковь. Последний паганский государь, Кансу III (1256—1287), открыто признал это в надписи, в которой говорится, что «пусть земли церкви не входят в наши земли даже на толщину волоса. Но не будет греха, если наша земля войдет в число церковных земель».

К середине XIII в. относится другая попытка укрепить Паганское государство, которая также принадлежит одному из «ничтожных царей». Клаква приказал в 1249 г. установить у всех деревень государства выбитые на камнях эдикты, направленные против «разбойников и бандитов». К настоящему времени обнаружено 11 таких надписей. Сам размах этого начинания свидетельствует о том, что разбой в Пагане достиг весьма опасных масштабов и цари уже не могли обеспечить мир «полицейскими» акциями. Одна из фраз этих эдиктов: «Они достигают богатства, разрушая деревни других людей, убивая их жен и детей» — свидетельствует о том, что бороться приходилось не только с простыми грабителями и разбойниками, [59] но и с бандитами настолько крупными, что они могли разрушать деревни. Возможно, под понятие «бандит» подпадали также и горные племена, совершавшие набеги даже на центральные районы Паганского государства.

11. Падение Паганского царства

Кансу III уже не мог сделать ничего, что отсрочило бы гибель Паганского государства, раздираемого противоречивыми интересами царей, знати и церкви, а также центробежными тенденциями монского юга и населенного полунезависимыми племенами севера. Завоевание монголами Китая и появление их войск у северных границ Пагана только ускорило неизбежную гибель.

Свое вступление на престол Кансу III ознаменовал карательными экспедициями против восставших окраин. Восстания монов и шансе были подавлены, но это была лишь кратковременная отсрочка.

В 1271 г. губернатор Юньнани по приказу монгольского правителя Китая Хубилай-хана прислал в Паган послов, чтобы вытребовать дань, которую Паган обязался платить еще в XI в. Дань была чисто формальной, и в более спокойные времена паганские цари не отказывались платить ее, обеспечивая таким образом мир с Китаем. К тому же Китай

сквозь пальцы смотрел на задержки с данью, а в последние десятилетия занятый борьбой с монголами вообще не напоминал о ней.

Одержимый стремлением к покорению мира Хубилай вспомнил о дани, выплата которой позволила бы ему увериться в наличии еще одного вассала. Вряд ли на повестке дня монгольского хана стояли военные экспедиции на юг. Однако бирманский двор, преисполненный гордостью и оторвавшийся от весьма печальной действительности, отнесся к появлению посольства как к оскорблению величия Пагана. Послов даже не допустили на аудиенцию к паганскому царю. На следующий год бирманская армия разгромила одно из горных племен, плативших дань Китаю. Такое бывало и в прошлом, но всегда заканчивалось мирно: в конце концов горные племена были общим противником Бирмы и Китая.

На этот раз Хубилай отнесся к инциденту с вниманием. [60] Это был отличный предлог для того, чтобы наказать непокорного соседа. В 1273 г. Хубилай послал в Паган трех послов для освобождения пленного вождя племени и вручения нового требования о немедленной выплате дани. В противном случае император грозил военным выступлением.

Эти послы так и не вернулись в Китай. Бирманские хроники пишут, что их убили по приказу разгневанного бирманского царя. Вряд ли так было на самом деле: посол считался личностью неприкосновенной. И тот же Кансу III, которому приписывают убийство послов, писал в надписи Мингалазеди: «Цари никогда не заключают послов в тюрьму». Но Кансу III, как и Имто Сьян и Ман Лулан, — непопулярная личность в бирманских хрониках. Ему, чье имя связано с гибелью Пагана, хроники приписывают всевозможные пороки, объясняя несчастья Пагана личными качествами царя.

Скорее всего, послы были перехвачены горными племенами и убиты. Об этом свидетельствует и то, что посланный Хубилаем на поиски послов офицер вернулся в 1275 г. обратно, заявив, что поиски были безрезультатными, так как дорога в Паган перерезана «бунтовщиками». Да и сами китайские источники не обвиняют паганского царя в гибели послов.

Пограничные конфликты продолжались. Племена, признав сюзеренитет Китая, обратили все свои силы против Паганского государства — монголы хорошо стерегли свои южные границы, и действия против них грозили неприятными последствиями. В 1277 г. бирманский отряд напал еще на одно горное племя, и тогда последовала карательная экспедиция. Монгольский отряд вторгся в пределы Бирмы, Участником этого похода был Марко Поло, который находился тогда на службе Хубилая. Командовал отрядом наместник Юньнани Насреддин, имевший в своем распоряжении 12 тыс. арабских всадников (войско монгольского императора было многонациональным — следствие громадных размеров монгольской империи) и отряд дворцовой челяди. Монгольские войска спустились в долину Иравади, и здесь состоялась битва с паганской армией. Бирманские хроники описывают ее как грандиозное сражение, в котором участвовали все войска Китая. В действительности же шестидесятитысячная бирманская армия потерпела сокрушительное поражение [61] от сравнительно небольшого отряда, использовавшего в бою военную хитрость.

Паганское государство разваливалось на глазах. В 1281 г. моны, восставшие в Мартабане, убили бирманского губернатора и под руководством мона Вареру, бывшего офицера бирманской армии, очистили от бирманцев юго-запад страны. Одновременно началось восстание в Пегу, во главе которого встал сам наместник Пегу Тарабья.

Паган еще пытался сдерживать центробежные силы. В 1283 г. Кансу III награждал за смелость своего полководца Раджасанкрама после подавления восстания в Танлуине и захвата крепости Тала — на юге Бирмы. Однако вряд ли экспедиция против монов принесла желаемые плоды, потому что и в последующие годы Вареру и Тарабья выступают в качестве вождей независимого юга.

Перестал подчиняться Аракан — оттуда больше не поступала дань. Шанские князья не только не присылали войск, но и постепенно раздвигали границы своих владений, подбираясь к каруинам и, вероятно, занимая уже часть долины Чаусхе.

В 1283 г. монголы вновь вторглись в Паганское царство (возможно, эта экспедиция, как и экспедиция 1277 г., проводилась по инициативе наместника Юньнани Насреддина) и разбили бирманское войско под Каунсином. На этот раз они не отступили обратно в горы, как в 1277 г., а оставили гарнизоны в верховьях Иравади, объявив Верхнюю Бирму своей провинцией.

Получив известия о вторжении монголов и разгроме армии, Кансу III бежал на юг, не дожидаясь, пока к Пагану подойдут завоеватели. Это был опрометчивый шаг. Монголы еще несколько месяцев вели войну в верховьях Иравади, штурмуя бирманские крепости. Несколько месяцев держался Конкан, а центр севера — Тагаун пал только в январе 1284 г.

На юге, в дельте Иравади, Кансу III обосновался временно в Бассейне. Власть царя еще существовала, но реально Кансу III вряд ли мог претендовать на большее, нежели почетный титул.

В 1285 г. он направил в Китай два посольства с изъявлением покорности. Одно из них добралось до Пекина и получило аудиенцию у императора. Паганский посол, монах, признал от имени Кансу власть Хубилая над Бирмой [62] и просил не посылать более монгольских войск, потому что разоренная страна не сможет их прокормить. (Надпись, содержащая описание посольства, пожалуй, последняя из надписей паганского периода.) Хубилай, не заинтересованный в длительных войнах на юге, согласился на просьбы посла и за присылку дани обещал оставить Паган в покое.

Получив эти благоприятные известия, Кансу III решил вернуться в Паган. Он избрал водный путь и поднялся по Иравади на царском корабле. Губернатор Прома (по хроникам, один из сыновей Кансу III) воспользовался случаем и, убив царя, провозгласил себя царем Бирмы. Трона он все же не добился: в Бирме существовали более могучие силы, претендовавшие на паганский престол. Но и они не смогли ничего сделать.

Не получив из Пагана ни дани, ни подтверждения договору, Хубилай приказал своему внуку Е Су Тимур отправиться в поход на юг. Е Су Тимур без труда спустился по Иравади до самого Пагана, взял его и уже оттуда разослал отряды во все стороны Паганского царства, приводя к повиновению бирманские провинции. Монголы, заинтересованные в Бирме как в торговом и стратегическом пути к Индийскому океану, предпочитали иметь дело с одним-двумя вассалами, а не с множеством воюющих между собой княжеств и племен. Но монголы опоздали. С центробежными силами, разорвавшими Паганское государство, они справиться не смогли.

Прежнее великое Паганское царство уже перестало существовать. [63]

ГЛАВА III ПЕРИОД РАЗДРОБЛЕННОСТИ (1287—1531)

1. Закат Пагана

Монголы, оккупировавшие Паган, не собирались оставаться там навсегда. Как некогда войска Наньчжао, монгольские отряды ушли на север, и одной из решающих причин этого отступления были жара, влажность и болезни.

Перед уходом монголы решили разделить Бирму на две провинции. Одна из них, с центром в Тагауне, под названием Чинмян была создана еще в 1284 г. Вторая, Мянчжун, была организована южнее, и центром ее стал Паган. Провинция Мянчжун с самого начала мыслилась как вассальное государство с послушным монголам царем. Таким царем стал единственный из переживших междоусобную войну на юге принцев паганской династии

— Клаква, занимавший пост дала-сукри (правителя) южнобирманского города Дала. Приняв тронное имя Руйнасьян, он вступил на престол 30 мая 1289 г.

Утвердив таким образом власть Хубилая в Бирме, монголы ушли из страны, переложив заботы по управлению провинцией на плечи Руйнасьяна. Перед ним немедленно встала проблема поиска союзников, которые могли бы поддержать его в борьбе с многочисленными князьями, губернаторами и вождями, претендовавшими на независимость или на господство во всей стране.

Союзниками его, а вскоре и господами стали три «шанских брата» — Асанкхья, Раджасанкрам и Сихасура, которые ко времени падения Пагана захватили контроль над большинством каруинов в долине Чаусхе.

Кажущийся парадокс — шанская власть в родовом центре бирманцев — объясняется тем, что уже в середине [64] XIII в. шаны проникают в долину, но не как враги, а как вассалы и союзники: из них состояли в значительной части войска последних паганских царей. Нехватка земель, находившихся в распоряжении последних паганских царей, привела, очевидно, к тому, что им приходилось платить за службу, раздавая родовые земли царского домена, каруинов в долине Чаусхе. К 1260 г. относится упоминание о шанском поселении в каруине Мьинсавн. Именно там нашел убежище один из шавоких вождей, направивший своих сыновей на обучение ко двору Кансу III. Воспитанные в Пагане, они отличались от горных шанов. Они были буддистами, отлично умели разбираться в сложных интригах паганского двора и вряд ли отличались от других знатных придворных. К тому же у них, как и у бирманской знати, была своя база в каруинах, что ставило их в весьма привилегированное положение. К концу царствования Кансу III относится надпись, в которой о трех братьях говорится уже как о царских министрах, аматах.

Во время боев с монголами и последовавшей анархии в стране братья возвратились в Чаусхе. Здесь, опираясь на шанских поселенцев, они начали округлять свои владения. К 1289 г. один из них был владельцем Мьинсайна, другой правил каруином Меккаи, третий — каруином Пинле. Руйнасьяну, посаженному на трон монголами (очевидно, не без помощи шанских братьев), ничего не оставалось, кроме как утвердить за братьями права на владение этими ключевыми районами Чаусхе. И есть основания полагать, что к 1290 г. они уже практически владели всей долиной (население которой, впрочем, продолжало оставаться в основном бирманским), тогда как Руйнасьяну подчинялись лишь шесть каруинов Минбу, экономически значительно уступающих долине Чаусхе.

Нельзя сказать, что переход власти в долине Чаусхе в руки шанов был безболезненным и бескровным. Известно, что еще в 1299 г. бирманский князь Сирираджа (имя явно тронное) продолжал войну с шанами в этой долине. Однако бирманцы были временно расколоты и разобщены. На юге правили моны, на севере — монголы и шаны, в центре страны существовала смешанная бирмано-шанская власть под монгольским протекторатом.

История повторялась: тот, кто контролировал каруины, стал править Бирмой. В надписи, относящейся к [65] 1293 г., шанские братья открыто называют себя равными царю Пагана и заявляют, что это именно они заставили уйти монгольскую армию.

Вряд ли подобное положение устраивало Руйнасьяна. Добившись некоторой консолидации власти в подвластной ему Центральной Бирме, Руйнасьян принялся «екать возможности для подчинения шанских братьев. Это и было, очевидно, одной из причин его путешествия в Пекин, ко двору монгольского императора: он просил помощи.

Аудиенция в Пекине состоялась 20 марта 1297 г. А в надписи, относящейся к 17 декабря того же года, о нем говорится как о царе, свергнутом с престола. Немедленно по возвращении из Пекина Руйнасьян был арестован и сослан в Мьинсайн, вотчину шанских братьев. В течение еще года монголы продолжали считать его царем Пагана, так как братья правили от его имени. Наконец 10 мая 1299 г. Руйнасьян был убит по приказанию Асанкхьи, и братья передали престол следующей марионетке — сыну Руйнасьяна Сохни.

Любопытно отметить, что сами шанские братья на паганский престол не претендовали, а старались в качестве ширмы использовать представителей паганской династии, еще пользующейся авторитетом среди бирманцев — основного населения среднего течения Иравади.

Соперник Сохни, его брат Кумаракассапа, бежал в Китай, где уже шли приготовления к карательной экспедиции против непокорных братьев. Пока существовала провинция Мянчжун, вопросом престижа было сохранение в ней власти монгольского двора, и судьбой паганского царя — наместника императора — никто, кроме монголов, не должен был распоряжаться.

В 1300 г. монголы провозгласили Кумаракассапу царем Бирмы и отправили домой, дав ему в помощь карательный отряд. Отряд без труда достиг Пагана и захватил его. Сохни бежал к братьям в Мьинсайн. Как уже говорилось, Паган был легкой добычей для любой армии — он не был обнесен стенами и приспособлен для обороны. Мьинсайн же, как и другие центры каруинов, был крепостью.

Кумаракассапа занял престол в Пагане, во второй раз за 15 лет разгромленном и разграбленном монголами и полностью потерявшем свое значение. Но когда монгольские войска ушли в Чаусхе, чтобы покарать братьев и [66] второго царя Пагана, Кумаракассапа присоединился к монголам, ибо не чувствовал себя в безопасности в Пагане.

В начале 1301 г. монголы осадили Мьинсайн и в течение трех месяцев старались взять его, но безуспешно. Братья хорошо подготовились к обороне, а стены Мьин-сайна были крепки и надежны. Монгольские солдаты страдали от жары (весна — самое жаркое время года в Бирме) и болезней. Плохо было с продовольствием и водой. Наконец монгольский командующий согласился на большой выкуп, предложенный братьями, и, сняв осаду, ушел на север, спасая свое войско. С ними вместе ушел и Кумаракассапа.

Больше монголы в Бирме не появлялись.

Узнав о бесславном конце экспедиции в Бирму, император приказал казнить командующего и всех офицеров армии: уж очень велик был ущерб, нанесенный монгольскому престижу. Судьба Кумаракассапы неизвестна.

Чтобы обезопасить себя от дальнейших репрессий со стороны монголов, шанские братья отправили в Пекин посольство с данью и признали власть императора. Тот предпочел удовлетвориться данью и признал Сохни, вернувшегося на свой номинальный трон в Пагане.

Признав де-факто власть шанских правителей в Бирме, монголы упразднили в 1303 г. провинцию Чинмян в Верхней Бирме. Провинция Мянчжун была упразднена еще ранее. Бирма была предоставлена сама себе.

Сохни царствовал в Пагане до 1325 г. Ему наследовал его сын Уккана V (1325—1369). После 1369 г. никаких упоминаний о паганских царях не встречается. О них не было бы известно и ранее, если бы они не оставили несколько надписей религиозного содержания, сообщений об освящениях пагод и праздничных церемониях. Эти цари были скорее хранителями традиций, курьезом даже в Бирме XIV в. Они ничем не управляли и никому не угрожали. Только этим и ненужностью Пагана ни одному из князей Бирмы можно объяснить столь долгие периоды пребывания царей на паганском престоле, тогда как мало кто из князей, участвовавших в борьбе за власть, удерживался на бурной поверхности более двух-трех лет. Возможно, последние правители Пагана имели некоторое религиозное, церемониальное значение, подобно последним [67] багдадским халифам. Их извлекали из забвения по большим праздникам и включали в торжественные процессии.

2. Пинья и Ава

Паган не мог возродиться в первую очередь по экономическим причинам. В Бирме, разделенной на несколько независимых и враждующих княжеств, не было и речи о

международной торговле, обширном ирригационном или ином крупном строительстве. Князь, занявший престол в Пагане, кроме звания паганского монарха, не получал равным счетом ничего.

Мьинсайн — основная столица шанских братьев — находился в стороне от Иравади и был неприемлем в качестве центра крупного государственного образования. Поэтому вскоре после смерти в 1310 г. старшего из братьев два оставшихся в живых — Сихасура и Раджасанкрам — перенесли (в 1312 г.) столицу в город Пинья на Иравади, неподалеку от Чаусхе. Тремя годами позже младший сын Сихасуры, Асанкхья, основал самостоятельное княжество с центром в Сагайне (ныне Сикайн), ниже по Иравади, на правом берегу реки.

Таким образом, Центральная Бирма еще при жизни последних сидевших в Пагане царей была поделена между двумя ветвями шанского рода. Однако население этих мест по-прежнему было в основном бирманским, и правивших здесь шанов можно рассматривать как бирманских властителей, тем более если учесть, что их отношения с северными шанскими княжествами были враждебными.

Нет нужды перечислять часто сменявшихся на престолах Сагайна и Пиньи князей (царями их вряд ли можно назвать, несмотря на то что в надписях, дошедших до нас, они именуют себя не менее торжественно, чем одновременные им правители Пагана). История этих княжеств представляется цепью интриг, войн, узурпации, в которых враждующие стороны имели обыкновение приглашать на помощь северных шанов, опустошавших и без того разоренные земли.

В хрониках Пиньи говорится о больших нашествиях шанов в 1359 и 1362 гг. Последнее из нашествий настолько разорило Пинью, что княжество полностью потеряло [68] значение и до 1368 г. находилось под властью северных шанов.

Княжество Сагайн также просуществовало недолго. Столица его была окончательно сожжена и разграблена шанскими племенами в 1364 г. Последний князь Сагайна, Ман План, был убит, часть населения бежала в леса, часть, вместе с пасынком Ман Плана князем Манпхья, известным по хроникам под именем Тадоминья, отступила к местечку Ава на противоположном берегу Иравади. Там было основано новое княжество, которое, по мысли Тадоминья, патриота Бирмы и личности весьма незаурядной, должно было стать центром всей Бирмы.

Тадоминья всеми своими действиями подчеркивал, что он является чисто бирманским властителем, ведущим свой род от правителей легендарного Тагауна. Надписи, составленные в Аве в годы его правления, написаны на чистом бирманском языке. Потомок шанов возглавил борьбу бирманцев против засилья шанов, поставив целью возрождение истинной Бирмы. Один из его полководцев, Асанкхья (часто встречающееся в средние века шанское имя), подчинил власти Авы Пинью и Мьинсайн. Шаны были оттеснены также из Сагайна. Вскоре Тадоминья погиб в результате заговора, но его политику продолжил наиболее известный из правителей Центральной Бирмы того периода Минджи Свасоке (1368—1400). Сравнительно долгое правление этого князя, известного в надписях под именем Тряпхья III, дало основание современникам называть его Сактаврхан, что значит «долгожитель».

С его вступлением на престол Средняя Бирма снова становится единым целым и вступает в борьбу за овладение всей территорией бывшего Паганского царства. Относительное спокойствие в Средней Бирме в период правления Тряпхья III позволило возродиться бирманской литературе и искусству. Именно в это время были написаны некоторые ранние бирманские хроники и началось обширное строительство в столице государства — Аве.

3. Государство Таунгу

Объединение Средней Бирмы под властью Авы не означало восстановления Паганского царства. К тому времени, когда Ава стала центром Средней Бирмы, другие [69] государства, возникшие на территории бывшего Паганского царства, настолько укрепили свою самостоятельность, что борьба с ними не могла принести немедленных результатов. Одним из этих государств было Таунгу.

В 1280 г. на вершине холма (таун-гу) на берегу реки Ситаун было построено небольшое укрепление для защиты от набегов каренов. После падения Пагана этот населенный пункт оказался в стороне от основных путей, по которым проходили враждующие армии, уделявшие основное внимание борьбе за богатые районы долины Иравади. К нескольким бирманским семьям, бежавшим из Пагана после его захвата монголами, присоединялись все новые беженцы. Вскоре сюда переселились и те бирманцы из Чаусхе, которые были вытеснены сторонниками шанских братьев. Образовавшееся в Таунгу княжество в первое время не привлекало к себе внимания воинственных соседей. Стены крепости позволили отразить нападения каренов, а рисовые поля в долине Ситауна обеспечивали население продовольствием.

Каждый набег шанских племен на Пинью и Сагайн вызывал новую волну беженцев в Таунгу, слух о котором все шире распространялся среди бирманцев. Наконец в 1347 г. правитель Таунгу Тинкхаба выстроил настоящий дворец и принял царский титул. Сила Таунгу возросла после падения Пиньи и Сагайна, когда население княжества резко увеличилось за счет беглецов из долины Иравади. Правитель Таунгу Тонну Ман посетил священные места в Пагане, и его жена велела выбить там надпись, в которой говорилось, что правители Таунгу кормили умирающих от голода беженцев и спасли многих людей.

Минджи Свасоке, стремившийся к воссоединению Бирмы под властью Авы, должен был лишить независимости Таунгу, претендовавшее на роль центра Бирмы, тем более что правители Таунгу, понимая неизбежность столкновения с Авой, пошли на союз с монами. Минджи Свасоке смог найти в самом Таунгу силы, стоявшие за объединение всех бирманцев против монов и за вхождение Таунгу в состав Авы. Противившийся этому царь Таунгу был в 1377 г. убит, и Таунгу на время стало частью Авского государства. [70]

4. Борьба Авы с шанскими княжествами

Отношения Авы с шанскими собвами (князьями) в течение второй половины XIV в. были весьма сложными и напряженными. Если ранее правители Сагайна и Пиньи часто заключали союзы с тем или иным шанским племенем (что приводило в результате к разорению и врагов и союзников шанов), то с образованием Авского государства положение изменилось. Минджи Свасоке понимал, какая опасность исходит от шанов, племенные союзы которых постепенно превращались в государства как в Сиаме, так и в Северной Бирме и Ассаме. Первые из них были созданы еще в начале XIII в.: Могаун к северу от Бамо, Ахом в Ассаме, Чиангмай, Сукотаи и Утонг в Сиаме.

Шанские княжества расположились буквально на пороге владений авских государей, и, если бы они объединились, Ава вряд ли бы смогла устоять. Поэтому борьба против создания единого фронта шанов стала одной из основ политики Минджи Свасоке и его преемников на престоле Авы.

Активность шанских княжеств подчеркивалась тем, что одновременно с их образованием шла усиленная миграция шанских племен на юг, в долины Менама и Иравади. Этот процесс был столь очевидным, что монские хроники, говоря о войнах с Минджи Свасоке, называют бирманцев «шанами», не различая пришельцев с севера и не учитывая, что не монам, а именно бирманцам пришлось выдержать наиболее сильный натиск шанов. Но если на востоке шаны сумели занять практически всю долину Менама и создать в 1360 г. Сиамское государство со столицей в Аютии (оттеснив в горы монов и сильно урезав земли кхмеров), то Ава и ее предшественники — княжества Пинья и Сагайн смогли остановить продвижение шанов к югу и локализовать их в горных районах

Северной Бирмы. Это, в свою очередь, не позволило шанам достичь в Бирме того уровня социального развития, который оказался доступным переселившимся в долину Менама их собратьям в Сиаме.

Примером политики бирманцев в XIV в. может служить известная по нескольким хроникам реакция двора Минджи Свасоке на войну между княжеством Кале в верховьях Чиндуина и шанским княжеством Мохньин в [71] округе Ката. Этот конфликт начался в 1371 г., и оба князя обратились к Аве с просьбой о помощи. Хроники уверяют, что первый министр Авы сказал тогда: «Ни на что не соглашайся, царь. Дай им передрасться и истощить друг друга в войне. Потом ты сможешь обоих взять голыми руками». Минджи Свасоке отказался помочь княжествам. Очевидно, Минджи Свасоке, искусно лавируя, и в самом деле на некоторое время обезопасил себя от нападений шанов. Но вскоре до шанов дошли слухи о событиях в Китае, и это резко изменило обстановку на границе.

До 1368 г. — года падения господства монголов в Китае — цари Авы могли до какой-то степени координировать свои действия с Пекином, который также был заинтересован в том, чтобы держать в уезде воинственные племена. В 1368 г., после антимонгольского восстания, на престол взошла династия Мин, и в течение нескольких лет Китай не мог контролировать южные границы, так как в нем полыхала междоусобная война, причем именно на юге Китая, в Юньнани, дольше всего держались монголы, готовые на союз с кем угодно, лишь бы не потерять власти.

Шанские княжества воспользовались этой ситуацией и в течение десяти лет — с 1373 по 1383 г. — шаны из Мохньина и других княжеств беспрестанно совершали набеги на Бирму.

Аву спасло то, что в те годы она не воевала с монами: еще действовал договор о границах между государством монов и Авой, заключенный с царем монов Бинья У. Борьбу на два фронта Ава не смогла бы выдержать. Шанские владения охватывали Аву полукольцом. В их руках находились верхнее течение Иравади, Чиндуин и тары Восточной Бирмы вплоть до Таунгу.

В 1383 г., узнав, что китайцы подавили в Юньнани последние опорные пункты монголов, Минджи Свасоке направил в Китай послов с просьбой о помощи против общего врага. Китайский наместник Юньнани дружелюбно встретил бирманских послов и от имени императора признал царя Авы правителем Бирмы. В его распоряжении были значительные военные силы в шанских землях, и потому он смог «приказать» князю Мохньина воздержаться от набегов на Аву. Однако через несколько лет, в 1393 г., князь Мохньина вновь пошел войной на Аву. На [72] этот раз оправившиеся от набегов бирманцы сумели разгромить шанов и обезопасить на несколько лет свои северные рубежи.

Эта передышка была крайне необходима Минджи Свасоке, так как вскоре началась сорокалетняя война с монами, пережившая и самого Минджи Свасоке, и его сына, и двух монских царей и приведшая к еще большему разорению Бирмы и ослаблению как Авы, так и монов.

5. Монское государство в конце XIII — начале XV в. Война Авы с монами

Монское государство было возрождено за несколько лет до падения Пагана. Отделение монов связано с именем Вареру, мелкого торговца из-под Татона. С его деятельностью связано не только возрождение независимого монского государства, но и появление в бирманской истории Сиамы — вначале царства Сукотаи, а впоследствии объединенного государства, которое претендовало на часть бирманской территории и войны с которым продолжались в течение нескольких веков.

Если верить сиамским хроникам, Вареру начал деятельность при дворе правителя тайского царства Сукотаи, где стал фаворитом царя Рамкамхенга и даже подарил тому белого слона — первого белого слона (впоследствии ставшего символом царской власти в

Сиаме), о котором упоминается в тайских источниках. В 1281 г. Вареру (возможно, с помощью Сукотаи) становится хозяином Татона и Мартабана и заключает союз с правителем Пегу Тарабьей. К 1287 г. они полностью очистили юг вплоть до Прома (ныне Льи) и Таунгу от бирманских войск.

Следующим этапом борьбы за власть на монском юге было соперничество между недавними союзниками. Тарабья пытался захватить Вареру, устроив засаду, но Вареру удалось избежать ловушки и убить Тарабью. Царь Сукотаи признал Вареру правителем всего юга Бирмы. Через несколько лет Вареру смог отразить нападение шанских братьев; после этого в течение десятилетий у монского государства, пользовавшегося покровительством Сукотаи, не было серьезных противников. Бирманские княжества Пиньи и Сагайна были слабы, и все силы [73] отдавали борьбе с шанами Севера и междушбой, а Таун-гу еще не представляло достаточной силы, чтобы вмешаться в борьбу за власть в Бирме.

После смерти Вареру в 1296 г. престол в монском государстве неоднократно переходил из рук в руки (за один только 1331 г. на монском престоле сменилось три царя). Монское государство было ослаблено неурядицами; тем не менее моны смогли после смерти в 1318 г. Рамкамхенга, сыновья которого вскоре растеряли большинство владений, добиться полной независимости от Сукотаи. В течение еще трех десятилетий, пока в Сиаме не было создано государство Аюття, суверенитету монов сиамцы не угрожали.

Когда же в 50-х годах XIV в. сиамцы вновь появились на юге Бирмы, там правил энергичный царь Бинья У (1353—1385), который смог отразить нападения сиамцев и сохранить большую часть территории государства, за исключением столицы — Мартабана, занятого сиамцами в 1363 г. После этого Бинья У перенес столицу в Пегу, где она и оставалась до 1539 г.

Бинья У вел обширное храмовое и монастырское строительство. Сильно разросся в те годы и город Пегу. Большие торговые корабли не могли подходить к нему из-за недостаточной глубины Ситауна, однако он был крупным перевалочным пунктом, и торговцы вновь начали селиться в Пегу, постепенно становившемся для иностранных купцов и путешественников синонимом Бирмы вообще.

Основная угроза независимости Пегу исходила не с востока, со стороны сиамцев, и не с северо-востока, откуда совершали набеги шанские и каренские племена, а со стороны Авского царства, объединившего Среднюю Бирму и искавшего выхода к морю. Угроза эта появилась уже в середине 70-х годов, когда к Аве было присоединено княжество Таунгу. Особенно реальной она стала после смерти в 1385 г. Бинья У, которому наследовал его сын Разадари (1385—1423).

Вступление Разадари на престол не обошлось без междоусобной борьбы среди монов. Потерпевший поражение в этой борьбе дядя Разадари Лаукпя бежал к авскому двору и предложил Минджи Свасоке вассалитет монского государства при условии, что тот поможет ему захватить власть в Пегу. [74]

Война затянулась на много лет и продолжалась при преемнике Минджи Свасоке — Минкхауне (1401—1422). Только со смертью последнего бирманцы отказались от попыток подчинить монское царство, которое умело использовало в войне с Авой араканцев, шанов и каренов, так что бирманцы, еще в начале этой «сорокалетней войны» захватившие Пром, так и не смогли продвинуться южнее.

6. Внутреннее положение Бирмы в XIV—XV вв.

Ко времени окончания войны с монами трудно было найти в Бирме деревню или город, не переходивший несколько раз из рук в руки. Южная Бирма испытала неоднократные нашествия как монских, так и бирманских армий, Северная и Центральная Бирма видела не только монголов и шанов, но и была ареной столкновений между

бирманскими княжествами. Население Бирмы уменьшилось в несколько раз, поля были заброшены, многие крестьяне угнаны в рабство.

По сравнению с теми странами, которые подверглись длительной монгольской оккупации, Бирма, казалось бы, находилась в лучшем положении. Хотя монголы дважды проходили с мечом по Бирме, они оба раза сравнительно быстро покидали ее. Однако и этих походов оказалось вполне достаточно. Подорвав устои бирманской государственности, монголы нарушили нормальный процесс ее развития. Это не было сознательным актом, но уничтожение основы экономики восточной деспотии — ирригационной системы — и сложного бюрократического аппарата, заставлявшего крутиться колесо государственной машины, было тяжелым испытанием. По обессиленной стране прокатились бесконечными волнами набеги шанских племен, каждый из которых разрушал и без того подорванное хозяйство страны. Даже монастыри не избежали разрушений: шаны в большинстве не были тогда буддистами и религия не мешала им разрушать пагоды и убивать монахов.

Несколько лучшим положение монастырей было в тех местах, куда реже доходили отряды шанов. Монастыри старались поддерживать хозяйство и в периоды спокойствия становились теми центрами, вокруг которых возрождалась [75] жизнь. Поняв это, цари Авы вернулись к политике раздачи земель монастырям, которые обладали рабочими руками, ибо в них жили не только монахи, но и множество крестьян, предпочитавших убежище монастыря невзгодам и превратностям жизни вне их стен.

Впрочем, на этот раз цари пошли на своего рода хитрость: монастыри получали преимущественно заброшенные земли. Вот что говорит одна из надписей авского периода (1386): «Великий царь, опасаясь несчастий самсары, спросил у монахов монастыря Панклей... и дал 1500 пеев земли (пей=0,7 га. — Авт.)... Так как эти земли были разорены китайцами, то они заросли джунглями». Таким образом, монахам отдавалась земля, которую никто не обрабатывал в течение ста лет после нашествия монголов.

В период относительного спокойствия в пределах Авы монастыри играли весьма важную роль в подъеме экономики страны. Монахи, в первую очередь лесные братья, не отказывались от заброшенных земель, и возвращение их в фонд обрабатываемых до какой-то степени помогало бороться с голодом, часто посещавшим Центральную Бирму.

Возрождение заброшенных земель представлялось бирманцам настолько важной и насущной задачей, что даже сами цари старались подавать в этом пример. Надпись, относящаяся к началу XV в., говорит, что «царь был справедлив и он расчищал зеленые, поросшие джунглями земли ради богатства своей страны. Сказав, что он и сам будет пахать эту землю, царь с царицей... приехал и остановился в месте, называемом Танкли». Совместными усилиями центральной власти и лесных монахов, которые стали к этому времени крупнейшей религиозной силой в Бирме, в ходе «операции», описываемой в этой надписи, было расчищено более 2 тыс. га земли.

С готовностью раздавая монастырям заброшенные земли, цари Авы ревниво оберегали немногочисленные обрабатываемые земли, оставшиеся в их распоряжении. Несмотря на явно улучшившиеся отношения с буддийскими монастырями, цари не упускали случая оспорить право монастырей на владение хорошими, дающими доход землями. Иметь какой-то земельный резерв было совершенно необходимо, так как войско — основная сила, [76] удерживающая царя на престоле, — требовало даров земель и людьми. К 1386 г. относится судебный процесс монастыря против царя Авы, подарившего своим военачальникам монастырскую землю. Любопытно, что это была та же самая земля, которую безуспешно старался отнять у монахов Имто Сьян еще в середине XII в. И на этот раз царь проиграл тяжбу: на стороне монастыря выступили крупные сановники, включая даже царицу Авы. Царь был вынужден обратиться к войску: «Мы вернем старые дары, а вы получите новые».

Буддийская церковь в эти годы бедствий и войн оставалась большой силой не только экономически — монастыри были последним оплотом отчаявшихся людей, пос-

ледним хранилищем знаний и искусства Бирмы. Мало что строилось в Бирме в XIV в., каменное же строительство почти целиком сводилось к пагодам. На храмы, подобные паганским, не было средств ни у царей, ни у вельмож, ни у самой церкви. Но пагоды строились, и немало их осталось с XIV в. на берегах Иравади в Сагайне, Пинье, Аве...

7. Борьба Авы с шанами в первой половине XV в.

Первая половина XV в. помимо затянувшейся войны с монами, когда войска враждующих сторон каждый сухой сезон устремлялись в набег на территорию врага, характерна и постоянными столкновениями с шанами, которые, сдерживаемые на севере китайской пограничной стражей, нападали на более слабого южного соседа. И как бы ни изошрялись авокие правители, натравливая шанских собв друг на друга, обращаясь за помощью к китайцам, заключая сепаратный мир то с одним, то с другим князем, рондясь с ними, стоило бирманцам выступить на юг, с севера шли угрожающие слухи о том, что собва Мохньина или Тинни собирает войско.

Царь Тряпхья IV (Минкхаун), описывая в надписи от 1403 г. свои владения, говорил, что они простираются до земли шанов на востоке, земель мо-шанов и нага на севере и северо-востоке, индийских земель на западе и земли монов на юге. Ава находилась в кольце врагов, особенно если учесть, что под индийскими землями подразумевались часто владения араканского царя. [77]

В XV в. основными врагами Авы стали шаны. Моны с начала «сорокалетней войны» сами находились в обороне, и их походы на Аву, в которых они даже осаждали бирманскую столицу, были скорее мстью за нападения бирманцев. Аракан вступал в борьбу в Бирме только в тех случаях, когда его заставляли сделать это союзники — моны или бирманцы. Шаны же стремились вырваться из гор и переселиться в богатые долины, и, когда на их пути вставала вооруженная сила, война становилась беспощадной и упорной.

Новая вспышка этой войны относится к 1406 г., когда Тряпхья IV, воспользовавшись столкновением междукняжествами Мохньин и Кале и видя, что Мохньин побеждает, бросил против него свое войско. Столица княжества была взята, сам собва и его сын были убиты. Так как этот поход бирманцев не был согласован с китайцами, то они послали в Аву протест, который, однако, поступил уже после разгрома Мохньина.

После 1406 г. набеги шанов не прекратились. Во главе шанских княжеств встал собва Тинни, который совершил крупный поход против Авы в 1413 г. В 1414 г. набег повторился; третий, самый опасный шанский рейд относится к 1415 г.

Все эти нападения были отбиты бирманцами и теми из шанских княжеств, которые предпочли занять сторону Авы.

Настойчивость собвы Тинни, снова и снова собиравшего войско, объяснялась не столько желанием отомстить за своего родственника, собву Мохньина, сколько открытой поддержкой царя монов Разадари. Моны помогали шанам деньгами, оружием, обещали богатейшую добычу и северные провинции Авы в случае победы над бирманцами.

Дипломатия Разадари принесла плоды. В 1415 г. в его руках оставались только Негу и Мартабан, все остальные монские земли были оккупированы бирманцами. Но когда шаны стали угрожать самой Аве, Тряпхья IV был вынужден отозвать с юга своего сына с лучшими частями для защиты столицы. Шаны были отогнаны в горы, но моны смогли оправиться от поражения, и бирманцам уже не удавалось настолько приблизиться к победе, как в 1415г.

Вскоре после смерти Тряпхья IV Аве пришлось пережить [78] критические годы. Следующий авский царь погиб в 1426 г., через четыре года после вступления на престол, попав в засаду, устроенную шанами. Виной тому была, если верить хроникам, его жена —

шанская принцесса. В данном случае дипломатический брак принес выгоду только одной стороне — шанам.

Убив царя, шаны ворвались в Аву, разграбили ее и посадили на престол своего ставленника. Однако торжество, шанов было недолгим. На выручку Аве пришел бирманский князь Пиньи, представитель рода Сихасуры, правившего там в XIV в. Этот князь, занявший престол в Аве в 1426 г. и известный в хрониках под именем Мохньинтадо, правил до 1439 г.

Правление Мохньинтадо было очень трудным. Казалось, в Бирму вернулись времена XIV в., когда в стране не было ни одного достаточно крупного государства, вокруг которого могли бы объединиться бирманцы. Шаны не переставали нападать на Аву, и царю даже приходилось оставлять свою столицу, скрываясь от набегов на юге. В 1430 г. полностью отделился Аракан, над которым до тех пор удавалось хотя бы периодически устанавливать контроль. В периоды затишья царь предпринимал попытки восстановить хозяйство страны. Надписи сообщают, что он ездил по деревням, приказывал обрабатывать заброшенные земли, сам принимал участие в этом и даже его любимая жена Млок Мипхура не чуралась крестьянской работы.

Курьезное событие тех времен — попытка замены летосчисления — ярко демонстрирует отчаяние, в котором находились бирманцы. Беспристрастная надпись рассказывает, как в 1438 г. царь собрал всех «принцев, принцесс, царских внуков, царских друзей, царских родственников, знатных людей, офицеров и солдат, монахов и брахманов», роздал все свое имущество, включая белый зонтик, и, ввиду того что наступил 800 год эры Сакарар (начавшейся в 638 г., во времена пью), заявил, что старая «знаменитая, трудная и неповторимая» эра окончилась. Царь провозгласил наступающий год первым годом новой, счастливой эры. Но даже эта попытка обмануть небо не удалось. Во-первых, эра оказалась не такой счастливой, как надеялись, во-вторых, она не прижилась, и, если бы не надпись, никто и не знал бы о ее изобретении. [79]

8. Социально-политическая структура Бирмы в XIV — XV вв.

После гибели Паганского царства в Бирме, разделенной на множество уделов, наблюдалась картина, весьма напоминающая европейское средневековье. Даже если не брать в расчет небирманские районы страны, собственно Бирма раскололась на три княжества — Пинью, Аву и Таунгу. При этом определенная доля самостоятельности оставалась как у Пагана, так и у Прома.

Впоследствии, с объединением Центральной Бирмы под властью Авы, картина взаимоотношений внутри страны мало в чем изменилась. Если во времена Паганского царства владение туиком или провинцией не было наследственным, а скорее носило характер должности, которая могла меняться несколько раз в жизни сановника, то последующие цари и князья не были настолько сильны, чтобы отнять у чиновника или офицера пожалованную ему землю. Земли отдавались в кормление и становились наследственным владением семьи.

Система вассалитета представляла лестницу, на верхней ступени которой находились принцы и царицы. Последние раньше носили такие титулы, как «царица Изумрудного дворца», «царица юга», «царица Серебряного озера» и т. п.; в XIV в. их уже подразделяли на «царицу, кормящуюся с Пиньи», «царицу, кормящуюся с Сагайна», «царицу, кормящуюся с Саявати». Так, в 1402 г. царь Тряпхья, подтверждая права вассалов на земли, передал «славную столицу» Паган в кормление своей бабке (это произошло после смерти его матери, кормившейся с Пагана ранее), оставив таким образом Паган в царском домене.

«Кормление» цариц с крупных пунктов государства еще не означало, что царская власть распространялась на эти пункты. Для того чтобы освободить Аву после ее захвата шанами в 1426 г., князь Пиньи, очевидно, должен был быть феодалом, имевшим

собственное войско и вольным этим войском распоряжаться. Подтверждением этой точки зрения может служить перечисление в надписях начала XV в. имен и титулов наиболее знатных людей государства. Если в паганский период эти люди носили звания министров и таких крупных чиновников, как сампьян и калан, то в XV в. они не кичатся придворными [80] титулами и должностями, а предпочитают называть себя «господин Лаккьи», «хозяин Мьюпона», «господин Сунайто» и т. д. Эти князья не пользовались такой властью и влиянием в царстве, как князья Пиньи, Таунгу, Прома, однако все они были полунезависимыми правителями городов и областей; по-видимому, к ним относятся слова «царские друзья», встречающиеся в надписи о замене эры Сакарак новой эрой. В паганский период такой социальной прослойки не было — царь Пагана имел слуг, а не друзей.

В дальнейшем князья даже в надписях, составленных от имени царей Авы, именуют себя все более гордо. В надписях, относящихся к царствованию Нарapati (1442—1468), они называют себя принцами, князьями и даже царями. Самогтитолование царским званием свидетельствует о распаде государства, о неспособности центральной власти пойти на обострение отношений с феодалами. Дальнейший раскол и распадение самого понятия единого царства, столь важного на Востоке, подчеркивается и тем, что двое из сыновей Нарapati также именовали себя царями: один — «царем» Прома, другой — «царем» Калана (третий сын назвал себя князем, четвертый остался на царской службе и стал военачальником). Более того, существует надпись середины XV в., в которой говорится, что царь Нарapati отдал свою дочь за «царя Пиньи» и она стала «царицей Пиньи». «Царями» были и оба брата главной царицы Авы; всего к середине XV в. в Центральной Бирме, осажденной со всех сторон врагами, отрезанной от моря, была добрая дюжина «царей» и множество князей и принцев, каждый из которых претендовал на самостоятельность. В этой обстановке Нарapati решил, памятуя о престиже, принять титул «царя царей» и поставить себя, таким образом, выше остальных «царей» Бирмы.

Экономическая база всего государства, а тем более микроскопических «царств», была предельно сужена десятилетиями непрерывных войн. Царям и царькам не оставалось иного выхода для поддержания своего существования, кроме продолжения войн, ибо государства в большой степени жили военной добычей. Но после окончания войн с монами — основных источников поступления рабов и трофеев, после отпадения Аракана оставались только шаны. Шаны были бедны и воинственны, походы [81] на них были кровопролитными и невыгодными; как уже отмечалось, чаще приходилось от шанов обороняться, чем нападать на них. За неимением внешних источников добычи взоры царьков обращались внутрь страны, на соседей. И царьки воевали друг с другом, грабили друг друга, восставали против царя Авы, обращались за помощью к шанским князьям, облегчая последним нападение на долины Бирмы.

Рабство, не очень привившееся в Бирме в паганские времена, когда рабы употреблялись в основном в домашнем и монастырском хозяйстве, не могло распространиться и в XIV—XV вв. хотя бы в силу того, что не было самих рабов — источники их, победоносные войны, были недоступны Бирме. К тому же экономика Бирмы не испытывала в рабах большой потребности. Если даже в XI — XIII вв. грандиозное строительство осуществлялось в основном свободными крестьянами, для которых строительные работы и заготовка материалов были повинностью, то в XV в. строительство практически не велось.

В надписях XV в. по-прежнему упоминаются асаны — свободные крестьяне. Очевидно, в это время сохранилась сельская община, выделявшая из своей среды посредников для улаживания отношений правителями. В надписях того времени встречаются должности, которых нет в паганских надписях: асан какса (староста деревни), асан сукри, асан рва сукри и даже «асан, правящий землей». Таким образом, крестьянство в Бирме в период междоусобиц противостояло общинами или близкими ей коллективами многочисленным врагам и угнетателям.

К XV в. относятся первые дошедшие до нас памятники бирманской поэзии; в 1509 г. стихотворение бирманского поэта Махасилавамсы было выбито на камне.

9. Захват Авы шанами

В правление Нарapati Авское государство в союзе с Китаем вело успешную борьбу против шанов. Шаны, один из собв которых, Тонганбва, мечтал возродить могущественное Наньчжао, угрожали южным границам Китая и полностью перекрыли торговые пути на юго-запад. В 1442 г. китайцы разбили Тонганбву, и он бежал сначала в княжество Мохньин, а затем, спасаясь от китайской [82] армии, в княжество Кале, которое именно в этот момент находилось в состоянии войны с бирманцами. Когда бирманцы захватили столицу Кале, в руки им попал не только местный правитель, но и его гость — сам Тонганбва.

Шаны очутились меж двух огней. К 1445 г. бирманцы успели раньше китайцев покорить шанские племена на севере Бирмы; когда же они столкнулись с наступавшими с севера китайскими войсками, потребовавшими выдачи Тонганбвы, то дали им бой, в котором китайцы были разбиты. Об этом свидетельствуют надписи — наиболее важный документ эпохи.

Надписей, рассказывающих о дальнейшем развитии бирмано-китайских взаимоотношений того периода, не сохранилось, но хроники уверяют, что китайцы собрали новую армию и подошли к Аве. Тогда Нарapati согласился выдать шанского князя, но тот, чтобы не попасть к китайцам, кончил жизнь самоубийством. С китайцами был заключен мир, и их войска даже помогли бирманскому царю разгромить одного из восставших вассалов, князя города Яметин, и поддерживающую его коалицию феодалов.

В очередной раз номинально признав верховную власть Китая, Ава получила взамен этого южную часть княжества Мохньин. Однако просьбы Нарapati и его преемника Сихасуры о передаче всего Мохньина не были удовлетворены китайцами, не желавшими усиления Авы. Вскоре оправившиеся от разгрома шаны с новыми силами взяли за набеги на Аву, и авские правители конца XV— начала XVI в., не способные установить мир даже внутри Бирмы и полностью зависящие от того, какая коалиция бирманских феодалов их поддерживает, начали отступать под напором шанов. Уже в 1507 г. бирманцы были вынуждены пойти на унижительный договор с Мохньином, по которому Ава лишилась части своей территории. В 1527 г. шаны взяли и разграбили Аву, ее последний царь-бирманец был убит; китайские войска, введенные в Северную Бирму, не смогли помешать разгрому Авского царства.

На престоле в Аве утвердились шанские вожди, одному из которых бирманские хроники приписывают слова: «Бирманские пагоды не имеют ничего общего с религией — это просто сундуки с драгоценностями». Подобные заявления «язычника» были открытым призывом к [83] уничтожению «сундуков» и разрушению буддийских святынь. Бирманские хроники, описывающие годы шанского владычества, полны устрашающих описаний издевательств, грабежей и убийств. Даже монастыри, до тех пор остававшиеся нетронутыми островками в море войн, были разграблены и сожжены. Кто только мог, бежал из Авского царства. Наиболее известным был путь на юго-восток, в княжество Таунгу — извечный приют бирманских беженцев.

После того как прошел угар завоевания, шанские князья, занимавшие престол в Аве, несколько умерили свои воинственные наклонности. Вступивший на престол в Аве в 1546 г. шанский князь Мобье Нарapati принял буддизм и даже построил пагоду. Воздействие хоть и покоренного, но более развитого народа начало сказываться уже через несколько лет после падения Авы.

Итак, в 1527 г. в Бирме, если не считать откупившегося от шанов формальным признанием их власти и стоявшего в стороне от основных путей княжества Таунгу, не осталось самостоятельных бирманских государств: север и центр страны захватили шаны,

на юге процветало монское государство, на западе укрепился независимый Аракан. Однако такое положение не могло продолжаться долго. Несмотря на беды последних десятилетий, бирманский народ, уже сложившийся как этническое целое и превосходивший завоевателей не только по уровню развития, но и численно, стремился к независимости.

10. Аракан в XV—XVI вв.

Цари Пагана рассматривали Аракан, населенный родственным бирманцам народом (возможно, одним из отделившихся от бирманцев в ходе миграции племен), как часть Паганского царства. Однако в Аракане всегда был собственный правитель, хотя и вассал Пагана; управляя по мере сил интригами при араканском дворе, паганские цари осуществляли почти постоянный контроль над жизнью Аракана.

Аракан был нужен Пагану не только как вассальное государство, расположенное на побережье Бенгальского залива и поэтому важное в экономическом и политическом отношении, но и с точки зрения религиозной: в Аракане [84] находилась одна из основных святынь, буддистов Бирмы — статуя Махамуни. С Центральной Бирмой Аракан был связан хорошей дорогой, построенной в XI в. и пересекавшей араканские горы и джунгли. По этой дороге шли паломники и торговые караваны.

После падения Пагана правители Пиньи, а затем и цари Авы продолжали считать Аракан своей вотчиной. Однако эта зависимость становилась все более номинальной. Араканцы часто шли на союз с монами и выступали против своего сюзерена, совершая набеги на Центральную Бирму. В 1406 г. бирманские войска предприняли поход в Аракан и, свергнув царя Минеомвана, который бежал в Индию, посадили на престол своего ставленника.

К этому времени связи Аракана с Бенгалией — независимым султанатом со столицей в Гауре — значительно окрепли. Проникший в Аракан ислам не получил широкого распространения, однако стал религией правящей верхушки. В отличие от собственно Бирмы Аракан был одним из звеньев в цепи основных пунктов мировой торговли пряностями. Выгодное положение на стратегически важном отрезке великого торгового пути позволило Аракану, несмотря на относительно малые размеры, начиная с XV в. играть самостоятельную роль в азиатской политике.

В 1430 г. Минсомван, получив помощь бенгальцев, вернулся в Аракан и, перенеся столицу в Мраук У, объявил о создании независимого от Бирмы Араканского царства, признававшего верховное владычество бенгальских султанов. Таким образом, Аракан превратился в буферное государство между мусульманским и буддийским миром. С мусульманскими государствами Индии Аракан был связан как экономически, так и политически. Однако население царства по происхождению было тибето-бирманским, родственным населению Юго-Восточной Азии, и буддизм, процветавший там в течение тысячелетия, по-прежнему оставался основной религией населения страны.

По-разному сложились для Бирмы и Аракана отношения с европейцами. Если в судьбе Бирмы они не играли значительной роли до XIX в., то Аракан стал одной из основных баз португальской экспансии в Азии. В 1517 г. португальский авантюрист Жоао де Силвейра прибыл в [85] Аракан и сравнительно быстро договорился с царем, который в обмен на некоторые территориальные уступки и торговые концессии получал португальскую военную помощь, т. е. огнестрельное оружие, наемников и содействие в создании флота. То, чего португальцы не могли добиться в более развитых и сильных государствах, они получили в маленьком и слабом Аракане, властители которого были склонны к союзу с любой силой, могущей обеспечить им независимость и защитить как от набегов бирманцев и шанов, так и от чрезмерных требований Бенгалии.

Португальцы помогли Аракану обнести столицу Мраук У современными укреплениями, передали араканцам артиллерию, обучили и снарядили небольшую

араканскую армию, огневая мощь и европейская выучка которой гарантировали ей преимущество над превосходящими силами соседей

Взошедший на престол в 1531 г. царь Минбин, воспользовавшись борьбой за власть в Бенгалии, оккупировал восточные провинции султаната и создал там вассальное государство, управляемое советом из 12 раджей, регулярно плативших Аракану дань. Восточная Бенгалия оставалась под властью Аракана до 1666 г. При Минбине в Мраук У было построено множество храмов и дворцов своеобразного эклектичного стиля, нетипичного для других городов Бирмы и отличающегося от индийского. Минбин чеканил монету, титуловал себя султаном, перестроил свой двор по образцу двора в Дели, однако не забывал совершать паломничества к буддийской святыне Махамуни.

Во второй половине XVI в. император Акбар покорил Бенгалию, и Аракан стал соседом Великих Моголов. Царь Аракана передал португальцам землю у Читтагонга в Бенгалии с условием, чтобы португальский гарнизон помогал ему охранять восточные границы. Португальцы были ненадежными наемниками, и за ними приходилось внимательно следить. Один из них, Гонзалеш Тибао, пытался даже захватить столицу Аракана, но был разбит и бежал.

С середины XV в., пользуясь раздорами в Бирме, Аракан начал вмешиваться в дела своих восточных соседей, и в этом направлении ему также удалось добиться территориальных приобретений. [86]

11. Государство Пегу в XV — начале XVI в.

После окончания войн с Авой в 1422 г. для монского государства Пегу наступил длительный период спокойствия. Моны использовали выгоды своего положения на торговом пути Ближний Восток — Малакка и, хотя и в меньшей степени, чем араканцы, вступили в контакт с европейцами, появившимися в это время в Юго-Восточной Азии.

В 1435 г. в Пегу жил венецианец Пикколо ди Конти, который через Аракан проник в Аву и оттуда в один из крупных монских городов, вероятно Пегу или Мартабан. К 1470 г. относятся сведения Афанасия Никитина, путешествовавшего по Индии и узнавшего о Пегу со слов торговцев. Итальянцы Иеронимо ди Санто Стефано и Лодовико ди Вартема побывали в Пегу в самом конце XV в. и оставили краткие описания столицы монов. Вартема вел торговые дела с самим царем Пегу и остался весьма доволен. В его описании Юго-Восточной Азии, переведенном вскоре на многие языки, монское царство предстает как сильное и процветающее торговое государство, вся экономика которого связана с внешней торговлей, но которое вынуждено тратить большие средства на оборону северных границ. У монского царя, по словам Вартемы, не оказалось даже наличных денег для того, чтобы рассчитаться за кораллы, и он платил за них рубинами.

Если первыми европейцами, побывавшими в Бирме, были предприимчивые итальянцы, опиравшиеся только на собственную смекалку и не имевшие никакой военной защиты, то последовавшие за ними португальцы пришли в Азию по разведанным итальянцами путям уже под охраной пушек. Поскольку их основной целью были пряности, они больше интересовались Малаккой, и Пегу остался в стороне от главного направления португальской экспансии. Но полностью игнорировать монское государство португальцы не могли — Пегу был важным перевалочным пунктом на пути к островам пряностей. В 1512 г. при дворе монского царя Бинья Рана II появился посол португальцев. Перед ним была поставлена ограниченная цель — признание монами захвата португальцами Малакки. Моны не только не возражали против действий португальцев, но даже согласились на создание в Мартабане [87] португальской фактории, которая функционировала там в течение 100 лет.

Вслед за послами и торговцами появились португальские наемники—обычная деталь азиатского политического пейзажа XVI в. Они высоко ценились азиатскими монархами, потому что владели огнестрельным оружием, и, конечно, им цены не было в

Бирме, где моны все время защищались от шанов, шаны воевали с бирманцами, а усиливающееся за счет притока беженцев княжество Таунгу начинало претендовать на важную роль на политической сцене страны.

В XV—XVI вв. монское государство, как наиболее спокойный район Бирмы, стал центром ее духовной жизни. В середине XV в. была доведена до высоты в 90 м великолепная пагода Шведагон в нынешнем Рангуне, построена пагода Швемодо в Пегу. Были направлены миссии на Цейлон; правитель монов, бывший монах Дхаммазеди, составил сборник моральных наставлений, известный в Бирме и сейчас, а также провел некоторые организационные реформы в буддийской церкви.

Как идеологические мероприятия монских государей, так и религиозное строительство и литература того периода несут на себе явные следы паганского влияния. Авторитет Пагана был так велик в стране монов, что даже длительная политическая оторванность от Бирмы не смогла уничтожить культурного единства между бирманцами и монами, сложившегося в паганский период.

Разгром Авы шанами и ликвидация бирманского государства не оказали немедленного влияния на жизнь монов. В течение десятилетий моны воспринимали набеги шанов и походы бирманцев как единое целое, не дифференцируя авские или шанские вторжения. И те и другие именовались в монских хрониках шанами, что было синонимом «варваров» вообще. Так что переход власти в Аве в руки шанов был, очевидно, воспринят как очередной дворцовый переворот, тем более что положение на северных границах монского государства не изменилось — все так же с окончанием дождливого сезона монскому царю приходилось собирать армию для того, чтобы отражать набеги соседей.

В 1527 г. на престол в Пегу вступил царь Такаюпи. Ничто, казалось, не предвещало грозных событий, нависших над государством монов. [88]

ГЛАВА IV ВЕЛИКИЕ ЦАРИ (1531—1752)

1. Бирмано-сиамские войны

Во время разгрома шанами Авы (1527) в Таунгу правил князь Минджино, бывший формально вассалом Авы. Отступавшие под ударами шанских войск отряды бирманских феодалов уходили не югу, в долину Ситауна. Туда же двигались волны беженцев — крестьян, монахов, горожан. Минджино не отказывал в приюте бирманцам. Каждый из них находил себе место в слабонаселенном и обширном княжестве. Множество солдат вливались в войско Таунгу. Минджино не только принимал «гостей»: укрепив свои военные силы отрядами признавших его власть бирманских князей, он совершил поход на север, навстречу потоку беженцев, и присоединил долину Чаусхе к своим владениям. Теперь в его распоряжении был основной сельскохозяйственный район страны, и, что важнее, с завоеванием Чаусхе он сильно нарушил коммуникации шанов, находившихся в Аве, и приобрел репутацию царя-освободителя.

В 1531 г. Минджино умер, не успев выполнить задачи объединения Бирмы и изгнания шанов. Его преемник Табиншветхи (1531—1550), двадцатилетний энергичный принц, кроме этой задачи получил в наследство самое густонаселенное бирманское княжество в стране и большую армию, горевшую желанием разделаться с врагами, вернуть Бирме славу, а себе — потерянные земли.

Табиншветхи — фигура яркая и противоречивая. Как часто бывает в истории, в момент, когда, казалось, все было потеряно, объединенный общей целью народ выдвинул вождя, олицетворявшего энергию народа. Однако если Тилуин Ман и позже Алаунпая были не только [89] полководцами, но и государственными деятелями, способными

закрепить достигнутые успехи, Табиншветхи, начавший борьбу в 20 лет, до конца своих дней оставался юношей, мечтающим стать Чакравартином — завоевателем мира, не могущим соразмерить желаний и возможностей и отказывающимся от очевидной цели ради неустойчивого миража, рожденного непомерным честолюбием.

Табиншветхи начал завоевательные войны походам на Пегу. Этот шаг на первый взгляд может показаться нелогичным: ведь долина Чаусхе представляла хороший плацдарм для прямого нападения на Аву, в которой шла борьба между шанскими собвами. Но Табиншветхи, видимо, понимал, что страна разграблена и пуста: население бежало, поля не давали риса и джунгли наступали на покинутые деревни. В то же время совсем рядом находилось богатейшее государство с большими городами, запасами товаров, плодородными полями. Его присоединение к Таунгу обеспечивало прочный тыл в борьбе против шанов.

Поход на Пегу был задуман и спланирован, очевидно, еще Минджино. Для этого в армию бирманцев был введен небольшой отряд португальских наемников. Табиншветхи оставил тыл неприкрытым, надеясь, что шаны слишком заняты своими делами, чтобы напасть на него, и внезапным броском овладел в 1535 г. дельтой Иравади, отрезав монов от возможной помощи как со стороны араканцев, так и со стороны Пром, который моны к этому времени захватили. После этого Табиншветхи приступил к осаде Пегу.

Столица монов держалась четыре года. Бирманские войска не умели штурмовать города, а португальские пушки оказались недостаточно мощными и не смогли разрушить стены цитадели Пегу. Только в результате предательства Пегу пал. Царь монов покинул город и бежал сначала в Моабин, потом в Пром. Вступив в город и присоединив его к Таунгу, Табиншветхи объявил монов равными бирманцам, чем привлек на свою сторону часть монской знати.

В 1541 г., усилив войско португальскими наемниками, служившими до того монам, Табиншветхи взял штурмом и разрушил не пожелавший сдаться Мартабан. Моулмейн при известии о судьбе Мартабана открыл ворота. [90] Пром, давший убежище монскому царю (который умер в 1539 г.) и надеявшийся устоять с помощью шанов и араканцев, был захвачен после пяти месяцев осады. Преследуя разбитые отряды монов и союзных им шанских князей, Табиншветхи дошел до Пагана и короновался там по обычаю паганской династии. Однако на Аву он и на этот раз не пошел, а повернул на юг, в Пегу. Короновавшись там еще раз по монскому обычаю (в 1546 г.), он объявил Пегу, крупнейший тогда город Бирмы, своей столицей.

Захватив Нижнюю Бирму, Табиншветхи выступил походом на Аракан, желая отомстить ему за поддержку монов и присоединить его к своим владениям. Однако построенные с помощью португальцев укрепления Мраук У оказались неприступными даже для португальских пушек Табиншветхи. Наемники араканцев встретились с наемниками бирманцев, и бирманцам пришлось отступить.

Первая крупная неудача еще не сломила Табиншветхи. Узнав о том, что в Аютии идет борьба за престол, он прекратил осаду Мраук У и под предлогом того, что сиамцы совершили набег на Тавой на юге Тенассерима, двинул войска на Сиам. На эту войну Табиншветхи делал решающую ставку. Войско, которое он повел на Аютию осенью 1548 г., было громадным. Одних португальских наемников было более 400. За царем, ехавшим на белом слоне, двигалась артиллерия и несколько сот слонов с башнями на спинах. Тысячи пленных прокладывали дорогу в джунглях.

В начале 1549 г. Табиншветхи достиг Аютии, но взять ее не смог. Пришлось отступить, и Табиншветхи с трудом сохранил войско в джунглях на обратном пути, где на него непрерывно нападали сиамские отряды. Мечта о мировом господстве рухнула, и, когда Табиншветхи вернулся в Пегу, оказалось, что он не достиг даже основной цели — объединения Бирмы и возвращения бирманских областей. Табиншветхи не смог вынести разочарования и отошел от дел, передав военное руководство своему шурина Байиннауну.

Пока Байиннаун был в походе, подавляя одно из многочисленных восстаний, моны во главе с одним из членов монской царской семьи подняли восстание и убили в 1550 г. Табиншветхи. Немедленно поднялась вся страна; владельцы отдельных княжеств поспешили вернуть себе [91] независимость, и государство Табиншветхи в несколько недель перестало существовать.

Байиннаун вернулся в Таунгу, отбил его у соперников, короновался и вновь начал войну против монов. С большим трудом подавив их восстание, Байиннаун решил не повторять ошибок своего предшественника, а сначала объединить всю Бирму. В 1555 г., после удачной военной операции, в которой участвовали две колонны, наступавшие на Аву со стороны Пагана и со стороны Таунгу, столица пала, и, преследуя шанов, Байиннаун присоединил к своему царству всю Верхнюю Бирму.

В течение следующего сухого сезона Байиннаун провел успешную кампанию в шанских горах и в течение трех лет покорил все шанские княжества между Бирмой и Китаем. Эта кампания отличалась от обычных карательных походов его предшественников. Байиннаун поставил целью действительно включить шанские княжества в состав своего царства. Независимость их была значительно урезана, старшие сыновья должны были отныне воспитываться при царском дворе, были запрещены человеческие жертвы и для более организованного перехода шанов в буддизм в горах построили несколько десятков монастырей и направили туда монахов-миссионеров.

После покорения шанов Байиннаун совершил поход на государство Чиангмай, захватил его и вывез в Бирму большое число ремесленников и богатую добычу. Таким образом, для дальнейшей войны против Аютии Байиннаун в отличие от Табиншветхи подготовил почву не только тем, что получил ресурсы всей Бирмы, но и тем, что, установив контроль над Чиангмаем, взял Аютию в клещи. В 1563 г. бирманские войска вышли в поход на Аютию, в следующем году овладели ею, взяли в плен царя, знатных заложников, множество рабов и обложили Аютию данью. Посадив на трон в Аютии одного из тайских принцев, Байиннаун стал готовиться к установлению господства над всем Сиамом, но тут пришло известие о том, что снова восстали моны. Байиннаун оставил войско сыну и поспешил домой.

Объединение Бирмы и покорение монского государства произошло так быстро, что не могло быть и речи о единстве державы Байиннауна без контроля военной силы. Не только монское и араканское государства, но и [92] такие княжества, как Пром, Яметин и другие, за 250 лет феодальной раздробленности настолько обособились, что при первой же возможности немедленно восставали. Однако если правителей Прома и других городов обуревала феодальная страсть к округлению домена и сохранению феодальных прав и привилегий, то моны чувствовали себя народом, который не может жить под властью бирманцев, и восстания монов были наиболее упорны и кровопролитны. Шла борьба не только между властителями, но и между народом и армией захватчика. Любой переворот в Таунгу, а также военные походы бирманских царей, уводившие их за пределы страны, почти наверняка вызывали вспышку восстаний монов.

К тому времени, когда Байиннаун вернулся, моны сожгли Пегу, в том числе и его дворец. Байиннаун подавил восстание, посадил несколько тысяч повстанцев в деревянные клетки, и только вмешательство монахов смогло остановить его от того, чтобы сжечь пленных живьем. Тем временем в Бирму вернулась армия, привезшая захваченных царей Чиангмая и Аютии.

Власть бирманцев и их ставленников держалась в Сиаме в течение двух лет. Отпущенный на родину царь Аютии, который ранее отрекся от мира и ушел в монахи, вернувшись домой, скинул монашескую тогу и склонил население к восстанию. Он рассчитывал также на помощь лаосцев, царь которых Сеттатират был непримиримым врагом бирманцев. В 1568 г. Байиннаун, собрав новую армию, в которой, по данным бирманских и тайских хроник, было более 500 тыс. человек, в том числе 1000

португальцев, выступил в поход и после многомесячной осады вновь овладел Лютней, снес стены города и увел в Бирму половину его населения.

В течение еще десяти лет Байиннаун снова и снова совершал походы против западных и восточных соседей и подавлял восстания. Смерть настигла его в тот момент, когда он готовил решительную экспедицию против Аракана, претендовавшего на власть над дельтой Иравади и Промом.

За тридцать лет правления Байиннаун показал себя весьма зрелым государственным деятелем. Все его действия указывают на большой стратегический талант. Кампании проводились продуманно и были успешными; в случае неудач Байиннаун всегда находил в себе силы начать [93] все снова. И все-таки Байиннаун был не менее трагической фигурой, чем Табиншветхи. Вся его жизнь была заполнена борьбой за строительство империи, которой не суждено было пережить своего создателя. Байиннауну пришлось по многу раз повторять походы и карательные экспедиции, но стоило ему на секунду ослабить контроль над подвластными землями, как их охватывали восстания. Этот крупнейший полководец и государственный деятель Бирмы привел страну на грань новой катастрофы и разорил ее больше, чем нашествия шанов. Однако вряд ли Байиннаун задумывался об этом. Его вела завещанная Табиншветхи идея буддийского властелина мира — Чакравартина.

2. Крушение империи

Если Табиншветхи получил от отца потенциально богатое, растущее княжество, а Байиннауну досталось от Табиншветхи хоть и недостроенное, но все-таки находящееся на подъеме государство, то сын Байиннауна, Нан-дабайин, третий из великих царей Бирмы XVI в., получил в наследство не столько империю, сколько фантом, государство, охватившее территорию, которую невозможно было удержать, населенное враждебными друг другу и в первую очередь бирманцам народами, разоренное и измученное. Продолжать политику отца Нандабайин не мог. Жестоко подавив обычные для перехода власти от одного царя к другому восстания (в числе восставших были дядя царя и некоторые министры), Нандабайин в очередной раз принялся покорять восставший Сиам. На этот раз престол там занял молодой Пра Нарет, родственник бирманского царя (Байиннаун женился на сестре сиамского принца, и Пра Нарет приходился Нандабайину дядей). Пра Нарет не только разгромил небольшие отряды бирманских вассалов, но и в двух больших войнах разбил армию Нандабайина. В последней из этих войн, в 1587 г., бирманское войско полгода осаждало Аютию, но было вынуждено уйти обратно; от полного разгрома бирманцев выручило только появление в Сиаме камбоджийских войск, которые отвлекли внимание Пра Нарета от преследования Иандабайина.

Государство Нандабайина находилось на роковой грани. Восстания сотрясали страну. Нандабайин жестоко [94] подавлял их, но они вспыхивали снова и снова, особенно в монских землях, более других разоренных поборами и проходящими в Сиам и обратно войсками.

В 1587—1593 гг. Нандабайин совершил три похода в Сиам, и все они были неудачны. В 1592 г. в Сиаме погиб наследник бирманского престола. Покорение Сиамы каждым годом становилось все более иллюзорной целью. Войны с Сиамом не были нужны разоренной Бирме. Войны же с Бирмой для сиамцев были войнами за национальную независимость. И исход их, неблагоприятный для завоевателей, был предопределен еще в царствование Байиннауна.

Выполнение задачи Наресуана (под этим именем короновался Пра Нарет), желавшего добиться полной независимости от Бирмы и гарантировать себя от опасности с запада в будущем, значительно облегчалось тем, что Пра Нарет много лет провел в почетном плену у Байиннауна и знал и силу и слабость своего соперника. И основной слабостью его — ненавистью монов к бирманцам — он воспользовался.

Отразив последнее нападение Нандабайина и разгромив Камбоджу для того, чтобы обезопасить свой тыл, Наресуан повел свои войска на крайний юг Бирмы, к Тенассериму. Моны встретили сиамцев как освободителей и, понимая это, Наресуан относился к ним не как к побежденным, а как к союзникам. Результаты не замедлили сказаться. Узнав о появлении сиамцев, восстал губернатор порта Моулмейн. Моны Моулмейна обратились к Наресуану с просьбой о помощи против осаждавшей их бирманской армии. Наресуан откликнулся на призыв и не только присоединил к своим владениям Моулмейн, но заодно, преследуя отступавших бирманцев, взял Мартабан, крупнейший после Пегу монский порт.

В 1595 г. сиамские и монские войска были уже под стенами Пегу. Правда, бирманские войска, пришедшие из Таунгу, Прома и Чиангмая, в последний момент отразили угрозу столице, но они так и не смогли спасти державу Нандабайина.

В крупнейших городах государства — Таунгу, Аве и Проме — правили братья Нандабайина. Один из них, правитель Таунгу, пришел старшему брату на помощь, однако другой, правитель Лрома, немедленно напал на оставленный без защиты Таунгу. Как только авторитет [95] Нандабайина пошатнулся, братья начали борьбу за власть, и у Нандабайина не оказалось достаточно сил, чтобы остановить эту грызню. Его войско состояло в большей части из вассальных отрядов крупнейших феодалов, и как только князья занялись войной между собой, Нандабайин потерял и армию. Его держава распалась и рухнула. Моулмейн и Мартабан остались в руках сиамцев. Чиангмай не смог противостоять нашествию лаосцев и призвал на помощь сиамские войска, заплатив за это вассальной зависимостью Сиаму.

Правитель Таунгу, поссорившись с Нандабайином, заключил союз с араканцами и вместе с ними осадил и взял Пегу, в котором скрывался Нандабайин. Наресуан бросился было к Пегу, чтобы принять участие в дележе добычи, но опоздал: правитель Таунгу взял Нандабайина в плен. Пегу, разрушенный и горящий, достался на разграбление араканцам, которые увели тысячи монов и бирманцев. Наресуан направился к Таунгу, надеясь превратить Нижнюю Бирму в вассальное государство, однако у себя дома бирманцы нанесли ему поражение. Сиамцы отступили к югу, Нандабайин вскоре был убит в плену, и страна вновь раскололась на несколько царств. Араканцы удержали дельту с портом Сириам, сиамцы захватили юго-восточные районы Бирмы, а остальная ее территория была поделена между враждующими феодалами, каждый из которых считал себя царем всей Бирмы. Второй взлет бирманского царства был еще короче, чем первый. За 50 лет бирманские цари создали обширную державу — ни до, ни после этого под их властью не было таких огромных территорий. Но падение царства было столь же быстрым, сколь и возвышение.

3. Захват Сириама Филипом де Бриту

Царь Аракана, основательно округливший свои владения за счет южных провинций Бирмы и, судя по араканским источникам, временно захвативший даже такие центры, как Бассейн и Пром, наибольшее значение из новых приобретений придавал порту Сириам в дельте Иравади, неподалеку от современного Рангуна. Аракан был морской страной, и Сириам был нужен ему как пункт, контролирующей важнейшую водную артерию Бирмы, и [96] как порт на Бенгальском заливе, база для кораблей, идущих из Индии в Сиам и Малакку.

В араканский гарнизон, размещенный в Сириаме, входил отряд португальцев, командиром которого был Филип де Бриту. Вместе с ним в город приехали два иезуитских миссионера. Перу одного из них принадлежит описание Нижней Бирмы 1600 г., по которой только что прокатились враждующие армии. «Печальное зрелище,— пишет иезуит, — являли берега рек, обсаженные бесконечными рядами фруктовых деревьев, где теперь лежали в развалинах позолоченные храмы и величественные строения; дороги,

поля были усеяны черепами и костями несчастных пегуанцев, убитых или погибших от голода. Их сбрасывали в реку в таком числе, что множество трупов преграждало путь кораблям».

Вскоре после прибытия в Сириам де Бриту понял, что в его руках прекрасная возможность овладеть Нижней Бирмой и, если нужно, передать эту страну Португалии. Построив крепость и изгнав из нее араканцев, де Бриту отправился в Гоа и получил признание португальского вице-короля. Португальцы, которые в эти годы повсюду в Азии теряли позиции, были несказанно рады представившейся возможности овладеть целым государством. Де Бриту был присвоен чин генерал-капитана, и вице-король даже выдал за этого дотоле неизвестного авантюриста свою дочь. Затем португальцам удалось получить согласие монской знати на признание де Бриту «королем» Нижней Бирмы. Отразив два карательных похода араканцев (второй поход был предпринят ими совместно с правителем Таунгу), де Бриту надежно укрепился на своем троне, добившись признания Таунгу и Аракана и пользуясь поддержкой захваченного сиамцами Мартабана.

Де Бриту принадлежали восточная часть обширной дельты Иравади и некоторые земли к востоку от дельты, вплоть до сиамских владений. Решив, что власть Португалии в Нижней Бирме вечна, де Бриту изменил своей политике дружбы со своими соседями и терпимости по отношению к подданным. Он начал насильно крестить население, переливать пагодные колокола и статуи Будды на пушки, сдирать с пагод золото. Историки, которые пишут об ошибках де Бриту, не учитывают, что для португальского авантюриста XVI в. такое поведение было естественным [97] и удивительнее было бы, если бы де Бриту этих «ошибок» не совершал. Португальцы постепенно восстановили против себя население, и только их пушки и мушкеты удерживали «королевство» от гибели. Государство де Бриту могло существовать только до тех пор, пока в Бирме царила анархия; после объединения страны Сириам неизбежно должен был пасть. Так вскоре и произошло.

4. Отказ от завоеваний

Анаупхелун был сыном одного из братьев Нандабайина. Как говорилось выше, первый из них, правитель Таунгу, разгромил и убил Нандабайина. Второй, правитель Пром, напав на Таунгу, потерял царство и жизнь. Третий же, правитель Авы, остался в стороне от основных военных конфликтов конца XVI в. и потому мог с полным основанием заявлять, что является продолжателем дела Нандабайина и его наследником. В те годы, когда араканцы, таунгцы и сиамцы делили Южную Бирму, правитель Авы и его сын Анаупхелун, вступивший на престол в Аве в 1605 г., были заняты борьбой с шанами, которые возобновили набеги на Центральную Бирму.

За два года, прошедшие после вступления на престол, Анаупхелун нейтрализовал шанов и опустошил их земли. Обеспечив тыл и укрепив войско шанской конницей, он пошел на юг. В 1607 г. Анаупхелун взял Пром, а в 1610 г. разбил своего дядю, царя Таунгу, и заставил его признать свою власть.

Пока Анаупхелун покорял различные княжества и царства Центральной и Южной Бирмы, де Бриту, все более активно вмешивавшийся в бирманские дела, вместе со своими монскими союзниками подошел к Таунгу и взял царя Таунгу в плен. Впрочем, некоторые бирманские хроники уверяют, что царь Таунгу бежал в Сириам от гнева Анаупхелуна в 1613 г., и тот, осадив Сириам, даже предложил португальцу прощение, если он выдаст убийцу Нандабайина. Как бы то ни было, взяв Сириам, Анаупхелун казнил и де Бриту и своего дядю.

После взятия Сириама Анаупхелун мог считать, что большая часть страны вернулась под власть бирманцев. Его попытка отнять у сиамцев Тенассерим окончилась [98] неудачей, и он обосновался в Пегу, сделав его, вслед за Байиннауном, своей столицей. Пленных португальцев Анаупхелун поселил в деревнях Верхней Бирмы. Потомки этих

пленников, из числа которых бирманские цари впоследствии набирали артиллеристов, и по сей день живут в округе Шуэбо.

В 1615 г. Анаупхелун покорил Чиангмай и превратил эту страну в бирманскую провинцию. Правителем Чиангмая он сделал своего сына, учтя печальный опыт предшественников, которые оставляли на чиангмайском престоле представителя местной династии, поднимавшего восстание, лишь только бирманские войска покидали пределы царства.

Анаупхелун вел политику умиротворения монов и стремился к созданию единого монско-бирманского государства. В годы его царствования не было крупных монских восстаний и не было попыток ограничить монов в правах. По всей стране люди понемногу стали возвращаться на покинутые места, развивались торговля и ремесло. Этому немало способствовало и то, что Анаупхелун не вел войн против Сиам. Он не отказывался от подобной перспективы и, если верить сиамским хроникам, даже пытался выяснить в Гоа, не помогут ли ему португальцы. Но никаких реальных шагов он не предпринимал и даже не принял прибывшего из Гоа португальского посла.

Однако уже само то, что столица страны находилась в Пегу, близ моря и недалеко от границы с Сиамом, подсказывало, что Анаупхелун не отказался от политики своих предшественников. Бирма держала свои порты открытыми для иностранных купцов, и в монских портах по-прежнему отдавали якоря португальские, индийские, малаккские, голландские и английские суда. Анаупхелун даже предлагал английской Ост-Индской компании установить торговые отношения. Рано или поздно война с Сиамом должна была начаться, потому что и для той и для другой стороны был весьма важен вопрос контроля над Тенассеримом и его портами.

В 1628 г. Анаупхелун начал готовиться к войне с Сиамом, но в самый разгар подготовки был убит. Во главе заговора, приведшего к убийству царя, стоял сын Анаупхелуна, который, как уверяют хроники, боялся наказания за любовную связь с одной из наложниц отца. Однако причины убийства Анаупхелуна, по-видимому, были [99] сложнее, и свидетельство этому — последующие события.

Наследник Анаупхелуна не продержался на престоле и года. Один из братьев Анаупхелуна, Талун, возвратившись из Верхней Бирмы, убил юного царя и занял трон. На Совете государства было решено: немедленно приостановить подготовку похода на Сиам, прекратить политику единства с монами и, наконец, перенести столицу на север, подальше от моря, в традиционные бирманские земли — в Аву. Таким образом, Талун и поддерживавшие его вельможи, в основном северная аристократия, одним ударом ликвидировали мечты Табиншветхи, Байиннауна, Нандабайина и Анаупхелуна. Та часть бирманцев, взгляды которых выражали новые хозяева страны, не желала больше бессмысленного, по ее мнению, самоуничтожения в войнах за ничего не говорящие идеалы.

Возможно, наиболее прозорливые из бирманских князей сознавали, что с переносом столицы далеко на север бирманцы потеряют власть над югом и немедленно уступят Тенассерим Сиаму. Но вожди движения пошли и на это. В этом выразилась усталость народа, вынужденного в течение 100 лет почти непрерывно воевать в джунглях Сиам и под стенами Аютии, в то время как дома на родном севере оставались беззащитными, и их разоряли шанские отряды и войска своих, бирманских, феодалов. Реакция на провал завоевательной политики была так сильна, что с тех пор, вплоть до падения бирманского царства в XIX в., столица страны всегда оставалась в небольшом районе Ава — Амарapura — Мандалай и была настолько далеко от моря, от торговых путей нового времени, что замкнувшаяся в себе Бирма очень слабо участвовала в мировой торговле, в мировых отношениях и в мировом обмене культурными ценностями.

5. Внутреннее положение Бирмы во второй половине XVII в.

«Старобирманская реакция» означала продолжение чуть не оборвавшейся в конце правления Анаупхелуна передышки, возможность жить в мире. Хроники, своеобразно отражающие общественное мнение о том или ином правителе, для Талуна находят очень теплые слова, именуя [100] его добрейшим и мудрейшим из царей. Вскользь упоминается о том, что он жестоко подавил восстание монов, зато подробно рассказывается о его реформах, его благочестии и мудрости.

С именем Талуна действительно связаны некоторые важные события во внутренней жизни Бирмы. Они были подготовлены изменениями в структуре общества, начавшимися еще в правление великих царей и оформленными в правление Талуна — в период «подведения итогов».

Первые два крупных мероприятия Талуна были направлены, в сущности, против монастырей, оставшихся и в XVII в. крупнейшими и богатейшими землевладельцами и рабовладельцами страны и основными соперниками стремящихся к абсолютизму монархов. Эти мероприятия свидетельствуют о том, что бирманская феодальная вольница была уже основательно подкошена и верховная власть царя значительно упрочилась.

Первым мероприятием был запрет посвящать пагодам и передавать в монастырские рабы — чваш — военнопленных. Отныне они оставались в царском домене и селились в качестве зависимых крестьян в Чаусхе и других районах. Их функции и статус значительно отличались от статуса асанов—свободных земледельцев. В обязанности бывших военнопленных входило прежде всего поддержание в порядке ирригационной сети и рытье новых каналов и водоемов. За это они получали участки земли. Кроме того, они должны были нести военную службу. Эту категорию населения Бирмы можно условно назвать государственными крепостными.

Не сохранилось сведений о реакции монастырей на этот весьма важный шаг. Очевидно, царь справился с недовольством, ибо если бы оно перешло известные пределы, это нашло бы отражение в хрониках и надписях.

Вторым важным мероприятием Талуна было проведение первой в истории Бирмы переписи одновременно с составлением кадастровой книги царства. Можно предполагать, что эта книга составлялась так же, как впоследствии, в XVIII и XIX вв., т. е. состояла из данных под присягой сведений деревенских старост о населении деревни, полях и садах, налогах и т. д. В ходе составления кадастра выявлялись спорные земли монастырей и знати, которые передавались в казну. [101]

При Талуне был составлен свод законов, отличавшийся от книг такого рода, появившихся в Бирме ранее, тем, что он был написан не на пали, а на бирманском языке.

Наследовавший Талуну его сын Пиндале (1648 — 1661) продолжал политику отца, однако ему пришлось вести серьезные бои на севере из-за того, что он ввязался в конфликт между захватившими Китай маньчжурами и сторонниками свергнутой династии Мин. В 1658 г. бывший минский император бежал из Юньнани в Бирму, и здесь его и его сторонников разоружили и поселили в Сагайне, неподалеку от столицы. Китайские отряды, среди которых были сторонники династии Мин, маньчжуры и просто бандитские шайки, неоднократно вторгались в Бирму и даже осаждали Аву. Несмотря на то что бирманская держава была все еще весьма обширна и мало уступала той, что осталась после смерти Анаупхелуна, Пиндале не смог организовать серьезного сопротивления китайским набегам. Не смог он и воспрепятствовать массовому бегству монов в Сиам, куда те скрывались от воинской службы, налогов и преследований. Попытка Пиндале преследовать монов закончилась поражением, которое нанесли бирманским войскам сиамцы.

Голландские торговцы в Сириаме сообщали в Батавию, что в стране царит хаос и что они вынуждены сами организовать оборону фактории. К 1661 г., писали они, торговля практически прекратилась. Бирманские хроники уверяют, что царские наложницы открыто спекулировали рисом, который из-за разорения долины Чаусхе китайскими набегам приходилось ввозить с юга. Царь не мог ничего поделать с создавшимся

положением, и в поисках выхода министры призвали на царство его брата Пье, который без особого труда взял штурмом царский дворец. Сначала он обещал сохранить жизнь брату и его семье, но потом, опасаясь, что у низложенного монарха найдутся сторонники, приказал утопить его вместе с семьей в реке: проливать царскую кровь считалось неудобным.

К такому же выводу о нежелательности терпеть пребывание в живых соперника пришел и новый император Китая, который в 1662 г. прислал Пье ультиматум, требуя выдать бывшего минского императора, жившего в Сагайне. Так как требование это было подкреплено вступившей в Бирму армией наместника Юньнани, Пье подчинился [102] ультиматуму — бывший император был увезен в Китай и там казнен.

Обстановка в соседних государствах складывалась в это время благоприятно для Бирмы. Маньчжуры разгромили мятежные китайские армии, сиамцы перенесли все внимание на Чиангмай, и Пье получил возможность укрепить свою власть в стране. После этого в течение 70 лет история Бирмы не знает ни блистательных походов, ни сокрушительных поражений. Правившие с 1673 по 1733 г. цари Минреджодин (1673—1698), Сане (1698—1714) и Таинганве (1714—1733) постепенно все более теряли реальную власть, превращаясь в марионеток в руках той или иной дворцовой клики. Центр страны оставался в Аве, и Бирма продолжала придерживаться политики определенной изоляции, управляя монскими провинциями, но не уделяя большого внимания их развитию или расширению взаимоотношений с другими странами. Интересен этот период прежде всего тем, что в ходе него сложилась структура бирманского общества, наиболее четко оформившаяся позже, в XVIII—XIX вв., и получила дальнейшее развитие бирманская культура — литература, искусство, язык.

6. Бирма и европейские державы в XVII-начале XVIII в.

С основанием на рубеже XVII в. английской и голландской Ост-Индских компаний эра Португалии в Азии завершилась. Еще несколько десятков лет португальцы отчаянно оборонялись, но их позиции становились все слабее, а экономически отсталая метрополия не могла прийти на помощь своим колониям. Основная борьба за рынки развернулась между Голландией и Англией. И несмотря на то что в отношении Бирмы европейская экспансия еще не играла важной роли (за исключением Аракана), сам факт укрепления позиций голландцев и англичан в соседних с Бирмой странах подготавливал почву для их последующего вторжения в Бирму.

Последней вспышкой португальской активности в Бирме можно считать инцидент с Себастьяном Тибаном, авантюристом и пиратом, провозгласившим себя королем араканского острова Сандвип в 1609 г., когда подходила [103] к концу более крупная авантюра де Бриту в Сириаме. Пользуясь поддержкой Гоа, Тибан и его пираты грабили побережья Аракана и Бенгалии до тех пор, пока их жертвы не объединились, и тогда, несмотря на участие в войне португальской эскадры, к 1617 г. остров Сандвип был захвачен араканцами.

Это еще не означало конца португальского пиратства в Бенгальском заливе. Последний рейд против Бенгалии португальцы совершили в 1664 г. Через два года после этого правитель Бенгалии уничтожил португальские базы и оккупировал не только португальские пиратские владения, но и всю территорию вокруг Читтагонга, которая до того входила в состав Аракана.

В течение XVII в. португальцы предприняли также несколько попыток укрепить католическое влияние как в Нижней Бирме, так и в Аракане. Однако уже в первой половине XVII в. стало очевидно, что активно вмешивавшиеся в политику португальские миссионеры не только не смогли обзавестись сколько-нибудь достаточным числом приверженцев христианства, но даже вынуждены были постепенно свертывать свою деятельность. Для голландской Ост-индской компании Бирма не представляла большого

интереса прежде всего из-за того, что в ней практически не было пряностей, а также из-за проводившейся Талуном и его преемниками политики, при которой бирманцы, даже допуская в страну иностранцев, не давали им развернуться и решительно пресекали их попытки вытеснить конкурентов или добиться каких-либо привилегий. Голландская фактория, основанная в Сириаме в 1635 г., в первые годы принесла большие прибыли (83 тыс. гульденов в 1639 г.), но уже к 1648 г. они составляли лишь 25 тыс. гульденов. Жалобы бирманским царям не помогали: те никак не соглашались предоставить голландцам преимущественные права в стране, а в равной конкурентной борьбе с монами и индийцами голландцы победить не могли. В 1679 г. голландская Ост-Индская компания закрыла свои фактории в Бирме.

В Аракане голландцам повезло больше, так как боровшиеся против португальских пиратов араканские правители надеялись использовать голландцев в этом конфликте. В 1610 г. голландцы основали факторию в Мраук У, а через пять лет они помогли араканскому царю в отражении нападения португальской эскадры на его столицу. [104] Однако вскоре они отказались участвовать в помощи Аражану и закрыли факторию. Впоследствии фактория в Мраук У в зависимости от политической обстановки несколько раз открывалась и закрывалась; помимо этого Аракан вел частную торговлю с голландцами. К 1653 г. относится торговый договор, по которому голландцы получали право на беспошлинную торговлю.

В 1665 г. наступил новый кризис в аракано-голландской торговле, связанный с очередной вспышкой войны между Араканом и Бенгалией. Так как Бенгалия, как торговый партнер, представляла больший интерес для голландцев, те тайно погрузили служащих и товары фактории на корабли и бежали из Аракана. Этот год можно считать годом прекращения голландско-араканских торговых контактов.

Англичане, проигрывавшие в XVII в. голландцам в борьбе за пряности, в Аракане не появлялись — там их конкуренты были слишком сильны. Однако в самой Бирме они время от времени пытались укрепиться.

В 1647 г. в Мадрасе разразился голод, нужно было срочно закупить рис. Для этого была выбрана Бирма, и англичане, появившиеся в Сириаме, основали здесь свою факторию. Первые годы фактория была весьма выгодным предприятием, однако уже в 1652 г., после начала первой англо-голландской войны, дела ее пошли хуже. Голландский флот был сильнее адглийского и блокировал английские фактории. Кроме того, как и голландцы, англичане не могли выдержать конкуренции с индийцами, монами и укрепившимися в Пегу в XVII в. армянскими купцами, а на предоставление привилегий бирманское правительство не шло. В 1657 г. фактория была закрыта.

После окончания войны с голландцами мадрасские власти решили восстановить торговые отношения с Бирмой. Это объяснялось тем, что некоторые из товаров, которые были бирманской монополией, — к примеру, шеллак и тик, — пользовались все большим спросом в Европе. Проект договора, который англичане привезли в Бирму, ставил английских купцов в привилегированное положение: в его условия входили такие требования, как снижение пошлин для англичан, экстерриториальность для английских купцов и т. п. Бирманский двор, не придававший большого значения торговле с англичанами, даже не стал рассматривать этих требований. И когда [105] через пять лет англичане опять обратились к Бирме с подобными предложениями, они снова получили отказ.

Конец XVII в. был переломным моментом в политике европейцев в Юго-Восточной Азии, и в частности в Бирме. В течение XVII в. расширился круг приносящих выгоду товаров, и Бирма вошла в число стран, рынки которых представляли интерес для европейских держав. Фактории, основанные европейцами в азиатских странах, перестали удовлетворять требованиям времени. Они были ненадежным форпостом: в любой момент правительство Бирмы, Сиама или Малайи могло выгнать торговцев из страны и конфисковать их имущество. Глава фактории и его помощники, даже если они

пользовались какими-то привилегиями, все равно оставались в глазах местного правительства просто купцами и, как таковые, не могли предъявлять чрезмерных претензий.

С конца XVII в. англичане, голландцы, а затем и французы переходят к захвату и последовательному расширению плацдармов, которые через 100 лет должны были превратиться в колонии. Наиболее острая борьба за преимущественное влияние развернулась сначала в Сиаме и той части Южной Бирмы (Мергуи), которая тогда принадлежала Сиаму. В 1686 г., не в силах сломить равнодушие бирманских властей, англичане попытались также захватить бирманский остров Негрэ в западной части дельты Иравади. Эта попытка закончилась неудачей, но, после того как в следующем году англичане и французы были вынуждены покинуть Сиам, их внимание снова приковала Бирма. Это внимание подогревалось все большим интересом, который вызывало тиковое дерево — лучший в мире материал для постройки кораблей.

В 1695 г. англичане послали в Бирму частного торговца Эдуарда Флитвуда. Он должен был договориться о том, чтобы англичане могли строить суда, покупать лес и набирать рабочую силу в Бирме. Бирманцы не возражали против постройки верфи в Сириаме, но требовали, чтобы англичане открыли и торговую факторию. В то время в Бирме торговали «е подвластные компании английские купцы, с которыми постоянно возникали конфликты, и бирманцы желали иметь дело с ответственным за всех англичан представителем.

Было достигнуто соглашение, по которому англичане могли построить верфь, но при выполнении двух условий: **[106]** в Сириаме поселялся фактор — «старший» над всеми английскими купцами, а суда, которые строились на верфи, не должны были превышать 50 т водоизмещением.

В Сириаме обосновался агент Ост-Индской компании, которому английские купцы подчинялись далеко не всегда, что приводило время от времени к конфликтам между англичанами. Второе условие англичане быстро научились обходить: 50-тонные суда строились с несоразмерно высокими мачтами, которые по приходе в Мадрас снимались и переносились на большие военные корабли.

Однако постепенно выяснилось, что постройка судов в Сириаме обходится значительно дороже, чем в Бомбее, так как бирманцы не желали снижать пошлин на тик. Не хватало в Бирме и опытных корабельных мастеров. В результате с 1741 г. на верфи в Сириаме перестали строить суда и лишь изредка ремонтировали их. Несмотря на то что торговля с Бирмой не приносила большой выгоды (позиции монских и армянских купцов оставались сильными, пошлины не снижались, тик подорожал в самой Бирме), англичане, для которых основным соперником с вытеснением голландцев в XVIII в. стали французы, не хотели терять опорного пункта в Бирме.

В 1729 г. по инициативе крупного колониального деятеля Франции Ж. Ф. Дюпле в Сириаме была основана французская верфь, качество судов на которой было выше, чем на английской. В середине 30-х годов французы намеревались даже расширить свою верфь, однако важные события во внутренней жизни Бирмы заставили и англичан и французов пересмотреть свои планы и изменить тактику по отношению к ней.

7. Наступление монов и падение Авы

В 1733 г. на престол в Аве вступил царь Махадхаммаяза Дипати (1733—1752). Бирма по-прежнему была единым целым, и, хотя наместники городов и провинций чувствовали себя достаточно вольготно, формально они продолжали оказывать нужные знаки повиновения Аве. Покорны были моны, прекратились набеги осевших на землю шанов. Аракан, потесненный Великими Моголами и обескровленный в битвах с пиратами, также не причинял Аве беспокойства. И все-таки это спокойствие было **[107]** непрочным:

достаточно было одного толчка, как в последние годы существования Паганского государства, чтобы Авское царство зашаталось.

Под внешней гладью накапливались противоречия и вражда к Аве. Правители и наместники крупных областей были недовольны замкнутой, оборонительной политикой авского двора. Моны, так и не оправившиеся полностью после войн XVI в., стремились к независимости и только ждали удобного момента, чтобы восстать. Горные племена, испытавшие налоговый и политический гнет авских чиновников, были также готовы к восстанию.

Толчок был дан извне, из Манипура. Это небольшое горное княжество в свое время было вассалом Байиннауна, но впоследствии отделилось от Бирмы. После вступления на престол в Манипуре Гхариба Неваза (1714—1754) манипурская конница стала грозой Верхней Бирмы. С каждым годом набеги манипурцев становились все опасней, и встречающие их бирманские отряды все чаще терпели поражения: за 100 лет изоляции бирманская армия, как и все бирманское общество, закоснела и скорее была годна для парадов и подавления бунтов в деревнях, нежели для войны с энергичным противником, который имел огромное преимущество в маневренности. Манипурский набег 1738 г. был особенно опасным для Бирмы: манипурцы дошли до Авы, сожгли Сагайн и опустошили долину Чаусхе. С наступлением дождей манипурцы, как всегда, ушли обратно в горы, но урон, нанесенный ими, был так велик и бирманские войска были настолько потрепаны, что Аве пришлось перебросить военные силы с юга для защиты столицы.

Цепная реакция началась в одном из районов, которые находились вблизи мест, опустошенных манипурцами, а именно в деревнях, населенных гве-шанами. Это племя было переселено с севера в район современного Мандалая и было одним из тех племен, которые использовались в качестве «государственных крепостных». Поблизости жили находившиеся на таком же положении моны. Помимо трудовых повинностей крепостные платили высокие налоги, и положение их было весьма тяжелым.

В 1740 г. крепостные шаны и моны восстали и перебили бирманских чиновников и надсмотрщиков. Подобные восстания неоднократно случались и раньше и всегда жестоко подавлялись. Однако теперь это чисто локальное [108] выступление объединилось с восстанием монов на юге. Моны захватили Сириам и Мартабан и возвели на престол своего царя Смимтхо Буддхакети. Таким образом, Ава оказалась во враждебном кольце: манипурцы продолжали ежегодные набеги, восставшие крепостные держали в своих руках часть долины Чаусхе, а наступавшие с юга моны подошли к Прому и Таунгу.

Борьба затянулась на несколько лет. Нельзя забывать, что, несмотря на внутреннюю слабость, бирманская армия значительно превосходила военные силы повстанцев. В 1743 г. бирманский наместник Прома даже отобрал у монов Сириам, однако вскоре бирманцам вновь пришлось перейти к обороне.

Во время штурма и последующего разграбления бирманцами Сириама были сожжены португальская, армянская и французская церкви и разрушены все склады иностранных торговцев, за исключением английского склада и английской фактории, возглавляемой Джонатаном Смарттом, который официально состоял на службе монов и даже был признан ими главой всех иностранных торговцев в Сириаме. Когда моны вернули себе Сириам, они, естественно, заподозрили Смартта в измене. Не поверив объяснению англичан, что им удалось отстоять факторию с помощью отряда индийских сипаев, моны выслали Омарта и его помощников из Бирмы.

В 1747 г. Смимтхо Буддхакети передал престол более энергичному монскому князю Бинья Дала. Одной из причин этого шага была неспособность царя монов сломить сопротивление Авы. Бинья Дала реорганизовал армию, и в 1752 г. монский полководец Талабан взял столицу Бирмы. Свергнутый с престола последний царь Авы был увезен в Пегу.

Моны не стали завоевывать Верхнюю Бирму: для этого у них не было ни сил, ни, очевидно, желания. Ава была в сознании монов символом угнетения, и с падением ее

создалась иллюзия того, что покончено и с угнетением юга. Впрочем, осознание монской территории частью Бирмы было распространено не только среди самих бирманцев, но и среди монов. Характерно в этом отношении то, что сам Бинья Дала провозгласил себя наследником Байиннауна и предпочитал считать себя не монским, а общебирманским царем. Но бирманцы не могли воспринимать его, как такового, и вопрос о восстановлении бирманской [109] государственности был только вопросом времени. При этом нельзя не учитывать, что ресурсы собственно Бирмы, как людские, так и материальные, намного превосходили те, что были в распоряжении монов. Несмотря на помощь европейских купцов, несмотря на разорение Авы и непопулярность ее правления среди покоренных племен и народов, претензии Бинья Дала на главенство в Бирме были обречены на провал.

Возвращение монской армии на юг было крупной стратегической ошибкой Талабана и Бинья Дала. Хотя Авы уже не существовало, бирманское государство не исчезло. И снова в наиболее трагический момент, когда Бирма, казалось, попала под власть чужеземцев, бирманский народ выдвинул энергичного и талантливого вождя. Как в XV в. Табиншветхи повел свои войска из Таунгу, так и в XVIII в. правитель городка Моксобо, расположенного в 6 км к северу от Авы, отказался признать власть монов и отразил нападение монского отряда.

Весть об этой неудаче настигла монов в тот момент, когда они с добычей и царственными пленниками покидали Аву. Однако незначительный инцидент не задержал отбытия армии на юг. Упоенные победой, моны спешили домой. [110]

ГЛАВА V НАКАНУНЕ БРИТАНСКОЙ АГРЕССИИ (1752—1824)

1. Возрождение бирманского государства

Мьотуджи (правитель) городка Моксобо У Аун Зейя, вошедший в историю Бирмы под тронным именем Алаунпая, был представителем среднего слоя бирманской знати. Его владения лежали на севере, в местах, где годами приходилось жить на осадном положении и где лишь стены городка укрывали крестьян из окрестных деревень от частых набегов шанов и манипурцев.

У Аун Зейя и подобные ему мьотуджи окраинных областей были недовольны политикой последних царей Авы, которые, будучи не в силах защитить свои земли, бросили их на произвол судьбы. Они были сторонниками сильной централизованной власти, требовали проведения более энергичной и жесткой политики по отношению к соседям, в первую очередь монам и шанам. Изоляционистские тенденции авского двора, интриги и заговоры претили закаленным в войнах северянам, чьим идеалом был победоносный Байиннауна.

Когда Ава пала, У Аун Зейя решил, что его час пробил. Монский отряд, подошедший к Моксобо, неожиданно натолкнулся на яростное сопротивление немногочисленных защитников крепости. Это была не регулярная армия авского царя, а ополчение из скрывшихся под защиту стен крестьян, остатков царских войск и пришедших на помощь отрядов из соседних городков. Отступить бирманцам было некуда: на севере лежали земли враждебных горцев, с востока грозили создавшие свое княжество крепостные, на юге были моны. Нападение монских войск на Моксобо было отбито, однако моны не придали значения этой осечке, не поняли, что столкнулись с гибельным [111] для себя явлением — переходом сопротивления из рук неспособного к этому царского двора и крупных феодалов в руки бирманского народа.

Через месяц после того как У Аун Зейя отразил атаку монов, он повел свои отряды в наступление. Одержав ряд побед, он принял имя Алаунпая, объявил себя претендентом

на бирманский престол и сделал столицей Моксобо, переименовав его в Шуэбо («город золотого вождя»).

В декабре 1753 г. Алаунпая осадил Аву, и моны, не надеясь на подкрепления из Пегу и неуверенно чувствуя себя во враждебном городе, бежали. Алаунпая не стал преследовать монов и направился на север, чтобы окончательно подчинить шанских князей, которым он еще раньше нанес сильное поражение. Этот его шаг можно объяснить как тем, что он надеялся усилить свое войско шанами, так и выполнением определенных обязательств перед своими подданными, которых он желал обезопасить от шанских набегов.

Война с монами приобретала затяжной характер. У монов было европейское оружие, их снабжали боеприпасами французы и англичане. В 1754 г. Бинья Дала послал армию для того, чтобы вновь захватить Аву. Монские войска, которыми командовал Талабан, продвинулись вплоть до Шуэбо, однако основной своей задачи — взятия Авы — выполнить не смогли и, преследуемые вернувшимся с севера Алаунпаей, бежали. В том же году на сторону Алаунпаи перешел Пром, население которого восстало против монов и выдерживало осаду до тех пор, пока в начале 1755 г. не подошел на выручку Алаунпая с большим войском.

Разбив в решающем сражении монские войска и приняв изъявления верности от Бассейна, Таунгу, Хензады и Северного Аракана, Алаунпая закончил кампанию в мае 1755 г. в дельте Иравади, близ порта Дагон, который он переименовал в Янгон, т. е. «конец вражды». Это название, искаженное англичанами, перешло к основанной здесь в XIX в. столице Британской Бирмы — Рангуну.

Однако до конца войны было далеко. Пегу и Сириам оставались в руках монов, которые пользовались поддержкой европейцев, ведя дипломатическую игру как с французами, так и с англичанами. И Алаунпая, понимавший всю трудность овладения укрепленными городами монов без огнестрельного оружия, вмешался в эту игру. [112]

2. Англо-французское соперничество в Бирме

Губернатор французских владений в Индии Ж. Ф. Дюпле в течение многих лет вел успешную борьбу с англичанами, причем не только оборонялся, но зачастую и переходил в наступление. Хотя отношения между англичанами и французами в Индии всегда были сдержанными, почти враждебными, открытые военные действия возникли лишь с началом войны за австрийское наследство (1740—1748). Основным театром военных операций на Востоке была Индия, однако и англичане и французы внимательно следили за положением в Бирме. В Сириаме находились французские и английские агенты, а капитаны частных судов, заходивших в Сириам и Мартабан, нередко выполняли разведывательные задания.

Позиция англичан в Бирме в тот период сформулирована в анонимном документе 1750 г., в котором говорится: «В случае войны с любой европейской страной будет важно обладать безопасной и вместительной гаванью для кораблей на небольшом расстоянии от Мадраса и Бенгалии». Дюпле смотрел дальше: он полагал, что покорение Южной Бирмы и присоединение ее к французским владениям поставит Францию в выгодное положение и создаст крепкую цепь баз от Пондишери до Аннама. Отлично разбираясь в ситуации, сложившейся в Бирме, Дюпле считал, что французам следует поддерживать монов, которые были слабее и над которыми в случае их победы было бы значительно легче установить контроль, чем над бирманцами.

Договор с монами, дававший Франции преимущественное положение в Южной Бирме, был подписан в 1751 г. от имени Дюпле его агентом в Пегу де Бруно, который сообщил, что нескольких сот французских солдат будет достаточно для установления контроля над Бирмой. Дюпле обратился с этим предложением к директорам французской Ост-Индской кампании, однако согласия не получил: в Париже были обеспокоены

положением в Европе и Индии и не считали Бирму представляющей ценность территорией.

Известия о переговорах французов с монами встревожили англичан, которые решили, что Дюпле хочет захватить остров Негрэ в дельте Иравади и основать там французскую [113] базу. Ошибку англичан и недооценку ими далеко идущих планов Дюпле можно объяснить тем, что они сами давно зарились на этот остров, полагая, что именно обладание им даст ключ к Южной Бирме. Еще до того как де Бруно отбыл в Пегу для заключения соглашения с монами, английские власти в Индии сообщили в Лондон о якобы планируемом французами захвате Негрэ. Затем, не дожидаясь ответа, они послали в Пегу в 1752 г. капитана Тэйлора, который должен был добиться от монов уступки острова Негрэ англичанам в обмен на военную помощь в борьбе с бирманцами.

Прибыв в Пегу, Тэйлор обнаружил, что де Бруно опередил его, заключил договор с монами (содержания его Тэйлор не знал) и пользуется благорасположением монского двора. Тогда, стремясь во что бы то ни стало обогнать французов, англичане (которые в это время терпели неудачи в Индии) решили захватить Негрэ без согласия монов. Вызванный в Индию бывший губернатор острова св. Елены Хантер был поставлен во главе военной экспедиции, направленной на Негрэ. Остров был захвачен, на нем построили форт, и моны, хоть и блокировали остров, вернуть его себе не смогли.

Отказ Парижа дать разрешение на посылку в Бирму экспедиционного отряда привел к тому, что французские власти в Индии охладели к идее создания колонии в Бирме. Вкладывать средства в помощь монам в ответ лишь на торговые концессии было невыгодно; к тому же Дюпле не без оснований полагал, что без прямой военной помощи Франции моны не смогут победить бирманцев. Почувствовав это охлаждение французов, моны в 1754 г. обратились за помощью к англичанам, предпочтя забыть, что те недавно захватили часть их территории. Угроза со стороны Алаунпая была настолько велика, что Бинья Дала соглашался на все, лишь бы остановить продвижение бирманских войск.

Однако англичане не были уверены, на кого из соперников делать ставку. Когда в 1755 г. Алаунпая потребовал у англичан, засевших на острове Негрэ, оружия, они прислали ему пушку и обещали более широкую помощь взамен признания их прав на остров. Алаунпая, считавший пребывание англичан на Негрэ временным и не думавший оставлять после победы над монами никаких иноземцев на бирманской земле, из тактических соображений [114] согласился на требование англичан. Он даже закрыл глаза на то, что англичане одновременно послали корабли с военными припасами для монов в Сириам.

В ходе кампании 1756 г. Алаунпая, методически подавлявший сопротивление монов, захватил Сириам. В плен к нему попал де Бруно (впоследствии он был казнен) и пришедшие на помощь монам два французских корабля с пушками и боеприпасами. Чувствуя, что дело монов проиграно, англичане все активнее сотрудничали с Алаунпаем. В результате проведенных переговоров Алаунпая признал за ними право на Негрэ и разрешил открыть факторию в Бассейне. Затем Алаунпая направил в Англию послание, в котором предлагал английскому королю союз. Но никакого ответа на это письмо не последовало, что, с точки зрения Алаунпая, означало отказ от союза, сделанный при этом в унижительной для бирманского царя форме.

В мае 1757 г. Алаунпая взял штурмом и разрушил Пегу. С падением столицы монское государство было ликвидировано, однако сопротивление монов еще не было сломлено: отступив к югу, их военачальники продолжали сражаться. Поэтому Алаунпая не считал возможным сейчас же ликвидировать оплот англичан и даже согласился на переговоры с губернатором Негрэ капитаном Ньютоном. Тот (Алаунпая запомнил и это) послал к нему одного из своих младших офицеров, поставив себя таким образом на одну доску с царем Бирмы. В разговоре с «послом» Ньютона, заявившим о желании англичан заключить новый договор на владение Негрэ, Алаунпая выказал непонятное англичанам

раздражение, сказав, что он не понимает, зачем это нужно и неужели письмо, которое он послал английскому королю и на которое ему не удалось ответить, недостаточно?

Договор был все же заключен и предусматривал ежегодную поставку бирманцам пороха и пушек в обмен на остров Негрэ и концессию в Бассейне. Подписав его, Алаунпая был вынужден покинуть Южную Бирму, так как манипурцы снова вторглись на северо-западе. Впрочем, англичане сами не намеревались выполнять договор, поскольку убедились, что оккупация Негрэ не приносит той пользы, на которую они надеялись. Нездоровый климат и невыгодное расположение острова, а также наличие в Бирме сильной власти сводили на нет все усилия англичан. [115] В обстановке, когда французы осаждали Мадрас, а надежд на территориальные завоевания в Бирме не было, англичане решили забыть о договоре и начали эвакуацию Негрэ. В течение апреля 1759 г. гарнизон был отправлен в Индию. На острове остался лейтенант Хоуп с небольшим отрядом для охраны запасов тикового дерева, вывезти которое не успели.

В отсутствие Алаунпая вспыхнуло новое восстание монов. Это отчаянное выступление, лишенное шансов на успех, было подавлено находившимися на юге войсками еще до прибытия Алаунпая. Однако в ходе его было убито много бирманцев. Когда Алаунпая прибыл на юг, ему сообщили, что англичане помогали восставшим монам. Сейчас трудно установить, было ли так на самом деле, или армянские купцы, конкуренты англичан, выдумали эту версию для того, чтобы избавиться от соперников. Но Алаунпая, которого англичане уже не раз обманывали и унижали, ни на минуту не усомнился, что они помогли монам, и послал на остров Негрэ отряд захватить острог, и выслать англичан из страны.

Губернатор Бассейна, которому была поручена эта операция, направил для ее выполнения француза, находившегося на бирманской службе. Тот выполнил приказ куда решительнее, чем предписывалось: большинство англичан было перебито, и только несколько человек были взяты в плен.

Как уже отмечалось, с вступлением на престол Алаунпая и приходом к власти среднего слоя феодалов в Бирме вновь возобладали настроения и идеи Байиннауна. После объединения страны на повестку дня встал традиционный вопрос присоединения Чиангмая и Сиам. Разгромив Манипур и переселив часть его жителей в бирманские земли, Алаунпая отправился в поход на Аютию. Помимо чисто завоевательных планов в расчеты Алаунпая входило переселение сиамцев в опустошенную войнами Южную Бирму.

Вначале кампания 1760 г. развивалась благоприятно для бирманцев. Им удалось обойти основные сиамские силы, сконцентрированные на западных подступах к Аютии, и в апреле 1760 г. столица Сиам была окружена. Однако вскоре Алаунпая был смертельно ранен во время взрыва одного из осадных орудий. Осаду пришлось снять, и бирманская армия начала отступление. В дороге Алаунпая [116] умер. Его тело было привезено в Шуэбо и похоронено при огромном стечении народа.

Еще не завершились траурные церемонии в Шуэбо, как ко двору сына и наследника Алаунпая Наундоджи прибыл посол англичан капитан Алвс, получивший задание потребовать у бирманцев возвращения захваченных в плен англичан и имущества Компании. Конечно, англичане предпочли бы жестоко наказать бирманцев, но такой возможности у них не было. В то время, когда до Мадраса дошли сведения о конце гарнизона острова Негрэ, англичане были настолько заняты войной в Индии, что не могло быть и речи о выделении карательной экспедиции против бирманцев. Кроме того, даже если бы такие средства и нашлись, вряд ли мадрасские власти рискнули начать военные действия против одной из крупнейших армий в Азии, закаленной в боях против монов и манипурцев и отлично по тем временам вооруженной. Поэтому капитан Алвс имел указания ни в коем случае не обострять отношений с бирманским правительством.

Когда Алвс получил аудиенцию у Наундоджи, занятого установлением спокойствия в стране, охваченной, как всегда в периоды смены царя, восстаниями и

бунтами, тот встретил его достаточно любезно. Для этого были основания: один из претендентов на трон, близкий друг и крупнейший военачальник Алаунпай, представитель династии Таунгу, захватил Аву и удерживал ее. Наундоджи вернул пленных англичан и имущество Компании и согласился на установление торговых отношений с англичанами при условии, что те будут поставлять ему боеприпасы.

Обещав довести решение бирманского царя до правления Компании, Алвс отбыл в Индию. Его доклад был недоброжелательным по отношению к Бирме и пессимистическим в части торговых прогнозов. Возражений против выводов Алвса в Мадрасе не последовало: до тех пор, пока Бирма была разьединена и слаба, Компания предпринимала попытки вмешаться в ее внутренние дела, однако теперь она была едина, и англичане перенесли все внимание на Индию, где речь шла не о торговых соглашениях, а о территориальных захватах.

С тех пор в течение нескольких десятилетий англичане почти не имели контактов с Бирмой. [117]

3. Внутреннее положение Бирмы при Конбаунах

Сыну Алаунпай Наундоджи (1760—1763) при вступлении на престол пришлось выдержать жестокую борьбу за власть. Ему противостояли полководцы отца, считавшие себя более достойными продолжить политику Алаунпай. Короткое правление Наундоджи не было отмечено знаменательными событиями — царь умер раньше, чем смог выработать самостоятельную политику. К этим годам относится только завершающий эпизод бирмано-монской войны.

Бывший командующий монской армией Талабан, который в 1752 г. взял Аву и впоследствии потерпел поражение от Алаунпай, в течение нескольких лет скрывался в пещерах неподалеку от города Татона. Он вел удачную партизанскую войну против бирманских гарнизонов, потому что пользовался поддержкой монского населения края. Бирманцам удалось найти и увезти в Шуэбо семью Талабана. Опасаясь за судьбу детей, Талабан сдался и предложил свою жизнь в обмен на жизнь родных. Узнав об этом, бирманский царь даровал Талабану жизнь и принял его на службу.

Не только в правление Наундоджи, но и в начале правления наследовавшего ему его брата Синбьюшина (1763—1776) бирманским царям приходилось подавлять вспышки восстаний, в первую очередь в собственно Бирме. В отличие от восстаний предыдущих веков они не были направлены на раздел страны: борьба шла только за то, кому будет принадлежать престол в объединенной Бирме, и сводилась чаще всего к дворцовым заговорам. Авторитет центральной власти настолько поднялся, что твердо занявший престол царь мог не опасаться за свою жизнь и власть.

Укреплению царской власти способствовало и то, что остатки могучих родов, некогда владевших Бирмой, погибли в ходе войн с монами и в момент крушения династии Таунгу. Алаунпая и его сподвижники были средними и мелкими феодалами, губернаторами небольших городов, служилым офицерством. Опасаясь сепаратистских наклонностей знати, Алаунпая и его сыновья раздавали земли своим офицерам и чиновникам, однако не в наследственное владение, а во временное кормление. Наместники такого рода, называвшиеся «мьоза», получали только [118] часть доходов с отданной им области и жили чаще всего в столице, при царском дворе. Для того чтобы мьоза не слишком укоренились в определенных провинциях, цари периодически тасовали их.

Алаунпая и следовавшие за ним цари династии Конбаунов значительно расширили государственные земли, включив в их число не только бирманскую долину Чаус-хе, но и обширные участки на монском юге. Укреплению центральной власти способствовало и широкое применение введенной еще Талуном политики, предусматривавшей поселение военнопленных на государственных землях. Становясь государственными крепостными,

бывшие военнопленные выполняли работы по поддержанию ирригационных сооружений и снабжению царских складов рисом (в этих случаях их называли ламайинами) или несли службу в армии (этих крепостных называли ахмуданами).

Стремление бирманских царей заселить обезлюдившие после тяжелых войн монские земли и северные районы Бирмы приводило к усиленной охоте за военнопленными. Походы XVIII в. скорее напоминают широкого масштаба экспедиции за людьми, нежели попытки приведения соседней страны к вассальной зависимости, как это было при Байиннауне и Нандабайине. Алаунпая, покорив Манипур, вывез оттуда несколько тысяч человек и поселил их в окрестностях Авы в качестве ахмуданов; впоследствии они составляли лучшие полки бирманской кавалерии. Покорение Аракана в 1785 г. сопровождалось вывозом 20 тыс. пленных, ставших ламайинами на государственных землях в Бирме. Пленные были одной из целей ряда походов на Сиам — как того, что закончился смертью Алаунпая, так и проведенного в 1764—1767 гг. Синбьюшином.

Взятие Аютии в 1767 г. сопровождалось уничтожением города и угоном в плен многих тысяч сиамцев. Такая политика бирманцев дала повод историку Сиам Вуду присоединиться к мнению сиамских хронистов в безоговорочном осуждении бирманцев: «Не лишено справедливости, — говорит Вуд, — высказывание сиамского автора, который писал, что „царь Хантавади вел войну как монарх, царь Авы — как грабитель“. Это означает, что вторжение царя Байиннауна в Сиам имело целью превратить Сиам в своего вассала, тогда как вторжение царя [119] Мегтры (Синбьюшина. — *Авт.*) было предпринято без действительной причины и имело целью только разрушить Сиам и захватить добычу и рабов».

Подобное деление бирманских царей на хороших и плохих и толкование мотивов их завоевательных походов как благородных или неблагородных весьма далеки от действительности. Массовый угон населения покоренной страны в Бирму при Алаунпае и его преемниках вызывался государственными соображениями и в тех условиях был рассчитан на то, чтобы быстрее поднять экономику страны и укрепить центральную власть. Для Сиам же одинаково опустошительными были и завоевания Байиннауна и походы Синбьюшина; и те и другие вели к борьбе сиамцев за свою независимость, за освобождение от захватчиков.

К концу XVIII в. политика создания ахмуданских и ламайинских поселений в Бирме принесла плоды. В ахмуданский округ была превращена область Шуэбо — столицы Алаунпая (Синбьюшин перенес столицу обратно в Аву, ближе к Чаусхе). Ахмуданскими стали район Мейктилы и другие центральные области страны. Губернаторы этих областей, «вуны», являлись одновременно и начальниками ахмуданских воинских формирований, созываемых с подвластных им земель.

Расширение государственного земельного фонда проводилось в основном за счет конфискованных владений мятежных шанских собв и монастырских земель. При Конбаунах была вновь проведена ревизия монастырского землевладения; сомнительные земли были изъяты государством, окрепшим настолько, что оно могло уже не утруждать себя тяжбами с монастырями.

Сложившаяся еще в XVII в. социальная структура бирманского общества во времена Конбаунов получила свое завершение. Проведение переписей (в 1783—1784 и 1802—1803 гг.) и составление кадастров позволяло бирманским царям контролировать поступление налогов. Была создана довольно стройная государственная система во главе с абсолютным монархом, власть которого не была ограничена, как в паганские времена, обычным правом и существованием родовой аристократии.

Уничтожив крупнейших феодалов (или лишив их основных прав), Конбауны сделали своей главной опорой зависящих от них чиновников — как крупных (мьоза), [120] так и нижестоящих (хотя термин «чиновник» и не характеризует полностью это социальное явление) — мьотуджи. И если мьоза — правители областей — часто

сменялись, поскольку их укоренение в той или иной провинции могло угрожать целостности государства, то мьотуджи, одним из которых в свое время был Алаунпая, стали действительной опорой центральной власти, подобно русскому дворянству XVIII в.

Словом «мьо», появившимся в Бирме еще в паганский период, первоначально называли укрепленный населенный пункт, часто крепость на границе. В XII—XIII вв. такой крепостью управлял назначаемый царем чиновник мьосукри. Впоследствии этот термин претерпел изменения и стал (вероятно, где-то в XV—XVI вв.) обозначать не только административную единицу, но и феодальное владение, во главе которого стоял мелкий или средний феодал — мьотуджи. В состав мьо иногда входила всего одна деревня, иногда — несколько деревень или даже сравнительно крупный город. О функциях и правах мьотуджи периода феодальной раздробленности сохранилось очень мало сведений. Почти не вызывает сомнения, что они были мелкими феодалами, вассалами царьков и князей. Помимо земель, принадлежавших непосредственно мьотуджи, в мьо входили и общинные земли крестьян, с которых мьотуджи собирали налоги.

С укреплением центральной власти в XVII в. функции мьотуджи претерпели дальнейшие изменения. К середине XVIII в. мьотуджи был уже одновременно чиновником, представлявшим центральную власть, и помещиком-феодалом. После ликвидации крупных феодалов мьотуджи стали подчиняться либо мьоза, заменившим этих феодалов, либо непосредственно государству. Сохраняя свои личные земли, мьотуджи собирали налоги с крестьян, вершили суд и расправу в своем мьо, набирали солдат для царской службы и следили за выполнением трудовых повинностей.

В Бирме было около 5 тыс. мьо, и 5 тыс. мьотуджи со своими родственниками являлись основной опорой центральной власти. Их должность передавалась по наследству, хотя для вступления в нее наследник умершего мьотуджи должен был приехать в столицу и сдать «экзамен на чин». Очевидно, этот экзамен был весьма условным, и визит в столицу был скорее принесением присяги [121] царю. Мьотуджи были заинтересованы в сохранении крепкой централизованной власти, которая могла бы защитить их и от кабегов горцев и монов, и от бесчинств крупных феодалов, и от восстаний крестьян: немногие мьотуджи имели достаточные военные силы, чтобы постоять за себя.

Крестьяне, которых называли теперь «ати», продолжали пользоваться личной свободой, однако сильно отличались от асанов предшествующей эпохи. Асаны входили в сельскую общину с совместным владением землей; в XVIII в. земля уже нередко принадлежала лично крестьянам, причем мьотуджи могли совершать переделы земли и перекраивать крестьянские участки. Таким образом, крестьяне попадают в частичную зависимость от мьотуджи. Этому способствовали и периодические переписи, которые фактически прикрепляли крестьян к земле. Но общинные земли в Бирме также сохранялись.

Полного закрепощения крестьян в Бирме не произошло, да и не могло, очевидно, произойти до тех пор, пока в опустошаемой войнами стране был излишек пригодных для обработки земель. Крестьянин мог занять пустующую землю, и она по прошествии некоторого времени становилась его собственностью. Однако до истечения этого срока крестьянин владел землей условно и мог ее потерять.

Разорение и закрепощение свободного крестьянства способствовало постепенному стиранию грани между категорией ати и ламайинами — бывшими военнопленными, ставшими государственными жрепостными. В XIX в., с прекращением крупных завоевательных войн, к категории ати все более приближаются и ахмуданы.

Значительную прослойку эксплуатируемого населения составляли рыбаки, охотники, ремесленники, платившие, как и крестьяне, налоги государству.

Важной чертой, отличавшей эпоху Конбаунов от средневековья, было постепенное свертывание монастырского землевладения. В XIX в. монастырские земли уже не составляли ощутимой части земельного фонда страны. Помимо решительной политики

царей, захватывавших монастырские земли, этому способствовала еще одна причина. Монастыри могли владеть громадными угодьями только до тех пор, пока в их распоряжении находилось значительное число рабочих рук, обрабатывающих эти земли. [122] Еще в XVII в. отказавшись от практики дарения монастырям военнопленных, Талун и последовавшие за ним монархи нанесли монастырям непоправимый удар, от которого они уже не смогли оправиться, и изъятие в XVIII в. не приносящих доходов земель прошло безболезненно.

Таким образом, к началу XIX в. Бирма стала централизованной монархией и по своей структуре значительно отличалась как от Паганского царства, так и от государства периода первой авской династии. И вряд ли можно по отношению к ней говорить о застойности в общественных отношениях.

4. Войны с Китаем

Действия бирманцев, параллельно с завоеванием Сиама расширявших свою власть в северо-восточном направлении — над шанскими княжествами и государствами Лаоса, — обеспокоили Китай, который продолжал по традиции считать большинство шанских княжеств своими вассалами. Крупнейшее из этих княжеств, Кентунг, изъявило свою покорность Бирме, и через его территорию проходили бирманские войска, направлявшиеся в Лаос. Кентунг находился в состоянии войны с подвластным Китаю княжеством Кенхунг; воспользовавшись этим, а также жалобой на бирманцев нескольких маленьких княжеств в верховьях Салуина, китайцы решили наказать союзника бирманцев, и губернатор Юньнани в 1766 г. направил против Кентунга войска.

События Кентунга и других шанских княжеств с помощью бирманских отрядов отразили нападение китайцев. Поражение это было так чувствительно, что губернатор Юньнани, опасаясь наказания, покончил с собой. В том же году новый губернатор Юньнани вторгся в Северную Бирму, но был задержан бирманскими пограничными войсками. Прибытие подкреплений с юга позволило бирманцам не только отразить китайское нападение, но и вступить на китайскую территорию. Губернатора тотчас же сместили, и для расправы с бирманцами прибыл сам зять китайского императора Минь Юй. Дождавшись конца дождей в 1767 г., китайцы двумя колоннами двинулись в Бирму. К февралю 1768 г. войска первой колонны достигли Сингауна, города в 50 км к северу от Авы. Положение [123] было критическим, так как основная бирманская армия во главе с Синбьюшином находилась в Сиаме, Однако бирманский отряд, пройдя шанскими горами, отрезал китайские войска от их баз и, не дождавшись помощи от второй колонны, Минь Юй бежал на север, потеряв большую часть своей армии. Встретив командующего не пришедшей вовремя на помощь колонны, зять императора подверг его жесточайшей казни. Затем, не в силах пережить унижение и предстать перед лицом императора, он отрезал косу, послал ее тестю, а сам кончил жизнь самоубийством.

Узнав о позорных для Китая событиях на южной границе, император приказал любой ценой разгромить бирманцев. На этот раз китайские войска завязли в Северной Бирме и вынуждены были построить укрепленный лагерь, чтобы оградить себя от непрекращающихся атак бирманцев и шанов. После того как бирманцы изгнали врага из лагеря, китайские военачальники, опасаясь окончательного разгрома, в 1770 г. запросили мира. Бирманское командование согласилось на мир, по условиям которого китайские войска уходили с бирманской земли, чтобы никогда туда не возвращаться, восстанавливалась китайско-бирманская торговля и раз в 10 лет бирманцы и китайцы должны были обмениваться посольствами. После подписания договора китайцы в присутствии бирманцев расплавили свои пушки и ушли через горные перевалы, где многие из них погибли от голода.

Китайский император, наказав очередную группу неудачливых полководцев, предпочел сохранить лицо и изобразить поход китайцев как частичную победу. Но

Синбьюшин был крайне разгневан, узнав, что бирманские военачальники позволили китайцам благополучно уйти восвояси, и грозил им всевозможными карами. Понимая, что царь не шутит, они решили в Аву не возвращаться и, повернув победоносную армию на запад, вторглись в Манипур. Манипурцы были разбиты, их раджа бежал в Ассам, бирманская армия вернулась в Аву с несколькими тысячами пленных. Царь простил полководцев.

Результатом войн с Китаем было восстановление торговых отношений, не прерывавшихся уже до конца династии Конбаунов. Однако эти события имели и негативную сторону: победа над китайскими отрядами, воевавшими в непривычных условиях, плохо вооруженными и слабо организованными, [124] была воспринята некоторыми кругами бирманского двора как победа над Китаем вообще. Раздутая царедворцами, она стала частью дворцовой легенды о непобедимости Бирмы, и это сыграло впоследствии отрицательную роль, способствуя переоценке бирманцами своих сил в конфликте с Англией.

5. Дворцовые перевороты

Последние годы царствования Синбьюшина были годами поражений и отступления. Взятие Аютии не означало конца сопротивления сиамцев. Ставший во главе их Пья Таксин перенес столицу в Бангкок и, используя методы партизанской войны, беспрерывно наносил поражения отдельным бирманским отрядам. Боевой дух бирманских солдат и офицеров, годами сражавшихся неизвестно за что вдали от родины, был подорван. Несмотря на то что войсками Синбьюшина командовали такие крупные полководцы, как победитель китайцев и завоеватель Манипура Маха Тихатура и покоритель Аютии Тихапате, сломить сопротивление сиамцев, защищавших свои дома, было невозможно. Бирманские хроники рассказывают о том, что командиры бирманских частей в случае несогласия с приказом командующего попросту выводили свои войска из боя.

Чем хуже шли дела в Сиаме, тем беспокойнее становилась обстановка в самой Бирме. Начались волнения среди монов, и во время нового восстания на юге был сожжен Рангун. После подавления восстания многие его участники бежали в Сиам, где они были тепло встречены. Синбьюшин бросил вдогонку за отступавшими монами армию, но союзники окружили ее у перевала Трех пагод и перебили.

Пья Таксин в конце концов нанес поражение Маха Тихатуре, очистил от бирманцев Сиам и вытеснил их из Чиангмая. Старейший Синбьюшин рассылал во все стороны своих полководцев, но не успевали его воины вернуться домой, как уже с другой стороны вырастала угроза войны или восстания. Чем тяжелее было положение, тем жестче становилась политика Синбьюшина. В 1774 г., после подавления восстания монов и получения известий о разгроме бирманских войск в Сиаме, Синбьюшин предпринял [125] торжественно обставленное путешествие вниз по Иравади. Во время этой демонстрации силы и единства страны Синбьюшин сделал богатые подарки пагоде Шве-дагон, позолотив ее; однако основная часть представления происходила не у пагоды, а на берегу Иравади. В свите Синбьюшина находился престарелый царь монов Бинья Дала и его семейство. В знак полного покорения и ликвидации всяких надежд монов на независимость Синбьюшин приказал в своем присутствии утопить всех членов царского семейства в реке.

Судя по поведению командиров армии, недовольство политикой Синбьюшина было широко распространено в Бирме. Перед смертью Синбьюшина в 1776 г. в стране создалось положение, напоминавшее годы прихода к власти царя Талуна: значительная часть бирманской знати, утомленная переставшими приносить славу и добычу безнадежными войнами, склонялась к тому, чтобы вернуться к политике изоляции, и в

первую очередь отказаться от расширения бирманской территории на восток. Основным требованием оппозиции был вывод войск из Сиама и Чиангмая.

Сторону оппозиции принял знаменитый полководец Маха Тихатура, и это обеспечило ей победу. Наследовавший Синбьюшину его сын Сингу (1776—1782), зять Маха Тихатуры, немедленно отозвал остатки бирманских войск из Сиама и все свое внимание уделял религиозным и дворцовым делам.

Однако попытка вновь «уйти в себя» не могла быть такой же успешной, как за 100 лет до того. В Бирме были уже влиятельные слои общества, заинтересованные во внешней торговле, в связях с другими странами; были профессиональные военные, недовольные тем, что их отстранили от власти; существовали аристократы — принцы крови и мьоза, которые являлись сторонниками завоевательной политики Синбьюшина. Эти силы крепили по мере того, как Сингу и его окружение все больше замыкались в стенах авского дворца. Прошло всего пять с небольшим лет после окончания войн, и царствование Синбьюшина начало представляться многим бирманцам славным временем. Разочаровался в Сингу и его тесть Маха Тихатура; попав в немилость, он был отправлен в ссылку.

Вновь составилась заговор, в результате которого на [126] престол был возведен юный Маун Маун, двоюродный брат царя, похожий на него внешне. Операция была проведена ночью, когда Сингу находился в отлучке. Приняв Маун Мауна за возвратившегося царя, стража пропустила его и его сторонников во дворец. Вернувшийся утром царь был убит одним из своих министров, и сейчас же после этого на сцене появился Маха Тихатура, который, очевидно, был душой и движущей силой заговора и само участие которого в заговоре придавало ему характер реставрации политики Синбьюшина.

Маун Маун процарствовал всего семь дней и был убит одним из двух оставшихся в живых сыновей Алаунпаи, Бодопаей, который, воспользовавшись услугами заговорщиков, не намеревался делить с ними власть: щедро наградив Маха Тихатуру и других ведущих заговорщиков, он отстранил их от дел. Это вызвало к жизни новый заговор, теперь уже направленный против Бодопаи. Его брат и Маха Тихатура объединились, чтобы свергнуть Бодопаю с престола.

Бодопае удалось узнать о заговоре прежде, чем заговорщики успели перейти к действиям, и он жестоко расправился с ними. Однако на этом не закончились попытки отнять престол у Бодопаи. Через несколько месяцев еще один претендент на престол ворвался ночью во дворец во главе 200 сторонников. На рассвете стража поняла, что противников жалкая горстка, и все они были перебиты.

Мало кому из бирманских царей пришлось выдержать такую борьбу за власть, разочароваться в ближайших друзьях и родственниках, как Бодопае. И жестокость, с которой Бодопае подавлял сопротивление, наложила определенный отпечаток на его дальнейшие действия.

Одним из первых шагов Бодопаи, после того как он укрепился на троне, был перенос столицы в Амарапуру, находившуюся в нескольких километрах от Авы. И сам Бодопае, и бирманские хронисты, и последующие историки объясняли это мистическими соображениями: Ава, с которой были связаны столь тяжелые воспоминания, исчерпала запас счастья и везения, выделенный ей судьбой, и астрологи отыскивали другое место, более счастливое. Однако у этого, казалось бы, бессмысленного переноса столицы, связанного с тяготами для десятков тысяч людей, вынужденных перетаскивать свой скарб и строиться на новом необжитом месте, с большими затратами на [127] сооружение новых дворцов и пагод, были и объективные причины, которые нигде не формулировались, но имели решающее значение.

В Бирме столицы переносились с места на место довольно часто, и не всегда эти переносы можно объяснить только стратегическими соображениями. Дело было в том, что тропический город, лишенный канализационных и водопроводных сетей, подверженный пожарам и эпидемиям, сам себя душил и старился значительно раньше, чем северные города. Через несколько десятков лет даже спланированный заранее город превращался в

скопище переулков и грязных базаров, задыхался от тесноты, нехватки воды и болезней. Перенос столицы на новое место был, таким образом, своеобразным санитарным мероприятием, позволявшим избавиться от гнета сточных канав и базарных отбросов.

6. Присоединение Аракана и первые столкновения с англичанами

Бодопая (1782—1819), придерживавшийся скорее линии Алаунпаи, нежели изоляционистской политики Сингу, в отличие от своих предшественников в первую очередь обратил внимание на Аракан, неоднократно входивший прежде в состав Бирмы и покидавший ее в периоды слабости бирманского государства.

В начале XVII в. Аракан на равных участвовал в разделе Бирмы и добился от нее определенных территориальных уступок. В последующие десятилетия Араканская держава, сила которой в значительной степени зависела от португальских наемников, неоднократно вступала с ними в конфликты. Наконец в 1666 г. давнишний враг Аракана, правитель Бенгалии, сумел переманить большую часть португальцев и с их помощью разбить араканский флот. После этого бенгальцы присоединили западные провинции Аракана; лишенный флота, Аракан быстро скатился до положения второразрядной страны. Яркая и порой похожая на авантюрный роман история Аракана завершалась медленно и мучительно. Еще много лет португальцы, подобно египетским мамелюкам, сажали на трон в Мраук У царей и свергали их, если считали неудобными. Только в 1710 г. царь Аракана смог [128] изгнать португальских и индийских наемников из страны и поселить их на острове Рамри, где их потомки живут до сих пор. После смерти (в 1731 г.) этого последнего значительного правителя Аракана на престоле в Мраук У сменилось еще 14 царей, прежде чем пробирмански настроенные круги знати направили посольство в Амарapura, прося Бодопая взять Аракан под свое покровительство.

Бодопая тщательно подготовился к завоеванию Аракана и двинул туда в 1785 г. три колонны по суше и флот. После упорной трехмесячной войны Аракан был покорен, его последний царь Тамада бежал в горы, где и был взят в плен. Вместе с пленным царем в Бирму было переселено более 20 тыс. араканцев — Бодопая продолжал политику создания ахмуданских и ламайинских поселений на пустовавших бирманских землях. Большое значение придавали бирманцы также и тому, что наконец удалось увезти из Аракана в Бирму древнюю священную статую Махамуни, объект поклонения паломников еще со времен Пагана.

Выступавшие против присоединения к Бирме араканские князья, большей частью мусульмане, вместе со своими сторонниками бежали в Бенгалию, подпавшую к тому времени под власть англичан, и, поселившись там, начали совершать набеги на Аракан. Бирманские отряды, преследуя араканцев, вторгались в пределы Бенгалии, и это вскоре привело к первым военным контактам с британскими властями.

В 1794 г. бирманский отряд, преследуя араканцев, вторгся в Бенгалию и был встречен английским отрядом под командованием полковника Эрскина. Дальнейшие события можно восстановить по отчету бирманского офицера, командовавшего карательным отрядом. «Бунтовавшие обитатели Аракана, — писал он, — опустошив страну, убежали в Читтагонг и спрятались там. Ввиду этого полковник Эрскин и я, оба уважаемые люди, рассмотрели это дело и пришли к взаимовыгодному соглашению».

Соглашение, о котором англичане впоследствии предпочитали не вспоминать, а бирманцы расценивали как прецедент, заключалось в том, что полковник Эрскин выдал трех руководителей араканского рейда (двое из них были потом казнены). Бирманцы полагали, что подобные [129] отношения должны сохраняться и впредь, и англичане должны выдавать араканцев, опустошающих принадлежащие бирманскому царю земли. Впрочем, и прямые начальники Эрскина, которые в то время еще не смотрели на Бирму как на объект военной экспансии, не подвергли критике его действия. И лишь будущие историки признали поступок Эрскина недостойным представителя великой державы.

Впоследствии англичане не только отказались признать действия Эрскина основной для отношений между Бирмой и Англией, но даже селили бежавших из Бирмы араканцев непосредственно на границе с Бирмой, что значительно облегчало им набеги и поддерживало на границе напряженное положение.

После покорения Аракана Бодопая, следуя традиции многих бирманских царей, начал готовиться к походу на Сиам. Однако поход, задуманный как наступление четырех армий, полностью провалился. Бодопая оказался плохим полководцем и допустил ряд стратегических ошибок. Для сиамцев война с Бирмой была войной освободительной, народной, и на борьбу с бирманским нашествием поднялась вся страна. Колонна, которую вел сам Бодопая, понесла сокрушительное поражение у перевала Трех пагод. Не имели успеха и действия двух других колонн. Только четвертая колонна добилась некоторых успехов и временно завоевала (в который уже раз!) Чиангмай, который был освобожден сиамцами только в 1802 г.

Военные поражения усилили в Бодопае, который под влиянием воспоминаний о великих предшественниках провозгласил себя «грядущим Буддой», манию подозрительности и религиозную нетерпимость. В годы его правления население жестоко страдало от дополнительных налогов, шедших на содержание армии и на строительство пагод. Бодопая издал даже ряд законов, которые сулили смертную казнь за потребление спиртных напитков, курение опиума, убийство быка или буйвола. Завершением его царствования была попытка соорудить в местечке Мингун на берегу Иравади крупнейшую в мире пагоду, которая должна была достигнуть высоты в 200 м. В течение семи лет десятки тысяч бирманских крестьян и пленных араканцев вели работы на этом колоссальном строительстве. Тысячи людей умерли от голода и болезней, деревни вокруг были разорены непомерными поборами. [130] Строительство пагоды стало символом непопулярного уже правления Бодопаи; в народе распространился слух, что, если пагода будет построена, Бирма погибнет. В конце концов строительство было прекращено — страна не могла вынести такого напряжения.

7. Отношения с Англией накануне первой англо-бирманской войны

Появление общей границы с Британской Индией превращало Бирму в потенциальный объект английской колониальной экспансии. В те годы Великобритании интересовали в первую очередь южные районы Бирмы, ее порты, позволявшие обеспечить господство Империи в Индийском океане и связать Индию цепью баз с Малайским архипелагом. Однако на рубеже XIX в., как видно из эпизода с полковником Эрскином, власти Британской Индии, занятые войной с Францией, предпочитали улаживать конфликты с Бирмой миром. К тому же англичане опасались, что французы могут заключить с Бирмой договор, по которому получат право на использование южнобирманских портов в качестве баз против англичан в Бенгальском заливе. Французы действительно предпринимали некоторые шаги в этом направлении и в 1783 г. направили в Бирму миссию для заключения торгового соглашения. Она не принесла реальных результатов, но никто не гарантировал, что в будущем французы не предпримут более удачной попытки.

В 1795 г. генерал-губернатор Британской Индии Шор направил в Бирму посольство во главе с капитаном Майклом Саймсом, который должен был договориться об установлении порядка на араканской границе, а также убедить бирманцев не вести переговоры с французами. Бирманцы приняли Саймса вежливо, однако дали ему понять, что бирманский царь желал бы вести переговоры не с английским чиновником (каковым они справедливо считали губернатора Индии), а с британским правительством. Одновременно, основываясь на прецеденте, бирманцы в письме на имя губернатора сообщили, что араканцы, которые совершают набеги на бирманскую территорию, должны и впредь выдаваться бирманским властям для следствия и суда. Царь дал согласие на то,

чтобы в Рангуне проживал английский торговый резидент, но [131] отказался закрыть бирманские порты для французских судов.

Сайме, человек образованный и здравомыслящий, описал свое путешествие в Бирму в одной из лучших книг такого рода. И по сей день это сочинение остается интереснейшим документом по истории Бирмы, по ее культуре, а также по англо-бирманским отношениям на рубеже XVIII—XIX вв. Однако Сайме был исключением в длинной веренице следовавших за ним английских агентов и послов. С каждым годом политика Великобритании по отношению к Бирме становилась агрессивнее.

Прибывший в Рангун в 1796 г. британский резидент Хирам Кокс сильно отличался от Саймса. Понятные и объяснимые для Саймса обычаи бирманцев, требующие, например, снимать обувь при входе в священные для бирманцев места и подчиняться длинному и утомительному этикету восточного двора, вызывали раздражение у Кокса — офицера, принимавшего участие в покорении Индии и презрительно относившегося к азиатам. Неповиновение бирманским властям, сознательное нарушение бирманских обычаев насторожили двор в Амарapura. Не добившись удовлетворения неприемлемых для бирманцев требований, Кокс стал угрожать, что покинет Бирму. В конце концов Кокс даже написал в Калькутту, что его жизни угрожает опасность и необходимо немедленно выслать вооруженный фрегат для наказания бирманцев. В других донесениях Кокс поносил Саймса, слишком, по его мнению, либерально относившегося к Бирме, и называл бирманский двор «бандой клоунов».

Панические письма Кокса встревожили Компанию, но не в том направлении, в котором добивался Кокс. Компания не хотела обострять отношения с Бирмой. Письмо, направленное бирманскому царю из Калькутты, было весьма сдержанным и скорее походило на извинение за недостойное поведение резидента. Бирманского царя просили отправить Кокса в Индию.

Вернувшись в Индию, Кокс продолжал нападки на Бирму, бирманцев, Саймса и всех на свете. Генерал-губернатор Шор, человек осторожный, хорошо знавший Саймса и склонный доверять ему, не принимал Кокса всерьез. Однако Шор был смещен, и новый генерал-губернатор, лорд Уэлсли, полностью одобрил поведение и отчет Кокса. Но и Уэлсли на первых порах предпочитал [132] улаживать конфликты с бирманцами миром, так как в Индии англичане глубоко завязли в войне с маратхами. Уэлсли обещал бирманскому губернатору Аракана закрыть границу для набегов араканцев, но одновременно отверг рекомендации видного востоковеда майора Франклина переселить в глубь Бенгалии вождей араканских беглецов. Набеги на бирманские владения не прекращались, и губернатор Аракана прислал Уэлсли гневное письмо, угрожая в случае неспособности англичан установить мир на границе вторгнуться в Читтагонг и своими силами наказать непокорных араканских беженцев.

Тогда Уэлсли решил направить в Бирму новое посольство. Он понимал, что для успеха проводимой им политики проволочек в Амарapura следует послать человека, знакомого бирманцам, знающего их и способного с ними договориться. И генерал-губернатор вызвал Саймса, которого после прихода к власти Уэлсли отправили офицером в один из полков, и приказал ему снова ехать послом в Бирму.

Инструкции, полученные Саймсом, были противоречивы. С одной стороны, он должен был предложить бирманцам договор о помощи и объяснить бирманскому правительству, что требование араканского губернатора о выдаче Бирме араканских беженцев, к сожалению, невыполнимо. С другой стороны, он имел тайные инструкции обещать военную помощь возможному претенденту на престол, если тот захочет свергнуть Бодопаю с престола.

Бирманцы так и не узнали о попытке англичан вмешаться в дела амарапурского двора. Сайме быстро понял, что надеяться на раскол и гражданскую войну в Бирме не приходится и потому ограничился переговорами о договоре и обсуждением проблемы Аракана. Ему с трудом удалось выполнить свою миссию. Бирманцы не верили

англичанам, хорошо помнили агрессивные высказывания Кокса и с подозрением относились к политике англичан в Аракане. Однако личные качества Саймса и проявленная им выдержка привели к тому, что он все-таки выполнил задание генерал-губернатора и добился устного обещания Бодопаи, что губернатор Аракана не будет вторгаться в Бенгалию и бирманское правительство не будет настаивать на возвращении всех беженцев. Более того, царь разрешил восстановить резиденцию англичан в Рангуне и позволил остаться там резидентом [133] лейтенанту Каннингу, который сопровождал Саймса в составе посольства.

За время своего пребывания в Амарapura Сайме смог завязать личные отношения с несколькими крупными бирманскими вельможами, включая наследника престола. Вернувшись в Калькутту в 1803 г., он в следующих словах сформулировал политику «мирного проникновения в Бирму», сторонником которой он был: «Необходимо... добиваться всеми средствами преимущественного влияния в правительстве и администрации Авы».

Бирманцы сдержали свое обещание. Они больше не требовали возвращения беженцев и не грозили англичанам вторжением в Бенгалию. Генерал-губернатор на время снял вопрос о Бирме с повестки дня. Это объяснялось не только положением в самой Индии, но и сообщениями Саймса и Каннинга, что позиции французов в Бирме незначительны и опасаться того, что бирманцы уступят им свои порты или разрешат строить военные базы на своей территории, не приходится.

Затишье на границе продолжалось до 1811 г., когда араканский вождь Чинбьян собрал в Бенгалии войско и не только вторгся в Аракан, но, захватив бирманцев врасплох, поднял свое знамя в столице Аракана Мраук У. Оттуда он обратился к англичанам с просьбой о помощи, пообещав отдать Аракан Великобритании.

Предложение было соблазнительным, но несвоевременным: война с Бирмой не стояла еще на повестке дня. К Мраук У подходила бирманская армия, и судьба Чинбьяна должна была решиться в течение нескольких дней. Англичане отказались признать вождя и срочно послали в Амарapura Каннинга, который должен был заверить бирманское правительство, что англичане не имеют к конфликту никакого отношения. На это бирманцы не без основания заметили, что им представляются неубедительными заявления, что на принадлежащей англичанам территории было набрано большое войско, сопровождаемое 150 военными судами, затем оно спокойно перешло границу — и ни один из англичан не знал об этом до тех пор, пока Чинбьян не захватил столицу Аракана, Бирманцы были убеждены, что араканский вождь пошел на Мраук У с ведома и согласия англичан.

Пока Каннинг пытался убедить бирманцев, что англичане ничего не знали, Чинбьян, оставив Мраук У под напором [134] бирманской армии, благополучно отступил в Бенгалию. Бирманцы, выполняя условия договора, остановились на границе и потребовали выдачи беглецов. Англичане, как было объявлено, не смогли поймать вождя араканцев. С приближением муссонов бирманцы отступили от границы, и англичане прекратили поиски Чинбьяна. Тот немедленно захватил пограничные укрепления бирманцев. И снова англичане не смогли найти Чинбьяна, когда он укрылся в Читтагонге.

Эта странная война продолжалась до 1815 г., когда Чинбьян умер. В течение четырех лет араканский вождь беспрепятственно нападал на бирманскую территорию, и это убедило бирманцев, что англичане не могут или не хотят держать своего слова и не без тайного умысла поддерживают напряжение на границе.

После миссии Каннинга официальные отношения между Бирмой и Англией на несколько лет прекратились. Бирманцы предпочитали не иметь с англичанами дела, англичане же пока не могли вести решительной политики в Бирме, так как все еще вели войну с маратхами.

В 1816 г. при бирманском дворе появился ассамский вельможа Бар Фукан. Он просил помощи против ассамского правителя. Бодопая послал армию, которая в 1817 г.

свергла ассамского правителя и посадила на трон раджу Чандраканту Сингха. Как только бирманская армия покинула Ассам, прежний правитель вернулся на престол. Бирманцы восстановили власть Чандраканты, но опять, стоило им уйти, как поднялось восстание, и на этот раз раджа Чандраканта бежал к англичанам. Бирманский полководец Маха Бандула предложил сменившему Бодопаю его внуку Баджидо (1819—1837) оккупировать Ассам, что и было сделано в 1821 г.

Недавние враги — претенденты на ассамский престол — скрылись на английской территории, и оба, с ведома англичан, начали собирать армии для изгнания бирманцев. Помогавший им английский магистрат в Рангпуре убеждал Калькутту поддержать кого-нибудь из них и, пользуясь благоприятной возможностью, захватить Ассам. Калькуттские власти не пошли на прямую поддержку претендентов, но и не мешали им выступить против бирманцев с английской территории. Армии претендентов поочередно вторглись в Ассам, и обе были разбиты Маха Бандулой. [135]

В июле 1822 г. Маха Бандула направил в Калькутту письмо, требуя выдать ему ассамских вождей, которые после поражения снова окрылись в английских владениях. В требовании было отказано, и это укрепило бирманский двор в уверенности, что англичане не соблюдают договоров и война с ними неизбежна.

Вслед за тем произошли события в Манипуре, который считался вассалом Бирмы. Раджа Манипура, надеявшийся с помощью англичан освободиться от этой вассальной зависимости, не прибыл на коронацию Баджидо, что было открытым вызовом Бирме. После окончания военных действий в Ассаме Маха Бандула совершил рейд на Манипур; раджа и многие манипурцы, помнившие, что бирманцы уводят пленных (из Ассама было уведено 30 тыс. человек), бежали в соседнее княжество Качар.

Опасаясь, что бирманцы, преследуя беглецов, вторгнутся в Качар и тем самым получат стратегические преимущества в надвигающейся войне (их владения охватили бы Бенгалию с севера), англичане немедленно объявили Качар своим протекторатом и ввели в него войска. Теперь бирманские и английские армии стояли друг против друга на протяжении нескольких сот километров, от Аракана до Качара. Двадцать лет столкновение, ставшее неизбежным уже после того как бирманцы и англичане встретились в Аракане, откладывалось из-за существования между противниками индийских государств. Англичане должны были покорить их, чтобы приступить к более трудной задаче — завоеванию Бирмы, — полностью подготовленными. Развитие событий было ускорено самими бирманцами, которые двинулись англичанам навстречу. Действия бирманцев нельзя объяснить, как это делают многие историки, агрессивностью того или иного царя, безрассудством бирманцев, шедших на конфликт с великой державой, и т. п. Если бы бирманцы не завоевали Ассам и Манипур, если бы они не шли на конфликты с англичанами на беспокойной араканской границе, от этого положение бы мало изменилось. Раньше или позже, англичане все равно вторглись бы в Бирму, южные провинции которой были нужны им как с военной, так и с торговой точек зрения. Шансы же бирманцев на удачный для них исход такого конфликта с каждым годом уменьшались: завоеывая Индию, Великобритания подчиняла индийскую экономику и увеличивала за счет индийских [136] солдат свои вооруженные силы на Востоке. В 1824 г. армия Британской Индии была значительно сильнее и опытнее, чем в 1800 г. И еще один фактор отрицательно сказывался на судьбе Бирмы: с разгромом наполеоновской армии Англия стала бесспорно сильнейшей европейской державой в Юго-Восточной Азии и стремилась к максимальным территориальным захватам.

В 1824 г. бирманские и английские войска столкнулись на севере, где бирманцы, преследуя манипурцев, вторглись на территорию Качара. Англичане отступили, отступили и бирманцы. Это была проба сил. Маха Бандула понимал, что война уже практически началась, и полагал, что основным районом военных действий будет Аракан: именно оттуда лучше всего было угрожать Калькутте, центру английского владычества в Индии.

Не успел Маха Бандула приехать к войскам, как англичане, стараясь опередить его, объявили 5 марта 1824 г. войну Бирме. [137]

ГЛАВА VI ЗАВОЕВАНИЕ БИРМЫ АНГЛИЕЙ (1824—1885)

1. Первая англо-бирманская война (1824—1826)

Зимой 1824 г. власти Британской Индии начали готовить экспедиционный корпус для похода в Бирму. Оперативный план английского командования, выработанный осенью 1823 г., заключался в том, чтобы, используя преимущество на море, высадить десант в тылу основных бирманских сил, в Рангуне, и оседлать после этого главную водную артерию страны — Иравади. Генерал-губернатор Британской Индии Амхерст рассчитывал, что, как только британские войска появятся на юге Бирмы, к ним присоединятся восставшие моны. Вспомогательные отряды должны были высадиться в бирманских портах — Мергуи, Тавое, Мартабане и Сириаме. В остальных районах предполагалось вести преимущественно оборонительные действия.

Война началась с операций в северо-восточных индийских княжествах и Аракане. В начале мая 1824 г. Маха Бандула перешел через пограничную реку Нааф, был атакован английскими войсками и разбил их. В Калькутте началась паника: ожидали, что Бандула продолжит наступление на Читтагонг и далее на Калькутту. Очевидно, Бандула и в самом деле планировал освободить всю Бенгалию от иноземцев-«феринджи». Однако во время подготовки дальнейших операций командующий бирманской армией, по-видимому, узнал о захвате Рангуна английской армией и был вынужден, свернув наступательные действия, двинуться к Рангуну.

Рангун, оборона которого не была подготовлена местными властями, не ожидавшими появления противника в таком глубоком тылу, был взят англичанами в мае 1824 г. [138] Через несколько недель пали и западнобирманские порты, захваченные также неожиданно для их защитников. Однако вскоре англичанам пришлось столкнуться с неприятными для них отклонениями от намеченного стратегического плана. Моны не восстали и не пришли на помощь завоевателям. К тому же оказалось, что бирманский царь не намерен сдаваться, а присланные им военачальники (летом командование армией принял Маха Бандула), хоть и не смогли сбросить захватчиков в море, окружили Рангун укреплениями и практически осадили в нем англичан. Ввиду того что кампания планировалась короткой и должна была кончиться до наступления муссонов, запасы продовольствия и медикаментов в английском лагере были ограничены, а с наступлением муссонных бурь связь с Калькуттой осложнилась.

Положение англичан облегчалось двумя факторами. Во-первых, английская эскадра полностью контролировала реку Рангун, держала под обстрелом примыкавшие к реке фланги бирманской армии и в случае необходимости могла присоединить мощь корабельной артиллерии к артиллерии наземных войск. Во-вторых, на господствовавшей над местностью платформе пагоды Шведагон было расположено 20 крупных орудий, и их огонь достигал любой точки бирманских позиций.

Бандула готовился к решающему штурму британских укреплений в течение всего сезона дождей, рассчитывая, что болезни и плохое питание ослабят английскую армию. Все лето англичане были заперты в Рангуне и подвергались непрерывным атакам небольших бирманских отрядов. Когда земля просохла и установилась сухая погода, Маха Бандула повел свою армию на штурм английских укреплений. Однако штурм несколько запоздал: за два месяца, прошедших с конца муссонного периода, англичане смогли привести в порядок войска и подвезти подкрепления. Ружья англичан били настолько дальше и точнее, чем бирманские мушкеты и луки, а их артиллерия настолько

превосходила бирманскую, что бирманские солдаты не могли нанести никакого урона англичанам, не приблизившись почти вплотную. Бой был проигран, и разрозненным отрядам Бандулы пришлось отступить за свои укрепления.

Используя смятение, охватившее бирманцев, английские части начали преследование бирманской армии. Маха [139] Бандула с 7 тыс. солдат, потеряв три четверти пушек, был вынужден отступить к укреплениям у деревни Данубью. Здесь он организовал новую линию обороны, однако до решающих сражений дело не дошло — при артиллерийском обстреле бирманских укреплений 1 апреля 1825 г. Бандула был убит английским снарядом. Потеряв командующего, бирманцы отошли к северу, и таким образом путь вверх по Иравади был открыт. При поддержке канонерок англичане поднялись до Прома и, взяв его, остановились там на период дождей. Еще ранее, пользуясь тем, что основные силы бирманцев были скованы у Рангуна, англичане оккупировали Аракан, Тенассерим, а также часть Манипура и Ассама.

После неудачной попытки освободить Пром бирманцы пошли на переговоры с англичанами. Во время переговоров английское командование потребовало от бирманцев отказаться от претензий на Качар, Ассам и Манипур, уступить Аракан, уплатить контрибуцию, принять английского резидента в Аве и заключить торговый договор. Все просьбы потрясенных такими требованиями бирманцев о смягчении условий мира оказались тщетными. Переговоры были прерваны, и бирманцы предприняли новые попытки оттеснить англичан и вернуть Пром, однако после нескольких дней тяжелых боев им пришлось отступить. Помимо боев на суше англичане умело использовали канонерки, которые заходили в тыл бирманцам.

Вновь начались мирные переговоры, теперь у города Мелун. К прежним английским требованиям было добавлено отторжение Тенассерима. Бирманские послы смогли добиться лишь уменьшения первоначальной суммы контрибуции (1 млн. ф. ст.) в два раза. 3 января 1826 г. договор был подписан и отослан в Аву. Но война не окончилась: воспользовавшись тем, что ко времени истечения срока перемирия подтверждение ратификации договора царем Бирмы не было получено, англичане возобновили военные действия. Английская армия снова двинулась вперед и подошла уже близко к Аве (которая в 1823 г. вновь стала столицей страны). Положение было безвыходным. Бирма приняла все условия англичан, и 24 февраля 1826 г. в местечке Яндабо был подписан мирный договор.

В британской историографии принято считать военные акции англичан вынужденными и изображать первую англо-[140]бирманскую войну как превентивную акцию против бирманской агрессии в Индии. Однако условия мирного договора полностью опровергают такую версию. Война Великобритании с Бирмой была захватнической, колониальной войной и явилась первым шагом к полному покорению Бирмы.

2. Англо-бирманские отношения во второй половине 20-х — начале 50-х годов XIX в.

Договор 1826 г. рассматривался бирманцами как несправедливый и позорный. Сила английской военной машины, которую пришлось испытать на себе бирманской армии, ее явное техническое и тактическое превосходство над бирманскими войсками оказались неожиданностью и, как всякая неожиданность, не укладывались в сознании бирманских сановников, большинство которых предпочитало объяснять неуспех личными качествами генералов, провидением и даже случайностью. Поражение рассматривалось как временная неудача, и, хотя присутствие англичан в бирманских провинциях стало фактом, Баджидо решил продолжать независимую политику.

Прибывший в Аву в 1826 г. посол генерал-губернатора Джон Кроуфёрд столкнулся с трудностями при заключении торгового договора с Бирмой. Договор,

предусматривавший ряд привилегий для английских торговцев, сам по себе был дополнительным унижением для бирманцев. Бирманское правительство решительно сопротивлялось большинству пунктов этого договора, и в результате из 22 его статей в окончательном тексте осталось только четыре. Бирманское правительство попыталось использовать заинтересованность англичан в заключении договора и изъявило желание рассмотреть с послом пограничные вопросы, поскольку соответствующая часть договора в Яндабо была весьма туманной и проблема разграничения бирманской территории и английских владений была чревата дальнейшими конфликтами. Но Кроуфёрд, весьма презрительно относившийся к бирманцам и характеризовавший бирманское правительство как «невероятно невежественное и подозрительное», отказался выходить в переговорах за рамки торгового соглашения, которое и было подписано в ноябре 1826 г. [141]

Опасения бирманцев по поводу того, что англичане могут воспользоваться туманными местами в Яндабоском договоре для расширения своих приобретений, подтвердились в ходе переговоров относительно границы с Манипуrom. Так как часть бирманской территории была оккупирована во время войны 1824—1826 гг. манипурским раджей, бирманцы потребовали, чтобы эта территория была им возвращена. Представитель англичан заявил, что карта, которой пользовались бирманцы, фальсифицирована, и возмущенные бирманцы покинули переговоры. Тогда англичане в одностороннем порядке поставили на берегу Чиндуина пограничные знаки, но протест бирманцев был настолько решителен, что знаки сняли, хотя окончательного решения по этому вопросу не было принято. Инцидент в Манипуре был только частным случаем — такого рода происшествия случались и в других районах.

В 1830 г. в Аву прибыл английский резидент майор Г. Бёрни, представитель «умеренного» крыла британской колониальной администрации. Бёрни удалось до некоторой степени преодолеть обстановку недоверия к англичанам, царившую при дворе Баджидо. В отношениях Бирмы с англичанами наступила разрядка, и в 1833 г. генерал-губернатор даже принял решение, признающее точку зрения бирманцев на пограничный спор с Манипуrom правильной.

Объяснение этим переменам нетрудно обнаружить. За восемь лет, прошедших со дня присоединения не британским владениям ряда областей Бирмы, они не дали ни рупии дохода, расходов же требовали больших. Враждебность населения, нелегкий климат, отдаленность от центра — все это привело к тому, что англичане уже подумывали, как бы избавиться от бирманских территорий. Существовал даже план передачи Тенассерима Сиаму в обмен на торговые концессии, однако антианглийская позиция Сиам заставила отказаться от этого плана. Бёрни вел переговоры с царем Баджидо, предлагая на определенных условиях продать Бирме ее же территории или обменять на другие бирманские земли. Бирманский двор отказался от такой покупки из-за отсутствия средств: только в 1832 г. Бирме удалось полностью уплатить контрибуцию, сильно разорившую страну, ибо для ее уплаты были введены чрезвычайные налоги. К тому же Баджидо [142] надеялся, что англичане, поняв нерентабельность Тенассерима, возвратят его Бирме без всяких условий.

Бирманцев тяготило присутствие в столице британского резидента. Несмотря на то что Бёрни удалось установить личные контакты с некоторыми представителями бирманской знати, в том числе с братом царя принцем Таравади, его постоянное пребывание при дворе было в свете существовавших в Бирме обычаев унизительным для страны. Это объясняется тем, что бирманцы рассматривали постоянных послов, посылаемых ими, например, к шанским собвам, как наблюдателей за делами вассального государства. Дипломатическое посольство в бирманском понимании было временным, и посол, выполнив свою миссию, должен был уехать обратно. В соседних суверенных странах Бирма не имела постоянных посольств; вопросы внешней политики решал только царь с министрами, без посредников.

По этой же причине бирманцы отказались направить посла в Калькутту. А когда Бёрни вернулся в Бирму после отпуска в 1835 г., подверженный все усиливающимся приступам душевной болезни Баджидо отказался принять его: присутствие английского посла в столице было невыносимо для царя.

Развивавшаяся душевная болезнь царя вызвала борьбу за власть при бирманском дворе. При жизни Баджидо фактическими господами страны были его жена и ее брат Миндаджи, которые скопили в своих руках громадные средства. В некоторых районах чиновники более половины налогов собирали в пользу царицы и Миндаджи, оставляя казне меньшую часть. Труднее всего приходилось монскому населению Южной Бирмы, которое пострадало как от войны, так и от чрезвычайных поборов после ее окончания. Уже в 1826 г. восставшие крестьяне осадили Рангун, и только через год, послав на юг целую армию, правительство смогло подавить восстание. Крестьянские бунты охватили и собственно Бирму: в начале 30-х годов, например, один из крестьянских отрядов напал на Амарапуру.

В начавшейся после смерти Баджидо борьбе за власть принц Таравади обратился к восставшим крестьянам, и они пришли в 1837 г. к нему на помощь, надеясь, что он уничтожит чиновников и ненавистных царицу и ее брата. В первые дни после захвата власти Таравади (1838 — [143] 1846) по настоянию вождей крестьянских отрядов казнил несколько особенно ненавистных чиновников, не тронув царицу и Миндаджи. Вскоре после этого, расколов единство крестьянских вождей обещаниями должностей и переманив некоторых из них к себе на службу, Таравади остальных казнил. Но как только обнаружилось, что царь не собирается выполнять своих обещаний, восстания разгорелись с новой силой. Не помогла и казнь в 1840 г. царицы и Миндаджи, замешанных в одном из заговоров. В 1838 г. снова восстали моны, в 1840 г. — шаны, в 1844 г. — карены.

Таравади еще при жизни Баджидо неоднократно подчеркивал, что договор с Англией несправедлив. При восшествии на престол он заявил, что не считает необходимым выполнять положения договора. Таравади не обращал никакого внимания на присутствие в столице (в 1837 г. переведенной в Амарапуру) английского посла, и Бёрни, боясь конфликтов между бирманцами и посольством, перебрался в Рангун. Оттуда он слал письма в Калькутту, призывая начать войну против Бирмы и припугнуть царя.

Убедившись в том, что Бёрни не оказывает на бирманцев нужного влияния, генерал-губернатор Калькутты отозвал его в Индию, а на его место отправил другого резидента — Бенсона. Однако бирманское правительство упорно не желало рассматривать английского посла как представителя державы-победительницы. Помимо решимости бороться за возвращение отнятых англичанами земель отношение к английским резидентам определялось еще и тем, что они не были послами английского государства, а действовали от имени генерал-губернатора Британской Индии. За все время англо-бирманских войн англичане ни разу не послали в Бирму государственного посольства и не ответили на послания бирманских царей королю Великобритании.

В 1839 г. уехал, прожив чуть больше года и сославшись на болезнь, новый посол. Оставшийся вместо него капитан Маклеод также продержался в Амарапуре недолго: летом 1839 г. он покинул столицу и обосновался в Рангуне. Теперь в Калькутте находилось уже два бывших посла, и они единодушно уговаривали правительство Британской Индии начать войну против Бирмы, воспользовавшись в качестве предлога излишним, по мнению англичан, [144] размером бирманской армии или закупками оружия бирманцами. Они старались убедить губернатора, что если упустить момент, Бирма может предпринять попытку вернуть свои южные провинции.

В начале 1840 г. Калькутта отозвала капитана Маклеода из Рангуна и разорвала с Бирмой всяческие отношения. Готовились военные акции. Однако эти планы были сорваны войной в Афганистане, где английские войска не смогли сломить сопротивление горцев. Когда к этому прибавились трудности в покорении Пенджаба и Спида, англичанам пришлось на время отложить войну с Бирмой.

3. Вторая англо-бирманская война (1852 — 1853)

В конце 40-х годов XIX в. положение в Бирме резко ухудшилось. Таравади был отстранен сыновьями от власти и по решению семейного совета помещен в больницу для душевнобольных. Престол занял его сын Паган Мин (1846 — 1853), расправившийся с теми из братьев, кого он считал опасными соперниками. Всеми делами в стране в правление Паган Мина вершили его фавориты. Особенно отличились в ограблении страны министры Маун Байин За и Маун Бхейн, которые придумывали новые налоги и обвиняли состоятельных жителей царства в измене для того, чтобы получить их деньги. Считают, что за два года безраздельного господства этих фаворитов более 6 тыс. человек было казнено по ложным доносам. В конце концов, опасаясь всеобщего возмущения, царь был вынужден выдать обоим министров жителям столицы. За время правления Паган Мина полностью разладилось централизованное управление страной. Паган Мин требовал только, чтобы мьоза и мьотуджи отдавали ему налоги, а каким образом они их добывали, его не интересовало.

Царь и его правительство были крайне непопулярны в Бирме, страна разорена и практически беззащитна перед любой агрессией.

Калькуттские власти, внимательно следившие за положением в Бирме, сочли ситуацию выгодной для начала новой войны. Афганские войны закончились, сикхи были покорены, армия готова для наступательных действий на востоке. Время захвата баз и плацдармов миновало — [145] наступила пора территориальной экспансии. Оставалось лишь найти формальный предлог, и он, конечно, нашелся. В 1851 г. губернатор области Пегу Маун О обвинил капитанов двух английских кораблей в Рангуне в краже и убийстве и наложил на них штраф в общей сложности не многим более 1 тыс. рупий. В ответ на жалобу капитанов генерал-губернатор Британской Индии Дальхузи, который только что завершил покорение сикхов и был ярким сторонником английской экспансии, заявил: «Английские власти в Индии никак не могут в интересах собственной безопасности позволить себе, чтобы местные власти хотя бы на один день взяли над ними верх». В Рангун была направлена британская эскадра с требованием немедленной компенсации и смещения Маун О. Дальхузи рассчитывал на то, что непомерные требования вызовут гневную реакцию бирманского двора, и это откроет путь к войне.

Однако правительство Бирмы согласилось на все требования англичан. Маун О был смещен, и бирманские власти обещали рассмотреть вопрос о компенсации. Создалось странное и несколько обидное для командующего эскадрой коммодора Ламберта положение: он прибыл начать войну, а сделать это не удавалось. Казалось бы, можно было отправиться восвояси, но коммодор продолжал стоять на рангунском рейде, надеясь, что бирманцы все-таки дадут повод для начала войны.

Долгожданный момент наступил в январе 1852г., когда новый губернатор отказался принять направленную к нему без уведомления депутацию Ламберта, посылка которой противоречила бирманским обычаям. Коммодор немедленно приказал покинуть Рангун всем британским подданным, объявил блокаду порта и захватил стоявшее там бирманское судно. В ответ загремели выстрелы с бирманских батарей. Ламберт только этого и ждал. В несколько минут залпы бортовых орудий британских кораблей разгромили слабосильные береговые батареи, после чего Ламберт уничтожил все бирманские корабли, которые смог найти в порту, не обращая внимания на то, что корабли эти были гражданскими и на них помимо команд находились и семьи моряков.

Вернувшегося в Калькутту за дальнейшими инструкциями Ламберта генерал-губернатор шуточно отчитал, назвав «мой вспыльчивый коммодор», а затем, сообщив [146] своему другу в письме исторические слова: «Мы не можем допустить, чтобы нам где бы то ни было на Востоке указывали на дверь», приказал готовить к отправке в Бирму экспедиционный корпус.

В феврале 1852 г. Дальхузи направил Бирме новый ультиматум. В нем выдвигалось абсурдное и наглое требование, чтобы Бирма уплатила Англии компенсацию за подготовку войны против Бирмы в сумме 1 млн. рупий (100 тыс. ф. ст.). Это требование было явно рассчитано на отказ бирманского правительства. Действительно, Паган Мин не ответил на ультиматум, и 1 апреля англичане начали военные действия.

Пресса и общественные деятели многих стран резко отзывались о бесчестной политике лорда Дальхузи. Даже в самой Англии, охваченной угаром завоеваний и побед, поведение Ламберта и особенно сумма компенсации во втором ультиматуме вызвали возмущение, и Дальхузи вынужден был, оправдываясь, признать, что допустил ошибку, посылая commodora Ламберта с дипломатической миссией. Однако победителей не судят, и ни Ламберта, ни Дальхузи никто судить не собирался: они подарили Великобритании несколько тысяч квадратных миль заморских территорий.

В начале апреля англичане штурмом взяли Мартабан. Захват Рангуна, хорошо укрепленного бирманцами, оказался более трудным делом: штурм города продолжался 4 дня. Затем были захвачены Бассейн, Пегу и Пром.

Начавшиеся дожди задержали английские войска в портовых городах, и в июле Дальхузи, который, не в пример военачальникам первой англо-бирманской войны, тщательно организовал снабжение и связь в экспедиционном корпусе, прибыл в Рангун. Здесь он вступил в спор с командующим корпусом генералом Годвином. Генерал, которого поддерживала английская пресса, хотел идти на Амарапуру, чтобы диктовать условия мира в самой столице. Дальхузи добился принятия другого плана: занятия Пегу и Прома (отбитых к этому времени бирманцами), захвата южнобирманских провинций и объединения в одно целое английских владений в Бирме, Аракане и Тенассериме.

Осенью, по окончании периода дождей, после незначительного сопротивления был занят Пром. В ноябре англичане захватили Пегу. Попытка бирманцев возратить [147] Пегу кончилась безуспешно. Бирма была отрезана от моря; крупнейшие центры ее юга перешли к англичанам, которые объявили о присоединении области Пегу к английским владениям в Индии. Дальхузи надеялся, что бирманцы запросят мира на английских условиях: поглощенный кусок Бирмы уже был настолько велик, что не хватало ни войск, ни снаряжения, чтобы контролировать его. Он трезвее относился к возможности оккупационного корпуса, чем охваченные угаром воинственности английские газеты. Беспокоили генерал-губернатора и бирманские отряды. Если основные силы бирманцев действовали неорганизованно и отступали перед англичанами, то с каждым днем увеличивалось число партизанских отрядов, которые нарушали английские коммуникации и устраивали засады английским подразделениям.

Не дождавшись бирманских просьб о мире, Дальхузи под давлением генерала Годвина и лондонских кругов начал было готовить поход на Амарапуру, подтягивая подкрепления из Индии. Но тут до него дошли новости, которые весьма устраивали генерал-губернатора.

Сводный брат царя, популярный в Бирме принц Миндон, глава партии, выступавшей за мир с англичанами, бежал из столицы на север и поднял там восстание против Паган Мина. Нелюбимый царь, с именем которого связывались не только народные бедствия, но и неудачи в войне с англичанами, не смог собрать достаточно войск и противостоять наступающим с севера повстанцам, к которым присоединялись крестьяне. В самой столице крупнейшие министры и сановники, чувствуя, что дело Паган Мина обречено на поражение, организовали заговор и сместили его с престола. Миндон вошел в Амарапуру и был весной 1853 г. коронован на царство. Он пощадил Паган Мина, и тот прожил еще 30 лет.

В знак примирения с англичанами Миндон освободил арестованных после начала войны итальянских миссионеров и отправил их вниз по Иравади навстречу англичанам, которые за это время продвинулись еще на 70 км вверх по реке, захватив ценные тиковые леса. Миндон рассчитывал на то, что англичане, видя его готовность к миру, вернут Бирме

часть оккупированной территории. Однако переговоры ни к чему не привели. Англичане не намеревались возвращать то, что попало к ним в руки. В мае 1853 г. переговоры зашли в тупик, и бирманские [148] представители покинули Пром. Несмотря на отсутствие договора и на отказ бирманцев формально согласиться с переходом в руки Великобритании жизненно важных южных провинций, Миндон отдал приказ о прекращении военных действий. Окончание войны отвечало интересам англичан, большая часть экспедиционного корпуса которых была занята подавлением сопротивления в оккупированных областях. Движение сопротивления приняла весьма широкий размах. Если после первой войны в руки англичан перешли Аракан, Тенассерим и Манипур — области, населенные небирманцами, то теперь они претендовали на власть над бирманскими провинциями, над частью собственно Бирмы. Англичанам пришлось потратить несколько лет на то, чтобы сломить сопротивление.

4. Реформы Миндона

В результате двух неудачных войн Бирма потеряла все порты, множество городов, значительную часть населения, плодородные земли. Владения Великобритании окружали ее с запада и юга. Любая внешняя акция бирманского царя немедленно становилась известной в Рангуне, откуда английский губернатор мог диктовать свою волю бирманскому двору, в случае необходимости подкрепляя свои слова угрозой вторжения.

Ни английские политики, ни рядовые участники завоеваний не рассматривали действия Англии как нечто предосудительное. Убежденность в высокой просветительской и цивилизаторской миссии англичан в частности и белого человека вообще настолько глубоко вошла в кровь-участников колонизации, что подавляющему большинству их не приходила в голову мысль о безнравственности их действий. Отрезанная от мира, Бирма оказалась во власти английской военной и экономической машины, контролировавшей бирманские границы и единственный водный путь, связывающий страну с океаном, — Иравади. Бирма была оттеснена на задворки политики, и виновники этого были убеждены, что в интересах бирманцев ускорить окончательное слияние Бирмы с громадной семьей, народов, объединенных под флагом Великобритании.

В Британской Бирме воцарялся порядок. С разбойниками (а таковыми считались и партизаны) велась решительная [149] борьба. В городах были открыты первые школы, в основном миссионерские. В Рангуне функционировала больница, в которой работали белые врачи. Между городами были проложены новые дороги. По Иравади ходили паровые суда и перевозили до Прома пассажиров и грузы. Полицейские охраняли покой мирных граждан, и не было в помине ни жестоких казней, ни дворцовых переворотов, ни войн с соседями.

В самостоятельной Бирме по-прежнему происходили казни, еще не работал телеграф, солдаты были вооружены копьями и мушкетами, мьютуджи драли с крестьян три шкуры. Строились громадные пагоды, и в довершение ко всему в 1857 г. царь Миндон решил опять перенести столицу — на этот раз на несколько километров к северу, к Мандалайскому холму. И это было источником новых поборов и тягот.

Но бирманцы упорно не желали ценить «преимуществ цивилизации» и продолжали цепляться за свой «неустроенный и отсталый» мир.

Миндон, занявший бирманский престол после окончания второй англо-бирманской войны, оказался в трудном положении. Силе англичан он должен был противопоставить гибкую политику, чтобы не только сохранить независимость Верхней Бирмы, но и постараться вернуть потерянные земли. И постепенно новый царь начинал осознавать, что бороться с пришельцами можно только их собственным оружием — с помощью знаний, доступных европейцам, но неизвестных в Бирме.

Прежде чем перейти к решению внутренних проблем, Миндон решил установить мирные отношения с англичанами. Шаги в этом направлении встретили возражения со

стороны части бирманской знати, в том числе наследника престола Канаун Мина — сторонника продолжения войны с англичанами и возвращения потерянных территорий. Оппозиция была особенно сильна ввиду того, что в Нижней Бирме не стихало активное сопротивление англичанам. Даже сам лорд Дальхузи не мог не высказать восхищения смелостью некоторых бирманских вождей сопротивления. Особенно выделялись среди них Мья Тун и Гаун Джи.

Желая убедить англичан в серьезности своих намерений, Миндон согласился допустить в столицу английского дипломатического агента и даже пошел на то, чтобы [150] информировать его о своих политических планах. Осенью 1854 г. Миндон направил в Калькутту посольство, которое помимо упорядочения отношений с англичанами должно было поднять вопрос о возвращении Бирме Пегу и других южных территорий. Разумеется, бирманские послы получили резкий отказ. Однако провал посольства не привел к разрыву отношений с англичанами. Более того, им было передано приглашение прислать ответное посольство, которое и посетило Миндона в 1855 г. Во главе посольства стоял выдающийся деятель колониальной Бирмы и будущий историк Бирмы Артур Фейр. Секретарем посольства был Генри Юл, впоследствии также крупный историк, написавший интересный отчет о посольстве, в течение десятилетий служивший европейцам важным источником по истории, нравам и обычаям Бирмы и бирманцев.

Артур Фейр пытался склонить Миндона к подписанию договора о дружбе с Великобританией, в котором ни слова не говорилось бы о территориальных потерях Бирмы и который самым фактом своего существования подвел бы формальную черту под существующим положением вещей и лишил Бирму права требовать возвращения потерянных провинций. Миндон не пошел на подписание договора. Шел 1855 г., в самом разгаре была Крымская война, о которой Миндон был осведомлен. Распространяемые армянскими купцами обнадеживающие слухи о том, что Англия находится на пороге поражения, вселяли надежду в бирманцев. Говорили уже о том, что русские армии вот-вот вторгнутся в Индию и освободят ее от англичан. Но Миндон был осторожен: война с Россией шла далеко, и неизвестно было, чем она кончится и как повлияет на Бирму.

В последующие годы англичане неоднократно поднимали в той или иной форме вопрос о подписании мирного договора с Миндоном. В то время ни о каком расширении английских владений в Бирме и речи быть не могло. Не успела закончиться Крымская война, как в 1857 г. в Индии началось сипайское восстание, настолько грозное, что временами само британское господство в Индии ставилось под угрозу. Однако как только эти трудности были преодолены и возник вопрос об овладении сухопутным путем из Индии в Китай, проходившим по Северной Бирме, политика Великобритании в отношении Бирмы [151] вновь приняла агрессивный характер и привела в конце концов к новой войне и ликвидации бирманской независимости.

Миндон решил воспользоваться предоставленной ему передышкой для создания достаточно сильного государства, могущего противостоять будущей английской агрессии. Путь для этого был один — ликвидация власти феодалов. Задача Миндона и его советников осложнялась тем, что Бирма была лишена выхода к морю и, следовательно, перспектив развития торговли с другими странами. Оставшиеся районы можно было разделить на две части: 1) исконно бирманские земли с укоренившимся феодальным укладом, крупными земельными собственниками и множеством мелких и средних феодалов-мьютуджи; 2) горные отдаленные районы, управлявшиеся шанскими, качинскими и каренскими князьями, отношения которых к бирманскому двору ограничивались чаще всего присылкой дани.

Проведение реформ облегчалось тем, что позиции крупнейших феодалов были подорваны в ходе двух войн и старый порядок вещей был основательно скомпрометирован. Уже в 1853 г. Миндон издал указ, по которому Совет министров — Хлудо — должен был рассмотреть все жалобы подданных бирманского короля на королевских братьев, сыновей, жен, знать и государственных чиновников, которые

отнимали у простолюдинов землю. Через месяц последовал второй указ, запрещавший мьоза использовать население для личных услуг и облагать людей экстраординарными налогами.

Эти указы были ощутимым ударом по привилегиям мьоза, привыкших рассматривать население своих вотчин как личных подданных.

Другим важным шагом в этом направлении было введение денежного жалованья сначала мьоза и чиновникам высокого ранга, затем и более мелким чиновникам. В равнинных провинциях к середине 60-х годов на денежные выплаты было переведено большинство государственных служащих.

При проведении реформ Миндон опирался на средних и мелких феодалов, чиновников и армию. Параллельно с уменьшением привилегий мьоза Миндон значительно расширил права мьотуджи — им был поручен сбор всех налогов (мьоза были отстранены от этого), под их юрисдикцию [152] подпали все жители округа, будь то податные крестьяне или ахмуданы — военные поселенцы.

Поскольку увеличение числа ответственных за сбор налогов еще не значило ликвидации злоупотреблений, Миндон сделал следующий шаг: была проведена налоговая реформа. Вместо множества налогов, дававших неограниченное поле деятельности мздоимцам, был установлен единый налог — татамеда, составлявший 10% общего дохода любого налогоплательщика.

Эти реформы, несмотря на сопротивление знати, были проведены в жизнь, но не успели укорениться: после смерти Миндона ставленник знати Тибо немедленно восстановил институт мьоза, ликвидированный его отцом.

Оппозиция, возглавлявшаяся принцами, некоторыми министрами, а также мьоза и частью высшего духовенства, устраивала заговоры с целью убийства Миндона. Один из этих заговоров в 1866 г. едва не увенчался успехом. Заговорщики, возглавляемые двумя принцами, ворвались в загородный дворец, убили наследника престола, двух сыновей царя и министра. Сам Миндон скрылся во дворце в Мандалае. Всю ночь мятежники осаждали дворец; только утром с помощью подошедших подкреплений дворцовая стража разгромила их, и принцы со своими сторонниками бежали на английскую территорию. Положение было настолько напряженным, что Миндон рекомендовал английскому резиденту в Мандалае майору Слейдену эвакуировать из столицы англичан, что и было сделано.

Создалась парадоксальная ситуация. На юг от Мандалая спешили два парохода: на одном бежали англичане, спасаясь от гнева мятежников, на другом в Британскую Бирму спешили сами мятежники. Те и другие почти одновременно прибыли на английскую территорию; и тем и другим было дано убежище. Англичане, несмотря на внешние проявления дружбы с Миндоном, не возражали против того, чтобы иметь под рукой послушных и запуганных претендентов на престол, и Миндон отлично понимал это.

Мероприятия, направленные на упрочение центральной власти, упорядочение финансового положения страны, ликвидацию мощи крупных феодалов, не были самоцелью. С их помощью Миндон надеялся превратить страну в сильное государство. В 1864 г. в Бирме началась чеканка [153] собственной монеты, было построено несколько новых предприятий, введена телеграфная связь, закуплены пароходы. Из Европы были приглашены специалисты, как военные (француз де Фуко стал главным военным инструктором в армии), так и гражданские, помогавшие в строительстве Мандалая, чеканке монет, обслуживании пароходов и т. д.

Одновременно Бирма начала проявлять внешнеполитическую активность. Уже в 1856—1857 гг. были направлены миссии в Лондон, Париж, Вашингтон. В 1856 г. в Бирму прибыла французская миссия, и тогда же в Бамо, на границе с Китаем, была с согласия бирманского двора основана католическая миссия, что вызвало недовольство англичан.

Однако все действия Миндона отличались половинчатостью. Он расшатал феодальную структуру Бирмы, но не решился на ее слом. Да и мирный промежуток был

весьма короток. Уже в начале 60-х годов, т. е. всего через 10 лет после окончания второй англо-бирманской войны, ситуация изменилась. Англия, справившаяся с восстанием в Индии, победившая Россию, заинтересованная в китайском рынке, забыла о широко декларируемой дружбе с миролюбивым Миндоном. Началось окончательное завоевание Бирмы, которое растянулось на четверть века и завершилось формальной акцией — захватом мандалайского дворца.

5. Внешняя политика Бирмы в 60—70-х годах XIX в.

Первым признаком оживления британских экспансионистских замыслов в отношении Бирмы можно считать обращение в 1860 г. Манчестерской торговой палаты к английскому правительству с просьбой содействовать открытию сухопутного пути в Китай. Существование этого пути было известно в Англии давно, и начиная с XVII в. предпринимались отдельные шаги по выяснению возможностей его использования. В начале XIX в. Х. Кокс, находившийся в Аве, провел специальное исследование вопроса и впоследствии опубликовал отчет. Немедленно после окончания первой англо-бирманской войны и захвата Моулмейна англичане обследовали этот порт как исходную точку для торгового пути в Китай. Последующие годы [154] были характерны активностью отдельных путешественников, в основном офицеров британской армии, искавших дороги из Северной Индии в Бирму, а также из Бирмы в Китай. В 1830 г. лейтенант Пембертон прошел из Манипура в Аву, в следующем году капитан Ричард Спрай предложил использовать дорогу Моулмейн — Кенхунг — Юньнань, а в 1837 г. капитан Маклеод на шести слонах прошел этот путь и стал первым европейцем, проникшим в Китай по Салуину. Трижды проходил из Моулмейна в Чиангмай и обратно д-р Ричардсон.

Вступление на престол Таравади положило конец этим путешествиям, и в течение 15 лет, вплоть до новой военной экспедиции против Бирмы, путь в Китай не исследовался. Во время пребывания в Аве посольства в 1855 г. его секретарь Генри Юл изучал дневники первых путешественников. Фейр, со своей стороны, старался навязать бирманскому правительству статью о договоре, которая давала бы Англии право на преимущественную торговлю с Китаем через территорию Бирмы. Но с договором ничего не вышло, и англичане отложили этот вопрос на несколько лет.

В 1860 г. в связи с обращением Манчестерской торговой палаты вопрос был снова поднят. Правда, было известно, что бирмано-китайская торговля давно уже захирела и не играет большой роли в бирманской экономике. Но сам путь через Бамо и верховья Иравади существовал, был хорошо знаком бирманцам, и, проложив сравнительно небольшой отрезок дороги, англичане могли его широко использовать. Путь этот сулил куда больше преимуществ, нежели морской путь через Шанхай, особенно если учесть, что ж 1860 г. все нижнее течение Иравади контролировалось англичанами. На Иравади базировалась британская флотилия, корабли которой могли бы подняться до Бамо.

Результатом действий английских текстильных промышленников явилось новое посольство в Бирму, возглавляемое А. Фейром, в 1862 г. Расходы по подавлению восстаний в Индии и по укреплению власти в обширной колонии были настолько велики, что власти Британской Индии не испытывали особого рвения к расширению территорий за счет Бирмы. Бирма для них была второстепенным участком, и потому, несмотря на растущее давление из метрополии, первое посольство носило еще мирный [155] характер и требования его были сдержанны. Любая военная экспедиция против Бирмы в начале 60-х годов была практически нереальна.

Тот факт, что во главе посольства стоял старый знакомый Миндона Фейр, отличавшийся от многих предшествовавших и последующих английских чиновников своим подчеркнутым уважением к бирманским обычаям, знанием бирманского языка, бирманской истории, способствовал успеху этого посольства. В обмен на уступки для Великобритании Фейр предложил некоторые льготы и для бирманских торговцев на занятой

англичанами территории. В договоре 1862 г. пошлины отменялись не только на английские и нижнебирманские товары, ввозимые в независимую Бирму, но и на бирманские товары, ввозимые в Нижнюю Бирму. Фейру удалось получить согласие бирманского правительства на пребывание в Мандалае английского верховного комиссара при бирманском дворе, которым и был назначен военный хирург К. Уильямс, ярый сторонник использования торгового пути в Китай через Бамо, первым делом получивший разрешение царя Бирмы на обследование верхнего течения Иравади.

Вряд ли в то время кто-либо из участников переговоров до конца осознавал, что появление Уильямса при мандалайском дворе знаменует начало последнего этапа ликвидации бирманской государственности.

Уильямсу, отправившемуся к верховьям Иравади с согласия и при содействии бирманских властей, пришлось вернуться, не добравшись до Китая: начавшееся восстание в Мандалае было для Миндона предлогом для возвращения резидента в столицу. Однако интересы английских текстильных промышленников настоятельно требовали открытия дороги. Китай казался им землей обетованной, и наступление на него должно было вестись с запада и с востока. На первом пути преградой, все более ощутимой, была Бирма.

В марте 1867 г. Фейр ушел в отставку, и его место в Нижней Бирме занял полковник Фитч. Английский историк Холл пишет о нем как о человеке, обладавшем меньшими способностями, меньшим умением разбираться в характере бирманцев, зато гораздо более самоуверенном. Первым же шагом Фитча было новое посольство к бирманскому двору. Миндон в это время имел все основания беспокоиться за прочность своего положения, а следовательно, [156] и за судьбу начатых им реформ. С трудом подавленное восстание было тому доказательством. Англичане понимали сложность положения бирманского правителя, его нужду в пушках, пароходах и военном снаряжении. Кроме того, англичане, занимавшие половину Бирмы, могли шантажировать царя, давая укрытие его противникам.

В договоре 1867 г. бирманцы пошли на то, чтобы удовлетворить растущие требования англичан. Пошлины на английские товары были снижены до 5%. Бирма отказалась от монополии на все вывозимые товары, кроме рубинов, леса и нефти, допустила английских чиновников на таможни, согласилась на присутствие английского агента в Бамо и проход английских пароходов в верховья Иравади.

Ободренный успехом, Фитч слал в Индию и Лондон горячие послания, призывая к дальнейшему нажиму на Бирму и к строительству дороги в Китай. Через год английский агент поселился в Бамо. Туда же потянулись пароходы из Рангуна. Однако первые же сообщения агента из Бамо разочаровали английские власти. Торговля с Китаем оказалась не такой уж верной и прибыльной, как казалось издавна. Для начала необходимо было покорить северные районы Бирмы, племена которых не признавали не только англичан, но зачастую и бирманцев. Надо было умиротворить и южные районы Китая, далекие от беспрекословного подчинения китайскому императору. Да и строительство дороги через горы было предприятием трудновыполнимым.

Власти Британской Индии не во всем разделяли точку зрения британских промышленников и присоединившихся к ним в агрессивных устремлениях английских купцов в Рангуне, которые требовали покорения Бирмы, якобы мешающей торговле с Китаем. У колониальных властей было множество других неотложных забот, и военная экспедиция в Бирму еще не стояла в повестке дня. Поэтому вопрос открытия дороги временно был отложен.

В эти годы Миндон и его правительство, сознавая шаткость положения Бирмы, вновь развернули широкую дипломатическую деятельность. В 1872 г. в Европу была направлена миссия во главе с министром У Кауном. В Лондоне миссии не удалось добиться гарантий неприкосновенности Бирмы. Более того, миссии было нанесено [157] оскорбление: она была представлена английской королеве министром по делам Индии, т. е. министром колоний. Более удачными были переговоры миссии в других странах

Европы: удалось заключить торговый договор с Италией и подписать торговую конвенцию с Францией.

К этому же времени относятся первые попытки бирманского правительства наладить дипломатические отношения с Россией. Отношение к России в Бирме была весьма положительным, несмотря на практическое отсутствие прямых контактов. Миндон знал, что Россия — враг Англии и, несмотря на поражение в Крымской войне, остается великой европейской державой, соперничающей с Англией не только в Европе, но и в Азии. Влиятельная армянская община в Мандалае, игравшая важную роль в бирманской торговле, также стояла за союз с Россией, которая была для армян защитником единоверцев в Закавказье.

Когда в 1874 г. бирманская миссия посетила Тегеран для переговоров с иранским шахом, там были сделаны шаги к установлению прямых отношений с Россией. Бирманцы намеревались просить у России покровительства и помощи против англичан. Эта попытка не привела к желаемому результату из-за осторожности российского правительства, не хотевшего идти на конфликт с Великобританией. С тех пор в течение нескольких лет связь между Россией и Бирмой поддерживалась только через посредство частных лиц; однако в России внимательно следили за развитием ситуации в Бирме, и русские послы и консулы в Лондоне, европейских странах и странах Азии подробно информировали свое правительство о Бирме.

Не смогло получить бирманское правительство помощи и от Франции, на что, казалось, были реальные шансы из-за конфронтации Франции и Великобритании в этом районе. Конвенция с Францией была подписана в Париже в 1873 г., но ратифицировать ее должны были в Мандалае, для чего туда выехал полномочный посол Франции граф де Рошешуар. Как поведение самого графа, так и действия французского министерства иностранных дел были крайне непоследовательными. С одной стороны, Франция, только оправлявшаяся после разгрома в войне с Пруссией, не могла конкурировать с Англией в Бирме. Приходилось думать более о сохранении своих плацдармов в Индокитае, нежели вступать в конфликт с Англией [158] в зоне, которую Великобритания считала своей. С другой стороны, соблазн был слишком велик. Правительство формально независимой страны предлагало союз, и это давало возможность проникнуть в тыл англичанам, которых никто во Франции в то время не рассматривал как союзников, какие бы дружественные договоры ни заключались между этими странами.

Двойственность позиции Франции выразилась уже в том, что проезжавший в Бирму через Индию французский посол посетил вице-короля Индии и заверил его, что Франция не имеет интересов в Бирме. Разумеется, он не развеял подозрений английских властей, хотя говорил правду: в случае конфликта Франция не могла, да и не хотела, реально помогать Бирме, что и подтвердилось через несколько лет.

Непоследовательно вел себя французский посол и в самой Бирме. Он поставил условием заключения договора передачу в аренду Франции рубиновых копей, разработка которых была одной из основных монополий бирманского царя, на которую не замахивались пока даже англичане. Престиж Франции как потенциального союзника упал, и надежды на заключение союза угасли. Конвенция не была ратифицирована; единственное, чего удалось достигнуть, было соглашение о посылке Францией в Бирму военных инструкторов, о подсудности французов в Бирме бирманским судам и о порядке разрешения торговых конфликтов. Однако соглашение по этим пунктам не было утверждено французским министерством иностранных дел, и в июле 1874 г. бирманское посольство оставило Париж.

Бирма осталась одна. Угроза с юга усиливалась с каждым месяцем.

6. Обострение англо-бирманских отношений в 70-х годах XIX в.

На принятии мер против Бирмы настаивали и в Лондоне — торговые круги, связанные с восточной торговлей, — и в Рангуне — купцы, недовольные отказом бирманцев отменить монополию на хлопок, пшеницу, сахар, чай, слоновую кость и т. д. Однако на первый план выдвигались совсем не эти причины. Инциденты, которые в [159] начале 60-х годов прошли бы незамеченными, в 70-е годы оказывались в центре внимания, и с каждым новым инцидентом тон британской прессы становился все воинственней и непримиримей.

На престоле в Бирме все еще оставался миролюбивый, сдержанный Миндон, идущий на компромиссы с англичанами. Политика его никоим образом не менялась. И тем не менее резкое ухудшение отношений между Бирмой и Англией относится к последним годам его правления, а не к воцарению Тибо, происшедшему в 1878 г., как принято считать в европейской исторической литературе. Участь Бирмы была решена к середине 70-х годов; после этого оставалось только подготовить общественное мнение и склонить к решительным действиям высоких чиновников индийского вице-королевства,

Одним из первых инцидентов, подогревшим анти-бирманскую кампанию в Англии, стала смерть английского разведчика Марджори в 1874 г. Он был участником одной из попыток найти наилучший путь между Китаем и Северной Бирмой и действовал в сотрудничестве с подобной же экспедицией Брауна, двигавшейся ему навстречу. Пройдя из Китая в Бамо, Марджори повернул обратно, чтобы подготовить путь для более многочисленной экспедиции, но был убит на границе разбойниками. Этот случай был немедленно подхвачен английской прессой как доказательство вероломства бирманцев; а поскольку доказательств причастности бирманцев к этому убийству не было, газетчики прибегли к различного рода измышлениям, и даже посещение китайским генералом бирманского двора было расценено как свидетельство участия Миндона в убийстве английского разведчика. Инцидент был раздут настолько, что в донесениях русских дипломатов в Петербург впервые появились указания на возможность войны Англии с Бирмой и полного покорения страны.

Почти одновременно с убийством Марджори произошло еще одно серьезное столкновение между бирманцами и англичанами. Миндон направил отряд в область, населенную каренами-работоторговцами, совершавшими набеги на бирманские деревни. Карены испокон века считались вассальным Бирме народом, но на этот раз англичане послали в Мандалай протест, заявляя, что карены находятся под защитой британской короны. Миндон не [160] согласился с этим, и инцидент был закрыт только в 1875 г., причем бирманцам пришлось признать независимость Западного Каренни.

Даже мелочи, подобные тому, снимать ли обувь во время аудиенции у бирманского царя, приобрели в это время чрезвычайно большую огласку. Несмотря на то что бирманцы освободили англичан от исполнения сложного и нерушимого дворцового этикета, они не могли позволить кому бы то ни было входить в королевский дворец в обуви. Нарушение этой традиции было оскорбительным для бирманского царя и унижало его в глазах подданных. В течение двух десятилетий британские послы и агенты ворчали, писали кляузы в Индию, но обувь все-таки снимали. В середине же 70-х годов, придравшись к тому, что бирманские послы в Индии не снимали обувь в присутствии принца Уэльского, англичане предъявили Миндону оскорбительный и заранее неприемлемый ультиматум: англичане обувь во дворце снимать не будут. Миндон с этим не согласился, и с тех пор английский резидент перестал являться во дворец. Практически это означало разрыв дипломатических отношений, в чем бирманцы ни в коей мере не были повинны.

К 1875 г. в Лондоне и Калькутте уже был разработан план военных действий против Бирмы. Русский военный агент в Лондоне генерал Горлов смог ознакомиться с этим планом и сообщал в Россию его детали и количество войск, которые примут участие в военной экспедиции. Он писал: «Война эта падает на армию Мадрасского президентства. Арсенал в Мадрасе находится на полном ходу, и офицеры этой армии получили приказание быть в полной готовности».

Однако в 1875 г. победила точка зрения Калькутты, которая была за то, чтобы отложить войну на несколько лет. Калькуттские власти лучше, чем английские промышленники, понимали, что получение выгод от торговли с Китаем весьма проблематично, и перспективы ее никак не окупают миллионов, требуемых на проведение военной кампании против Мандалая. А увеличение территории, населенной враждебным и воинственным народом, обременительно и чревато дальнейшими серьезными расходами.

Миндон умер в 1878 г. в обстановке настолько сложной и опасной для Бирмы, что уцелеть она могла только [161] чудом, даже если бы во главе ее стал образованный, гибкий и решительный политик, превосходящий набожного и осторожного Миндона. Но и в этом случае исход столкновения с рвущейся к территориальным захватам Великобританией был бы весьма сомнителен.

7. Последние годы независимости

Миндон умер, не успев назначить наследника. Если он сам в последние годы достаточно прочно укрепился на троне, чтобы не опасаться за свою жизнь, то печальный пример восстания 1866 г., при котором погиб наследник престола, заставил царя быть крайне осторожным в выборе преемника. Враждебные Миндону силы в среде крупной знати дожидались его смерти, чтобы ликвидировать реформы, и были на все готовы, лишь бы не допустить к власти продолжателей дела Миндона. Для князей и вельмож, для «обездоленных» мьоза внешнеполитические факторы отступали далеко на задний план. Угроза порабощения страны Англией казалась ничтожной по сравнению с неугодной им внутренней политикой правительства.

Колебания Миндона в вопросе о престолонаследии сыграли отрицательную роль в истории Бирмы. Незадолго до смерти царь все-таки решился и вызвал во дворец принца Ньяундьяна, которого многие считали продолжателем политики Миндона. Однако Ньяундьян знал, что у него при дворе множество врагов и что там уже созрел заговор с целью возведения на престол принца Тибо, находившегося всецело под влиянием консерваторов. Ньяундьян опасался ехать во дворец — умирающий царь был окружен ненавидящими Ньяундьяна князьями — и счел за лучшее укрыться в английском резидентстве. Главный министр У Каун потребовал у английского резидента выдачи принца, но тот отослал Ньяундьяна в Калькутту, где принц был поселен в качестве почетного пленника правительства Британской Индии.

Миндон попытался было назначить соправителями трех принцев, но даже У Каун, крупнейший политический деятель Бирмы и ближайший соратник Миндона, воспротивился такому решению, означавшему гражданскую войну. [162]

Царь умер, и на престол, как и следовало ожидать, вступил Тибо, главной женой которого была энергичная Супаялат. Министры Миндона сочли за лучшее ради единства страны поддержать его кандидатуру, надеясь, что молодой монарх будет игрушкой в их руках и не помешает им продолжать политику отца. Точно так же думали и враги Миндона, мечтавшие об отмене его реформ. Третьей партией в этой борьбе были жена царя и ее родственники. Именно они и победили. Министры Миндона, формально оставшиеся на своих постах, были отстранены от важных дел, многие из королевских родственников были убиты или другим путем убраны с политической арены.

Все эти события, однако, ограничивались в основном стенами дворца. Не говоря уже о том, что вопросы внешней политики по-прежнему были в руках министров Миндона и на отношениях Бирмы с Великобританией приход Тибо к власти не отразился, даже во внутренней политике попытки реставрации власти крупных феодалов имели весьма скромные результаты. Правда, был восстановлен институт мьоза, но в весьма урезанном виде. Новый правитель был крайне осторожен, робок и пустил события на самотек. Министры Миндона постепенно теряли власть, реформы застревали на

многочисленных чиновничьих ступеньках, а растущая угроза со стороны Англии грозила свести на нет усилия по их проведению.

С приходом к власти Тибо антибирманская кампания в Англии и Рангуне развернулась с новой силой. Предлог был чрезвычайно удобным: убийства и казни при бирманском дворе, широко комментируемые английской прессой, вызвали возмущение английской публики. Воспользовавшись предлогом, резидент Англии в Мандалае направил бирманскому правительству протест. Первый министр У Каун ответил, что царь Бирмы, как суверенный правитель, имеет право принимать для предотвращения беспорядков те меры, какие сочтет нужными. Резидент, не появившийся во дворце, чтобы не снимать обуви, пригрозил разорвать дипломатические отношения и спустить английский флаг.

Подходящим предлогом для вторжения в Бирму считал казни при дворе и вице-король Индии лорд Литтон. Вице-королевство полагало, что момент для захвата Бирмы более чем выгоден: ослабленное внутренней борьбой правительство [163] Бирмы дезорганизовано, и расходы на операцию будут минимальными.

На этот раз воспротивился Лондон. Войска и деньги были нужны в других местах. В Афганистане и Африке шли неудачные для Англии войны. Англия никак не могла сломить сопротивление афганцев и зулусов. В любой момент могла начаться война с бурами. Литтон получил приказание не вмешиваться в бирманские дела.

Бирма и при новом правителе пыталась изыскать возможности для дипломатического урегулирования отношений с Англией. Во внешней политике Тибо оказался последователем Миндона. В 1879 г., после того как британские власти в Индии отозвали из Мандалая резидента и прервали отношения с Бирмой, бирманцы направили в Калькутту посольство с подарками и письмом к вице-королю. Посольство было задержано на границе и в течение полугода содержалось в пограничном городке: британские власти соглашались пропустить его только в том случае, если оно компетентно вести переговоры о новом договоре. Посольству пришлось вернуться ни с чем.

В Европе в эти годы ожидали известий о падении Бирмы со дня на день. Политические демарши Англии не оставляли возможностей для иного толкования. Все, начиная с непрекращающихся криков английской прессы о злодеяниях в Бирме и варварских обычаях при бирманском дворе и кончая отказом англичан признать Тибо и военной помощью владетелю Манипура, у которого возникли пограничные конфликты с Бирмой, говорило о скором падении Бирмы. Весьма сложным было положение и на северных границах Бирмы, где участились нападения банд, действовавших с китайской территории. Одна из этих банд даже сожгла город Бамо. Отказывались подчиняться шанские феодалы, которых подстрекали английские агенты. В Лондоне даже существовало мнение о замене Тибо более послушным царем, которым должен был стать принц Ньяундьян, бежавший в 1878 г. в Калькутту. Однако этому плану резко воспротивилось правительство Британской Индии, считавшее косвенное управление страной менее удобным, нежели прямое.

К 1882 г. относится еще один конфликт между Бирмой и Англией. Бирма была поставлена перед выбором — либо отмена государственной монополии на ряд товаров, либо введение английских войск в Мандалай для охраны [164] интересов живущих там англичан. Бирманцам и на этот раз пришлось пойти на уступки.

К последним, отчаянным попыткам Бирмы спасти свою независимость относятся переговоры бирманской миссии во Франции о заключении торгового и военного союза. Узнав о парижских переговорах, встревоженные англичане запросили французское правительство, не намерено ли оно продать Бирме оружие. Франция заверила, что ничего подобного не имелось в виду. Однако время шло, миссия продолжала оставаться в Париже, и бирманцы уже готовы были пойти на удовлетворение французских требований.

В январе 1885 г. англичане предупредили французское правительство, что они намереваются ликвидировать независимость Бирмы и не желают, чтобы французы

вмешивались в этот конфликт. Франция снова подтвердила, что ни о каком военном союзе с Бирмой и речи быть не может. И хотя бирманское посольство продолжало переговоры в Париже, с каждым днем становилось все яснее, что они не приведут к реальной помощи Франции.

В мае 1885 г. в Мандалай прибыл французский консул Хаас для продолжения переговоров. Бирма шла на удовлетворение всех требований французов. Однако в результате продолжавшихся в течение лета и осени 1885 г. англо-французских дипломатических контактов Франция отказалась от планов в отношении Бирмы и в октябре 1885 г. отозвала Хааса из Мандалая.

Отъезд французского консула совпал с возникновением предлога для войны. Хлудо обвинил английскую Бомбей-Бирманскую торговую корпорацию в том, что она вывезла вдвое больше леса, нежели оплатила, и наложил на нее крупный штраф. Новый генерал-губернатор Индии Дафферин направил в Мандалай ультиматум, одним из требований которого было передать под английский контроль внешние сношения Бирмы, т. е. практически отказаться от независимости.

Ответ бирманского правительства, при всей его сдержанности, был полон чувства собственного достоинства. В нем говорилось, что «дружественные отношения с Францией, Италией и другими государствами поддерживались, поддерживаются, будут поддерживаться». Этого было достаточно. 10 ноября истек срок действия ультиматума, а 14 ноября английские войска вторглись в Бирму. [165] Бирма не была готова к войне. Все ее переговоры с европейскими странами о поставках оружия не увенчались успехом. Бирманская армия была плохо вооружена, не обучена ведению современной войны и недостаточно организована.

8. Третья англо-бирманская война (1885)

Начавшаяся война представлялась английским солдатам и офицерам увеселительной прогулкой до стен богатого дворца в Мандалае, где каждому достанутся сказочные рубины и масса золота.

Флотилия под командованием генерал-майора Прендергаста, известного своим участием в подавлении восстания сипаев, начала продвижение вверх по Иравади. На ее кораблях было 70 орудий.

Перед началом похода, утром 14 ноября, англичане захватили посланный из Мандалая пароход, который бирманцы предполагали затопить, с тем чтобы блокировать реку. Командовал этой операцией итальянский инженер, решивший, что спешить некуда, и не успевший выполнить задание. На пароходе были обнаружены оставленные бежавшим итальянцем подробные планы всех укреплений по реке вплоть до Мандалая. Таким образом, англичане получили все необходимые разведывательные данные и возможность вести прицельный огонь по бирманским фортам.

Первыми укреплениями, стоявшими на пути англичан, были расположенные по обе стороны реки форты у города Минхла. 17 ноября находившиеся вне пределов досягаемости бирманской артиллерии 70 орудий английской эскадры полностью разрушили форты и деморализовали их защитников, не имевших представления о силе огня тяжелых орудий, стреляющих разрывными снарядами. После этого были высажены десанты. Левобережный форт был покинут защитниками, но форт на правом берегу оказал яростное сопротивление. Бирманцы отступали метр за метром, и мало кто из них остался живых.

Через два дня британская флотилия отправилась дальше. Паган был занят без боя, однако у Ньяун У бирманская батарея и отряд при ней сопротивлялись до тех пор, пока все пушки не были уничтожены. [166]

Связь между бирманскими укреплениями была плохой, и командующий бирманской армией имел самое слабое представление о продвижении англичан. Однако

он был уверен в силе своих войск. Построив армию на берегу недалеко от Мьинджана, он стал ждать подхода противника, полагая, что бой произойдет по благородным старинным правилам войны.

Зрелище, представшее англичанам, было весьма внушительным. На сотни метров вдоль берега вытянулись колонны солдат, на холмах плотными каре стояли отряды второй линии. Золотые зонты генералов сверкали под солнцем, боевые слоны возвышались над пехотинцами.

Бирманский генерал ошибся. Прендергаст не собирался рисковать жизнью своих солдат. Как только канонерки приблизились на расстояние пушечного выстрела, они дали залп картечью. К закату тысячи бирманских солдат были убиты, армия разгромлена. Англичане не потеряли ни одного человека.

В ходе короткой кампании англичане с помощью артиллерии выиграли все сражения. Оставшиеся в живых бирманские воины уходили в глубь страны, подальше от реки. Значительная часть армии сохранилась; разделившись на небольшие отряды, зачастую лишенные руководителей, бирманцы продолжали партизанскую войну. Осторожные английские политики, призывавшие к осмотрительности при завоевании Бирмы, оказались правы: последняя война Англии и Бирмы продолжалась две недели и еще 10 лет, причем в ее второй части погибло во много раз больше английских солдат, чем в первой.

В Мандалае не ожидали столь скорого появления противника. Опасавшиеся кары генералы слали в столицу ложные донесения. Когда звуки пушечной канонады достигли стен царского дворца, растерянный Тибо вызвал попавшего к тому времени в опалу и посаженного в тюрьму У Кауна и передал ему всю полноту власти в надежде, что опытный министр, в свое время возглавлявший посольства в Европу, сможет договориться с англичанами.

Вельможи, везшие англичанам письмо с принятием всех требований, встретили английскую флотилию в 30 км южнее Мандалая. Прендергаст принял послов, но отказался заключить перемирие и предложил бирманскому царю сдаться и разоружить армию. За это Прендергаст [167] обещал сохранить Тибо жизнь при условии, что не пострадает ни один из английских обитателей Мандалая.

Для того чтобы подчеркнуть серьезность намерений англичан, еще во время переговоров были разведены пары, и флотилия двинулась дальше, к Маидалаю.

В 11 часов утра 28 ноября три английские бригады высадились на набережной сдавшегося Мандалая. Полковник Слейден во главе отряда отправился во дворец. Он был встречен первым министром стариком У Кауном, который умолял полковника не вводить во дворец солдат и не оскорблять достоинство правителя Бирмы.

Слейден вошел во дворец. Не снимая сапог и не кланяясь, он прошел прямо в зал, где, сидя на троне, его ждал царь Тибо. Царь просил полковника не высылать его из столицы или по крайней мере дать ему время собраться.

На следующий день генерал Прендергаст, дабы поторопить Тибо с отъездом, сам явился во дворец. В сопровождении английских солдат царь, царица и несколько придворных были выведены в город. Разыскали повозку, запряженную двумя волами, и на ней царь и его окружение совершили медленное путешествие к реке, где их ждал английский пароход. Семь километров, отделявших дворец от парохода, кортеж двигался между рядами английских солдат, за спинами которых стояли толпы бирманцев. Уже в полной темноте, освещенный только фонарями солдат и множеством факелов, зажженных бирманцами, последний царь Бирмы прошел по шатким мосткам на пароход, который немедленно отчалил и встал на якорь посреди реки: генерал Прендергаст опасался попытки освободить царя. На следующий день Тибо был увезен на юг, в Рангун, а затем в Индию.

1 января 1886 г. был опубликован следующий лаконичный манифест вице-короля Индии:

«Волей Императрицы объявляем, что территории, управлявшиеся королем Тибо, более им не управляются, а стали частью владений Ее императорского Величества и по воле Ее Величества будут управляться теми ее офицерами, которых назначит вице-король и генерал-губернатор Индии

Дафферин». [168]

Таким образом, уже в первом заявлении всему миру давалось понять, что Бирма входит в качестве колонии в состав Британской Индии. В феврале того же года дальнейшие распоряжения подтвердили этот манифест. Присоединенная территория вместе с Нижней Бирмой включалась в состав Британской Индии в качестве провинции; ее верховным комиссаром был назначен Чарльз Бернард.

Бирма перестала существовать как самостоятельное государство. [169]

ГЛАВА VII БИРМА В СОСТАВЕ БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ (1886—1939)

1. Начало вооруженной борьбы против колонизаторов

Третья англо-бирманская война, закончившаяся в несколько дней, была самой быстрой, самой бескровной и самой стремительной из всех войн, которые когда-либо вели англичане против крупной независимой страны. Успех казался полным, и даже самые осторожные и предусмотрительные из завоевателей не ожидали, что сейчас же после окончания военных действий в покоренной стране начнется сопротивление, подавление которого потребует от Великобритании в десятки раз больше усилий, нежели предшествовавшая кампания.

Первые сообщения о нападении бирманских отрядов на захваченный англичанами Мандалай поступили в Лондон почти одновременно с известиями о полной победе над войсками Тибо и пленении монарха. Английская пресса, несколько смущенная подобным оборотом дела, сначала комментировала эти события как бунт, подавленный быстро и энергично, признавая при этом, что «в подавлении бунта было потеряно больше жизней, чем в любом сражении во время экспедиции». В последующие дни версия о подавленном бунте уступила место сообщениям о столкновениях с разбойниками — дакойтами.

Напуганное неожиданным восстанием, командование британских войск в Мандалае ввело военную цензуру, пытаясь пресечь утечку сведений о действительном положении дел. Был издан строгий приказ о немедленной сдаче всего оружия, включая холодное; за невыполнение приказа грозила смертная казнь. Однако эти меры не помогли: повстанцев становилось все больше.

Во время «официальной» войны англичан с Тибо [170] большинство бирманцев полагало, что наступление английских войск приведет лишь к замене Тибо другим царем. С окончанием войны стало ясно, что англичане собираются остаться навсегда, и с этого момента отношение бирманцев к завоевателям и к судьбам страны резко переменилось. У бирманцев, конечно, не возникало вопроса о том, быть или не быть монархии, — неизвестно было лишь, кто станет царем и вождем движения. И бирманские солдаты, офицеры, чиновники, крестьяне, поднявшиеся на борьбу за спасение родины, ждали появления нового Алаунпай.

В первые же дни после пленения Тибо объявились два претендента на престол — Тхе Тин и Бьян Сейн, оба принца царской крови. Через несколько дней к ним добавилось еще несколько претендентов. Каждый из них вел себя по-царски: раздавал золотые зонты, поднимал над ставкой белые с синей полоской флаги, символизирующие цвет шеи павлина — государственного герба Бирмы, собирал налоги и окружал себя свитой.

Каждый из них недооценивал силы противника и с подозрением относился к «параллельным правителям».

В начале восстания англичане, не ожидавшие такого оборота событий, оборонялись. Им было необходимо удержать Мандалай — столицу страны, сохранить в своих руках коммуникации для подвоза подкреплений и ключевые пункты в долине Иравади. Яростные атаки повстанцев на города, укрепленные пункты и отдельные колонны британских войск не приносили решающих результатов. Британские войска несли значительные потери, но решающего, объединенного штурма Мандалая не последовало, и англичане смогли даже перейти в контрнаступление.

Взоры бирманцев в эти дни обращались к Шуэбо — родине Алаунпай, откуда ждали вестей о появлении освободителя. Именно против Шуэбо и направили англичане первый удар. Несмотря на то что мьовун Шуэбо признал власть англичан и даже выдал им одного из претендентов на престол, английское командование направило вверх по Иравади бригаду генерала Нормана. Высадившейся в Шуэбо бригаде пришлось сразу же вступить в бой с бирманцами, отряды которых стекались к городу в ожидании сигнала к большому походу. Повстанцам удалось даже временно захватить город, но удержаться в [171] нем они не смогли и отступили в окрестные селения, где между несколькими претендентами на престол сразу же начались разногласия.

Тем временем освободительное движение охватило всю Бирму. Повстанцы заняли Сагайн, местность между Минле и Паганом, осадили Нинджан, проявляли активность в северных провинциях, шанских княжествах и т. д. Волнения распространились и на давно «умиротворенную» Нижнюю Бирму — там начались восстания, причем повстанцы временно занимали даже такие крупные центры, как Пегу, Ситаун, Билин.

2. Партизанское движение во второй половине 80-х — начале 90-х годов XIX в.

Изображая бирманских повстанцев разбойниками, грабителями, дакойтами, руководители британской колониальной политики наряду с этим принимали экстренные меры, пытаясь изменить соотношение сил в Бирме в свою пользу. Время в данном случае работало на них; ресурсы Индии и Англии были несравнимы с возможностями Бирмы, Иравади оставалась все время в руках английских войск, и каждый день, потраченный повстанцами на бесплодные споры, укреплял положение англичан.

В декабре 1885 г. в Бирме насчитывалось 10 тыс. английских и индийских солдат, и эти войска были разбросаны по огромной территории. Число восставших превосходило оккупантов в десятки раз. В феврале 1886 г. англичанам удалось довести численность войск до 18 тыс. человек, в июле того же года их уже насчитывалось почти 33 тыс. Соотношение сил резко изменилось.

Первая волна всеобщего восстания, в ходе которого бирманские части захватывали города и осаждали крепости, к этому времени схлынула. Отчаянные и неорганизованные атаки повстанцев, надежда на появление нового Алаунпай, уверенность в том, что не сегодня-завтра оккупация прекратится, — все это ушло в прошлое. Если до середины 1886 г. бирманцы, поднимаясь против англичан, руководствовались абстрактными идеями, не знали толком противника, обращались к ложным авторитетам неспособных эгоистичных принцев, то со второго года борьба качественно изменилась. Повстанцы отступили от [172] городов, ушли в леса и горы, перешли к партизанской войне. Их вожди многому научились у англичан, и естественный ход событий привел к тому, что во главе движения встали уже не самые знатные, а самые способные военачальники.

Конец 1885 — начало 1886 г. был фактически последним и самым ожесточенным этапом третьей англо-бирманской войны. С весны-лета 1886 г. мы можем уже говорить о начале упорного партизанского движения в Бирме.

В середине 1886 г. британские власти, обеспечив тылы и убедившись в том, что у бирманцев нет надежды на объединение армии под единым командованием, перешли в

наступление. Они частично отказались от методов борьбы с повстанцами путем организации летучих отрядов и перешли к созданию укрепленных опорных пунктов по всей стране (к ноябрю 1886 г. их было уже около 100). Кроме того, создавались посты военной полиции из индийцев. Большое внимание уделялось также созданию надежных путей сообщения — шоссейных дорог и железнодорожной линии Рангун — Мандалай.

В октябре 1886 г. командование британскими войсками в Бирме было передано генералу Робертсу, энергичному колониальному деятелю, нашедшему положение в стране крайне неудовлетворительным. Вместе с увеличением числа и укреплением опорных пунктов и полицейских постов генерал потребовал увеличения численности войск до 40 тыс. человек, что и было сделано к концу 1886 г. С такими силами Робертс обещал установить в стране порядок в течение трех месяцев. Однако ничего из этого не вышло. Если на первом этапе бирманцы недооценили силы англичан, то теперь британские генералы недооценили силы повстанцев и их решимость продолжать борьбу.

Расходы на военные действия, возложенные Англией в основном на Индию, все увеличивались. Англичане внезапно обнаружили, что вместо широко разрекламированной британской прессой и чиновниками страны изобилия, богатой рисом, тиковыми лесами, драгоценными камнями, нуждающейся в английской мануфактуре, им достался источник убытков. Посчитав, что движение повстанцев идет на убыль, колониальная администрация решила переложить часть расходов на ведение войны на саму Бирму. [173] Были увеличены поземельный и подворный налоги, введены новые налоги и акцизы. Кроме того, бирманцы были обязаны содержать английские воинские части, снабжать их средствами транспорта, жильем и т. д. Эти меры вызвали вспышку голода и способствовали подъему повстанческого движения.

Получился заколдованный круг: с усилением налогового гнета, призванного компенсировать расходы на борьбу с партизанами, увеличивалось число партизан, их враждебность к англичанам, что вело, в свою очередь, к дальнейшему увеличению военных расходов. Военные действия против повстанцев приняли особо жестокий характер. Англичане практиковали сожжение деревень, связанных с партизанами, истребление «сочувствующих», переселение в другие районы и города, тюремное заключение, ссылки в Индию и т. д. С начала войны по август 1888 г. только в Индию было выслано 50 тыс. человек.

На втором этапе повстанческого движения можно отметить определенную локализацию партизанских сил и большую организованность их действий.

Важным районом повстанческого движения были окрестности Мандалая, где действовали отряды, в большинстве своем подчинявшиеся принцу Мьин Сейну. С повстанцами были связаны некоторые городские жители, в том числе известные монахи. Помимо нападений на посты предпринимались попытки вызвать восстание в городе, овладеть им одновременным ударом снаружи и изнутри. Однако все заговоры были раскрыты англичанами, которые уже обзавелись осведомителями и союзниками в Мандалае, переманив на свою сторону часть знати, чиновничества и купечества, заинтересованного в мире любой ценой.

Крупным районом партизанской войны был округ Шуэбо. Действовавшие здесь отряды временами даже захватывали города и опорные пункты англичан.

Севернее, в районе рубиновых копей Могока, одного из центров устремлений английских войск, власть Великобритании установилась лишь в конце 1886 г. Однако разработка рудников так и не началась в течение еще нескольких лет, настолько активными были действия партизан в этом лесном горном районе.

Интересная ситуация сложилась в самом северном районе Бирмы, в округе Бамо, граничащем с Китаем. [174] Несмотря на англо-китайское соглашение, предусматривавшее невмешательство Китая в английские дела в Бирме, к действовавшим в этом районе повстанцам по инициативе губернатора Юньнани и с молчаливого согласия

китайского двора присоединились китайские отряды. В боях на севере участвовали также качины и другие горные племена.

В Центральной Бирме партизаны были весьма активны в густонаселенных районах Авы и Сагайна, где борьбу вели десятки отрядов, практически блокировавшие англичан в городах. Это положение сохранялось до 1889 г.

Ниже по Иравади, в районах Пагана, Мьинджана, Минбу, Таемьо, Магуэ, партизанское движение также причиняло много хлопот англичанам. В этих районах действовали талантливые командиры, такие, как Бо Шуэй и У Оттама, неоднократно наносившие энергичные удары по английским отрядам.

Повстанцы проявляли активность в районах Таунгу, Пегу, Тенассерима и угрожали окрестностям Рангуна.

Даже краткое перечисление районов действия партизан в собственно Бирме, не говоря уже о крупных восстаниях чинов, качинов, шанов, борьба с которыми осложнялась для англичан труднодоступными горами и джунглями, свидетельствует о необыкновенном размахе партизанской войны. Сорокатысячная оккупационная армия почти непрерывно находилась в боях. Резко возросли потери англичан.

Однако победы партизан были местными и не могли привести к решающему успеху. Если повстанцам удавалось разгромить роту англичан или сипаев, то на смену ей приходил батальон; вместо уничтоженного опорного пункта или полицейского поста немедленно возникал новый, лучше укрепленный, а рядом с ним создавался еще один. Основной бедой бирманских повстанцев и на втором этапе партизанской войны продолжала оставаться раздробленность сил, множественность независимых отрядов, возглавляемых зачастую враждующими друг с другом вождами. Крупные отряды создавались лишь на время отдельных операций, и этим отлично пользовались англичане, умело отыскивавшие трещины в возможных союзах и громившие повстанцев по частям.

К концу 1889 г. военные действия окончательно локализовались в лесных и горных районах и большинство [175] партизанских отрядов перешло к тактике отдельных нападений на населенные пункты и посты англичан с последующим уходом в горы. Прошло время открытых сражений тысячных партизанских отрядов с британскими войсками — небольшие группы партизан оказались более жизнеспособными в новой обстановке.

До середины 90-х годов продолжалось сопротивление в районе Бамо и рубиновых копей. В 1893 г. вспыхнуло восстание качинов, подавленное окончательно лишь через два года. В горах Пегу и Тенассерима повстанцы также продолжали боевые действия до середины 90-х годов; лишь к 1896 г. были подавлены выступления шанов.

К концу XIX в. Великобритания наконец покорила Бирму. Последняя англо-бирманская война, таким образом, продолжалась более 10 лет и обошлась Англии куда дороже двух предыдущих. Однако бирманцам, несмотря на размах и упорный характер их сопротивления, не удалось сломить колониальную машину: у них не было должной организации, вооружения, отсутствовала ясная и общая цель.

3. Создание системы колониального управления

Система управления Бирмой складывалась в обстановке продолжающейся войны, и это наложило отпечаток на некоторые особенности административного устройства колонии. В первые месяцы после низложения Тибо в среде колониальной администрации существовало мнение о желательности посадить на престол послушного царя и сохранить Верхнюю Бирму формально самостоятельным, но фактически полностью подвластным государством. Однако этот план не мог быть проведен в жизнь не только из-за сопротивления экспансионистски настроенных представителей коммерческих кругов, но и из-за отсутствия подходящего кандидата на престол. По тем же причинам пришлось

отказаться и от идеи создания протектората. Сильные, связанные с Индией и Англией торговые компании Рангуна требовали прямого управления страной.

В результате в 1886 г. вся Бирма была включена в Индию в качестве особой административной единицы, управляемой верховным комиссаром. Такое положение сохранилось [176] до 1897 г., когда Бирма была выделена в отдельную провинцию Британской Индии, во главе ее поставлен вице-губернатор (впоследствии губернатор) и создан Законодательный совет из девяти членов, ни один из которых не избирался.

Включение Бирмы в Британскую империю повлекло за собой дальнейшую перестройку административной системы. Верхняя Бирма, как и Нижняя, была поделена на несколько областей; в каждую область входило несколько округов (дистриктов), делившихся на более мелкие единицы. Действовавшее с 50-х годов в Нижней Бирме законодательство, общее для Британской Индии, было постепенно распространено и на Верхнюю Бирму. Во главе областей были поставлены комиссары, во главе округов — заместители комиссара. Нижние ступени административного деления на первых порах, для удобства налогового обложения, оставили без изменения. Мьютуджи, объединявшие под своей властью одну или несколько деревень, также остались на своих постах.

Подобное положение сохранялось недолго. В условиях непрекращавшейся партизанской войны мьютуджи были олицетворением старой независимой Бирмы и часто вставали во главе восстаний в своих районах. Вместо того чтобы перетянуть их на свою сторону, что требовало времени и усилий, верховный комиссар Бирмы Кростуэйт, приверженец системы прямого администрирования, решил упразднить должность мьютуджи и сделать основной административной единицей Бирмы деревни.

Опубликованный в 1889 г. «Закон о деревнях Бирмы» преследовал двоякую цель. С одной стороны, была достигнута унификация административной системы, при которой деревня несла ответственность за любые антианглийские действия кого-то из ее жителей. С другой стороны, замена мьютуджи, связанных корнями со своими деревнями, вершивших суд и собиравших налоги, безликими чиновниками мь-о, старостами деревень, которых часто меняли и перебрасывали с места на место, уничтожала основу феодального строя и создавала условия для четкого контроля и управления страной.

Проведенная англичанами административная реформа носила антифеодальный характер и по своему содержанию была прогрессивной. Однако в созданной колонизаторами системе прямого управления бирманцам нашлось [177] место только на низших ступенях. Комиссары, заместители комиссаров и другие высшие чиновники назначались в Бирму из Англии и Индии и чаще всего мечтали вернуться обратно; они не знали ни языка, ни обычаев страны, мерили увиденное вокруг неприемлемыми для Бирмы мерками. С течением времени эти противоречия нарастали, усугубляя конфликт между народом и британскими властями.

Горные районы Бирмы были исключены из системы прямого управления и поставлены под косвенный контроль. В шанских княжествах, в государстве Каренни и других районах во внутренней жизни сохранялась власть князей и вождей племен. Эти районы рассматривались администрацией как не имеющие прямого отношения к Бирме, и государство Каренни даже было объявлено независимым под британским протекторатом.

Подорвав основы социальной организации бирманского общества, обескровленного к тому же длительной войной и репрессиями, административные мероприятия первых лет британского колониального господства в короткий срок изменили всю внутреннюю жизнь Бирмы.

4. Экономическое и социальное развитие колонии

Сопутствовавшие государственным преобразованиям экономические перемены, поддерживаемые колониальными властями, сказались прежде всего на положении бирманского крестьянства.

В независимой Бирме крестьянское хозяйство, в значительной степени натуральное, велось без накоплений. Упорядочение налогового обложения и введение денежной системы, прежде почти не проникавшей в сельскохозяйственный сектор бирманской экономики, поставили крестьян в трудные условия. Особенно нелегким стало их положение в результате рисовой политики британских властей.

Новую колонию следовало использовать в огромном механизме, именуемом Британской империей. Пряностей в Бирме не было, да они и не являлись уже тем товаром, из-за которого шли войны. Не было в Бирме и очевидных минеральных богатств: запасы нефти оказались сравнительно невелики, действующие оловянные, серебряные и [178] свинцовые рудники далеко уступали малайским, а добыча драгоценных камней и вывоз тика вряд ли могли покрыть расходы на управление колонией. Плоские, жаркие, прорезанные обильными реками, равнины Бирмы почти не поставляли товарной продукции.

Однако уже после окончания второй англо-бирманской войны, т. е. с середины XIX в., колониальным администраторам стало ясно, что Бирма может быть использована в системе империи как поставщик продовольствия, а именно риса. Выращивая различные сельскохозяйственные продукты, бирманская деревня кормила только себя и небольшие бирманские города; перейдя на преимущественное выращивание нужной во всей Азии культуры, Бирма обрела рентабельность. Она не могла из-за сравнительно небольшой численности населения стать крупным потребителем английских товаров, но смогла играть роль житницы Британской империи. Особенно усилилась эта роль Бирмы после 1869 г., с открытием Суэцкого канала, стимулировавшего рост мировой торговли.

В промежутки между второй и третьей англо-бирманскими войнами площади под рисом выросли втрое. В дальнейшем этот рост продолжался столь же интенсивно, и к 1914 г. уже более 10 млн. акров (4 млн. га) земли было занято в Бирме под рисом.

Подобная специализация целой страны на производстве монокультуры неизбежно вела к быстрой ломке социальных отношений и к массовой перекачке населения из одних областей в другие с изменением при этом структуры сельскохозяйственного населения.

Основное внимание англичан уже с середины XIX в. было обращено на большие пустующие пространства Нижней Бирмы, в первую очередь дельты Иравади. В 1856 г. в Нижней Бирме жило около 1,5 млн. человек, к началу нашего века там проживало уже более 5 млн., а к 1911 г. — свыше 6 млн. Такое быстрое увеличение численности населения в этом районе страны объяснялось не только естественным приростом, но и притоком крестьян с севера, а также ввозом в страну индийских крестьян и батраков-сезонников.

Спрос на рис продолжал расти. Спекуляции земельными участками вели к укреплению ростовщичества — единственного реального источника кредита для крестьян, вынужденных изыскивать средства для подъема целины [179] и расчистки зарослей. И если в Верхней Бирме сохранялось еще в значительной мере старое владение, то в Нижней Бирме земля постепенно переходила в руки помещиков нового типа — индийских ростовщиков, четъяров, отбиривших землю за долги у крестьян. К началу нашего века Нижняя Бирма в значительной части стала вотчиной помещиков-абсентеистов, к которым к 1901 г. перешло уже более 15% всех земель в 13 главных рисопроизводящих районах, а к 1910 г. — более 20%. Сохранявшие еще землю крестьяне в той или иной степени зависели от ростовщиков. К началу первой мировой войны в Нижней Бирме более трети земли крестьянами арендовалось.

Появление товарных рисоводческих хозяйств вызвало потребность в дополнительной рабочей силе. До тех пор, пока надобность в ней не могла быть покрыта за счет внутрибирманских ресурсов, большое число сельскохозяйственных рабочих ввозилось из Индии. Отлично понимая важность подобной меры, британская администрация поощряла сезонную иммиграцию, идя даже на введение премий пароходным компаниям за перевозку кули. Ввоз наемного труда из Индии в Бирму

неуклонно рос, и в 1913 г., например, в Бирму приехало 280 тыс. индийских иммигрантов. Часть из них по окончании сезонных работ возвращалась домой, часть — оставалась в Бирме, изменяя не только национальный, но и социальный состав страны, ибо индийцы в массе своей оставались пролетарским, беднейшим слоем населения Бирмы.

Развитие бирманской промышленности также было связано с особенностями сельского хозяйства. Абсолютное число рабочих, занятых в традиционных отраслях бирманской промышленности — в копиях, на лесоразработках и на нефтяных промыслах, — было невелико. Качественный скачок был вызван увеличением экспорта риса и тика и развитием соответственно морского и речного транспорта, а позже — и современной нефтяной промышленности. Все эти отрасли находились в руках иностранного капитала.

Первая паровая рисовая мельница появилась в Бирме в 1859 г. В 1910 г. в стране было всего 301 фабричное предприятие, в том числе 165 рисовых мельниц. Рабочими на них в основном были индийцы, они же составляли армию кули — портовых рабочих, грузчиков и докеров. Развитие промышленности способствовало и постепенному [180] увеличению числа промышленных наемных рабочих-бирманцев, хотя вплоть до конца колониальной эпохи они составляли меньшинство.

Изменения в социальной структуре Бирмы коснулись и верхних слоев бирманского общества. Лишь в сельском хозяйстве Верхней Бирмы бирманским помещикам удалось сохранить господствующие позиции. В промышленности страны и в сельском хозяйстве Нижней Бирмы основную роль играли англичане и индийцы. Бирманская буржуазия, появившаяся в конце XIX в., была в начале XX в. все еще слишком слабой по сравнению с индийцами и европейцами. И тем не менее бирманская буржуазия понемногу росла и желала приобщиться к доходам более сильных конкурентов. Вот почему первые попытки политической оппозиции в новой форме исходили именно со стороны буржуазных элементов, в том числе национальной интеллигенции, и были направлены уже не на возвращение к старому строю, а на завоевание места в новом обществе.

5. Зарождение национального движения

Несмотря на то что к началу XX в. прошло лишь 15 лет со дня утраты Бирмой независимости, зародившаяся на рубеже двух веков политическая оппозиция колониальному режиму не была прямо связана с остатками аристократии и не направлялась феодальными идеологами. Бирманская аристократия была в значительной степени уничтожена в годы сопротивления, а Верхняя Бирма, являвшаяся ее оплотом, уступила главенствующее место Нижней Бирме, ставшей к концу XIX в. более населенной и экономически самой развитой частью страны. Именно там, в колониальной столице — Рангуне, в портовых городах Бассейне и Моулмейне, формировалась бирманская буржуазия, до какой-то степени приспособившаяся к английским порядкам (нельзя забывать, что Нижняя Бирма к 1900 г. уже обладала полувековым «стажем» колониального режима) и испытывавшая к ним двойное чувство: возможности обогащения и внедрения в новый порядок примиряли ее с англичанами, сознание слабой конкурентоспособности и политической неполноценности делали это примирение непрочным. [181]

Насильственная, грубая ликвидация бирманского государства иноземцами, не желавшими считаться с национальной самобытностью поработенного народа, придала оппозиционным настроениям своеобразный психотнический характер, обусловленный стремлением народа сохранить свою культуру, свои национальные черты. До 1885 г. забота о сохранении национальных традиций была прерогативой бирманского государства; с его исчезновением ответственность за это первоначально легла на носителей буддийской идеологии.

В такой стране, какой была Бирма в начале XX в., с полным господством религии в мировоззрении широчайших народных масс, борьба за национальную самобытность

неизбежно превращалась в борьбу за сохранение национальной религии. И не случайно первой формой национального протеста стала в Бирме организация буддийских ассоциаций.

После ухода с руководящих постов в Бирме администраторов типа Фейра, Слейдена, Фитча, знакомых с обычаями и культурой страны, у власти в провинции находились, как правило, чиновники, рассматривавшие свое пребывание там либо как источник обогащения, либо как временную ссылку и, в лучшем случае, мерявшие бирманскую ситуацию индийскими мерками. Это равнодушие к особенностям страны выразилось, в частности, в отказе оставить за бирманской буддийской церковью право на внутреннюю юрисдикцию, что привело к подрыву дисциплины в монашеском ордене, к разладу в религиозных делах и к частичному падению авторитета церкви среди верующих. Буддизм в Бирме оказался в положении пренебреженного института, которому грозила опасность не только со стороны британской администрации и поддерживаемых ею христианских миссионеров, но и со стороны самих монахов, лишенных управления.

В 1897 г. в Мандалае было организовано первое Общество буддизма. Эта организация ставила целью защиту религии и соответственно национальной культуры. Через несколько лет подобные общества и ассоциации начали возникать в других городах страны, пока наконец в 1906 г. не были созданы Буддийская ассоциация молодежи (БАМ) и Общество пропаганды буддизма — оба с центрами в Рангуне. Таким образом, хотя зарождение обществ буддизма произошло в Мандалае, руководство ими [182] вскоре перешло к нижнебирманским элементам и стало принимать все более светский и политический характер. Несмотря на то что буддийские общества организовывали национальные школы и даже начали издавать газеты и журналы, их деятельность поначалу не встречала противодействия администрации. Одной из причин этого была подчеркнутая верноподданность руководителей ассоциаций: на ежегодном собрании БАМ, например, делегаты хором исполняли британский гимн «Боже, храни короля», и лишь по истечении нескольких лет БАМ пошла на «смелый шаг», заменив слово «боже» на «Будда». Впрочем, одно мероприятие, за которое БАМ боролась активно, указывало на потенциальную возможность рождения из ассоциации в будущем более радикальных организаций. Этим мероприятием был «башмачный вопрос». У входа в бирманские монастыри и пагоды обычно прикреплялась оскорблявшая религиозные и национальные чувства бирманцев надпись: «Вход в обуви запрещен всем, кроме европейцев». БАМ неоднократно обращалась к британским властям с просьбами распространить запрет на европейцев, что и было в конце концов сделано.

Вплоть до конца первой мировой войны оппозиция колониальному режиму, нашедшая наиболее четкое выражение в деятельности буддийских обществ, оставалась лояльной по отношению к Великобритании. Во главе движения находились в основном адвокаты, получившие образование в метрополии и твердо уверенные в непоколебимости британского владычества в Бирме. Сам тот факт, однако, что дотоле изолированная от внешнего мира Бирма была втянута в мировую политику, способствовал росту и радикализации национального движения. Все большее число состоятельных бирманцев получало образование европейского типа в Индии и Европе, все большую роль начали играть газеты, как издававшиеся в Бирме, так и ввозимые из метрополии. События, происходившие за пределами Бирмы, приобретали реальность, могущую повлиять на дальнейшие судьбы страны.

Не удивительно поэтому, что в Бирме, как и в других поработанных странах Азии, с большим вниманием следили за русско-японской войной. Япония была первой азиатской страной, победившей в новое время крупную европейскую державу, и это способствовало росту националистических настроений в колониях. Немаловажным [183] фактором формирования национального сознания в Бирме был быстрый рост индийского национализма, известный бирманцам. Но наиболее важную роль в развитии бирманского

национально-освободительного движения сыграла первая мировая война и Октябрьская революция в России.

6. Бирма в годы первой мировой войны

Несмотря на то что Бирма не соприкасалась с районами военных действий и ее непосредственное участие в мировой войне ограничивалось отправкой на Ближний Восток менее чем 20 тыс. солдат, набранных в основном в горных районах, война решительно повлияла на положение в стране.

Нужда Британской империи в стратегических материалах вызвала качественные изменения в бирманской экономике. Вольфрам, олово, свинец, нефтепродукты, а также тиковая древесина были нужнее, чем рис, вывоз которого из Бирмы во время войны несколько снизился. К концу войны Бирма уже давала треть мировой добычи вольфрамовой руды, в ней ежегодно добывали 300 млн. галлонов (13,5 тыс. *m*) нефти, расширилась также добыча серебра, олова и свинца. Численность рабочего класса в фабричной и горнорудной промышленности выросла с 50 тыс. до 70 тыс. человек. Ввоз в Бирму товаров широкого потребления из метрополии снизился, что способствовало некоторому оживлению национального производства.

В целом за годы войны роль бирманской буржуазии в экономике Бирмы возросла, положение крестьянства ухудшилось, а ореол непобедимости, окружавший англичан, потускнел.

Определенную роль в изменении политической ситуации в стране сыграли попытки английской администрации убедить население Индии (и Бирмы как ее провинции) в справедливости и благородстве устремлений и целей Великобритании в мировой войне. Попытки эти помимо чисто пропагандистских действий выражались и в весьма робких шагах, направленных на некоторое расширение законодательных органов в колониях (например, в Бирме число членов Законодательного совета при губернаторе [184] было увеличено с 17 до 19 человек). Однако эти меры привели к противоположному результату: вспышка антиколониального движения, эпицентром которого в Южной Азии стала Индия, распространилась и на Бирму.

Численность индийских иммигрантов в Бирме во время войны достигла 800 тыс. Лишь малая их часть принадлежала к эксплуататорским классам; основная масса индийцев представляла собой наиболее низкооплачиваемый слой городского и сельского населения. Среди этих индийцев во время войны весьма активно действовала подпольная националистическая организация Гадр, штаб-квартира которой находилась в Бенгалии. Деятели этой и других антианглийских групп вели пропаганду среди индусов и мусульман. Особое внимание они обращали на состоявшую из мусульман и сикхов военную полицию, с помощью которой надеялись поднять в конце 1915 г. вооруженное восстание. Этот заговор не удался, но всерьез обеспокоил англичан.

Деятельность индийских экстремистов почти не затрагивала бирманцев, и положение в колонии, в общем, не вызывало у англичан тревоги. Однако, несмотря на кажущееся спокойствие, в Бирме назревал подъем национального движения, и начался он уже в последние годы войны.

Во время войны в Бирме наряду с буддийскими ассоциациями стали возникать светские объединения, как просветительского, так и чисто политического характера. Они известны под общим названием «вунтану атинов», или бирманских ассоциаций. С 1917 г. многие из них вливались в БАМ, что не могло не изменить характера этой организации. К 1918 г. в Бирме уже насчитывалось 50 местных отделений БАМ, и решающую роль в БАМ начали играть молодые лидеры, которые противостояли старому руководству ассоциации — «солидным адвокатам и джентльменам». «Башмачный вопрос», в котором отразилась борьба за власть в молодом национальном движении, часто вставал на первое место в

дискуссиях и собраниях, и отношение к нему стало пробным камнем для националистической деятельности вообще.

Первую попытку дать открытый бой традиционным руководителям БАМ «младобирманцы» предприняли на всебирманской конференции БАМ в 1917 г., которую можно считать первым бирманским съездом националистов. [185] Конференция приняла ряд резолюций чисто политического характера, которые свидетельствовали о поражении старого руководства. Приняв резолюцию по «башмачному вопросу», конференция выступила также против существования железнодорожных вагонов «только для европейцев», потребовала принятия закона против перехода земель в руки иностранцев и постановила отправить для встречи с министром по делам Индии делегацию, которая должна была требовать политических реформ для Бирмы. Отделение от Индии признавалось необходимым. Последнее требование, конечно, было продиктовано молодой бирманской буржуазией. Однако ликвидации индийского засилья, в первую очередь в сельском хозяйстве, желали и крестьяне, которые надеялись, что изгнание индийских ростовщиков позволит им вернуть себе землю.

Решения конференции БАМ означали переход ассоциации к политической деятельности и привлекли к себе внимание британской администрации. Если до 1917 г. бирманские чиновники, находившиеся на колониальной службе, имели право состоять в БАМ, то после 1917 г. было издано постановление, запрещающее им входить в эту организацию. Таким образом, не только бирманские националисты осознали непримиримость своих интересов с интересами колониальной администрации, но и администрация отмежеввалась от бирманских националистов, лишив их признания в лояльности.

7. Национально-освободительное движение и административные реформы

Крупные социальные перемены, происшедшие в Европе в конце мировой войны, и в первую очередь Великая Октябрьская социалистическая революция в России, оказали на Бирму огромное влияние. Оно было и прямым, способствуя возникновению интереса к проблемам социализма и к вопросам классовой борьбы, и косвенным, отражаясь в настроениях и переменах в английской колониальной политике.

Парламентские выборы в Англии, спешно проведенные в декабре 1918 г. (дабы в них не успели принять участие возвращавшиеся с войны и зараженные новыми идеями солдаты), показали стремительное падение роли [186] либералов и появление новой силы в политической жизни страны — лейбористов, которые через пять лет, в 1923 г., уже усилились настолько, что смогли сформировать первое в истории Англии лейбористское правительство. В первые годы после войны в Англии быстрыми темпами росло профсоюзное движение: в 1920 г. уже более 8 млн. рабочих было объединено в тред-юнионах. Британское общество раскололось по вопросу о «домашней» колониальной войне против стремившихся к независимости ирландцев. Все это не могло не отразиться на британской колониальной политике, которая всегда исходила прежде всего из политической борьбы в самой Англии.

Вскоре после окончания войны правительство Великобритании было вынуждено пойти на некоторые уступки национальным интересам жрুলнейших колоний, особенно тех, где оппозиция колониальному господству была ярко выражена. Наряду с этим оно стремилось для поддержания расшатанной войной экономики выкачивать из колоний максимальную прибыль и принимало все меры, чтобы не упустить своих позиций в подвластных государствах.

Этой двойственностью и двусмысленностью характеризовались и действия британской администрации в Бирме.

Еще до окончания войны, в августе 1917 г., министр по делам Индии Монтегю заявил, что политика Англии имеет в виду «образование ответственного правительства в

Индии как неотъемлемой части Британской империи». После войны, в 1919 г., был принят «Закон об управлении Индией», более известный как «Закон о диархии». По этому закону в непосредственном ведении британской администрации оставались такие ключевые посты, как оборона, внешняя политика, финансы, тогда как здравоохранение, образование, сельское хозяйство и т. д. передавались в руки провинциальных властей, находящихся частично под контролем избираемых органов. Соответственно расширились законодательные советы и их права.

Сторонники традиционных методов управления колониями были еще достаточно сильны, и потому законы о диархии были направлены в первую очередь не на действительное расширение участия населения колоний в управлении, а на успокоение общественного мнения в Англии [187] и колониях без особого ущерба для доходов и власти метрополии.

Закон о диархии вызвал ожесточенное сопротивление в Индии, так как многочисленные благие пожелания администрации о введении самоуправления по окончании войны оказались невыполненными.

Сравнительное спокойствие в политической жизни Бирмы привело авторов реформ к ошибочному заключению, что в стране нет сил, желающих самоуправления. Поэтому Бирма была исключена из диархической системы со следующей формулировкой: «Ее народ принадлежит к другой расе, находящейся на другом этапе политического развития, и ее проблемы совершенно особые». В законе утверждалось, что в Бирме нет сильного стремления к выборным институтам. Более того, в ряде документов проводилась мысль о желательности отделения Бирмы от Индии, дабы предотвратить в будущем пагубное влияние индийского национализма на Бирму — важную сырьевую базу империи.

Бирманские политические организации также выступали за отделение Бирмы от Индии, однако требовали наряду с этим проведения в Бирме политических реформ, более широкого доступа бирманцев к государственной службе и т. п. «Отлучение» Бирмы от реформы вызвало в ней неожиданный для англичан взрыв негодования. Найти выход из создавшегося положения должен был назначенный в 1918 г. в Бирму новый губернатор Р. Крэддок. Колониальный администратор старой школы, сторонник сохранения статус-кво, Крэддок всегда появлялся в бирманских пагодах в обуви, подчеркивая тем самым свое пренебрежение к требованиям националистов. Не удивительно, что выработанный им план ничего не говорил о прямых выборах, предусматривал полное подчинение министров губернатору и в качестве избирателей называл лишь деревенских старост — государственных чиновников. Даже по сравнению с предложенной Индии реформой этот план был шагом назад.

Опубликование в конце 1918 г. «плана Крэддока» способствовало дальнейшему размежеванию бирманских патриотических сил и привело к отходу от руководства БАМ «стариков», которые предпочли принять план, дабы не обострять отношений с администрацией. В политическую деятельность втягивались все более широкие слои [188] бирманского общества. Этому способствовали события в Индии, где после расстрелов в Амритсаре (март—апрель 1919 г.) началась кампания гражданского неповиновения, распространившаяся на индийское население Бирмы.

В августе 1918 г. прошла всеобщая забастовка докеров (в основном индийцев), в следующем году забастовали конторские служащие компании «Бирма Ойл» в Енанджауне, которых поддержали рабочие-нефтяники. В 1920 г. состоялось несколько крупных забастовок. Непокойно было и в деревне. В этой обстановке осенью 1919 г. в Англию направилась делегация БАМ, которая должна была потребовать политических реформ для Бирмы. Формально поездка в Англию закончилась безрезультатно, так как официальные круги игнорировали ее присутствие. Фактически делегации удалось наладить связи с некоторыми деятелями Англии, привлечь поддержку такой влиятельной газеты, как «Таймс», и даже добиться постановки вопроса о Бирме в палате общин (это обсуждение не состоялось из-за отсутствия кворума в парламенте). Если до поездки

делегации Бирма практически не упоминалась на страницах газет и в парламенте, то начиная с 1919 г. «друзья Бирмы» в Лондоне периодически публиковали сообщения о положении дел в далекой колонии; в палате общин неоднократно делались запросы о Бирме.

Молодые политики Бирмы возглавили национальное движение в сентябре 1920 г., когда на очередной ежегодной конференции БАМ было принято решение переименовать ее в Генеральный совет бирманских ассоциаций (ГСБА). Отныне в Бирме существовала чисто политическая организация, не ограничивающая себя просветительскими целями. Конференция отвергла «план Крэдока» и призвала к бойкоту иностранных товаров. Было выдвинуто требование передать бирманцам земли, попавшие в руки индийских ростовщиков. На съезде произошло полное размежевание «стариков» и «молодых», в результате чего вышедшие из ГСБА политики сохранили БАМ как чисто просветительно-религиозную организацию.

На съезде выяснилось, что ГСБА стал массовой организацией и что число крестьян в нем значительно увеличилось. Центральный совет ГСБА требовал ограничиваться легальными действиями, но в местных организациях на этот счет не было единства. Политика ненасильственного [189] сопротивления, бойкота и т. п., заимствованная частично из Индии, не всегда была ясна бирманцам, у которых понятие сопротивления связывалось именно с вооруженной борьбой. Низовые организации ратовали за ликвидацию долгов ростовщикам, отмену налогов и стремились к действительной борьбе за права крестьян. Характерно, что в деревнях параллельно с существованием легальных отделений ГСБА в это время создаются первые тайные общества «бу-атины» — крестьянские общества «неподчинения», которые прибегали к потраве посевов и даже убийствам особо ненавистных старост и офицеров лесной охраны.

Несмотря на кампанию протеста и напряженное положение, решение вопроса о распространении реформ на Бирму все затягивалось. Оппозиция исходила прежде всего от кадровых колониальных администраторов в Нью-Дели, которые в секретной переписке с министерством по делам Индии повторяли доводы о неподготовленности Бирмы к реформам.

Решающую роль в этом конфликте сыграл университетский бойкот, еще более обостривший обстановку в Бирме. Закон об учреждении Рангунского университета был принят в августе 1920 г. Создание университета ожидалось в стране с нетерпением, так как до этого единственной возможностью для получения высшего образования была отправка молодых людей за границу. Однако после опубликования закона об университете обнаружилось, что он никак не меняет создавшегося положения. В нем должно было обучаться (включая христианский Джадсоновский колледж) чуть более 1 тыс. человек; обучение было платным, а знание бирманского языка было необязательным. Если учесть, что значительная часть студентов оказалась небирманской — в университет отдали своих детей состоятельные индийские, англо-индийские и англо-бирманские торговцы и чиновники, — то окажется, что для бирманцев дорога к высшему образованию была так же закрыта, как и ранее.

Форма протеста против открытия такого университета была подсказана опытом индийского национально-освободительного движения: это был бойкот «западного просвещения, воспитывающего рабов».

После нескольких митингов у пагоды Шведагон, на которых учащиеся и активисты ГСБА требовали изменения [190] закона об университете и реформ в системе образования вообще, и после отказа правительства пойти на уступки была принята резолюция о бойкоте университета. Бойкот был объявлен в начале декабря 1920 г., через несколько дней после вступления в силу закона. Бойкот немедленно распространился на другие учебные заведения, и вскоре вся система просвещения была парализована. Даже в миссионерских школах пустовали классы. Одновременно с этим в качестве положительной альтернативы «западному просвещению» в Бирме началось создание на

частные средства «национальных школ». Некоторые из них просуществовали в течение нескольких лет, и из их стен вышли крупные деятели национально-освободительного движения.

Бойкот не ограничился системой просвещения, но распространился и на другие сферы жизни. Бойкотировались иностранные товары, крестьяне отказывались платить налоги, рабочие и служащие бастовали. Обстановка в стране настолько накалилась, что сам Крэддок отступил с первоначальных позиций и вопреки мнению делийских властей обратился в Лондон с просьбой провести требуемые реформы.

В марте 1921 г. законопроект о распространении на Бирму диархической системы был внесен на обсуждение в палату лордов.

Однако эти меры запоздали: к 1921 г. диархия уже не удовлетворяла бирманскую общественность. Часть буддийских монахов, предводительствуемая У Оттамой, требовала фактически полной независимости; левое крыло ГСБА выступало с программой «гомруля» — внутренней автономии в составе Британской империи. В октябре 1921 г. очередная конференция ГСБА приняла резолюцию о гомруле, за которую голосовали даже умеренные элементы. При этом из формулировки гомруля были исключены слова «в составе империи», что давало возможность понимать резолюцию как требование независимости вообще.

Когда в Бирму прибыла комиссия, призванная разработать детали диархической системы, ГСБА постановил бойкотировать ее работу. Более того, бойкотировался даже приезд в Рангун принца Уэльского, совершавшего поездку по Индии в надежде вызвать верноподданнические чувства в колонии. Разгневанная колониальная администрация [191] пошла на жесткие меры: в 1922 г. был введен «Закон против бойкота», по которому участники и организаторы бойкота могли быть арестованы и заключены в тюрьмы. Тюрьмы были переполнены, причем в первую очередь власти постарались изолировать лидеров Генерального совета бирманских ассоциаций и других ведущих деятелей бирманского национально-освободительного движения.

Были приняты и «успокаивающие» меры. Губернатора Крэддока сменили. Сама система диархии трактовалась в Бирме шире, чем в других провинциях; право голоса было предоставлено всем главам семей, достигшим 18 лет, независимо от пола; в ведение Законодательного совета были переданы лесные ресурсы и т. д. Наконец, были сделаны попытки расколоть ГСБА, для чего умеренные деятели ГСБА привлекались на государственную службу и им обещали предоставить выгодные посты в администрации.

Эта политика принесла свои плоды. В июне 1922 г. ГСБА раскололся. Восемь членов исполкома вышли из организации в знак несогласия с решением о бойкоте выборов, назначенных на ноябрь. Вскоре ГСБА покинули еще два десятка политиков умеренного направления, создавшие потом Националистическую партию. Несмотря на это, бойкот выборов прошел успешно и голосовало менее 7% избирателей.

Образованный в Бирме Законодательный совет состоял из 103 членов, 79 из которых избирались, а остальные были назначены. Умеренные, столь вовремя покинувшие ГСБА, вошли в Законодательный совет, получив на выборах 28 мест. Двоим из них даже были предоставлены министерские посты.

Законодательный совет был лишен реальной власти, так как все бразды правления оставались в руках губернатора, и даже если бы весь Законодательный совет выступил против администрации, это ничем не грозило существованию британской власти в Бирме. Совет был чисто совещательным органом, и политики, боровшиеся за место в нем, боролись скорее за власть, за близость к администрации, за популярность, которую можно было использовать в личных целях. Национально-освободительное движение развивалось вне стен Совета, помимо него и вопреки ему. [192]

8. Внутреннее положение Бирмы в 20-е годы

Послевоенные годы не принесли улучшения ни крестьянам, ни рабочим, ни национальной буржуазии Бирмы. Результатом был общий рост недовольства в стране и все ширившееся осознание того, что лишь возвращение независимости может разрешить назревшие проблемы.

Бирманское крестьянство продолжало разоряться и терять землю. К концу 20-х годов в дельте Иравади уже половина земель перешла к ростовщикам и помещикам, а большая часть земли, оставшейся еще у крестьян, находилась в закладе. Так как и налоги и долги взыскивались с крестьянина обычно в конце года, когда он еще не успел продать новый урожай, рис уходил к перекупщикам по низким ценам, и крестьянин еще более разорялся, тем более что само хозяйство велось примитивными методами и ни о каком повышении урожайности речи не было. Недовольство крестьян вело к дальнейшему увеличению числа тайных обществ, к расширению участия крестьян в политической жизни страны и к развитию антииндийских настроений.

Сезонные иммигранты из Индии, сбивая цены на рабочую силу, объективно выступали в роли штрейкбрехеров как в сельском хозяйстве, так и в промышленности. Большая часть рабочих Бирмы состояла из индийцев, поскольку бирманских крестьян, разорвавшихся, но упорно державшихся за свое рисовое поле, мало привлекала работа в порту или на фабриках. К тому же оплата труда в промышленности находилась на минимальном уровне, рассчитанном на индийцев, уровень жизни которых был ниже бирманского.

В одном лишь 1927 г. в Бирму приехало 428 тыс. индийцев, из них осело более 70 тыс. К концу 20-х годов индийское население страны выросло до 1 млн. человек, причем большинство иммигрантов концентрировалось в крупных городах и окружающих местностях Нижней Бирмы. Индийцы соглашались на любую работу, жили и работали в таких условиях, что каждый десятый из них умирал в первый год жизни в Бирме. Обилие полунищих иностранцев, которых надо было прокормить, а также большого числа индийских торговцев, индийских полицейских, индийских чиновников на железных дорогах и в конторах не могло не раздражать местное население. [193] И не удивительно, что внушительная доля ненависти, которую неизбежно вызывали колонизаторы-англичане, направлялась по другому руслу — против индийцев.

Бирманская буржуазия продолжала чувствовать себя неполноправной. Цены на рис диктовались британским картелем, крупнейшие фабрики, лесопилки, рисоушки принадлежали иностранцам. Попытки конкурировать с индийцами и англичанами проваливались, ибо бирманских предпринимателей некому было кредитовать. Так потерпела неудачу, например, попытка бирманского капитала создать акционерное общество — «Бирманскую прядильно-ткацкую компанию». Просуществовав шесть лет, компания разорилась, не выдержав конкуренции с индийским и британским текстилем. В то же время как грибы росли иностранные компании, пользовавшиеся кредитом, доверием банков и поддержкой соотечественников. К середине 20-х годов в Бирме насчитывалось около 300 иностранных компаний — вдвое больше, чем сразу после войны. Крупнейшие компании, контролировавшиеся британским капиталом, получали огромные прибыли. Достаточно сказать, что в 1923—1926 гг. общая сумма дивидендов компании «Стил Бразерс» превысила основной капитал компании. К тому же многие из наиболее важных компаний были зарегистрированы как иностранные и подходным налогом не облагались.

В послевоенные годы в Бирме быстро рос слой разночинной интеллигенции — явление для Бирмы новое, до определенной степени детище колониальной системы, плод как сознательных, так и неосознанных изменений в системе просвещения, работы миссионерских и государственных школ и колледжей, национальных школ, университета. Необходимость в подготовке низшего слоя чиновников для колониального аппарата, школьных учителей, среднего медицинского персонала привела к появлению значительного отряда молодых людей, из числа которых и формировались наиболее активные и радикальные силы политической оппозиции. Молодая интеллигенция Бирмы

превратилась в значительную силу, опасную для существующего строя не только своей антиколониальной направленностью, но и распространением в ней социальных идей, в том числе марксизма.

Продолжавшаяся в 20-е годы перестройка бирманского общества вела к накоплению в нем горячего материала. [194] Однако до наступления в конце 20-х годов мирового кризиса положение в Бирме не угрожало Великобритании революционным взрывом. Национально-освободительное движение переживало еще время петиций и резолюций, не выходящих в основном за рамки лояльной оппозиции, хотя отдельные акты насилия уже имели место.

Поляризации сил в национально-освободительном движении способствовало, с одной стороны, наличие Законодательного совета, с другой — все большее вовлечение в политику народных масс. Законодательный совет привлекал правых и умеренных политиков: одних (их было большинство) — возможностью завоевать популярность, обогатиться, приблизиться к власти, других (таких было меньше) — искренней надеждой на возможность повлиять на судьбы Бирмы, используя легальные, официальные каналы, трибуну Законодательного совета, участие в административной деятельности. Из сторонников последней точки зрения образовалась партия «Гомруль», принявшая участие в Законодательном совете второго созыва (осень 1925 г.). Это привело к новому расколу ГСБА, из которого выделилось радикальное крыло. Руководство ГСБА во главе с У Чит Хлайном выразило согласие с действиями «Гомруля» и поддерживавших эту партию деятелей ГСБА. Радикальное крыло получило поддержку группы монахов во главе с У Оттамой и У Визарой — сторонниками бескомпромиссной борьбы за независимость.

Несмотря на раскол и сложность обстановки в ГСБА, число его членов непрерывно росло. На конференция 1924 г. присутствовало около 1 тыс. представителей районных организаций и более 30 тыс. гостей. Процент крестьян в организации вырос настолько, что даже умеренные в ГСБА не могли игнорировать крестьянских интересов, дабы не остаться в изоляции. ГСБА поддерживал, например, требование крестьян об отмене налогов.

Наряду с отделениями ГСБА в деревнях продолжали существовать уже упоминавшиеся бу-атины и экономические общества, боровшиеся против ростовщиков как дозволенными, так и насильственными методами. При получении информации о деятельности подобных обществ колониальные чиновники спешили запретить их, не без основания считая их опаснее стремящихся остаться в рамках закона организаций ГСБА. К сентябрю 1925 г. в [195] Бирме было запрещено более 300 крестьянских обществ, но это не привело к свертыванию стихийного крестьянского движения. В течение 20-х годов неоднократно проходили процессы в связи с убийствами старост или сборщиков налогов. Отказ от уплаты налогов был наиболее частой причиной крестьянских волнений.

К началу 20-х годов относится также последнее чисто феодальное восстание в Бирме. В 1922 г. один из шанских князей совместно с последним оставшимся в живых членом бирманской царской фамилии поднял в горах восстание. Оно не было поддержано местным населением и было быстро подавлено. Британская пресса с удовлетворением отмечала, что ликвидация последнего претендента на бирманский престол автоматически снимает угрозу объединения бирманцев под знаменем монархии. Ликвидация рейда горцев во главе с последним принцем была воспринята колонизаторами как последний штрих в успокоении страны, управлять которой отныне можно чисто полицейскими и административными мерами.

Однако британская администрация ошибалась. Бирманское крестьянство было охвачено все растущим недовольством. Крестьянскому поколению 20-х годов независимая Бирма уже стала представляться «золотым веком», веком без ростовщиков, без старост, без иностранных торговцев, когда у каждого крестьянина была собственная земля, а «свой» феодал или чиновник вершил суд по обычаю и закону предков. И бирманский крестьянин верил, что, как только прогонят индийских ростовщиков и английских чиновников, все вернется на свои места.

9. Бирма в годы мирового экономического кризиса

Начавшийся в 1929 г. кризис ударил по различным слоям населения Бирмы весьма неравномерно. Менее всех пострадали от него крупнейшие британские и индийские компании. Хотя их прибыли значительно сократились, все-таки по сравнению с компаниями в метрополии дела шли неплохо. Рисоторговые компании резко снизили закупочные цены на рис и потому уменьшили потерю, вызванную падением спроса на мировом рынке. А у нефтяной компании «Бирма Ойл» в середине 1931 г., в разгар кризиса, даже сохранился положительный финансовый [196] баланс, и она выплачивала дивиденды в размере 22,5%.

Сохранили и даже укрепили свои позиции ростовщики-четьяры и крупные индийские помещики, ибо нужда в кредите привела к росту залога, выкупить который крестьяне часто не могли, а также к увеличению залогового процента.

Для бирманских помещиков и владельцев рисорешек и других мелких предприятий последствия кризиса были более болезненны. Многие бирманские рисорешки и лесопилки закрылись; потеряли часть земельных владений бирманские помещики. Однако каковы бы ни были потери бирманской буржуазии и помещиков, все же в целом они сохранили свои позиции, поскольку спрос на бирманский рис и на продовольствие даже в разгар кризиса сохранялся.

Сохранение позиций помещиков и буржуазии было возможно в основном за счет крестьянства. Для того чтобы получать прибыль на торговле рисом, помещики и предприниматели снижали закупочные цены. А так как прибыль делилась между скупщиками риса, помещиками, владельцами рисорешек и оптовыми торговцами, то с каждым месяцем кризиса закупочные цены ползли вниз. Это особенно ударило по крестьянам Нижней Бирмы — района товарного рисоводства. В середине 20-х годов за 100 корзин риса на внутреннем рынке платили до 200 рупий, в 1929 г. — 160, в 1930 г. — 130, в 1931 г. — 64 рупии. Уже при цене 150 рупий крестьянское хозяйство теряло рентабельность, а при цене 100 рупий дефицит составлял 54 рупии на каждые 100 корзин. Впрочем, такие цены были на рынке в Рангуне, а скупщики в деревнях платили крестьянам и того меньше: 100 корзин необрушенного риса временами стоили всего 10—15 рупий. Падение цен на рис привело к падению цен на землю (в 2 раза в некоторых районах Бирмы). Крестьянин иногда не мог расплатиться с кредиторами даже продажей земли. К концу кризиса в руки четьяров перешли лучшие земли Нижней Бирмы.

В эти годы резко возросла безработица. Разоренные арендаторы и поденщики устремились в города. Там же скапливались рабочие, уволенные с каучуковых плантаций Тенассерима, нефтепромыслов, рудников, рисорешек. И если раньше наиболее низкооплачиваемые слои населения [197] — индийские рабочие порта, кули, поденщики — не встречали серьезной конкуренции со стороны бирманцев, то теперь за каждое, даже самое низкооплачиваемое, место шла борьба.

Не удивительно, что в такой обстановке резко обострилась национальная рознь. Озлобление бирманской бедноты вызывали иностранцы, казавшиеся зачастую прямой причиной всех несчастий. Когда в мае 1930 г. началась забастовка индийских докеров, британские компании наняли на место бастующих бирманцев. Начались столкновения, приведшие к бирмано-индийской резне, в ходе которой погибло и было ранено более 1 тыс. человек. Были и бирмано-китайские столкновения.

В годы кризиса произошла дальнейшая поляризация национально-освободительного движения. Бирманские политические партии и организации все более четко отражали интересы различных слоев населения страны: представители общественных слоев, менее затронутых кризисом, поддерживали британское правительство; организации, связанные с разоренным, доведенным до отчаяния крестьянством, выражали свою оппозиционность в более решительных формах. К этому

примешивалась характерная для Бирмы связь той или иной партии с личностью ее руководителя или руководителей, что вносило в политическую деятельность очевидный личный элемент, имеющий к политике, как таковой, лишь самое косвенное отношение. Характерно, что крупнейший писатель и общественный деятель Бирмы Кодо Хмайин написал в те годы ставшую знаменитой «Тику о собаках» — сочинение, повествующее о политиках, забывающих за сварами о судьбах страны.

В разгар кризиса в национально-освободительном движении существовало несколько основных группировок. Это были прежде всего три фракции ГСБА: умеренные во главе с У Чит Хлайном, радикальная группа У Со Теина, отколовшаяся еще в 1925 г., и выделившаяся из группы У Со Теина фракция У Су, занявшая промежуточное положение между двумя первыми. В 1930 г. в ГСБА (во всех трех фракциях) насчитывалось до 2 млн. человек, т. е. абсолютное большинство бирманцев, принимавших участие в политической жизни страны, поддерживало ГСБА. Однако борьба между фракциями отнимала у политиков большую часть времени, и реально [198] возглавить национально-освободительное движение не смогла ни одна из них. Единственное, в чем все три фракции ГСБА были единодушны, это в противодействии выводам так называемой комиссии Саймона, которая в конце 20-х годов, изучив положение в Индии и Бирме, наконец-то рекомендовала Бирму от Индии отделить. Однако на этот раз боязнь отрыва от более опытного и сильного национального движения Индии привела к тому, что все три фракции ГСБА бойкотировали работу и выводы комиссии Саймона.

Трем фракциям ГСБА соответствовали три монашеских союза, каждый из которых поддерживал наиболее близкую ему по духу фракцию.

Правые партии, среди которых были сильны сторонники отделения от Индии на предложенных англичанами условиях, группировались в основном в Законодательном совете.

К 1930 г. относится рождение новой политической организации, которой в дальнейшем было суждено сыграть важную роль в национальном освобождении Бирмы и стать первой общепирманской революционной организацией. Во времена кризиса эта организация, получившая название «Добама Асиайон» («Ассоциация „Наша Бирма"»), лишь делала первые шаги и казалась незначительной на фоне могучих фракций ГСБА. «Добама Асиайон» зародилась как союз радикально настроенных студентов. Они называли друг друга «такин», что означало «господин», «хозяин». В сложной символике бирманского языка, имеющего префиксы для разных степеней уважения при обращении к тому или иному лицу, слово «такин» употреблялось в течение многих лет лишь по отношению к англичанам. Употреблением такого обращения к себе члены «Добама Асиайон» подчеркивали право бирманцев на господство в собственной стране.

10. Восстание Сая Сана

Лишь одна из фракций ГСБА — фракция У Со Теина — поддерживала тесную связь с крестьянами. В 1928 г. У Со Теином была создана комиссия по обследованию положения крестьян, во главе которой стал член исполкома ГОБА Сая Сан. Комиссия провела большую работу, [199] посетив множество деревень и выявив ряд случаев беззакония при сборе налогов. Есть основания полагать, что уже в это время Сая Сан пришел к выводу о готовности крестьян Бирмы восстать. Для успеха такого восстания требовалась организация, руководство, единый центр, чего не могла предоставить ни одна из политических организаций Бирмы. Центром политической деятельности бирманских партий оставался город, формами этой деятельности — митинги, кампании протестов, бойкот, демонстрации и петиции. К решительным действиям в ГСБА не были готовы: руководители ГСБА сочувствовали крестьянам, но не были выразителями их интересов.

Поняв это, Сая Сан вышел из ГСБА, хотя и не совсем разорвал связи с левыми элементами в ассоциации, и приступил к организации тайного общества галонов (Галон

— мифическая птица, убившая в поединке дракона Нага). Члены общества вербовались как в деревнях, где у Сая Сана установились крепкие связи с тайными обществами, так и среди наиболее решительных членов ГСБА (возможно, не без молчаливого согласия фракции У Со Теина, за что говорит немедленное запрещение англичанами этой фракции после начала крестьянского восстания). Участие в организации общества галонов и подготовке восстания принимали также многие буддийские монахи, как связанные с тайными крестьянскими обществами, так и просто лично знавшие Сая Сана — бывшего монаха и знатока народной медицины. Этому способствовало то обстоятельство, что монахи были чаще всего выходцами из крестьян и были тесно связаны со своей деревней, с ее нуждами и заботами.

Восстание в Бирме оказалось неожиданным не только для англичан, но и для большинства бирманских политиков. В декабре 1930 г. исполнявший обязанности находившегося в отъезде английского губернатора бирманец сэр Дж. А. Маун Джи (из числа верных «адвокатов») отказался принять петицию крестьян округа Таравади, просивших сократить налоги, ибо платить их было нечем. У крестьян не оставалось иного пути, кроме восстания, и оно в несколько дней охватило округ Таравади и перекинулось на соседние районы.

Организация галонов, в течение года проводившая подготовку к восстанию, не считала, что всё к нему готово, но, поставленная перед фактом, взяла руководство [200] в свои руки. Во главе восставших встал Сая Сан. Центром восстания оказалась Нижняя Бирма, крестьянство которой наиболее сильно пострадало от кризиса. Однако очаги восстания наметились и в некоторых районах Верхней Бирмы и даже в шанских княжествах.

Восстание под руководством Сая Сана нельзя рассматривать как очередной крестьянский бунт, лишь количественно превосходивший подобные выступления 20-х годов, как делают некоторые английские авторы. Вряд ли возможно рассматривать его и как общенациональную революцию. Будучи по составу участников крестьянским движением, восстание приняло характерные формы крестьянской войны, чему способствовала позиция его руководства. Сая Сан отлично сознавал, что вряд ли придется рассчитывать на прямую помощь национальных политиков, одна часть которых ограничится сочувствием, другая — публично отречется от действий крестьян. Понимал Сая Сан и то, что лозунги предоставления Бирме статуса доминиона или введения свободно избираемого парламента непонятны крестьянам, требовавшим земли и риса. Восстанию нужно было знамя, под которым объединились бы массы неграмотных, суеверных, обнищавших людей, и Сая Сан обратился к традиционным чувствам бирманцев. Через несколько дней, после того как Сая Сан взял на себя руководство восставшими, он основал новую столицу на горе Алаун и объявил себя царем Бирмы.

Обращение к прошлому послужило делу объединения крестьян и дало восставшим знамя и лозунги. Однако этот путь неизбежно вел к частичной изоляции восставших, к возрождению методов борьбы, с которыми англичане могли и умели бороться.

У восставших была боевая организация — общество галонов, однако не было ни опытных командиров, ни кадровых военных. Крестьяне были вооружены пиками, топорами, ножами, некоторым количеством ружей, захваченных на застигнутых врасплох полицейских участках и лесных постах, и защищены от английских пуль татуировкой, которая должна была сделать галонов неуязвимыми. Восстание характеризовалось невиданным в Бирме размахом, но широкое географическое распространение центров восстания, прослоенных «мирными» территориями, привело к разрозненности действий отдельных отрядов. У Сая Сана не было возможности объединить крестьян [201] под единым командованием и координировать их действия в масштабе страны, тем более что сам он был лишь идеологическим вождем движения и никак не военным руководителем.

Отсутствие оружия, общей организации, командования — все говорило за то, что восстание должно быть быстро подавлено англичанами. Но в дело вступил один неучтенный фактор — упорство и непримиримость восставших.

Первый этап восстания (декабрь 1930 — февраль 1931 г.) характеризовался захватом населенных пунктов и отчаянными, но безуспешными боями с английскими регулярными частями. К февралю, потерпев поражение в первых боях, повстанцы почти прекратили военные действия, что дало основание губернатору Бирмы заявить, что восстание закончилось. Однако с началом дождливого сезона отступившие в джунгли отряды и те крестьяне, что временно вернулись в деревни, вновь начали военные действия. К июню 1931 г. восстание охватило территорию в 50 тыс. кв. км. Из Индии прибыли дополнительные воинские части, в стране было объявлено военное положение, почти все левые и даже умеренные националистические организации были запрещены. Одновременно, чтобы расколоть силы восставших, был на четверть сокращен подушный налог.

Восстание подавлялось жестоко и беспощадно. Было убито не менее 2 тыс. повстанцев, еще около 300 казнили по приговору военных судов. В августе 1931 г. был арестован, а затем после суда в Рангуне казнен Сая Сан. Однако окончательно подавлено восстание было лишь к концу 1932 г.

Поражение восстания показало невозможность свергнуть власть колонизаторов с помощью средств и методов, которыми пользовался Сая Сан. Путь к освобождению лежал в единстве национальных сил, в организации мощного движения за независимость. И как бы признавая это, Сая Сан, уже находясь в тюрьме в ожидании приговора, передал гонорар за издание своей книги «Признаки болезней» на покупку социалистической литературы.

Крестьянское восстание не было прямо поддержано городским пролетариатом, студенчеством и буржуазией, однако оно оказало решительное влияние на все классы бирманского общества. И если бирманские политики старшего [202] поколения официально отмежевались от восставших, то шедшие им на смену националисты заявляли, что они берут с галонов пример. Отныне наибольшей поддержкой и популярностью в Бирме стали пользоваться те силы и политические организации, которые решительно требовали независимости и не шли на компромиссы с колониальными властями.

11. Обстановка в Бирме в 1933—1936 гг.

К 1933 г. наиболее тяжелый период экономического кризиса миновал. Улучшилась конъюнктура на рисовом рынке. Крестьянское движение было подавлено, наиболее активные элементы, особенно в Нижней Бирме, погибли или находились в тюрьмах. Центр политической борьбы опять переместился в города.

Основной политической проблемой первой половины 30-х годов был вопрос о дальнейшей судьбе Бирмы в составе Британской империи. Еще в конце 20-х годов правительство Великобритании пришло к выводу о желательности отделения Бирмы от Индии и превращения ее в самостоятельную колонию. Это решение было продиктовано как боязнью влияния на Бирму индийского освободительного движения, так и тем, что индийская буржуазия стала серьезным конкурентом английских предпринимателей в Бирме. На состоявшейся в конце 1930 г. Индийской конференции круглого стола, где Бирму представляли проправительственные делегаты, английский план отделения Бирмы от Индии был принят единодушно. Однако у большинства бирманцев этот план, инициатива которого исходила от английского правительства, вызвал недоверие. Отделение от Индии, национально-освободительное движение которой добилось значительных успехов, означало, что Бирма останется один на один с Великобританией и что все дальнейшие успехи индийцев, направленные за достижение независимости, Бирмы не коснутся.

Поэтому бирманцы были готовы поддержать английский план только при гарантии соответствующих реформ, которые будут сопровождать отделение.

Отрицательная реакция большинства бирманцев на отделение от Индии заставила англичан пойти на специальную конференцию в Лондоне по вопросам будущей судьбы Бирмы. Несмотря на то что из 24 делегатов от [203] Бирмы лишь 12 представляли собственно бирманцев (остальные были представителями малых народов, а также индийцев и англичан), да и среди самих бирманцев лишь пять делегатов являлись противниками отделения, выступления были весьма резкими. Даже самые умеренные националисты не могли не учитывать силы общественного мнения. Более того, как сторонники, так и противники отделения требовали для Бирмы статуса доминиона, на что Лондон не соглашался.

В конце конференции английское правительство заявило, что предоставляет самим бирманцам право решать вопрос об отделении во время выборов в Законодательный совет. В любом случае, объявляли англичане, у Бирмы будет два пути: либо выйти из состава Индии на основе британских предложений, либо остаться в ней, но без права самоопределения в будущем. Расчет был на национальные чувства бирманских избирателей, недовольных засильем четвьяров и обилием в стране индийских иммигрантов. Англичане полагали, что перспектива навечно остаться в составе Индии заставит избирателей выбрать меньшее зло: отделение на английских условиях.

Однако этот план провалился. Позиции противников отделения от Индии были сильнее, чем предполагалось. Созданная бирманцами Лига противников отделения решила принять участие в выборах и, получив в Совете большинство, голосовать в нем против отделения.

Острота борьбы против отделения от Индии, как и острота в прошлом борьбы вокруг «башмачного вопроса», объяснялась не столько значением этих проблем для жизни бирманского общества, сколько тем, что они становились выражением всего комплекса проблем, волновавших Бирму. И до тех пор, пока независимость не была достигнута, вопросы, подобные «башмачному» или вопросу об отделении, продолжали оставаться в фокусе политической борьбы.

В период подготовки выборов на политической сцене Бирмы быстро выдвинулся один из лидеров Лиги противников отделения, Ба Мо, получивший впервые известность в качестве адвоката Сая Сана, что было для бирманцев доказательством его искренности в деле национального освобождения. Наряду с этим Ба Мо пользовался негласной поддержкой индийских дельцов, тративших значительные средства на подкуп бирманских политиков, [204] чтобы провалить план отделения. В результате сторонники Лиги, и в первую очередь Ба Мо и его окружение, получили в два раза больше голосов, чем сепаратисты, и завоевали абсолютное большинство в Законодательном совете.

Войдя в Совет, Ба Мо и его сторонники резко изменили свою позицию. Продолжая на словах выступать против отделения, Ба Мо, как и руководители ГСБА, пошел на контакты с администрацией и начал борьбу за власть в Совете. В 1934 г., когда Ба Мо удалось добиться министерского поста, среди министров уже были его помощники и друзья. Впоследствии Ба Мо стал премьер-министром Бирмы.

Перетянув на свою сторону оппозицию, британская администрация добилась принятия проекта отделения Бирмы, который был утвержден английским парламентом в 1935 г. Для успокоения бирманского общественного мнения в проекте предусматривалось проведение некоторых реформ. Он должен был вступить в силу с 1 апреля 1937 г. и вошел в историю как «Закон 1935 г. об управлении Бирмой».

По закону 1935 г. Бирма становилась отдельной колонией и в ней создавался двухпалатный парламент, состоящий из палаты представителей и сената. В палату представителей входило 132 человека. Сенат в составе 36 человек наполовину избирался нижней палатой, наполовину назначался губернатором. Совет министров утверждался губернатором и был формально ответствен перед парламентом. При этом в руках

губернатора были сосредоточены все ключевые позиции, включая оборону, внешние сношения, охрану порядка, финансовую политику и т. д. В ведении губернатора также оставались районы, где проживали малые народности Бирмы. Эти районы занимали почти половину всей территории страны. Кроме того, Бирма должна была выплатить индийскому колониальному правительству долг в размере 570 млн. рупий, который включал в себя расходы на покорение Бирмы, на строительство железных дорог и т. д.

С 1935 г. деление бирманских политиков на сторонников и противников отделения от Индии потеряло смысл и было быстро забыто. И те и другие сконцентрировали свои усилия на борьбе за места в правительстве, на подготовке партий и группировок к будущим выборам в первый колониальный [205] парламент. Какой бы резкой критике ни подвергали политики в ходе предвыборной кампании британскую администрацию, какие бы радикальные лозунги они ни выдвигали, делалось это в основном для привлечения голосов избирателей и с некоторой оглядкой на губернатора: судьба политиков в значительной степени зависела от отношения к ним англичан.

Вхождение в Совет делало покладистыми даже самых независимых прежде политических деятелей. Лидер ГСБА У Чит Хлайн был избран спикером Законодательного совета; возглавляемая им организация, перестав фактически отличаться от ранее проникших в Совет партий, начала терять поддержку радикальных кругов бирманского общества.

Утратило свое прежнее значение и монашеское движение. Последней вспышкой активности монашеских союзов была поддержка ими Ба Мо и прочих противников отделения. Трансформация победителей внесла полный разброд в ряды монашества, верхушка которого предпочла в создавшейся обстановке обратить главное внимание на чисто религиозные проблемы. Левое крыло монашества, сильно поредевшее после поражения восстания Сая Сана и обескураженное нулевыми результатами выборов в Законодательный совет, также ослабло. Таким образом, за два-три года и ГСБА и примыкавшие к нему монашеские организации сошли с политической сцены.

Ввиду того что наиболее известные политические деятели и наиболее крупные партии Бирмы перестали быть выразителями интересов бирманской общественности, все большую роль начала играть оппозиция, никак не связанная с колониальной администрацией, с Законодательным советом и интригами политиков старого толка. Такой оппозицией стала организация такинов — «Добама Асиайон», созданная перед восстанием Сая Сана.

Если в первые годы своего существования «Добама Асиайон» была немногочисленной организацией, состоящей в основном из студентов Рангунского университета, то после ухода ведущих партий в Законодательный совет она начала быстро расширяться. Молодые руководители такинов вели агитацию в массах, проводили собрания, формировали ячейки организации, целью которой было полное изгнание англичан из страны. Несмотря на то что такины зачастую маскировали свою деятельность просветительскими [206] лозунгами, наиболее дальновидные британские администраторы уже в 1934 г. обратили особое внимание на новую организацию. Сведения о содержании речей лидеров такинов дошли до колониальных властей, и некоторые из них были арестованы.

Подобные репрессивные меры лишь укрепляли авторитет такинов. В 1935 г. с «Добама Асиайон» объединилась Всебирманская лига молодежи. Тогда же такинам удалось привлечь на свою сторону большинство студентов университета, в результате чего руководство Союза студентов с 1935 г. стало фактически легальным отделением «Добама Асиайон». В эти же годы такины продолжали агитацию среди крестьян, создавали ячейки в деревнях, а также среди рабочих, например на нефтяных промыслах.

Политическая платформа такинов существенно отличалась от программ старых политических партий. Такины не только выступали как националисты, утверждая: «Бирма — наша страна, бирманский язык — наш язык. Будем же любить свою страну, уважать

свой язык», не только призывали отказаться от «рабского склада мышления», но и призывали к равенству бирманцев. Однако в пределах этой общей позиции взгляды такинов сильно разнились, ибо молодые лидеры зачастую не могли похвастаться глубоким образованием. Среди такинов были и ницшеанцы, и суньятсенисты, и марксисты, и фабианцы, и даже поклонники фашистов. Будучи широкой демократической организацией, «Добама Асиайон» не была единой партией и не стала ею.

«Добама Асиайон» противостояла не только британским властям, но и всем политическим партиям, вошедшим в Законодательный совет. Бирманские политики считали такинов «бунтарями», «подрывателями основ», «темными личностями» и т. п. Однако опасения лидеров ГСБА и других партий, что такины станут серьезными конкурентами на выборах в первый парламент, оказались напрасными. Разногласия в среде такинов, принимать участие в выборах или бойкотировать их, привели к тому, что политическая группа «Комин-кочин», решившая от имени «Добама Асиайон» бороться за места в парламенте, слишком поздно приступила к агитации и выдвижению кандидатов и не смогла составить серьезной конкуренции старым партиям. [207]

12. Второй университетский бойкот

Первым крупным политическим выступлением такинов стал так называемый второй университетский бойкот в 1936 г.

В январе 1936 г. президент находившегося под контролем такинов Союза студентов Ко Ну выступил с критикой ректора и с протестом против антидемократических порядков в университете. За это он был из университета исключен. В защиту Ко Ну выступил студенческий журнал, главным редактором которого был студент Аун Сан. Аун Сан также был исключен из университета.

Обстановка в университете была накалена, и исключение Аун Сана стало последней каплей, переполнившей чашу. 25 февраля Союз студентов решил начать общую забастовку, руководили которой лидеры студенчества: Аун Сан, Ко Ну, Чжо Нейн и другие, большинство из которых впоследствии стали во главе национально-освободительного движения.

Бастующие студенты университета, требовавшие демократизации системы образования и восстановления исключенных, разослали гонцов в другие районы Бирмы с просьбой о поддержке. Вскоре к ним присоединились студенты и школьники большинства учебных заведений страны. Симпатии бирманской общественности к студентам выражались весьма недвусмысленно: холм у пагоды Шведагон, где располагался штаб бастующих, стал местом паломничества жителей Рангуна — студентам приносили пищу, одежду и деньги. Даже руководители умеренных партий, входившие в Законодательный совет, выступили в защиту студентов и создали свой комитет помощи бастующим. Ба Мо, в те дни министр образования, приезжал к студентам и вел с ними переговоры.

Как в начале века «башмачный вопрос», как в 1932 г. вопрос об отделении от Индии, так в 1936 г. студенческий бойкот всколыхнул всю Бирму и стал фокусом, в котором отразились настроения в стране. И если умеренные политики, торговцы, верноподданные и чуть-чуть оппозиционные деятели Бирмы поддерживали студентов из-за того, что их поддерживали все без исключения бирманцы, то для бирманской молодежи, для передовой интеллигенции, для такинов студенческая забастовка была первым звеном в цепи выступлений против британской власти. [208]

В течение трех месяцев студенты оставались в центре внимания всей Бирмы. Наконец 10 мая бойкот был прекращен, так как Совет университета согласился пересмотреть университетский устав, ввести представителя Союза студентов в свой состав и принять обратно исключенных.

Победа студентов привела к выполнению их требований; победа такинов, стоявших за спиной бастующих, выразилась в сдвигах в политической жизни страны. В мае был создан Всебирманский союз студентов, вскоре объединивший 35 местных студенческих союзов страны. Всебирманский союз студентов находился под влиянием такинов и быстро превратился в крупную и активную организацию, о чем свидетельствует хотя бы то, что на его вторую конференцию в 1937 г. приезжал из Индии лидер Индийского национального конгресса Дж. Неру.

Студенческие лидеры, выдвинувшиеся во время забастовки, не только взяли в свои руки руководство Всебирманским союзом студентов, но и внесли свежую струю в деятельность такинов вообще. Именно у них были все данные для того, чтобы возглавить «Добама Асиайон» и национально-освободительное движение в целом. В среде студентов широко распространялись социалистическая литература и социалистические идеи, студенческие лидеры были знакомы и с историей революции в России, и с деятельностью революционеров в Индии и Китае и отлично понимали, что путь к свободе лежит не через беспомощный Законодательный совет и не через стихийные крестьянские восстания.

13. Отделение Бирмы от Индии

Выборы в первый бирманский парламент, который должен был начать работу с апреля 1937 г., состоялись в конце ноября 1936 г. В ходе предвыборной кампании большинство старых партий объединилось в аморфный «Союз пяти цветков». Союз выступал за проведение реформ, однако не помышлял об обострении отношений с администрацией. Союз был сильнее любой другой партии или организации в финансовом отношении (его поддерживали промышленники), однако лидеры его были к этому времени полностью скомпрометированы, а лозунги не пользовались популярностью. Реальными целями Союза [209] было достижение максимального числа министерских и прочих постов.

Остатки ГСБА У Чит Хлайна, выступавшие за статус доминиона и отмену подушного налога, также оказались на позициях вчерашнего дня.

Партия «Синьета» («Бедняк») во главе с энергичным Ба Мо, сохранившая связь с деревней еще со времени выборов 1932 г., выступала с демагогической программой, насыщенной левыми («пролетарскими», по словам Ба Мо) лозунгами, в том числе требованиями бесплатного начального образования, свободного кредита, раздачи земли безземельным. Ба Мо снова прибегнул к способу, принесшему ему успех четыре года назад: обещать как можно больше, лишь бы пробиться в парламент. Следует учесть также, что, как бы ни приспособлялся Ба Мо к действительности, как бы ни сотрудничал с англичанами, в отличие от воспитанных в Оксфорде политиков он оставался решительным противником английского господства. Пока на горизонте не было видно силы, способной противостоять англичанам, Ба Мо оставался в рядах легальной оппозиции. Стоило англичанам через несколько лет столкнуться с Японией, и Ба Мо быстро перешел на прояпонские позиции.

Большинство мест в палате представителей досталось «Союзу пяти цветков». 16 мест добыла партия «Синьета», не обладавшая солидной финансовой поддержкой. ГСБА был вынужден довольствоваться 12 местами. Представлявшая такинов партия «Коминкочин», поздно вступившая в борьбу, добилась трех мест. Но и этого было достаточно на первых порах — была получена трибуна для легальной критики правительства. В основном же «Добама Асиайон» осталась внепарламентской оппозицией, что сослужило ей добрую службу: лидеры такинов на том этапе никак не были связаны с администрацией, ни в какой степени не служили ей.

Во главе правительства, после яростной борьбы и торговли с другими партиями, вновь встал Ба Мо. После этого «Союз пяти цветков» распался, и Ба Мо оставался премьером до 1939 г. Вплоть до начала второй мировой войны парламент Бирмы был

ареной драки за власть, за портфели, источником коррупции, интриг и мелких заговоров. Реальная угроза британскому правлению шла извне парламента. [210]

14. Подъем национально-освободительного движения в конце 30-х годов

Расцвет деятельности «Добама Асиайон» падает на конец 30-х годов, когда танинам удалось проникнуть в слои общества, ранее не охваченные политической деятельностью (например, к нефтяникам), а также сильно потеснить позиции партии «Синьета» и остатков ГСБА в деревне. Наиболее активной частью такинов оставались городская интеллигенция, мелкая буржуазия и, конечно, молодежь. Особенно это касается левых такинов, наиболее известным руководителям которых не исполнилось еще и 30 лет, а избранному в 1938г. новому генеральному секретарю Аун Сану было всего 23 года.

Успехам такинов немало способствовала экономическая обстановка. С 1937 г. в мировой экономике наблюдался спад, в результате чего неустойчивая стабильность в сельском хозяйстве Бирмы нарушилась и обезземеливание крестьян продолжалось весьма интенсивно. В 1938 г. более половины земель в Нижней Бирме принадлежало помещикам, среди которых наиболее сильны были индийские четтьяры. В некоторых округах более 60—70% земли перешли в их руки. Остальная земля была заложена и обременена долгами. Правительство Ба Мо не могло и не хотело менять сложившуюся систему аренды. Созданная под давлением общественности в 1937 г. комиссия по аграрному вопросу заседала почти до начала войны, однако единственным результатом ее деятельности был закон об аренде 1939 г., в котором содержался призыв к «справедливой ренте». А так как понятия справедливости у крестьян и помещиков различались, сдвигов в положении крестьян не произошло.

Крестьянство, среди которого, особенно в Верхней Бирме, личность Ба Мо прежде пользовалась популярностью в связи с его шумной избирательной кампанией, испытывало разочарование в премьер-министре. Способствовала этому и деятельность недовольных Ба Мо монахов — основных идеологов деревни, и выступления политических соперников Ба Мо в палате представителей, неустанно разоблачавших деятельность премьера ради того, чтобы занять его место.

Еще большим было разочарование в рабочем классе Бирмы, численность которого только в обрабатывающей [211] промышленности к 1939 г. возросла до 90 тыс. Рабочие Бирмы были разобщены, не охвачены профсоюзами, и условия труда, особенно на мелких предприятиях, были крайне тяжелыми. Трудности для объединения и роста сознательности рабочего класса создавал и его многонациональный характер. В порту и на фабриках больших городов были заняты в основном индийцы, на лесоразработках и в рудниках трудились представители малых народов, индийцы и бирманцы. Такое же положение было на нефтепромыслах, но здесь концентрация рабочих была наибольшей. Именно среди нефтяников условия для агитации тамгаов были наиболее благоприятными.

В начале 30-х годов нефтяники Бирмы считались «спокойными». Несмотря на то что на промыслах официально существовал двенадцатичасовой рабочий день и жилищные условия были ужасными, ни забастовок, ни тайных организаций здесь не было, если не считать периодического появления политических агитаторов из Бенгалии, которых арестовывали, или партийных деятелей в период предвыборных кампаний, которые угрозы спокойствию не представляли. Однако, после того как такины завязали связи с наиболее сознательными рабочими, процесс объединения нефтяников совершился крайне быстро. К концу 1937 г. рабочие уже были частично объединены в профсоюзы: Рабочий конгресс в Енанджауне охватывал 1500 рабочих, Рабочий союз насчитывал около 4 тыс. членов. Эти профсоюзы, как и находившаяся под контролем левых такинов Ассоциация служащих нефтепромыслов, считались нелегальными и не признавались администрацией. Не без помощи такинов рабочие компании «Бирма Ойл» обратились с несколькими письмами к руководству компании, требуя улучшения условий труда. Администрация не

ответила на письма рабочих и в качестве ответной меры уволила профсоюзного лидера — такина. В январе 1938 г. на митинге, куда спешно прибыли из Рангуна руководители такинов, решено было начать забастовку. Помимо требований экономического порядка, забастовщики выдвинули и политические требования — такие, как национализация нефтепромыслов.

Начавшись в Чау — втором по размеру центре нефтедобычи, забастовка перекинулась на другие промыслы, и через несколько дней 95% рабочих бастовали. При этом [212] забастовка охватила вначале почти всех рабочих без различия национальности и вероисповедания.

Отказавшись выполнить требования рабочих, администрация, поддержанная не только колониальными властями, но и бирманским правительством Ба Мо, объявила локаут. Начались аресты среди лидеров забастовки и такинов.

Через несколько месяцев примерно половина рабочих, потеряв надежду на успех, вернулась к работе, но остальные продолжали забастовку с помощью местных отделений «Добама Асиайон», организовавших сбор средств. С каждым днем пример бастующих заражал рабочих других отраслей промышленности Бирмы: бастовали текстильщики, водители автобусов, рабочие нефтеперегонного завода. Создавались новые профсоюзы, организовывались крестьянские союзы. В ходе движения 1938 г. возникла новая форма протеста: походы рабочих и крестьян в Рангун для представления петиций правительству. Первыми в такой поход отправились крестьяне Таравади. Готовились и другие походы, которые, по замыслу такинов, должны были стать частью борьбы за права рабочих и крестьян, наглядной агитацией за новые методы борьбы. Собирались отправиться через всю страну и нефтяники, однако, прежде чем их поход начался, в Рангуне произошли события, отвлекшие внимание бирманской общественности от рабочего движения.

Используя общую накаленную обстановку в Бирме, такины направляли недовольство народных масс в область социальных действий, связанных с движением за политическое освобождение страны. Однако в то же время активизировались силы другого порядка. На политической сцене появилась одна из наиболее одиозных фигур в истории Бирмы — У Со. Этот рвавшийся к власти политический деятель явился изобретателем бирманской формы национал-социализма, в которой псевдореволюционные лозунги (себя У Со называл «галоном», подчеркивая связь с восстанием Сая Сана) смешивались с шовинистическими идеями типа «Бирма для бирманцев». Политики традиционного толка чурались его воинственных лозунгов и речей, однако с помощью некоторых промышленников и торговцев У Со создал частную армию галонов, которую нетрудно было набербовать из люмпенов большого города и групп молодежи. Определенную роль [213] в партии У Со «Мьочит» («Патриот») играла Шовинистически настроенная часть монашества.

Агитация У Со не прошла бесследно. Взывая ж национальным чувствам, сетуя на упадок буддизма, У Со острие атаки направил против индийцев, особенно мусульман, отлично понимая, что антииндийские настроения сильны в бирманском обществе и память об индо-бир-манских столкновениях 1930 г. жива.

После отделения Бирмы от Индии положение индийцев в Бирме практически не изменилось. В Бирме жило более 1 млн. индийцев, и население Рангуна было наполовину индийским. Более того, в колониальной армии Бирмы в 1938 г. из 6200 человек было всего 159 бирманцев, остальные были представителями горных народов и индийцами. Подобное же положение существовало в полиции. Британская администрация по старому проверенному рецепту предпочитала охранять порядок в колонии с помощью солдат из другой колонии, чувствовавших себя в Бирме чужими.

В своем печатном органе, газете «Сан», У Со развернул антииндийскую кампанию, используя в качестве предлога опубликованные еще в 1931 г. антибуддийские высказывания одного бирманского мусульманина. Тогда никто не обратил на них внимания, но в 1938 г. эти высказывания были перепечатаны другим бирманским автором

и упали в благоприятную почву. У Со и близкие к нему правонационалистические круги призывали к крестовому походу в защиту буддизма и способствовали организации в Рангуне массового митинга, после которого разгоряченные страстными речами монахи двинулись во главе толпы погромщиков в индийские кварталы. Полиция пыталась остановить погромщиков, но так как большинство полицейских были индийцами, это еще более разожгло страсти.

Погромы и столкновения, от которых пострадало множество индийцев, продолжались до осени. Наводя в стране порядок, власти воспользовались случаем, чтобы снова произвести аресты такинов, хотя организация «Добама Асиайон» не принимала участия в расовых конфликтах. В официальном заявлении «Добама Асиайон» говорилось, что столкновения провоцируют агенты британского империализма, дабы отвлечь народ от главной цели. Не будучи организованной англичанами, резня 1938 г. объективно [214] оказалась на руку властям, ибо и в самом деле на несколько месяцев приковала внимание бирманской общественности и дала повод применить резкие меры против всех неугодных политиков, имели они какое бы то ни было отношение к погромам или нет.

Преследования такинов не оказали существенного влияния на размах деятельности этой организации. Более важными представляются процессы, происходившие внутри самой «Добама Асиайон». Одновременный подъем борьбы рабочих и крестьян и вспышка национализма способствовали политическому размежеванию такинов. «Добама Асиайон», составленная из деятелей различной идеологической окраски, объединенных лишь стремлением к достижению независимости, раскололась на две организации. В основной, более радикальной, сохранившей прежнее название, к руководству пришли деятели второго университетского бойкота, молодые социалисты: Аун Сан, Ну, Хла Пе, Тан Тун и др. Аун Сан стал генеральным секретарем «Добама Асиайон».

В конце 1938 г. в Рангун отправилось более 1 тыс. нефтяников. За два месяца рабочие прошли половину Бирмы. Полиция пыталась задержать нефтяников, их лидеров арестовывали, однако колонна продолжала свой путь к столице. Движимые их примером, со всех сторон к столице стекались другие отряды, состоявшие в основном из крестьян. В общей сложности эти колонны насчитывали 20 тыс. человек.

Голодный марш нефтяников приковал внимание всей страны. Вновь забастовали студенты. В ходе одной из студенческих демонстраций на студентов напала полиция. Несколько десятков человек было ранено, один студент убит. Похороны его превратились в массовую антианглийскую демонстрацию. Еще одна демонстрация, организованная монахами, была расстреляна в Мандалае. Там погибло несколько человек.

Тем временем нефтяники дошли до Рангуна и разбили лагерь на склонах холма у пагоды Шведагон. Там жз остановились колонны крестьян. Однако, несмотря на яростные схватки в парламенте, где, по разным сообщениям, дело рабочих поддерживали и такины и сторонники У Со, правительство Ба Мо, ощущая поддержку губернатора, не шло на уступки. Проведя несколько месяцев в Рангуне, нефтяники были вынуждены уйти из города. [215] Покинули город и крестьянские делегаты. Но голодные походы не прошли даром. Одним из реальных плодов этого движения стало создание Всебирманской крестьянской организации, президентом которой был избран Такин Мья, член парламента от «Добама Асиайон».

Борьба рабочих и крестьян, голодные походы, забастовки и демонстрации студентов и монахов вылились весной 1939 г. во всеобщую забастовку в Рангуне. Город вымер: не работал ни один завод, замолчал порт, опустели школы и колледжи, не работали конторы. В создавшихся условиях англичане решили принести в жертву Ба Мо, место которого занял У Пу, политик правого толка. На волне возмущения поднялся и У Со, которому в новом правительстве достался министерский пост. Замена скомпрометированного излишней преданностью правительства другим, принципиально от него не отличающимся, была единственной уступкой, на которую пошла британская администрация. Она отлично понимала, что антианглийские выступления в Бирме,

несмотря на их размах, не представляют реальной угрозы положению в колонии. Ни одна из политических организаций в стране не была готова к тому, чтобы возглавить и успешно провести борьбу за национальное освобождение. Даже деятельность наиболее реального противника, такинов, не была достаточно организована и широка, чтобы объединить все патриотические силы. К тому же такины, переживавшие организационный период и сами далекие от внутреннего единства, предпочитали мирные действия.

Решительная и жесткая политика британской колониальной администрации в Бирме на том этапе оправдала себя и дала результаты. Вспышка рабочего и крестьянского движения с середины 1939 г. пошла на убыль. Определенная часть городской буржуазии и интеллигенции, не видя дальнейшей перспективы, старалась убедить себя в том, что смена правительства является в некоторой степени победой, дающей моральное право отойти от борьбы. Сравнительно немногочисленный и разрозненный рабочий класс Бирмы был разочарован неудачей стачечного движения. Крестьяне также потеряли веру в действенность голодных походов и депутатий. Влияние такинов несколько ослабло, так как предложенные ими методы борьбы, казалось, не дали результатов. Все большее число бирманцев понимало, что одними демонстрациями [216] и петициями с англичанами не оправиться, и взоры радикально настроенных такинов обращались к красному Китаю. Практически это выразилось в посылке в Китай ряда миссий доброй воли, руководящую роль в которых играли такины. Некоторые другие националистические политики связывали свои планы с активизацией Японии в Азии. Еще в 1935 г. в Японии была создана ассоциация «Бирма—Япония». Тогда же в Японии побывал У Со, проповедовавший союз с Японией ввиду расовой и религиозной общности. Япония оказывала финансовую помощь У Со, и в благодарность У Со публиковал в своей газете прояпонские материалы. Японцы нашли также пути к Ба Мо, ушедшему в оппозицию и озлобленному на предавших его англичан. Наметились связи японской разведки и с частью деятелей «Добама Асиайон». Эти деятели выдвигали лозунг «Трудности для Англии — шансы для Бирмы», оправдывая таким образом союз с Японией как с потенциальным врагом Великобритании. Японские агенты со своей стороны не жалели заверений в помощи, в том, что освобождение Бирмы явится в грядущей войне одной из основных задач Японии. Под влиянием такой агитации в 1940 г. внутри «Добама Асиайон» возникла Народно-революционная партия, ставившая своей задачей вооруженное свержение английского господства и ориентированная на Японию. Несколько ранее, в 1939 г., также внутри «Добама» была создана Коммунистическая партия Бирмы, являвшаяся на том этапе небольшой группой левых такинов, которую скорее можно рассматривать как марксистскую фракцию в составе «Добама Асиайон». [217]

ГЛАВА VIII ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ДОСТИЖЕНИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ (1939—1948)

1. Политическая ситуация в Бирме в начале второй мировой войны

Бирма вступила во вторую мировую войну в качестве составной части Британской империи. Так как Совет министров и парламент Бирмы не имели власти над внешней политикой, в вопросе об отношении к войне бирманские деятели могли лишь высказывать свое мнение, но никак не влиять на решение Великобритании. Совет министров и парламент на первых порах высказались в поддержку Англии, однако с каждым месяцем ряды сторонников безоговорочной поддержки таяли. В различных слоях бирманского общества распространялась мысль о том, что раз уж Бирма и так оккупирована Англией, то решать, на чьей стороне ей выступать в войне, она может, лишь

получив самостоятельность или по крайней мере гарантии предоставления самостоятельности по окончании войны.

Одной из первых организаций, четко сформулировавших отношение к войне, были таины. Уже через несколько дней после начала войны рабочий комитет «Добама Асиайон» опубликовал заявление, в котором говорилось: «Мы осуждаем фашизм не только тогда, когда нам это удобно, а всегда, поскольку он находится в противоречии с принципами и идеалами, за которые мы стоим».

Выступая против фашизма как формы империализма, таины полагали нужным в новой обстановке энергичнее бороться за свободу Бирмы и выступили с призывом к прекращению раздоров между различными национальными [218] партиями и объединению антиколониальных сил. В результате переговоров между этими организациями в октябре 1989 г. был организован Блок свободы Бирмы, выдвинувший три требования: признание права Бирмы на самостоятельность, созыв Учредительного собрания и передача особых полномочий губернатору Совету министров.

Помимо «Добама Асиайон» в блок вошли партия «Синьета», некоторые монашеские организации и остатки «Союза пяти цветков». Президентом блока стал Ба Мо, окончательно ушедший в оппозицию, генеральным секретарем — Аун Сан. Блок развернул агитацию за уход в отставку правительства У Пу, как реакционного и тесно связанного с колонизаторами. Полного единства в Блоке свободы, однако, быть не могло. Значительную роль в нем играли консервативные элементы. Молодые лидеры таки-нов в некоторых вопросах поддерживали Ба Мо, опытного политика, желавшего использовать популярность таки-нов для достижения своих целей.

Создание блока в целом стало существенным шагом на пути к образованию единого национального фронта. Правительство У Пу и колониальная администрация ответили на вызов новыми арестами левых такинов и радикальных монахов, что дало козыри в руки политических противников У Пу в парламенте, в первую очередь У Со. Безоговорочная поддержка правительства Великобритании и репрессии против такинов делали У Пу крайне непопулярным, и У Со, до того часто менявший позиции в борьбе за министерские кресла, понял, что представляется хорошая возможность сделать карьеру, выступая с антиколониальных позиций. Возглавляемая им партия «Мьочит» потребовала созыва Учредительного собрания и обрушила град упреков на колониальную администрацию. Таким образом, в парламенте образовалась весьма значительная фракция (Блок свободы и партия «Мьочит»), которая связывала участие Бирмы в войне на стороне Великобритании с предоставлением независимости.

12 февраля 1940 г. Ба Мо внес в парламент проект резолюции с требованием немедленной независимости. Резолюция была отвергнута. В конце того же месяца в парламенте была поставлена на голосование еще одна резолюция о войне, в поддержку которой выступили Блок [219] свободы, группа У Со и часть независимых. Против голосовали лишь партии, состоявшие из соглашательских элементов и полностью зависевшие от благорасположения колониальной администрации. Резолюция призывала принять меры к предоставлению Бирме независимости, так как «в соответствии с открыто признанными целями нынешней войны для обеспечения сотрудничества бирманского народа необходимо, чтобы принципы демократии с соответствующими гарантиями сохранения прав и интересов меньшинства были немедленно применены к Бирме».

Зима 1940 г. ознаменовалась также активизацией крестьянского и рабочего движения, находящегося под влиянием «Добама Асиайон». Президентом Всебирманской крестьянской организации был Такин Мья, а президентом созданного в Бирме в январе 1940 г. Всебирманского конгресса профсоюзов стал Такин Ле Маун. Однако подъем движения трудящихся зимой 1940 г. не достиг масштабов предыдущих лет, так как забастовки и демонстрации были запрещены после введения в стране военного положения.

Весной 1940 г. был опубликован манифест «Добама Асиайон», в котором выдвигались требования полной независимости Бирмы, демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, восьмичасового рабочего дня, ликвидации крупного землевладения, аннулирования долгов рабочих и крестьян, национализации земель, лесов, транспорта, тяжелой промышленности, банков, введения бесплатного всеобщего обучения и т. д. Манифест свидетельствовал о влиянии марксистской идеологии на руководство «Добама». В отношении к конкретному моменту «Добама Асиайон» сформулировала следующий ультиматум: либо Великобритания гарантирует полную независимость Бирме сразу по окончании войны, либо Бирма встает на путь гражданского неповиновения и в войне не участвует.

С началом лета лидеры Блока свободы разъехались по Бирме, организуя митинги и демонстрации в защиту своих позиций. Однако их поездки и антивоенная агитация вызвали репрессии; колониальных щластей. В мае 1940 г. был введен «Закон об обороне Бирмы», распространявшийся на все время войны, по которому администрация имела право изолировать любых деятелей оппозиции, [220] подрывающих военные усилия страны. По этому закону с ведома и согласия правительства У Пу, избавлявшегося от наиболее опасных политических противников, были арестованы как основные лидеры такинов, так и Ба Мо и его сподвижники. Аресты продолжались в течение многих месяцев, вплоть до вступления японцев в Бирму. «Добама Асиайон» не была готова к столь решительным действиям властей, не успела уйти в подполье и лишилась лидеров. За исключением немногих успевших покинуть страну либо скрывшихся, были арестованы руководители всех левых организаций Бирмы, лидеры рабочего и крестьянского движения. Блок свободы, лишенный руководства, распался; все большую роль в политике Бирмы стали играть У Со и его партия, избежавшая преследований администрации, ибо, несмотря на показную радикальность, реальной опасности для колониальной системы она не представляла.

2. Союз такинов с Японией

Блок свободы, на короткое время возглавивший национально-освободительное движение, распался не только потому, что был обезглавлен летом 1940 г., но и потому, что его руководители, формально стремясь к единой цели — независимости Бирмы, на деле преследовали различные интересы. «Добама Асиайон», в то время находившаяся под влиянием марксистов, стремилась к созданию в Бирме демократической республики; политики из «пяти цветков» старались нажить политический капитал и независимо от исхода борьбы получить места в парламенте; Ба Мо надеялся достигнуть личной власти и лелеял мечту стать диктатором Бирмы.

В своих планах Ба Мо делал ставку на японское вторжение. Уже в конце 1939 г. его заместитель Теин Маун посетил Японию, где установил контакты с японским правительством. С тех пор в выступлениях лидеров «Синьеты» постоянно звучала тема необходимости борьбы за свободу в союзе с могучей державой, ибо Бирма слишком слаба, чтобы победить англичан в одиночку. Активность японской разведки в Бирме также способствовала усилению прояпонских настроений. Но особенно усилилась популярность Японии как потенциального союзника после [221] разгрома Блока свободы, когда даже наиболее оптимистически настроенные политики потеряли надежду на возможность борьбы с колониализмом лишь собственными силами. Только левые партии, в первую очередь коммунисты (а также Фабианская лига и некоторые другие организации), выступали против любого союза с милитаристской Японией, истинные намерения которой уже проявились в Китае. Однако они были обезглавлены и разгромлены: колониальная администрация была готова скорее вступить в союз с правыми прояпонскими группировками, чем прибегнуть к поддержке левых групп, выступавших против Японии, но непримиримых и к британскому империализму.

Один из немногих оставшихся на свободе руководителей такинов, Аун Сан, после нескольких месяцев пребывания в подполье смог тайно отплыть на пароходе в Китай в надежде завязать связи с китайским сопротивлением. Этому ему сделать не удалось. В Гонконге, где Аун Сан бесплодно провел много дней, он попал в поле зрения японской разведки, осведомленной о роли молодого лидера в национально-освободительном движении. Японским разведчикам удалось убедить генерального секретаря «Добама» в неизбежности сотрудничества с Японией, готовившейся в это время к нелегкой войне с Великобританией в Юго-Восточной Азии и потому готовой на любые обещания националистам в британских колониях. Разочаровавшись в иных способах достижения независимости, Аун Сан пошел на заключение «джентльменского соглашения» с Японией, которое предусматривало в обмен на военную помощь со стороны такинов немедленное предоставление Бирме независимости, создание Армии независимости Бирмы, подготовку ее офицерского состава, снабжение оружием и, наконец, выделение 200 млн. рупий в фонд реконструкции Бирмы.

Как сам Аун Сан, так и другие лидеры национально-освободительного движения впоследствии неоднократно подчеркивали, что они рассматривали союз с Японией как тактический шаг, направленный на возможность создания национальной армии и органов самоуправления с последующим достижением, независимо от желания Японии, действительной самостоятельности. Война Японии с Англией представлялась бирманцам затяжной, способной ослабить обе воюющие стороны и создать условия [222] для полного освобождения Бирмы. В феврале 1941 г. Аун Сан тайно вернулся на родину, сообщил находившимся в подполье лидерам такинов о своем соглашении с Японией, получил одобрение и затем направился в Японию вместе с 30 молодыми бирманцами — будущими офицерами Армии независимости Бирмы (АНБ). Против сотрудничества с японцами были лишь коммунисты, руководители которых находились в тюрьмах и не могли оказать решительного влияния на ход событий.

3. Деятельность бирманских политиков накануне японской оккупации

Отказ англичан назвать конкретный срок предоставления Бирме независимости или хотя бы статуса доминиона привел к их политической изоляции в Бирме. Правительство У Пу, олицетворявшее колониальную администрацию, полностью дискредитировало себя в глазах бирманского общественного мнения и пало в сентябре 1940 г. Премьер-министром стал У Со, опиравшийся на европейскую курию в парламенте, свою партию «Мьочит» и представителей незначительных парламентских группировок, стремившихся к хорошо оплачивавшимся казенным должностям.

Выдвижение на первый план У Со было с одобрением встречено частью бирманской общественности, помнившей о радикальных речах нового премьера, о его резкой критике Великобритании. Однако у английской администрации не было оснований тревожиться, так как У Со был готов на сотрудничество с британскими властями при условии, что его поддержат в борьбе с политическими противниками. Британские колонизаторы пошли навстречу требованиям У Со устранить его соперников, как политических, так и личных, в результате чего в тюрьме оказался даже бывший министр У Ба Пе. У Со со своей стороны полностью отказался от прояпонских выступлений и был согласен всемерно способствовать успеху военных приготовлений Великобритании. Однако он не мог, чтобы не очутиться в изоляции, подобно своему предшественнику, отказаться от требования статуса доминиона для Бирмы после окончания войны. Тем не менее уверенные в несокрушимости своих позиций в Юго-Восточной [223] Азии британские политики упорно сопротивлялись обсуждению таких проблем.

Глубокая убежденность в немыслимости японского вторжения в Бирму разделялась в Лондоне и правительством, и военным командованием, и разведкой. Основная ставка делалась в случае войны на Сингапур, причем предполагалось, что

японцы предпримут штурм Сингапура с моря, откуда он был хорошо укреплен. Возможность нападения на Сингапур с суши просто не учитывалась. Отсюда вытекала и другая стратегическая ошибка: Бирма считалась тылом Сингапура, промежуточной базой снабжения Малайи, и непосредственно в ней находилась лишь одна английская дивизия. И если Бирманская дорога в Китай, по которой проходило снабжение гоминьдановских армий, кое-как функционировала, то ни одной настоящей сухопутной дороги из Бирмы в Индию не существовало. В случае войны Бирма могла получать подкрепления и снабжение лишь по морю, где англичане (опять-таки ошибочно) полагались на силу своего флота. В то же время крупнейший порт Бирмы, Рангун, никак не был защищен от нападения с воздуха. Более того, вопрос о строительстве дороги Бирма — Индия не мог быть даже толком поставлен на обсуждение, так как Бирма подчинялась в военном отношении сингапурскому командованию, и военная администрация Британской Индии не хотела тратить средства на работу в чужом военном округе.

Наиболее дальновидные английские политики в Бирме, к числу которых относился прибывший в Бирму в июле 1941 г. новый губернатор Дорман-Смит, были обеспокоены подобным положением, однако любые просьбы об усилении обороны Бирмы от возможной агрессии Японии Лондон игнорировал. Подобная слепота в отношении действительных устремлений Японии была тем более удивительной, что уже в июне 1940 г. между Японией и Таиландом был заключен договор о дружбе, в результате которого Таиланд стал военной базой Японии для подготовки дальнейшей агрессии в Юго-Восточной Азии, а в сентябре того же года правительство Виши разрешило японцам оккупировать северную часть Индокитая. В течение последующих месяцев Япония, заключившая военный союз с Германией и Италией, постепенно оккупировала все французские владения в Индокитае. Японские войска находились [224] буквально на пороге британских владений в Юго-Восточной Азии, и все-таки правительство Великобритании пребывало в уверенности, что Япония не посмеет напасть на Малайю.

В этой обстановке У Со, куда более трезво оценивавший действительную ситуацию, настойчиво требовал от Великобритании гарантий независимости Бирмы. Вероятно, ни для У Со, ни для других бирманских политиков не было секретом соглашение такинов с японцами. Противоядием против возможного антианглийского восстания в Бирме могли быть гарантии предоставления независимости и включение бирманцев в колониальную армию, т. е. превращение Бирмы из колонии в союзника. Очевидная и все растущая угроза японского нападения требовала решительных действий, и У Со пошел на последний шаг, направленный на укрепление его пошатнувшегося авторитета: с благословения Дорман-Смита, разделявшего тревогу правых бирманских политиков, У Со отправился в Англию, чтобы попытаться получить гарантии непосредственно от правительства Великобритании.

Подписание Великобританией и США в августе 1941 г. Атлантической хартии, в которой говорилось о праве народов выбирать форму правления по своему желанию, вселило в У Со некоторые надежды. Однако уже по пути в Англию ему стало известно о выступлении Черчилля 8 сентября, в котором тот заявил, что положения Атлантической хартии не распространяются на страны Британской империи. Месячные переговоры в Лондоне не принесли никаких результатов. Максимумом уступок, на которые пошли англичане, было обещание вернуться к вопросу после окончания войны.

У Со возвращался в Бирму через США. Там он попытался воздействовать на Рузвельта, однако никакой поддержки со стороны президента США не получил. Возможно, и Рузвельт и Черчилль внимательнее отнеслись бы к просьбам У Со, будь у них возможность трезво оценить обстановку в Юго-Восточной Азии. Однако в те дни главным средоточием военных действий была Европа, положение Англии оставалось тяжелым, в СССР гитлеровские армии рвались вперед, и никто из западных политиков не мог предугадать, что всего через несколько месяцев Бирма станет ключевым пунктом в громадном новом театре военных действий. Союзникам казалось, [225] что Япония

завязла в Китае и что частных санкций против нее — например, введения эмбарго на сталь, — достаточно, чтобы сдержать развитие ее агрессивных устремлений.

После встречи с Рузвельтом У Со пришел к выводу, что его ставка на западные державы была напрасной и надо обратиться с предложением услуг к Японии. Возможно, действия У Со не были бы столь скоропалительными, не задержись он в США до декабря 1941 г. На Гавайских островах У Со застала новость о начале войны между США и Японией. Самолет был возвращен обратно в США, и за те несколько дней, пока У Со добирался до Европы, он решил поспешить с выражением своей преданности Японии. С этой целью премьер-министр Бирмы встретился с японским послом в Лиссабоне и заверил его в желании сотрудничать. Но дипломатический шифр японского посольства был известен английской разведке, сообщение посла было перехвачено, и при очередной посадке самолета в Хайфе У Со был арестован и отправлен в Кению. Там он и провел в заключении несколько лет, чтобы снова всплыть на поверхность лишь после войны, когда ему было суждено сыграть зловещую роль в истории Бирмы.

4. Вторжение японских войск в Бирму

7 декабря 1941 г., в день нападения на американский флот в Пирл-Харборе, японцы начали высадку армии в Сингоре, на границе Малайи и Таиланда. Уверенные в победе Германии над Советским Союзом, руководители Японии спешили захватить максимум территорий на востоке, чтобы не оказаться обделенными при разделе мира и заблокировать США прежде, чем те восстановят флот на Тихом океане. Правительство Таиланда капитулировало и согласилось вступить в войну на стороне Японии. Основа морской мощи Великобритании в этом районе — линейные корабли «Принц Уэльский» и «Рипалз» — были 10 декабря потоплены неподалеку от Сингапура. Одновременно началось японское наступление на Сингапур по суше, откуда он был беззащитен, и вторжение в Бирму.

Первый пункт на территории Бирмы — городок Виктория-Пойнт на южной оконечности Тенассерима — был [226] внезапно захвачен японцами 15 декабря, через неделю после начала войны. В Виктория-Пойнт находился аэродром — важное звено в цепи аэродромов, связывавших Сингапур с Индией. Таким образом, Сингапур был фактически отрезан от воздушного снабжения с запада. Продолжая наступление на север вдоль побережья Тенассерима, японские войска захватывали другие аэродромы, создавая тем самым посадочные площадки для своей авиации, численное превосходство которой над английской было подавляющим.

Неортодоксальность действий японской армии сказалась не только в наступлении на Сингапур с суши, но и во вторжении в Бирму с юга. Незадолго до того прибывший с инспекционной поездкой главнокомандующий британскими силами в этом районе уверил колониальные власти, что если вторжение когда-нибудь состоится, то оно начнется со стороны шанокских княжеств — с северо-востока. Именно там были сконцентрированы немногочисленные части, защищавшие страну с востока, тогда как Тенассерим был фактически беззащитен.

Вместе с японскими войсками в Бирму вошли подразделения АНБ во главе с «тридцатью товарищами». На первых порах немногочисленные и плохо вооруженные бирманские войска выполняли роль проводников при японских частях, однако с каждым днем в армию такинов вливались добровольцы, так что через несколько недель АНБ выросла до нескольких тысяч человек и смогла принять участие в военных действиях. Известие об участии такинов в военных действиях на стороне Японии привело к новой полицейской акции британской администрации: все, кто принадлежал к такинам или подозревался в этом, были немедленно арестованы. В тюрьмы попали и сознательные противники японцев — коммунисты и левые такины, выражавшие желание бороться с японским вторжением на стороне союзников. Однако недоверие британской

администрации к левым националистам привело к ее отказу сотрудничать с коммунистами.

В течение нескольких дней 15-я японская армия под командованием генерала Иида, составленная из ветеранов, имевших опыт войны в джунглях, с приданной ей авиацией и танковыми частями перерезала в нескольких местах узкий Тенассерим, захватила Тавой и Мергуи и оказалась у реки Салуин, отделявшей собственно Бирму [227] от Тенассерима. Под угрозой оказались Легу и сам Рангун.

Сил, имевшихся у англичан в Бирме, было явно недостаточно для сопротивления, а начавшаяся перетасовка генералов, путаница в приказах и отсутствие разведки вели к тому, что даже имевшиеся войска использовались далеко не лучшим образом. Подкрепления, на которые возлагались надежды, не поступали, так как оперативно Бирманский фронт продолжал оставаться в подчинении Сингапура, падение которого представлялось английскому командованию катастрофой. Все имевшиеся у англичан резервы были брошены на восток и попали в ловушку, в которую превратился Сингапур, блокированный с суши и моря и павший 15 февраля 1942 г.

Слабость авиации, прикрывавшей Бирму, дала возможность японским бомбардировщикам начать налеты на Рангун и другие крупные города Бирмы. Налеты эти привели к значительным жертвам среди мирного населения и вызвали панику, в первую очередь среди сотен тысяч индийцев, покидавших Бирму. Во время этой эвакуации в полной мере обнаружилось, сколь опасным недостатком стратегического положения Бирмы, ставшей ареной боев, было отсутствие мало-мальски приличной дороги между Бирмой и Индией. Сотни тысяч беженцев бросились на запад через горные перевалы и джунгли. В общей сложности в ходе военной кампании Бирму покинуло более полумиллиона человек, большей частью индийцев, и десятки тысяч из них погибли на горных тропах. Трагическое бегство части населения привело к разладу хозяйственной жизни Рангуна и других городов, ибо индийцы составляли основную массу портовых и промышленных рабочих. Кроме того, на раскаленных пыльных дорогах беженцев косила холера, а в покинутых городах вспыхнул бандитизм, причем основную часть бандитов составляли дезертиры из британской колониальной армии и уголовники, выпущенные из тюрем.

Союзникам удалось заручиться обещанием Чан Кай-ши, заинтересованного в сохранении Бирманской дороги, двинуть в Бирму 5-ю и 6-ю гоминьдановские армии, общее командование над которыми было поручено американскому генералу Стилуэллу. Однако между обещанием и его претворением в жизнь прошел значительный в масштабах бирманской кампании промежуток времени. Взаимное [228] недоверие между главнокомандующим-американцем и китайскими генералами, презрение, выказываемое Чан Кай-ши к союзникам, опасения, что гоминьдановскими частями будут затыкать прорывы, спасая таким образом жизни англичан, — все это привело к тому, что китайские армии, плохо вооруженные и недоукомплектованные, вступили в Бирму, когда их участие в войне могло лишь продлить агонию английских войск. Более того, появление китайских частей в Бирме даже ухудшило отношение бирманцев к союзникам, ибо плохо снабжавшиеся китайские солдаты мародерствовали и грабили население.

23 февраля у моста через реку Ситаун — последний естественный рубеж, прикрывавший прямую дорогу на Рангун, — произошло решающее сражение, проигранное из-за ошибок, медлительности и растерянности командования. Отступая к мосту, английские части не смогли оторваться от преследовавших их японцев; опасаясь, что японцы захватят мост, командование приказало взорвать его, бросив на восточном берегу основную массу войск. В результате разгрома большая часть английских войск, включая подошедшие наконец незначительные подкрепления из Индии, была уничтожена; покинутый населением, горящий и разграбленный Рангун оказался без защиты и был оставлен 7 марта, причем отступавшие английские войска были бы уничтожены, если бы японцы не ошиблись, приняв попавшую в ловушку английскую

армию за отвлекающий отряд: они спешили обойти Рангун и захватить его прежде, чем англичанам удастся взорвать нефтеперерабатывающий завод в Сириаме и портовые сооружения.

Отступая к северу, англичане взрывали и сжигали все промышленные предприятия, мосты, склады и другие объекты, имеющие стратегическое и военное значение. К этому надо добавить жестокие бомбардировки, которым японская авиация подвергла оставленные без воздушного прикрытия бирманские города, а также грабежи и поборы, проводившиеся как враждующими армиями, так и мародерами. В результате всего этого важнейшие экономические объекты Бирмы были разрушены.

Дальнейшие военные действия, продолжавшиеся еще два месяца, были серией поражений английской армии и порой удачных, порой неудачных попыток английского [229] командования избежать окружения и полного разгрома. Наконец 14 мая последние британские части перешли реку Чиндуин у города Калева и с началом муссонного периода ушли в Индию, бросив на произвол судьбы остатки отступивших к северу китайских армий и десятки тысяч беженцев, пробравшихся перевалами на запад.

На этом закончилось и японское наступление. Коммуникации японской армии были невероятно растянуты, а горные тропы не позволяли подвезти технику и боеприпасы к индийской границе: отсутствие дорог между Индией и Бирмой, сыгравшее трагическую роль в судьбе военной кампании, спасло Индию от вторжения. Кроме того, японское командование не предполагало, что Бирму удастся покорить столь быстро и легко, и дальнейшее наступление требовало выработки новых стратегических планов и тщательной подготовки.

Передышка позволила английскому командованию в Индии в течение дождливого периода 1942 г. обеспечить более основательную оборону индо-бирманской границы и оправиться от шока, вызванного разгромом. В последующие годы война приняла позиционный характер, и достижения 1942 г. оказались пределом японского наступления на западе.

5. Оккупация Бирмы Японией

С первых же дней японского вторжения бирманские патриоты, объединенные в АНБ, оказались в сложном положении. Японские власти не намеревались выполнять свои обещания. Более того, по мере военных успехов на фронте они перестали даже притворяться, что желают следовать соглашениям с Аун Саном. Быстрота японского наступления, огромный ущерб, нанесенный экономике страны, массовая эвакуация индийцев и европейцев, вспышка грабежей, болезни — все эти неучтенные факторы нарушили планы такинов и сыграли на руку японцам. Смена одних хозяев другими влекла за собой страдания и смерть, а поведение японских войск на захваченных территориях никак не отвечало образу «освободителей».

Когда японская армия перешла границу Бирмы и такины поставили вопрос о провозглашении независимости, последовало обещание сделать это после занятия Моулмейна. [230] Моулмейн, крупный город Южной Бирмы, пал через несколько дней, но там бирманцы получили лишь заверения в том, что разговор о независимости будет начат в Рангуне. После взятия Рангуна стало ясно, что судьба англичан в Бирме, если не произойдет чуда, предрешена. Разгромить их оказалось возможным и без помощи бирманцев. Следствием этого явилась резкая перемена отношения японцев к АНБ, прекращение финансирования армии, снабжения ее оружием и т. д. Нехватка оружия, получение которого было одним из основных стимулов сотрудничества такинов с японцами, привела к тому, что пришлось ограничивать прием в армию добровольцев и стремиться к захвату оружия у англичан, т. е. к активному участию в боях. Из-за противодействия этому со стороны японской армии начались стычки между японцами и бирманцами, особенно острые после падения Рангуна, когда руководству АНБ стало ясно,

что японское командование не собирается выполнять обещания. Однако у АНБ еще не было достаточно сил, чтобы пойти на разрыв с японцами. Сложной была и обстановка внутри самой АНБ. Неразбериха, царившая в те дни в Бирме, по которой прокатилась война, не пощадив ни одного крупного города, не позволила выяснить сразу, кто из добровольцев, влившихся в АНБ, сделал это из политических соображений, а кто просто из желания получить оружие, чтобы пожить или свести счеты с недругами. Подобные действия отдельных элементов в бирманской армии были на руку японскому командованию, дав ему возможность использовать беспорядки в пропагандистских целях и выступить в роли миротворца. Это особенно проявилось во время бирмано-каренских столкновений в дельте Иравади, где часть каренов, бывших до того в составе английской армии, осталась в своих деревнях после отступления англичан. Карены были вооружены и не скрывали своих симпатий к Англии. Некоторые бирманцы считали их предателями. Последовали столкновения, во время которых погибло много мирных жителей. Наспех созданные части АНБ, действовавшие в этом районе, пошли на поводу у шовинистических и уголовных элементов и приняли участие в столкновениях. Последствия этих трагических событий оставили глубокий след в карено-бирманских отношениях на долгие годы. [231]

Занимая населенные пункты, части АНБ старались явочным порядком организовывать «административные комитеты свободной Бирмы». Формально это не противоречило «джентльменскому соглашению», однако первый и основной пункт соглашения о немедленной независимости не был выполнен, и потому комитеты японцами не признавались. Для того чтобы избежать создания административных комитетов и изолировать АНБ, ее отрядам было приказано двумя колоннами следовать через дельту и далее вверх по Иравади, в то время как японские дивизии пошли на Таунгу, Мандалай и далее на Бамо. В результате этого маневра Верхняя Бирма была оккупирована японцами без участия АНБ и там не было создано никаких органов гражданской власти. Однако до окончания военных действий японские власти не предпринимали репрессивных мер против АНБ и даже смотрели сквозь пальцы на деятельность комитетов, чтобы не обострять отношения с населением.

Через две недели после завершения военной кампании в Бирме японцы перешли к решительным действиям против комитетов свободной Бирмы. В начале июня была ооздана японская военная администрация и бирманские органы власти были распущены. После этого бирманским лидерам было объявлено, что разговора о независимости не может быть до тех пор, пока идет война, а тем временем ресурсы Бирмы должны быть мобилизованы на ее ведение. Однако полностью отказываться от использования бирманских националистов японские власти не намеревались. Бирма была близким тылом, и прочность японских позиций во многом зависела от сохранения спокойствия в завоеванной стране. Необходимо было показать, что степень самоуправления Бирмы при новых хозяевах выше, чем при англичанах. 1 августа 1942 г. была создана бирманская администрация с совещательными функциями, во главе которой был поставлен Ба Мо, найденный японцами в шанской деревне, где он скрывался после побега из английской тюрьмы. АНБ была распущена, а вместо нее сформировали Армию обороны Бирмы в составе всего 3 тыс. человек под контролем японских советников. В новую армию были включены те элементы из бирманских вооруженных сил, которые в ходе кампании зарекомендовали себя как лояльные. Командующим Армией обороны был назначен генерал Аун Сан. [232]

Ставший во главе гражданской администрации Ба Мо отдал большинство руководящих постов своим соратникам по партии «Синьета», однако он не мог игнорировать и такинов, продолжавших пользоваться популярностью среди населения. К тому же японское командование, старавшееся играть на противоречиях между бирманцами, зачастую предпочитало доверять бирманским офицерам, прошедшим японскую военную школу, нежели политикам, сотрудничавшим в свое время с англичанами. В результате два

левых такина — Мья и Тан Тун — вошли в правительство, получив соответственно портфели министров внутренних дел и сельского хозяйства. «Внутренний круг» (нелегальное руководство «Добама») принял это предложение Ба Мо, чтобы возможно полнее использовать легальные способы подготовки к сопротивлению японцам, необходимость разрыва с которыми стала очевидной для такинов еще в ходе военной кампании.

С лета 1942 г. национально-освободительное движение в Бирме вступило в новую, сложную фазу. Часть правых политиков, включая бывшее правительство Британской Бирмы, эмигрировала из страны и осела в Индии, где в Симле продолжали номинально функционировать бывшие бирманские правительственные органы. Целью этих политиков было после возвращения в Бирму англичан сотрудничать с ними в надежде получить для Бирмы статус доминиона в составе Британской империи. Другая часть правых политиков избрала путь сотрудничества с японцами примерно на тех же условиях, на которых правительство в Симле сотрудничало с англичанами: лояльность в расчете на последующие уступки со стороны новой власти. Во главе этой группы стоял Ба Мо. Третьей активной силой были бывшие такины и примкнувшие к ним радикальные политики. Эта группа, возглавляемая Аун Саном, коммунистом Такин Тан Туном и некоторыми другими политическими деятелями, находилась на антияпонских позициях, но считала нужным продолжать внешне сотрудничество с японской военной администрацией, одновременно подготавливая силы для освобождения Бирмы. В отличие от двух первых группировок левые патриоты рассчитывали на бирманскую армию, молодые офицеры которой были охвачены антияпонскими настроениями и готовы к решительным действиям под командованием [233] популярных командиров — Аун Сана, Не Вина и Бо Ле Я. Четвертой, немногочисленной, но влиятельной группой национального движения были те бирманские коммунисты и левые такины, которые с самого начала не желали идти на сотрудничество с Японией. Некоторым из них, находившимся в разгар военных действий в Мандалайской тюрьме, удалось в последний момент убедить англичан освободить их из тюрьмы и дать возможность бежать в Китай. В числе этих политиков оказался и Такин Ну. Однако освобождение запоздало, и дорога в Китай была уже перерезана. Часть из них впоследствии осталась в Бирме и организовала первые антияпонские партизанские отряды (Такин Со), часть — во главе с Такин Теин Ле — смогла уйти в Индию и там установить связи с англичанами, согласившимися на союз с ними против японцев. Наконец, некоторые (например, Такин Ну) легализовались и стали в составе тех или иных групп принимать участие в движении сопротивления.

6. Экономическое и политическое положение в оккупированной Бирме

Разрушение промышленных объектов, портов, мостов, железных дорог проводилось англичанами при отступлении планомерно и основательно. Тактика выжженной земли была, пожалуй, единственным военным успехом британской армии в этой кампании. Бомбардировки японской авиации, бои, прокатившиеся по стране, грабежи и бегство населения — все это в течение трех месяцев привело страну к разрухе. То, что оставалось, попало в руки к японским военным властям, которые старались выкачать все возможное, не давая ничего взамен. Сельское хозяйство пострадало от военных действий не так, как промышленность и транспорт, и тем не менее к концу войны площади лод рисом были вдвое меньше, чем в 1940 г., а поголовье домашнего скота резко уменьшилось. С прекращением внешней и свертыванием внутренней торговли Бирма лишилась притока валюты и товаров широкого потребления. Ввиду того что рис нельзя было продать, крестьяне сокращали площади лод ним, тем более что излишки риса отбирались оккупационными властями. С 1943 г. риса перестало хватать даже для потребления [234] внутри страны. Из всех отраслей хозяйства несколько возросли лишь

кустарные промыслы, путем развития которых население пыталось покрыть потребность в тканях, обуви, соли и т. д.

Бирма превратилась в базу снабжения для дислоцированной в ней японской армии. Те излишки продовольствия, что удавалось выбить из населения, уходили в основном в Японию. Английская собственность была экспроприирована, чудом сохранившиеся станки и машины вывозились из Бирмы. Были введены оккупационные деньги, равным счетом ничем не обеспеченные; ими шла расплата за труд и услуги. Однако если японцам удалось наладить снабжение армии продовольствием, и тканями (с каждым годом делать это было все труднее), то ни пустить вновь некоторые заводы, ни восстановить рудники и нефтепромыслы им не удалось, так как бомбардировки союзной авиации сводили все труды на нет.

Как и другие завоеванные японцами страны, Бирма была превращена в громадный трудовой лагерь. Число бирманцев, мобилизованных в трудовые отряды, исчислялось сотнями тысяч. Многие тысячи бирманцев погибли на строительстве стратегической железной дороги Таиланд — Бирма и на сооружении оборонительных объектов. Работа в трудовых армиях также оплачивалась оккупационными рупиями.

На положении различных классов, слоев и национальных групп бирманского общества японская оккупация отразилась неодинаково.

Английская буржуазия и английское чиновничество полностью исчезли. За ними последовали индийские дельцы, ростовщики-четьяры и полмиллиона индийских служащих, рабочих и батраков. В результате этого укрепились позиции заполнившей вакуум бирманской буржуазии, и первые месяцы японской власти были характерны появлением иллюзий в среде этой буржуазии, представители которой пришли к власти (хотя и номинальной) в лице администрации Ба Мо. Однако их надежды оказались беспочвенными. Во-первых, экономика страны оказалась полностью в руках японских военных и прибывших в страну японских коммерсантов, в первую очередь представителей крупнейших японских концернов и банков. Во-вторых, для развития национальной экономики требовались капиталовложения. Если раньше бюджетные [235] ассигнования перепали в первую очередь европейским и индийским компаниям, то теперь ассигнований просто не существовало, и потому деятельность бирманской буржуазии ограничивалась, как и прежде, традиционными рисоружками и мелкими, полукустарными предприятиями. Не помогло и объединение бирманских промышленников и торговцев в Бирманскую торговую палату, которая вынуждена была ограничиться в основном принятием резолюций и петиций. Попытка Ба Мо создать Государственный банк Бирмы с правом эмиссии денег удалась только частично: банк был создан, но руководство государственными финансами японцы оставили за собой, разрешив банку заниматься лишь коммерческой деятельностью, которая не могла развернуться из-за инфляции и необеспеченности валюты.

В несколько лучшем положении оказались бирманские чиновники, так как многие посты в новой администрации достались бирманцам. Они далеко не всегда пользовались реальной властью, так как над ними стояли японские консультанты и советники, но тем не менее порой могли помочь бирманскому торговцу или помещику.

Бирманские помещики, уступавшие прежде индийским в финансовых возможностях и масштабах землевладения, в начале японской оккупации также были подвержены иллюзиям: крупнейшие четьяры бежали, правительство состояло из близких помещикам людей. Но и здесь выгоды оказались фиктивными. Доходы все время падали из-за резкого сокращения площадей под рисом, падения цен на землю и отказа крестьян платить долги в натуре. Если в первые дни японской оккупации значительная часть бирманских помещиков относилась к приходу японцев не враждебно (за исключением тесно связанной с англичанами прослойки), то с течением времени все большее число помещиков с нетерпением ожидало возвращения англичан и принимало участие в антияпонском движении сопротивления.

В очень тяжелом положении в годы оккупации оказался бирманский пролетариат. Нефтепромыслы были разрушены, рудники закрыты, промышленные предприятия ликвидированы, почти не функционировал порт, был разрушен транспорт. Деревня, вернувшаяся к натуральному хозяйству, также не нуждалась в наемной рабочей [236] силе, а мобилизация в трудовые отряды оказалась формой рабского труда.

Своеобразное положение сложилось в деревне. Бедствия войны коснулись ее в общем меньше, чем городов, и примитивное крестьянское хозяйство могло восстановить силы уже через год. Однако японские поборы уничтожили значительную часть семенного зерна, а закрытие внешнего и сужение внутреннего рынка лишили крестьян стимула к расширению производства. И все-таки крестьянство, использовав острую нужду японцев в продовольствии, извлекло определенные и далеко идущие выгоды из японской оккупации. Расчеты с крестьянами за отбираемый или покупаемый у них рис японские власти вели в оккупационных рупиях, ненамного превышавших по стоимости бумагу, на которой они - были напечатаны. Крестьяне воспользовались тем, что в их руках скопилась масса этих денег, для того чтобы уплатить долги помещикам и ростовщикам. Особенно активно этот процесс шел в Верхней Бирме, где большинство ростовщиков и помещиков были бирманцами и оставались на своих местах. Попытки помещиков воспрепятствовать этому были встречены японцами равнодушно, так как действия крестьян поддерживали курс японских денег и придавали им видимость авторитета: откажись японские власти признавать эти расчеты законными, крестьяне могли отказаться принимать деньги в уплату за столь нужный оккупационной армии рис.

В Нижней Бирме после бегства индийских помещиков освободилось большое количество земель, и крестьяне заняли их. Таким образом, крестьянство в ходе войны не только расплатилось с долгами, но и сильно сократило четвьярское землевладение. Попытки английских властей после окончания войны восстановить статус-кво привели к аграрным волнениям такого масштаба, что они стали одной из причин быстрого падения британского господства в Бирме.

В ходе войны произошла «бирманизация» Бирмы. Несмотря на экономическую разруху, Бирма за 1942 — 1945 гг. изменилась настолько, что ни индийским ростовщикам, ни индийским землевладельцам, торговцам и промышленникам не удалось восстановить свои позиции. Изменения в социально-политической жизни и экономической структуре страны были столь решительны и необратимы, [237] что с окончанием войны достижение подлинной независимости стало лишь вопросом времени.

В течение сухого сезона 1942—1943 гг. японская армия не смогла развить своего первоначального успеха. Причиной тому были не столько трудности преодоления горных перевалов (в начале 1942 г. японские войска прошли через не менее трудные участки джунглей), сколько общая военная обстановка в Азии и Европе.

На Тихом океане возросшая активность США сковывала основные японские силы. Индийский фронт для Японии потерял первостепенное значение: приходилось больше заботиться о сохранении достигнутых позиций, нежели о дальнейшем наступлении. Что касается Великобритании, то ее судьба решилась в Европе. Победа советских войск под Сталинградом, ставшая поворотным пунктом в войне, сняла угрозу немецкого вторжения в Великобританию и позволила последней перейти к наступательным действиям в Африке и на Ближнем Востоке. На Индийском фронте инициатива также все более переходила на сторону Англии. Судьбы войны решались теперь экономическими и людскими ресурсами воюющих стран. В этом отношении Япония далеко уступала своим противникам, и, хотя до ее разгрома было еще далеко, победа союзников уже не вызывала сомнений.

Изменение военной ситуации повлияло на политику Японии в оккупированных азиатских странах, в том числе в Бирме. Японское командование пошло на шаг, который представлялся слишком щедрым год назад, когда ослепленные легкими успехами японские генералы полагали, что до окончательной победы осталось совсем немного.

В январе 1943 г. премьер-министр Японии заявил в парламенте, что менее чем через год Бирма и Филиппины получат независимость. В марте состоялся визит бирманских лидеров в Японию. Здесь обнаружилось, что отношение к ним японцев, столь пренебрежительное за полгода до того, изменилось коренным образом. Ба Мо, Аун Сан и другие лидеры были награждены японскими орденами и приняты высшими чинами Японии. После нескольких месяцев политических интриг 1 августа 1943 г. было создано первое правительство «независимой» Бирмы. Помимо соратников Ба Мо из партии «Синьета» и правых политиков в правительство вошли и бывшие такины. [238] Аун Сан занял пост министра обороны, Такин Мья стал заместителем премьер-министра, Такин Тан Тун — министром сельского хозяйства, Такин Ну получил практически ничего не значащий портфель министра иностранных дел. Не получив в правительстве большинства, таки-ны тем не менее заняли ряд ключевых постов.

Весьма важным следствием превращения Бирмы в формально независимое государство было преобразование армии с увеличением ее численности и улучшением вооружения. Несмотря на то что независимость Бирмы была оговорена рядом условий, полностью привязывавших ее к державам оси, психологическое значение этого факта было также значительным. Причем с результатами этого пришлось столкнуться не самим японцам, а вернувшимся после войны англичанам. Какой бы куцей ни была независимость 1943 г., получена она была помимо желания Великобритании, и о возвращении к старым методам и разговорам о предоставлении ее вновь в отдаленном будущем уже не могло быть и речи.

В новом правительстве Ба Мо старался обеспечить себе единоличную власть. В эти годы проявилось его тщеславие и как следствие этого — политическая слепота. Приняв титул «верховного правителя» («адипади»), Ба Мо, потеряв всякую связь с реальностью, пытался возродить обычаи старой, доколониальной Бирмы. Вся страна представлялась Ба Мо громадным военным лагерем, расположенным пирамидой, на вершине которой находится «верховный вождь». Все население страны было поделено на «армии». Ближе к вершине находилась «армия руководства», далее шла «армия крови» — бирманские вооруженные силы, «гражданская армия» — чиновники, «трудовая армия». Организованы в отряды были и женщины, и монахи, и учащиеся.

Понимая, что своим назначением он обязан оккупантам, Ба Мо не шел с ними на открытые конфликты: когда требовалось подписать указ о создании новых рабочих лагерей или о вывозе из страны имущества, «верховный правитель» был готов выполнить любое или почти любое требование японцев. Со своей стороны японцы считали Ба Мо «сильной личностью», а созданную им государственную структуру Бирмы — весьма удобной для управления страной. Сложившаяся при Ба Мо обстановка до определенной степени устраивала и антияпонские силы, внешне [239] сотрудничавшие с «верховным правителем». Используя слабости Ба Мо, они проводили свою политику, играли на национализме Ба Мо, укрепляли свои позиции в правительстве и армии.

Ба Мо сотрудничал с японцами и в то же время не выступал открыто против Аун Сана и его сторонников. Зная, что его министры руководят движением сопротивления, Ба Мо, однако, никаких мер против них не предпринимал и продолжал тешить себя надеждой, что является не марионеткой японской оккупационной армии, а действительным вождем страны, которому удастся удержаться даже в случае победы союзников.

7. Изгнание японских оккупантов из Бирмы

Первые ячейки сопротивления были созданы в Бирме коммунистами. Несмотря на свою немногочисленность и на преследования японской тайной полиции, коммунисты уже к началу 1943 г. не только восстановили довоенные позиции, но и сильно укрепили свой авторитет. Их деятельности способствовал жестокий оккупационный режим,

установленный японцами в стране, а также важный внешнеполитический фактор — успехи Советского Союза. В результате компартия, не игравшая большой роли в политической жизни Бирмы до войны, в ходе нее стала одной из ведущих сил антияпонского сопротивления.

В начале 1943 г. в подполье состоялся первый съезд бирманских коммунистов, на котором был избран Центральный комитет партии во главе с Такин Со и намечены пути борьбы. На этом этапе движение сопротивления еще не имело постоянных связей с союзниками, тем более что официальной политикой англичан по-прежнему оставалась опора на христианизированные национальные меньшинства, деятельность коммунистов игнорировалась, а руководство левых такинов рассматривалось как «предательское». Однако английское военное командование оказалось более гибким, нежели политики. Созданная в Индии секретная «часть 136», в задачу которой входила связь с движением сопротивления, подчинялась непосредственно Ставке и, руководствуясь в первую очередь военными выгодами, установила связь как с коммунистическими группами, так и впоследствии с соратниками Аун [240] Сана. Несмотря на сопротивление политиков, «часть 136» снабжала бирманских патриотов оружием и координировала с ними действия диверсионных групп.

Участие в движении руководства левых такинов вначале выражалось главным образом в организационной деятельности, налаживании связи с потенциальными противниками Японии, коммунистическими группами и т. д. Важной задачей было примирение с каренами, для чего Аун Сан и Такин Тан Тун побывали в каренских районах и заключили соглашение о включении каренских частей в бирманскую армию. Во время этой поездки удалось нащупать некоторые связи с союзниками, чья агентура активно действовала среди каренов; налаживались отношения и с другими малыми народами Бирмы. Используя антифашистские настроения в Лиге молодежи Бирмы, созданной японцами, левые такины смогли взять под контроль молодежное движение. Присоединение тридцатитысячной молодежной лиги к антифашистскому фронту было значительным успехом.

Основной организованной силой, на которую опирались антифашисты, была Национальная армия Бирмы. Несмотря на обилие консультантов и японских советников, армия, проникнутая антияпонскими настроениями и преданная своим командирам, была надежной опорой патриотов. По мысли левых такинов, именно армия должна была стать ударной силой восстания, которое планировалось на конец 1943 г. Однако в то время японцы были еще сильны, наступление англичан в Аракане захлебнулось и восстание было отложено до лета 1944 г. Но и в 1944 г. на фронте было сравнительно спокойно. Планы выступить после поражения японских войск в районе Импахала в июне 1944 г. также оказались неосуществленными. Несмотря на то что Бирма была блокирована флотом союзников и японская армия оборонялась, военные позиции Японии в Бирме были еще очень сильны, а антифашистские силы не были едины и организованны. Поэтому вплоть до весны 1944 г. сопротивление шло по двум направлениям: партизанские отряды, скрывавшиеся в джунглях, совершали нападения на японские склады, посты и гарнизоны, а находившиеся в городах на легальном положении руководители левых такинов, продолжая сотрудничать с оккупантами, одновременно готовили вооруженное восстание. [241]

В течение 1944 г. были установлены более тесные связи между партизанскими группами и находившимися на легальном положении антифашистами. В результате переговоров была создана Антифашистская лига народной свободы (АЛНС), официальное основание которой относится к августу 1944 г., когда после конференции представителей различных групп антифашистов был принят манифест о борьбе против оккупантов.

Объединение партизанских отрядов и бирманской армии создало наконец базу для развертывания всебирманской борьбы и предпосылки для успешного восстания. Председателем АЛНС был избран ставший наиболее значительной фигурой в движении

сопротивления 29-летний министр обороны генерал Аун Сан, генеральным секретарем — один из лидеров КИБ Такин Тан Тун, министр сельского хозяйства в правительстве Ба Мо. В руководящие органы Лиги — Высший совет и Военный совет — вошли основные руководители сопротивления; таким образом, было создано новое правительство Бирмы, более сильное, чем правительство Ба Мо, некоторые министры которого были одновременно руководителями Лиги. Ба Мо был информирован о создании организованного движения сопротивления. Он отказался присоединиться к антифашистам, но не выдал их. Присоединиться к Лиге значило для Ба Мо уступить руководящую роль и подчиниться демократическим началам, на которых была организована АЛНС. В то же время Ба Мо, вероятно, понимал, что дни японской оккупации сочтены и что пора подумать о своем будущем в случае поражения Японии.

В конце 1944 г. план всеобщего восстания был выработан. Оставалось дожидаться выгодного момента. Представители «части 136» координировали действия бирманского сопротивления с военными планами английской армии, и потому решено было приурочить восстание к началу большого английского наступления. А до него оставались считанные месяцы. Война подходила к концу: советские войска уже вступили на территорию Германии, союзники освободили Францию, Италия и мелкие европейские сателлиты Германии были выведены из строя, а на Тихоокеанском фронте Япония терпела поражение за поражением.

В этот период официальная политика английского правительства по отношению к Бирме оставалась по-[242]прежнему недалновидной. В момент, когда так важно было заручиться поддержкой бирманцев, Черчилль обвинил губернатора Дорман-Смита, обратившегося с просьбой пообещать Бирме статус доминиона, в том, что он «хочет разбазарить империю». Обсуждение вопроса о будущем Бирмы в английском парламенте в декабре 1944 г. также продемонстрировало удивительную политическую близорукость правящих кругов Великобритании: наиболее радикальные высказывания сводились к тому, чтобы ограничить губернаторский режим в Бирме шестью годами и принять некоторые меры против четтъяров. Но даже такие куцые предложения натолкнулись на каменную позицию правительства, заявившего, что оно не может связывать себя никакими обязательствами сверх тех, что были уже даны. К подобной политике английских консерваторов побуждало несколько причин: и защита интересов английских деловых кругов, потерпевших убытки во время войны и оккупации, и убежденность в том, что бирманцы «предали» союзников и не заслуживают независимости, и опасения, что независимость Бирмы окажется дурным примером для остальных колоний, в первую очередь для Индии и Цейлона. Почти никто из английских политиков не осознавал двух факторов, которые действовали куда сильнее, чем правительственные соображения. Первый из них заключался в том, что Англия не смогла защитить Бирму от вторжения и японской оккупации и таким образом расписалась в необоснованности своих дальнейших претензий править Бирмой, второй — в получении Бирмой от японцев формальной независимости, в создании бирманской армии, в осознании бирманцами себя как суверенной нации.

В то время как британский парламент обсуждал длительность губернаторского правления и перспективы превращения Бирмы в доминион, фактическое правительство Бирмы — Антифашистская лига — уже обладало военными и партизанскими частями общей численностью до 50 тыс. человек. При освобождении английскими войсками Аракана на рубеже 1944—1945 гг. партизанские отряды оказали им большую помощь, а в феврале 1945 г., в начале наступления англичан на Швебо и Мандалай, восстали бирманские части, дислоцированные в Мандалае, что резко ускорило темпы английского наступления. Британское командование, спешившее очистить Южную [243] Бирму от японцев до начала летнего муссона, с готовностью принимало помощь бирманцев.

Весной 1945 г. по решению АЛНС генерал Аун Сан обратился к командующему японской армией с предложением разрешить бирманской армии занять участок фронта на

Иравади. Предложение пришлось как нельзя кстати. Несмотря на недоверие, которое испытывали японцы к бирманской армии, отсутствие резервов и тяжелое положение на фронте заставили японское командование пойти на риск.

17 марта состоялся торжественный парад, посвященный отправке на фронт бирманской армии. В присутствии японского командования генерал Аун Сан призвал солдат идти в бой и бить врага, не уточняя, кого именно он имеет в виду. Пока армия продвигалась к линии фронта, ведущие руководители АЛНС ушли в подполье, а 27 марта Национальная армия Бирмы начала антияпонское восстание. Одновременно активизировались партизанские отряды. В ходе восстания бирманской армией и партизанами было выведено из строя более 13 тыс. японских солдат и офицеров; как писал впоследствии командующий английской армией, «бирманская армия связала большое количество вражеских войск, которые иначе могли бы быть использованы для блокирования 14-й союзной армии в ее наступлении на Рангун».

1 мая 1945 г. бирманские части под командованием Не Вина вступили в Рангун, а через два дня в него вошли английские войска.

В апреле, когда по стране снова прокатилась волна военных действий (на этот раз не столь опустошительных, потому что восставшие бирманцы смогли во многих случаях предотвратить разрушение японцами военных и промышленных объектов и городов), в Бирме вновь, как и в 1942 г., возникли элементы двоевластия. Бирманские патриоты, вступая в города и деревни, организовывали там свои органы власти, тогда как англичане восстанавливали колониальную администрацию. Причем на этот раз антифашисты пользовались поддержкой подавляющего большинства бирманцев и рассматривались населением как действительная и единственная власть в стране.

Создавшееся положение было чревато новым конфликтом. Сотрудничество, возможное во время военных [244] действий, неизбежно должно было прекратиться после перехода власти в руки британской колониальной администрации. Если до окончания войны часть руководства АЛНС тешила себя надеждой на то, что англичане мирным путем признают право Бирмы на свободу, а среди англичан бытовало мнение, что бирманцы, осознавшие «ошибки» 1942 г., будут довольны возвращением к старому, то к лету 1945 г. эти иллюзии рассеялись.

Уже в мае 1945 г. Аун Сан, встретившись с английским генералом Слимом, отказался включить свою армию в состав союзных войск, пока Бирма не будет признана союзником Великобритании. Аун Сан отказался также присягать на верность Великобритании, ибо представлял суверенное правительство. 1 июня английский парламент вновь вернулся к обсуждению судеб Бирмы. «Белая книга» о Бирме, принятая парламентом, объявляла о продлении губернаторского режима по крайней мере до 1948 г. При губернаторе на правах совещательного органа должен был функционировать Исполнительный совет. Ни о какой независимости и речи не шло — Бирме предложено было отказаться даже от тех куцых свобод, которые были предоставлены ей по закону 1935 г. Экономические разделы «Белой книги» предусматривали восстановление позиций британского капитала в промышленности и возвращение земель тем, кто владел ими в 1941 г. Таким образом, «Белая книга» была нереальным проектом, рожденным мышлением английских колониальных политиков, которые, имея самое слабое представление о коренных изменениях в Бирме, игнорировали события трех последних лет. Единственным практическим результатом появления «Белой книги» было усиление национально-освободительного движения.

Выступления АЛНС весной и в начале лета 1945 г. с требованиями независимости и проведения демократических преобразований в стране вызывали раздражение кадровых колониальных чиновников и части британского военного командования. Однако руководители английской армии решили не настаивать на роспуске бирманской армии до окончания войны с Японией, опасаясь вооруженного сопротивления такому решению. Возможность войны с бирманцами в 1945 г. никак не входила и в политические планы

Великобритании, поскольку общественное мнение всего мира рассматривало дело союзников [245] как справедливое, а их победу в войне как победу демократии над фашизмом. Поэтому англичане предложили Лиге распустить частично свою армию по окончании войны, а оставшиеся части включить в колониальную армию.

Тем временем колониальная администрация, руководствуясь «Белой книгой», начала маневры, направленные на то, чтобы вернуть на политическую арену Бирмы послушных политиков. Меры, принятые для этого, свидетельствовали о полном непонимании действительного положения вещей. 20 июня прибывший в Бирму губернатор Дорман-Смит принял на борту английского крейсера группу влиятельных, по его мнению, бирманских политиков, для того чтобы ознакомить их с положениями «Белой книги» и выслушать их мнение. Из 18 приглашенных лишь двое — Аун Сан и Такин Тан Тун — принадлежали к Лиге: Дорман-Смит, несмотря на информацию генерала Маунтбэттена, предпочитал рассматривать Лигу как одну из многочисленных бирманских партий. Встреча со старыми знакомыми, исхудавшими и несколько опустившимися за время оккупации, растрогала Дорман-Смита. Растроганы были и старые политики. Однако в своей речи Дорман-Смит чаще обращался не к ним, а к представителям Лиги, ибо лишь у Лиги была сформулированная и разработанная позитивная программа, направленная на достижение независимости. Встреча закончилась ничем, так как члены Лиги не захотели ни на йоту отступить от своих требований, а старые политики пребывали в растерянности. Ничего не добившись, Дорман-Смит улетел обратно в Симлу, так как Бирмой пока еще правили военные.

Летом 1945 г. Антифашистская лига объединяла ряд партий и организаций — от Коммунистической партии Бирмы до «Мьочит» и «Синьеты», лидеры которых отсутствовали (У Со еще находился в ссылке в Африке, а Ба Мо ушел с японцами). Наиболее сильными и влиятельными фракциями в АЛНС были коммунисты и социалисты (бывшая Народно-революционная партия). Их лидеры, а также командование армии являлись руководителями Лиги. Важным достижением АЛНС было включение в свой состав каренских, шанских и качинских организаций, а также молодежных и женских союзов. К Лиге примыкали также восстановленные в течение лета 1945 г. [246] Всебирманский конгресс профсоюзов и крестьянские союзы. В этих организациях руководящую роль играли коммунисты.

К концу войны в Лигу входило более 200 тыс. человек, а ее вооруженные силы насчитывали несколько десятков тысяч солдат как в партизанских отрядах, так и в регулярных частях. С каждым днем рос авторитет руководителей Лиги — Аун Сана и Такин Тан Туна, исключительное влияние которых осознавали и англичане. Честность и преданность идеям освобождения страны, отличавшие новых лидеров от политиков, с которыми привыкли иметь дело англичане, поставили возвращавшуюся администрацию в сложное положение: руководителей АЛНС нельзя было ни подкупить постами и почестями, ни уговорить.

В августе 1945 г. последние японские части покинули Бирму, а вскоре Япония капитулировала. Вторая мировая война закончилась. Наступил последний, решающий этап в борьбе Бирмы за свое освобождение.

8. Политическая борьба в 1945—1946 гг.

Общая политическая ситуация в Бирме накануне изгнания японских захватчиков была схожа с ситуацией в других странах Юго-Восточной Азии, оккупированных японцами (страны Индокитая, Индонезия), однако быстрое освобождение Бирмы войсками союзников не дало бирманцам возможности воспользоваться моментом для захвата власти. С первых шагов АЛНС приходилось учитывать, что в Бирме находится сильная, отлично вооруженная английская армия, которая постепенно захватила все ключевые посты в стране, подготавливая почву для возвращения гражданской

администрации. Тем не менее 1945 год характеризовался сплоченностью национально-освободительных сил и наличием единого энергичного общенационального руководства. АЛНС пользовалась таким влиянием в стране, что недооценка этого факта англичанами, их попытки вернуться к довоенной политике, опереться на лишенных влияния лидеров правых партий лишь углубляли пропасть между англичанами и бирманцами и приближали победу национально-освободительного движения. При этом следует учитывать, что Великобритания [247] не могла в тот момент решиться на войну с бирманцами — а ничто меньшее не могло остановить приход независимости.

Состоявшаяся в августе 1945 г. сессия Высшего совета АЛНС с участием представителей всех входивших в нее политических партий приняла резолюцию, в которой, с одной стороны, выражалась благодарность союзникам за освобождение Бирмы от японского гнета, с другой — выдвигалось требование созыва Учредительного собрания и признания за Бирмой права на решение собственной судьбы. «Народы Бирмы, — говорилось в резолюции, — полностью едины в том, чтобы предпринять решительные усилия для создания свободной Бирмы в свободном мире». До созыва Учредительного собрания Высший совет Лиги намечал создание временного правительства, облеченного широкими полномочиями. Таким образом, АЛНС хотела достичь независимости мирным путем.

Это желание сказалось и в ходе переговоров с английским командованием в Канди, где АЛНС согласилась на роспуск Бирманской национальной армии, называвшейся в то время Патриотическими бирманскими силами (ПБС), на включение ее части в колониальную армию и на сдачу оружия. Пойдя на этот невыгодный для себя шаг, Лига предприняла, однако, некоторые контрмеры. Во-первых, сданное оружие составляло лишь малую толику всего оружия, накопившегося в Бирме за время военных действий. Во-вторых, была создана полувоенная Народная добровольческая организация (НДО), вошедшая в АЛНС. НДО создавалась из солдат и офицеров ПБС, не вошедших в колониальную армию, из партизан и других участников сопротивления, из сочувствовавших, а также из безработных и бедняков, искавших возможности прокормиться. Оружия для НДО было достаточно, и в случае надобности она могла превратиться в настоящую армию. Одной из основных целей НДО (в чем были согласны все стороны) была борьба с преступностью, так как военные действия и последствия японской оккупации породили множество уголовных банд, терроризировавших деревни и города. Вскоре НДО, создание которой вызвало открытое недовольство колониальной администрации, ибо сводило на нет все усилия по роспуску бирманской армии, превратилась в значительную силу, охватывавшую всю страну и опасную для англичан в случае, [248] если бы они решили вооруженным путем подавить национально-освободительное движение. В то же время НДО оказывала влияние и на политику АЛНС, так как представляла демократические, полупролетарские и пролетарские слои Бирмы.

Вернувшаяся в Бирму гражданская колониальная администрация не теряла надежды опереться на лояльных политиков, с которыми она столь мирно сотрудничала перед войной. Когда Лига в ответ на предложение войти в Исполнительный совет заявила, что она согласится лишь в том случае, если из 15 членов Совета 11 будут представлять АЛНС (подчеркнув при этом, что рассматривает Исполнительный совет лишь как зародыш будущего временного правительства), губернатор отвел кандидатуры четырех из 11 членов Лиги (включая нового генерального секретаря компартии Такин Теин Пе). Лига отказалась войти в Совет, в результате чего он был создан без ее участия, и Бирму в нем представляли лица, не имевшие реальной политической поддержки в стране.

После нескольких массовых митингов, состоявшихся в различных городах страны, 18 ноября 1945 г. был проведен митинг в Рангуне, на котором выступили лидеры АЛНС. Они заявили, что готовы к мирному сотрудничеству с губернатором, однако, если англичане откажутся удовлетворить требования Лиги, начнется общенациональная борьба.

В январе 1946 г. состоялся первый съезд АЛНС. Из 2 тыс. прибывших на съезд делегатов большинство были коммунисты. Съезд постановил, что целью Лиги является достижение полной независимости, путь к которой лежит через создание временного правительства и выборы в Учредительное собрание. В области экономики съезд заявил о своей решимости передать землю тем, кто ее обрабатывает, повысить закупочные цены на рис, а также ликвидировать недоимки и отменить арендную плату за 1945—1946 гг. ввиду бедственного положения крестьянства. В резолюцию также был включен пункт о национализации предприятий, принадлежащих англичанам.

Начало 1946 г. характеризовалось осложнением обстановки внутри АЛНС. Будучи союзом партий без единого устава, она включала в себя различные партии и направления — от коммунистов до консервативных националистических групп. Когда летние иллюзии относительно быстрого [249] достижения независимости рассеялись и оказалось, что англичане весьма упорны в своем стремлении придериваться «Белой книги», начались колебания как на правом, так и на левом крыле Лиги. Некоторые правые политики покинули Лигу, предпочтя сотрудничество с колониальной администрацией. Со своей стороны, часть коммунистов, стремившаяся к немедленным действиям, перешла к осуждению Лиги как буржуазной организации и откололась от компартии. Возглавлял эту группу бывший генеральный секретарь КПБ Такин Со, в действиях которого оказалось также недовольство тем, что второй съезд КПБ в июле 1945 г. отстранил его от поста генерального секретаря. Раскол компартии произошел на состоявшемся в феврале 1946 г. пленуме ЦК КПБ. Группа Такин Со, выделившаяся из КПБ, приняла наименование «компартия „Красный флаг"».

Эти события несколько ослабили Антифашистскую лигу, однако еще не подорвали ее влияния, и она продолжала выступать в качестве основной организации, пользующейся поддержкой широких слоев населения.

Последний, наиболее драматический этап борьбы за независимость проходил на фоне страшной разрухи. Из 1 тыс. промышленных предприятий, действовавших в Бирме перед войной, к 1946 г. числилось в строю (из них не все работали) чуть более 300. Соответственно втрое упала численность рабочих. Лишь каждый седьмой рудник давал продукцию, а добыча нефти почти прекратилась. В сельском хозяйстве положение было лишь немногим лучше: площади под рисом сократились почти вдвое, а урожай упал и того более. Сельское хозяйство, ставшее во время японской оккупации натуральным, таковым и оставалось. Восстановление задерживалось разрушением транспортной сети страны и уничтожением подвижного состава.

Планы Лиги и планы колониальной администрации в области экономики резко отличались. Если Лига выступала за развитие экономики в национальных интересах, за поощрение бирманского капитала и ограничение иностранной собственности в промышленности и сельском хозяйстве, то британские промышленники требовали возвращения к довоенным порядкам и компенсации потерь, понесенных британскими фирмами во время войны и [250] оккупации. Представители английского колониального капитала опирались на экономические планы, разработанные администрацией в Симле, и надеялись на помощь правительства Великобритании. Получение такой помощи сразу убирало с их пути бирманских конкурентов, так как вопросы восстановления упирались в получение кредитов. Бирманским деловым кругам неоткуда было их получить, особенно если учесть, что оккупационные деньги были отменены и в первые месяцы после освобождения в Бирме вообще не существовало денежной системы. Британским же фирмам был предоставлен правительственный кредит в 87 млн. ф. ст., а также обещана компенсация за ущерб, понесенный при отступлении союзников.

Экономическая политика колониальной администрации вошла в конфликт и с интересами рабочих и крестьян. Уровень жизни в Бирме упал в несколько раз, в первую очередь из-за роста цен на товары широкого потребления. После изгнания японских оккупантов довоенная зарплата была восстановлена, однако ее не хватало из-за

увеличения стоимости жизни. Деятельность Коммунистической и Социалистической партий привела к воссозданию в стране профсоюзов, и к концу 1946 г. их было уже 25; под их руководством с начала 1946 г. на предприятиях, принадлежавших иностранному капиталу, непрерывно проходили забастовки, в которых помимо экономических выдвигались и политические лозунги.

Крайне сложной была обстановка в бирманской деревне, где крестьяне едва сводили концы с концами, одевались в лохмотья и не могли раздобыть элементарный сельскохозяйственный инвентарь. Частичное избавление от помещиков во время оккупации и создание во многих деревнях отделений Лиги и отрядов НДО повысили самосознание крестьянства. Первые же законы, введенные гражданской администрацией, лишили крестьян иллюзий относительно того, что долги и налоги будут забыты и земля останется в их владении. Возвращались помещики, и их требования подкреплялись появлением полиции и войск. Установленные закупочные цены на рис не покрывали половины издержек по его выращиванию и резко отставали от роста цен на ткани и инвентарь.

Таким образом, с первых же месяцев возвращения гражданской администрации практически все слои бирманского [251] общества убедились в невозможности мириться с британским господством.

Английской администрации пришлось столкнуться также с изменением настроений в горных районах Бирмы, население которых прежде всегда искусственно отделялось колонизаторами от собственно бирманцев. Большая работа АЛЫС по сближению с шанскими, каренскими и качинскими лидерами привела руководителей национальных организаций к мысли о необходимости совместного выступления с бирманцами за независимость с целью создания федеративного государства. Противостояли общей тенденции лишь некоторые шанские князья, опиравшиеся на англичан и опасавшиеся радикальных перемен в шанских княжествах, а также христианизированные лидеры Каренского национального союза, сепаратизм которых подогревался британскими официальными кругами. Однако и среди каренов было много сторонников бирманской независимости, объединенных частично в Каренской лиге молодежи.

9. Завоевание независимости

Летом 1946 г. положение в стране обострилось. Это нашло отражение в речи Аун Сана на сессии Высшего совета Лиги, в которой лидер АЛНС указал на ухудшение положения крестьян, на движение против арендной платы и налогов, на тяжелое положение рабочих и служащих. Руководителей Лиги настораживала и жесткая политика колониальной администрации: в Бирме действовали чрезвычайные законы, происходили аресты политических деятелей, предпринимались попытки распустить НДО. Лига продолжала требовать предоставления независимости. «В случае необходимости, — сказал в своем выступлении Аун Сан, — мы должны быть готовы и к нелегальной борьбе за нашу свободу».

Последовательность выступлений лидеров Лиги, их нежелание идти на компромиссы наводили администрацию и некоторые круги в Англии на мысль о репрессивных действиях, о чем говорит отказ принять в Лондоне делегацию АЛНС и решение арестовать Аун Сана. Более трезвые головы в правительстве и колониальной администрации понимали, что это равносильно началу войны, исход [252] которой неясен, тем более что британское военное командование официально заявляло о невозможности использовать в Бирме индийские части: антианглийские настроения в самой Индии как раз в это время привели к восстанию индийских военных моряков, поддержанному в ряде городов Индии.

После того как выяснилось, что политики старого толка никаким влиянием в Бирме не пользуются, была сделана попытка опереться на правых такинов, а также на

вернувшихся в Бирму Ба Мо и У Со. Однако Ба Мо внешне отошел от политической деятельности, не желая идти против могущественной АЛНС, а У Со, как и до войны, опять попытался выторговать для Бирмы статус доминиона: иначе его политическая программа не привлекла бы сторонников. Получив отказ, У Со и его партия на время вышли из Исполнительного совета.

Борьба принимала всё более резкие формы. Одним из толчков к этому послужил расстрел демонстрации в Тан-табине и аресты среди членов НДО. В ответ состоялись массовые демонстрации и пятидесятитысячный митинг в Рангуне 8 июня 1946 г., на котором Аун Сан заявил: «Если англичане полностью удовлетворят наши требования, битва за свободу в широких масштабах может и не начаться. Если, однако, англичане хотят этой битвы, они ее получают». В тюрьмах находилось уже несколько сот политических заключенных, губернатором был отдан приказ о запрещении ношения военной формы (мера, направленная против НДО) и была поставлена вне закона партия «Красный флаг».

В этих условиях в Лиге наметился раскол с оставшимися в ней коммунистами. Поводом послужило решение Высшего совета Лиги о том, что члены Лиги не должны выступать от имени отдельных партий. Решение было направлено в первую очередь против Коммунистической партии, активно действовавшей в сельских районах. Это обострило отношения компартии с руководством Лиги, и лидер КПБ Такин Тан Тун ушел с поста генерального секретаря АЛНС, хотя сама партия оставалась в составе Лиги.

Обстановка в стране обострялась, дело шло к открытому вооруженному конфликту. Лейбористское правительство было вынуждено прислушаться как к паническим телеграммам колониальных властей из Рангуна, так и к [253] резкой критике со стороны левых лейбористов в Англии. Пример Индии, где Национальный конгресс согласился войти во временное правительство при английском вице-короле, после чего накал борьбы несколько спал, привел Лондон к мысли о проведении подобных умиротворяющих мер в Бирме. Первым шагом в этом направлении была смена губернатора Дорман-Смита, олицетворявшего колониальную политику консерваторов.

Не успел новый губернатор приехать в Бирму, как там вспыхнула всеобщая стачка. Начало ей положили рабочие английских компаний, к которым присоединились связисты, железнодорожники, учащиеся. Бастовали даже рангунские полицейские. Охрану порядка взяла на себя НДО. В сентябре, лишенный всякого доверия народа, ушел в отставку Исполнительный совет. Прибывшему губернатору не оставалось ничего иного, «как обратиться к лидерам АЛНС с призывом войти в новый состав Совета на положении большинства. Предложение было принято, ибо, по заверениям администрации, коренные перемены были вопросом ближайшего будущего».

Вхождение лидеров АЛНС в Совет обострило отношения руководства Лиги с коммунистами, которые считали сотрудничество с колониальной администрацией предательством, особенно после того, как Аун Сан, опасаясь преждевременного восстания, дал указание прекратить стачку, а англичане начали аресты ее руководителей. 10 октября исполком Лиги исключил из ее состава коммунистов. Коммунисты не пожелали апеллировать к Высшему совету и покинули АЛНС. Это ослабило как Лигу, так и компартию: Лига идеологически сдвинулась вправо, а компартия лишилась многих членов, решивших остаться в АЛНС, и утратила руководство в ряде организаций, так как авторитет Лиги был очень высок в крестьянских массах, в профсоюзах и даже среди рядовых коммунистов.

Войдя в Исполнительный совет, Лига не отказалась от планов достижения независимости и потребовала превратить выборы в Совет, назначенные на апрель 1947 г., в выборы Учредительного собрания, а сам Совет считать временным правительством Бирмы. Это был ультиматум, и принять его британские власти должны были до 31 января 1947 г. Правительство Эттли отступило и пригласило бирманских лидеров для переговоров в Лондон. Решение [254] лейбористов вызвало резкую критику

консерваторов, которые, однако, не учитывали, что лейбористское правительство не указывало ни сроков, ни условий достижения независимости.

Переговоры начались в Лондоне 13 января. В Бирме в это время проходила «неделя демонстраций» в поддержку Лиги. Обстановка была настолько напряженной, что в случае отказа английского правительства выполнить требования бирманцев в любой момент мог произойти всенародный взрыв.

Соглашение, подписанное 27 января 1947 г., признавало за Бирмой право на самостоятельность, превращало Исполнительный совет в «переходное правительство» и назначало на апрель 1947 г. всеобщие выборы в Учредительное собрание. Сроки предоставления независимости не были указаны, и потому обе стороны полагали, что результаты переговоров им выгодны: английская сторона получала три месяца отсрочки, в течение которых надеялась с помощью политических и административных мер подготовить выборы таким образом, чтобы Лига не получила в Учредительном собрании большинства. Лига же была уверена в победе на выборах и за три месяца намеревалась еще более укрепить свои позиции.

Оставался открытым вопрос о горных районах. Великобритания признала их право на вхождение в Бирму при условии «свободного согласия», для получения которого должна была состояться специальная конференция. До тех пор в горных районах сохранялся «специальный режим».

После подписания соглашения забастовочная волна не пошла на убыль. Бастующие требовали немедленных перемен. Многим радикальным элементам Бирмы соглашение казалось туманным компромиссом, отсрочкой, выгодной лишь англичанам. Во главе оппозиции слева стояла находившаяся вне закона партия «Красный флаг», перешедшая к вооруженным выступлениям. Усилилась и оппозиция справа. Во время январских переговоров правые политики У Со и Такин Ба Сейн не подписали соглашение, понимая, что в сложившейся ситуации выборы лишат их надежд на власть в Бирме. Заручившись поддержкой Ба Мо, правые лидеры стали критиковать Лигу за недостаточную энергию и, выдавая себя за решительных революционеров, старались привлечь на свою сторону [255] избирателей. Они даже вышли из состава Исполнительного совета, пытаясь этим продемонстрировать свою непримиримость к компромиссам. Вместо них в Совет были введены представители АЛНС, что дало Лиге решающее большинство в Совете.

Вскоре после лондонского совещания в местечке Панлон в одном из шанских княжеств состоялась конференция, на которой решался вопрос о согласии горных народов на вхождение в независимую Бирму. На конференции присутствовали представители Лиги и всех основных народов Бирмы, за исключением каренов, лидеры которых потребовали создания самостоятельного каренского государства в составе Британской империи, т. е. вне будущей свободной Бирмы. Собравшиеся поддержали решение АЛНС о создании Бирманского Союза — федеративного государства, объединяющего народы Бирмы на основе внутренней автономии. Несмотря на некоторые разногласия и неясности в формуле вхождения в Союз, в этот день (12 февраля 1947 г.) были заложены основы общегосударственного единства народов независимой Бирмы. Работавшая после Панлона бирмано-британская комиссия по обследованию пограничных районов подтвердила согласие горцев войти в состав Бирманского государства. Сторонники объединения нашлись и среди каренов (к их числу принадлежала Каренская лига молодежи, насчитывавшая 50 тыс. членов). Большинство горцев было также за участие в Учредительном собрании.

К началу выборов руководителям правых партий стало ясно, что победить им не удастся. Объединившись в союз «Независимость прежде всего», эти партии бойкотировали выборы. Не удалось англичанам и создать блок сторонников статуса доминиона. В результате из 210 избиравшихся депутатов 194 прошли по спискам Лиги. Коммунисты выставили кандидатов лишь в 25 округах, в первую очередь там, где баллотировались наиболее правые. Семеро депутатов-коммунистов вошли в Учредительное собрание.

Остальные места достались англо-бирманцам и независимым. Из 24 мест, выделенных каренам дельты Иравади, большинство досталось Корейской лиге молодежи, что сильно подорвало позиции сторонников отделения каренов от Бирмы. Помимо избранных депутатов 45 человек были включены от пограничных районов в качестве представителей национальных меньшинств. [256]

Лига, таким образом, получила в Учредительном собрании абсолютное большинство, и отныне разговоры о статусе доминиона потеряли смысл, так как избиратели недвусмысленно проголосовали за полную независимость.

На проходившей в мае, сразу после выборов, конференции АЛНС обсуждались вопросы о государственном устройстве, возрождении экономики и т. д. В своей речи Аун Сан высказался за ограничение крупного землевладения, национализацию основных средств производства, предоставление прав рабочим и передачу земли тем, кто ее обрабатывает. При этом признавалось частное предпринимательство.

Председателем первой сессии Учредительного собрания был избран вице-президент Лиги Такин Ну. Собрание приняло «резолюцию о независимости» и утвердило проект национальной конституции, окончательная разработка которой должна была завершиться к сентябрю. Аун Сан потребовал незамедлительной передачи власти в стране бирманцам. Летальных путей воспрепятствовать провозглашению независимости Бирмы у Великобритании уже не оставалось; все меньше оставалось надежд и на то, что Бирма останется в Содружестве наций.

Летом 1947 г. наметилось сближение Аун Сана с коммунистами. После того как из Исполнительного совета вышли правые политики У Ба Пе (он был уличен в злоупотреблениях) и У Тин Тут (уехал в Англию), коммунисты, поддерживавшие Лигу в Учредительном собрании, начали переговоры с руководством АЛНС о восстановлении единства. Этого требовали многие рядовые члены Лиги и компартии, а также низовые крестьянские и рабочие организации, которым порой неясны были различия в позициях Лиги и КПБ.

В июне делегация Лиги во главе с Такин Ну побывала в Лондоне, где ее вновь попытались уговорить согласиться на оставление Бирмы в составе Британского содружества на правах доминиона или «независимой» республики. Переговоры не привели к результатам, и делегация вернулась в Рангун 2 июля.

19 июля правые предприняли отчаянную попытку повернуть события вспять. Инициатива исходила от У Со, пошедшего ва-банк в последнем усилии добиться главенства в Бирме. Группа вооруженных членов его «карманной [257] армии» проникла в зал, где заседали члены Совета, и в упор расстреляла из автоматов почти всех лидеров Лиги. Погибли Аун Сан и шесть членов Совета. И хотя во время следствия и суда не было установлено, получал ли У Со помощь и поддержку англичан, многие бирманские историки и современники событий полагают, что английская разведка была причастна к этому убийству. Движимый честолюбием и ненавистью к Лиге и лично к Аун Сану, У Со надеялся, что в Бирме воцарится хаос и в такой обстановке английский губернатор предложит ему сформировать правительство. Он рассчитывал также на личную преданность ему исполнителей покушения и, полагая, что его участие в преступлении останется неизвестным, решил ждать своего часа.

Однако ход событий развеял надежды У Со и поддерживавших его сил. 20 июля в похоронах Аун Сана и министров приняли участие более 100 тыс. человек. На 15 августа была назначена всеобщая стачка. Независимо от того, кто непосредственно организовал убийство, весь народ был убежден в том, что оно — попытка помешать стране добиться независимости, и возмущение обратилось в первую очередь против британских властей. Сам У Со был через несколько дней полностью разоблачен, арестован, предан суду и позже казнен.

Созданный на следующий день новый Исполнительный совет под председательством Такин Ну, не присутствовавшего 19 июля на совещании у Аун Сана,

включал оставшихся в живых лидеров Лиги, а также ранее вышедших из Совета правых политиков. Совет политически сдвинулся вправо, но этот факт, сказавшийся впоследствии, не был замечен в горячке борьбы, так как независимо от политических взглядов его членов у Совета был лишь один путь: продолжать борьбу за независимость. В ином случае Совет был бы сметен.

Еще 21 июля Эттли заявил в парламенте, что английские войска охраняют в Бирме «безопасность и порядок», подчеркнув тем самым, что правительство Великобритании продолжает рассматривать Бирму как колонию. Но уже через три дня, уведомленный о том, что положение в Бирме резко обострилось, английский премьер был вынужден заявить о решении обменяться с Бирмой миссиями для заключения соглашений об обороне, финансах и т. д. Эттли добавил, что на осенней сессии английского [258] парламента будут внесены предложения о передаче власти бирманцам и в случае желанья Бирмы выйти из состава Британского содружества английское правительство надеется на «поддержание самых сердечных отношений» с Бирмой. Было объявлено, что Исполнительный совет немедленно превращается во временное правительство Бирмы и глава его становится премьер-министром. Первым премьер-министром стал Такин Ну.

Коммунистическая партия Бирмы в этот период продолжала переговоры с руководством Лиги о восстановлении единства, так как полагала, что разделение национально-освободительных сил ослабляет позиции и Лиги и компартии. Однако эти переговоры затянулись, поскольку правые и умеренные лидеры Лиги опасались, что коммунисты будут оказывать слишком радикальное влияние на ее политику. Со своей стороны Коммунистическая партия подозревала правых лидеров АЛНС в сговоре с англичанами о передаче власти именно им в обход левых сил.

С августа по октябрь 1947 г. происходили англо-бирманские переговоры о передаче власти, в результате которых было решено объявить Бирму независимой к концу 1947 г. 24 сентября Учредительное собрание приняло конституцию Бирманского Союза, провозгласившую страну независимой республикой, объединяющей все народы бывшей Британской Бирмы в соответствии с решениями Панлонской конференции. В числе голосовавших за принятие конституции были и коммунисты, хотя они признавали, что не все положения конституции их устраивают.

В соответствии с конституцией Республика Бирманский Союз состояла из собственно Бирмы, трех автономных государств — Шанского, Качинского, Каренни, а также Чинского особого округа. В 1954 г. в конституцию была внесена поправка, по которой создавалось Каренское автономное государство, а государство Каренни переименовывалось в государство Кая. В конституции провозглашалось равенство всех граждан Бирмы перед законом, свобода слова, печати, собраний. Верховным законодательным органом в Бирме становился двухпалатный парламент, состоявший из палаты депутатов и палаты национальностей. Избирательное право предоставлялось всем гражданам, достигшим 18 лет, причем все цензы отменялись. Обе палаты парламента были равноправны, [259] за исключением финансовых вопросов, которые окончательно решались палатой депутатов. Ограничивалась деятельность крупных капиталистов — запрещались картели, синдикаты и т. д. Рудники и нефтепромыслы должны были не менее чем на 60% принадлежать государству. Государство объявлялось верховным собственником земли. Крупные земельные владения были запрещены, однако максимальные размеры владений указаны не были, и соответствующий закон должен был быть выработан позднее.

17 октября в Лондоне Такин Ну и Эттли подписали англо-бирманский договор. Английское правительство признало Бирму «полностью независимым суверенным государством». Таким образом, Бирма стала первой английской колонией, добившейся независимости и вышедшей из состава империи. В договоре содержались некоторые оговорки, выгодные для Англии: в бирманской армии оставались английские военные инструкторы, английскому флоту предоставлялось право использовать бирманские порты.

Бирманское правительство обязалось выплатить пенсии английским чиновникам, служившим в Бирме, долг, возникший в результате отделения Бирмы от Индии, а также платежи по займам, предоставленным Великобританией после войны и пошедшим в первую очередь на восстановление британских предприятий. Потерпев поражение, Англия старалась по крайней мере извлечь из этого максимальные выгоды. Даже выйдя из Британского содружества, Бирма оставалась в сфере политического и экономического влияния Великобритании, а мирный переход власти к бирманскому правительству помог Англии сохранить в Бирме определенный престиж, которого лишились в Индонезии и Вьетнаме голландцы и французы, старавшиеся удержать бывшие колонии вооруженным путем.

5 ноября в английской палате общин состоялись дебаты, во время которых консерваторы во главе с Черчиллем выступили против решения лейбористов. Однако противники договора остались в меньшинстве, и 10 декабря 1947 г. договор был утвержден королем.

В Бирме большинство населения приветствовало достижение соглашения как победу Лиги. Против его отдельных пунктов выступила компартия, критиковавшая лидеров Лиги за уступчивость в экономических и военных [260] вопросах. Однако теперь, когда независимость была завоевана, Лига не была так заинтересована в сотрудничестве с коммунистами, как раньше, и переговоры о единстве были прерваны: временное правительство не желало делить с кем-либо полученную власть и репутацию преемников Аун Сана, доведших до конца его дело. При обсуждении договора в Учредительное собрание 1 января 1948 г. против выступили лишь коммунисты, приветствовавшие независимость, но не принимавшие политических и экономических оговорок, которые предоставляли Англии преимущественные права в Бирме. Договор был принят подавляющим большинством голосов.

4 января в Рангуне состоялась торжественная церемония провозглашения независимости. Несколько необычное время — 4 часа утра — было указано астрологами. После торжественного парада английский флаг был опущен и вместо него был поднят флаг независимой Бирмы. В тот же день английский губернатор покинул Рангун. [261]

ГЛАВА IX ПЕРИОД ПАРЛАМЕНТАРНОЙ ДЕМОКРАТИИ (1948—1962)

1. Экономическое положение Бирмы в 1948 г.

Несмотря на некоторое оживление в экономике в 1946—1947 гг., Бирма пришла к независимости разоренной страной. В 1948 г. производство традиционных продуктов экспорта сократилось настолько, что их едва хватало для внутреннего потребления. Если в 1938/39 г. под рисом находилось почти 13 млн. акров (более 5 млн. га) земли, а его производство достигало 8 млн. т, то за два года после окончания войны площади под рисом выросли лишь с 7 млн. до 8 млн. акров, а производство — с 3 млн. до 4 млн. т. Как видно из приведенных цифр, помимо сокращения площадей важную роль в падении производства риса сыграло снижение урожайности. Снизилось за время войны и качество бирманского риса. К тому же в мире появились новые центры выращивания риса, так как бирманский и сиамский рис долгое время не поступал на мировой рынок. Резко выросли в годы войны площади под рисом в США, а также в Бразилии и других странах Латинской Америки. Бирме пришлось вновь завоевывать рынки, и только благоприятная внешнеэкономическая конъюнктура (в первые годы после войны цены на рис на мировом рынке были высокими) позволила Бирме, несмотря на то что она в 1947—1948 гг. вывозила лишь треть довоенного количества риса, сохранить в первый год независимости положительный внешнеторговый баланс.

Положение в промышленности было еще более тяжелым, нежели в сельском хозяйстве. Резко сократилось производство тиковой древесины. Разрушенные рудники, как и нефтяные промыслы, давали лишь малую часть довоенного [262] количества минерального сырья. Если перед войной добыча нефти составила 1 млн. *т*, то к 1948 г. она не достигала и 50 тыс. *т*. Нефтеочистительный завод в Сириае не был восстановлен, и потому Бирма не имела собственного бензина и других нефтепродуктов. В обрабатывающей промышленности в 1947 г. насчитывалось лишь менее половины фабрик по сравнению с 1940 г., а к 1948 г. их число возросло лишь на 10%. Транспортная система в Бирме также была разрушена. Она и до войны была неудовлетворительной, так как была в основном рассчитана на вывоз из Бирмы сырья. Результатом английской тактики выжженной земли в 1942 г. было уничтожение подвижного состава, станций, портов, мостов и угон крупных судов. Из 350 локомотивов было взорвано 220, около 300 (из 600) судов, принадлежавших компании «Иравади Флотила», затонуло. После отступления англичан дело уничтожения транспорта было довершено налетами авиации, политикой японских властей и т. д.

Поставка подвижного состава для железных дорог из Индии, восстановление Рангунского порта и железнодорожных путей, закупка компанией «Иравади Флотила» судов в Англии и ОША частично восстановили транспорт, необходимый для вывоза риса, однако другие нужды страны транспорт обслуживать не мог.

Большой ущерб экономике страны наносила утечка валюты. Вернувшиеся в Бирму иностранные промышленники, помещики и чиновники, чувствуя опасность, которой могут подвергнуться их капиталы в Бирме, переводили свои активы за границу. В последний год британского правления иностранцы перевели за пределы Бирмы более 300 млн. рупий. Такое же положение сохранялось и в 1948 г. Лишь в 1949 г., после введения строгих законов, утечка валюты сократилась.

Если население деревень, еще со времен японской оккупации перейдя к натуральному хозяйству, кое-как перебивалось, то положение горожан было угрожающим. Свирепствовала безработица. В промышленности было занято вдвое меньше рабочих, чем до войны. Стоимость жизни возросла в пять раз. Рабочие и служащие либо уходили в деревню, либо деклассировались, что способствовало взрыву преступности, с которой никак не могла справиться полиция. Даже в Рангуне существовало множество бандитских шаяк, и многие политики окружали себя [263] «карманными армиями», «воины» которых порой мало отличались от бандитов.

В начале 1948 г. правительство АЛНС опубликовало «Двухлетний план экономического развития». Выработанный еще при жизни Аун Сана, этот документ был первой попыткой государственного экономического планирования. Предполагалось, что он сможет способствовать вступлению Бирмы на путь создания социалистической экономики. В области сельского хозяйства план выдвигал цель восстановить роль Бирмы как крупнейшего экспортера риса в мире и достичь самообеспечения по основным сельскохозяйственным продуктам. Землю планировалось распределить между крестьянами, а помещичий класс — ликвидировать. Крестьянам был обещан сельскохозяйственный кредит, для чего в 1949 г. предполагалось создать Государственный сельскохозяйственный банк, который должен был отдавать предпочтение в кредитовании кооперативам и государственным хозяйствам. Экспорт и скупка риса у крестьян должны были производиться через Государственный сельскохозяйственный торговый совет.

Тиковые леса объявлялись государственной собственностью; производство тика должно было переходить в руки государства постепенно, причем треть его предполагалось взять под контроль в течение первого года независимости.

План ставил задачи установления лучших отношений между рабочими и предпринимателями, повышения заработной платы, улучшения условий труда, ликвидации безработицы, подчеркивал важность национализации и развития государственного сектора.

Однако план так и не был претворен в жизнь из-за политических событий: в Бирме началась гражданская война.

2. Начало гражданской войны

В новую эпоху своего существования Бирма вступила политически нестабильным государством, ибо как только пропал объединяющий стимул — достижение независимости, на поверхность всплыли противоречивые интересы политических партий, начавших борьбу за власть. Вооруженные [264] конфликты начались в стране еще до достижения независимости. Эпизодические военные действия (партизанские налеты) вели «левые» из группы Такин Со («коммунисты „Красного флага"»), не пользовавшиеся широкой поддержкой в массах и черпавшие свои кадры в основном из авантюристических мелкобуржуазных элементов, а также араканские мусульманские националисты, активно действовавшие в Северном Аракане и требовавшие создания самостоятельного мусульманского государства.

Основными политическими силами в Бирме в 1948 г. были Антифашистская лига и Коммунистическая партия Бирмы. Основу Лиги составляли две фракции — Социалистическая партия и Народная добровольческая организация; Лига имела подавляющее большинство в парламенте и на местах. Во главе Лиги после смерти Аун Сана стал У Ну (Такин Ну), не состоявший в какой-либо партии. В число лидеров АЛНС входили также социалисты У Ба Све и У Чжо Нейн, руководители НДО Бо По Кун и Бо Ле Яун, соратники Аун Сана по Армии независимости Бо Ле Я и Не Вин.

Второй крупнейшей организацией страны была Коммунистическая партия Бирмы, во главе которой стоял Такин Тан Тун, — пожалуй, наиболее авторитетный после Аун Сана лидер национально-освободительного движения. Коммунисты были особенно популярны в рабочих профсоюзах и крестьянском движении еще со времен антияпонской борьбы. Крестьянство привлекал к ним лозунг «Долой налоги и арендную плату» и требование немедленно покончить с помещичьим землевладением и распределить землю между крестьянами. Коммунисты также выступали против тех статей англо-бирманского соглашения, которые сохраняли преимущественное положение Великобритании в Бирме, и в первую очередь против военных и экономических пунктов договора. Однако Коммунистическая партия Бирмы была фактически изолирована от мирового коммунистического движения, действия ее лидеров порой были противоречивы и диктовались интересами момента, что вело к стратегическим ошибкам и просчетам.

Последняя попытка сближения компартии с АЛНС была сделана летом и осенью 1947 г., когда Такин Тан Тун и У Ну предприняли совместную поездку по различным [265] районам Бирмы для борьбы с бандитизмом. Эта попытка провалилась в первую очередь из-за действий правосоциалистических лидеров Лиги, представлявших, несмотря на революционную фразеологию, помещичьи и деловые круги Бирмы (многие руководители Социалистической партии были весьма состоятельными людьми, лично или через родственников являлись землевладельцами и промышленниками). Эти лидеры, игравшие после смерти Аун Сана все большую роль в Лиге, не были заинтересованы в возвращении компартии в АЛНС, опасаясь как сближения коммунистов с НДО, так и авторитета Такин Тан Туна.

К весне 1948 г. отношения между коммунистами и социалистами крайне обострились. Социалисты лихорадочно создавали свои профсоюзные и крестьянские организации, стараясь с помощью авторитета Лиги перетянуть на свою сторону трудящихся, расколоть профсоюзное и крестьянское движение. Коммунисты вели агитацию против АЛНС и Социалистической партии, используя в первую очередь недовольство безземельных крестьян. У коммунистов были также союзники в НДО и армии.

В марте 1948 г. борьба стала открытой. В середине месяца в Пьинмане (крестьянском крае, традиционном оплоте коммунистов) состоялась конференция Всебирманского крестьянского союза, на которой присутствовало 75 тыс. делегатов со всех концов страны. Конференция поддержала программу коммунистов, в речах делегатов звучали призывы к восстанию, призывы довести революцию до конца. В ответ на это социалисты потребовали ареста коммунистических лидеров и запрещения партии. Однако У Ну, поддерживавший социалистов, все еще колебался, не решаясь выступить против Такин Тан Туна.

Формальным поводом для начала гражданской войны послужила речь Такин Тан Туна. Выступая на митинге в Рангуне 27 марта, в День восстания против японцев, Такин Тан Тун резко критиковал руководство Лиги и требовал пересмотра англо-бирманского договора и мер по демократизации страны. Высший совет Лиги решил арестовать Такин Тан Туна и других руководителей КПБ, однако коммунисты, предупрежденные об аресте, успели скрыться. Такин Тан Тун прибыл в Пьинману и призвал к восстанию. Впоследствии лидеры АЛНС, в оправдание своему решению арестовать лидеров компартии, объявили [266] о том, что заместитель Такин Тан Туна Ба Тин (Гошал) привез из Индии «директивное письмо на 27 страницах», в котором излагались инструкции для бирманских коммунистов, призывающие их к вооруженной борьбе.

Решение об аресте коммунистов вызвало взрыв негодования среди членов НДО. Недовольство этим шагом высказывалось и в армии, особенно в тех ее частях, которые были созданы на основе бирманских патриотических сил и для которых коммунисты были всегда товарищами по оружию и часто руководителями в антифашистской борьбе. Правительство оказалось перед лицом сильной оппозиции в парламенте и в Лиге.

Тем временем на сторону коммунистов переходили тысячи крестьян, так что в течение нескольких недель часть районов Нижней Бирмы от Таунгу до Яметина оказалась под властью повстанцев. Однако отряды компартии были слабо вооружены, в них почти не было кадровых офицеров, и КПБ с самого начала отказалась от наступательных действий и развернула политическую работу среди населения, рассчитывая на всенародное восстание. Правительство У Ну получило небольшую передышку. Оно также не спешило открывать военные действия в широких масштабах, и весна 1948 г. оказалась сравнительно мирной: ни одна из сторон не решалась перейти в наступление.

Напуганное масштабом первых успехов коммунистов и поддержки их в армии и НДО, правительство пошло на некоторые меры в надежде либо достичь договоренности с коммунистами, либо лишить их народной поддержки. 31 мая были срочно предприняты шаги по реализации экономической программы: национализирована собственность «Иравади Флотила» и британских тиковых концессий. После этого была опубликована программа «Левого единства», состоявшая из 15 пунктов. В ней говорилось о развитии связей с СССР, о национализации иностранных монополий, улучшении условий жизни трудящихся, отказе от иностранной помощи, если она сопровождается политическими обязательствами, о национализации земель и распределении их между неимущими крестьянами. План предполагал объединение всех демократических сил в «Марксистской лиге» и изучение марксистской идеологии. [267]

События в Бирме сильно встревожили Великобританию и США. В английском парламенте после действий бирманского правительства были сделаны запросы, не стала ли Бирма коммунистической страной, и министр иностранных дел Англии вызвал к себе бирманского посла, чтобы получить разъяснения. В Великобритании были встревожены прежде всего конкретными шагами по национализации британской собственности. Лейбористское правительство заявило, что дальнейшее «получение Бирмой помощи от Англии будет зависеть от того, как «бирманцы будут выполнять условия соглашения с нами».

Реакция империалистических держав на положение в Бирме помогла растерявшимся было социалистам воспрянуть духом. Выступления в британском

парламенте и статьи в американской прессе вселили надежду на внешнюю помощь в борьбе с коммунистами. Что же касается попытки У Ну и других лидеров АЛНС идеей «Марксистской лиги» привлечь на свою сторону НДС и часть коммунистов, то она не удовлетворила коммунистов и народных добровольцев, требовавших немедленной национализации земли и ликвидации в стране иностранного капитала.

В самой Бирме заявление о «Марксистской лиге» и выборочная национализация двух британских компаний никем не рассматривались как признак перехода правительства АЛНС на коммунистические позиции. И коммунисты, и социалисты, и НДО видели в этом лишь тактический ход, направленный на выигрыш времени и говоривший о слабости руководства АЛНС. Ни коммунистов, ни левое крыло НДО не удовлетворяли шаги правительства, так как вместо немедленной национализации всей иностранной собственности были национализированы лишь две компании, причем предварительное решение о национализации «Иравади Флотила» было принято парламентом уже несколько месяцев назад. Программа предлагала предоставить землю тем, кто ее обрабатывает; коммунисты же требовали большего: конкретных действий по ликвидации помещичьего землевладения.

Отвергнутая коммунистами программа из 15 пунктов вызвала недовольство и в НДО, большинство членов которой осуждали правительство за приказ об аресте лидеров КПБ и требовали участия коммунистов в обсуждении насущных проблем. НДО раскололась, причем ее [268] большая часть (НДО «Белые повязки») вышла из АЛНС. Лишь около 40% членов НДО остались в Лиге и голосовали вместе с социалистами за исключение из программы «Левого единства» наиболее напугавшего Запад пункта, предусматривавшего изучение марксистской идеологии.

В июне 1948 г. отдельные группы НДО начали присоединяться к отрядам коммунистов, и в конце июня правительство начало аресты наиболее радикальных народных добровольцев, стараясь предотвратить их объединение с коммунистами. Тревожным было положение и в армии, так как значительная ее часть, набранная из бывших участников движения сопротивления, сочувствовала КПБ. Уже 16 июня один из батальонов отказался повиноваться командирам и часть его солдат и офицеров перешла на сторону коммунистов. Было ясно, что части НДО могут в любой момент перейти в лагерь врагов правительства. Эти части были опаснее для Лиги, чем коммунистические отряды, так как имели военную организацию, командные кадры, оружие и, кроме того, находились практически в каждой деревне. Правительство попало в очень трудное положение.

С 1 по 5 июля проходило заседание Высшего совета Лиги. На нем (после ухода большей части лидеров НДО) победили правые элементы, и НДО получила ультиматум с требованием принять обратно в свои ряды исключенных из организации за поддержку правительства. Однако такое решение было неприемлемо для народных добровольцев.

В создавшейся обстановке премьер-министр У Ну пошел на рискованный тактический маневр и объявил о своем намерении уйти в отставку с 20 июля, надеясь, что эта угроза вызовет смятение в стране и, вернувшись к власти на волне народной поддержки, он сможет проводить более решительную и самостоятельную политику. Этим моментом воспользовались социалисты: не дожидаясь отставки У Ну, они создали правительственный кризис. 5 июля подал в отставку председатель Социалистической партии У Ко Ко Джи, 10 июля покинули кабинет У Тин Тут и Бо Ле Я, а 16 июля ушли в отставку остальные члены кабинета. Таким образом, к середине июля правительство потеряло поддержку практически всех политических партий. Положение усугубилось тем, что к активным противникам У Ну присоединились и такие фигуры, [269] как Ба Мо и Такин Ба Сейн, потребовавшие передачи им власти для спасения страны от «опасности коммунизма». И правые социалисты, и сторонники Ба Мо рассчитывали на поддержку Великобритании и США, которым правительство У Ну казалось слишком слабым и неспособным противостоять коммунистам.

От решения У Ну, остававшегося лидером АЛНС и главой правительства, зависел дальнейший политический курс страны. Решения ждали и коммунисты, и члены НДО, и социалисты. Кому передаст власть лишившийся доверия всех партий премьер? В этой обстановке У Ну показал себя более умелым политиком, чем его соперники. Внезапно он объявил, что остается во главе правительства и будет исполнять свои обязанности до середины августа, когда состоится сессия парламента. Ни к коммунистам, ни к НДО «Белые повязки» У Ну не обратился: он решил опереться на независимых, а также представителей горных окраин и каренов, среди которых его популярность была большей, чем популярность социалистических лидеров.

Решение У Ну означало, что он не пойдет на компромисс с народными добровольцами, и они сейчас же начали переходить в подполье. Желая опередить их вооруженное выступление, У Ну отдал приказ об аресте лидеров НДО, однако, как и в случае с коммунистами, полиция опоздала. Еще через неделю восстали два сформированных из членов НДО армейских батальона, один из которых находился на окраине Рангуна, в районе аэропорта, второй — в городе Таемьо. Первый батальон начал наступление на Рангун, но был остановлен верными правительству частями. Восставшие заняли города Пьи (Пром) и Таемьо, где к ним присоединились подразделения военной полиции, также набравшейся из рядов НДО.

Правительство было вынуждено опереться на подготовленные и вооруженные британской военной миссией части, состоявшие в основном из представителей национальных меньшинств — чинов, качинов и каренов. Командовал правительственными войсками карен Смит-Дун, его заместителем стал генерал Не Вин.

К осени 1948 г. в стране перестал работать железнодорожный транспорт: основные магистрали были перерезаны повстанцами. Прекратил работу и речной транспорт. [270] Связь с городами Верхней Бирмы, находившимися еще в руках правительства, поддерживалась только с помощью авиации.

3. Восстание каренов

Еще до достижения независимости в каренских районах начали создаваться из демобилизованных солдат и добровольцев отряды самообороны. В 1948 г. они были объединены в Каренскую национальную оборонную организацию (КНОО), находившуюся под влиянием Каренского национального союза (КНС) — правонационалистической группы, ориентированной на Англию и борющейся за создание независимого каренского государства в составе Британской империи. Боевой дух в отрядах КНОО поддерживался напоминанием о карено-бирманских столкновениях во время войны и опасениями, что в независимой Бирме карены будут подвергаться преследованиям. Создание каренского национального «округа Котулей» с последующим превращением его в Каренское автономное государство, поддержанное демократическими элементами, объединенными в Каренскую молодежную лигу, по мнению лидеров КНС, было недостаточным. Каренские правые лидеры имели связи в Англии. Сторонники независимости каренов были даже в английском парламенте, и часть британской прессы играла на сентиментальных чувствах обывателей, рассказывая о том, как подло Великобритания бросила на произвол судьбы верных христиан-каренов, столь много сделавших в годы войны для победы союзников. Английские авантюристы (такие, как полковник Таллок из «части 136» и корреспондент английской газеты «Дейли Мейл» Кемпбелл), а также некоторые миссионеры подогревали националистические чувства каренов, обещая оружие и поддержку Англии.

Удачный момент представился каренским националистам летом 1948 г., после ухода в подполье НДО. Правительству был предъявлен ультиматум с требованием создать независимое карено-монское государство, включающее весь Тенассерим, а также большую часть дельты Иравади. У Ну удалось убедить каренских лидеров отложить

решение этого вопроса до восстановления мира в стране, [271] но развитие событий осенью того же года осложнило обстановку. Непосредственным поводом к этому послужило создание Социалистической партией своей собственной армии, так называемой вспомогательной военной полиции, которая, по мнению социалистов, должна была йзять на себя функции частично пошедшей за НДО военной полиции, а также послужить базой для захвата и удержания власти. В отряды Социалистической партии, набравшиеся в спешке, без всякой проверки, охотно вступали бандиты и уголовники, которые таким образом могли получить оружие и официальное прикрытие для своей деятельности. Не доверяя армии, социалисты добились того, что их полиция подчинялась министру внутренних дел и была независима в своих действиях от бирманской армии. В каренских районах тут же начались столкновения между карелами и вспомогательной полицией. Поводов для них было достаточно с обеих сторон.

В начале сентября среди «аренов в Моламьяйне (Моулмейне) и в дельте Иравади вспыхнули волнения. Моламьяйн был даже временно занят отрядами КНОО. Неминуемое каренское восстание было несколько отсрочено назначением правительственной бирмано-каренской комиссии для выяснения требований каренов, а также арестом в соответствии с информацией, полученной из английского посольства, Таллока и Кемпбелла. Последним шагом Англия продемонстрировала свое нежелание оказывать каренам прямую поддержку.

Деятельность смешанной комиссии проходила в атмосфере назревающего восстания. Решение комиссии ограничить будущее каренское автономное государство районом Салуина и близлежащими районами столкнулось с новыми требованиями лидеров КНС, которые настаивали теперь уже на том, чтобы каренам была передана почти вся южная часть Нижней Бирмы.

Комиссия еще не закончила работу, как началось восстание каренов. Роль искры сыграли действия провокаторов из вспомогательной полиции, ворвавшихся в рождественскую ночь в несколько каренских деревень и расстрелявших в церквах более 80 человек. В эти же дни правительственные войска начали разоружение каренских частей. У многих каренов сложилось убеждение, что оружие отнимается для того, чтобы в дальнейшем можно было расправиться с каренами безнаказанно. Призывы [272] Национального союза начать восстание были поддержаны большинством каренов дельты. Лидеры КНС рассчитывали также на каренские части в составе бирманской армии.

Широкое восстание каренов, начавшееся в январе 1949 г. в районе Бассейна, перекинулось затем на Таунгу и Инсейн, пригород Рангуна. В первые же дни большинство каренских частей перешло на сторону восставших. Каренским летчикам удалось захватить часть самолетов, стоявших на аэродроме в Мейтхиле, выбросить десант в Мемьо, неподалеку от Мандалая, где был расквартирован блокированный каренский отряд, и снять блокаду. Каренский батальон напал на арсенал в Мингаладоне и обеспечил восставших оружием и боеприпасами. После этого карены перешли в наступление на Рангун.

В довершение ко всему правительство было накануне финансового краха. Налоговые поступления практически прекратились. Важнейшие рисопроизводящие районы и лесоразработки были отрезаны от моря. У Ну объявил политику строжайшей экономии и снизил зарплату правительственным чиновникам. В ответ профсоюз государственных служащих объявил забастовку. Конторы и министерства опустели, лишь отдельные служащие продолжали работу. Казалось, ничто уже не спасет правительство АЛНС, окруженное врагами.

4. Гражданская война и политика правительства АЛНС в 1949—1950 гг.

Зимой 1949 г. положение правительства У Ну было критическим: на окраинах Рангуна шли бои с каренами, восточные области были заняты каренскими и монскими

националистами, Аракан — мусульманскими повстанцами-муджахидами и коммунистами партии «Красный флаг», Средняя Бирма — отрядами КПБ (которую принято было называть компартией «Белый флаг») и народными добровольцами. Однако существовал ряд факторов, позволивших правительству не только устоять, но и выйти победителем в гражданской войне.

Первым и основным фактором оказалось отсутствие единства среди восставших. Силы повстанцев в несколько раз превосходили силы, которыми располагало правительство, [273] и в случае их объединения ничто не могло бы спасти У Ну и его сторонников. Однако за все время гражданской войны противники правительства так и не смогли по-настоящему объединиться. Союзы, в которые они вступали, были недолговечными, каждая из сторон преследовала свои политические цели, и порой антиправительственные силы были более враждебно настроены друг к другу, нежели к рангунским властям. Наиболее близкие идеологически коммунисты и народные добровольцы сотрудничали в занятых ими районах, однако так и не смогли объединить свои войска для решительного наступления. Отношения левых сил с каренскими и монскими националистами были куда более сложными. Достаточно сказать, что в момент наступления каренов на Рангун командование НДО бросило свои силы на защиту Рангуна, так как в среде добровольцев были сильны антикаренские настроения.

Вторым фактором политического характера была твердая поддержка, которую оказывали правительству лидеры горных районов — шанских, качинских и чинских. Консервативно настроенные шанские и качинские князья предпочитали видеть у власти умеренного буддиста У Ну, сторонника сохранения статус-кво в окраинных государствах, а не коммунистов и народных добровольцев с их радикальными программами. А поскольку князья и вожди племен в шанских, качинских и чинских районах имели большое влияние на далеких от политики горцев, то из поддержки У Ну лидерами горных районов в значительной степени проистекал и третий фактор — военный.

Третий фактор заключался в составе и характере оставшейся верной правительству армии. Меньшую часть ее составляли бирманские войска, лично преданные известным со времен японской оккупации командирам — генералу Не Вину, Бо Ле Я и т. д. Большую часть правительственной армии составляли набранные в горных районах чинские и качинские батальоны, обученные английскими инструкторами и укомплектованные зачастую ветеранами, прошедшими в английской армии вторую мировую войну. Численно уступая противнику, они превосходили повстанцев в военном отношении, подчинялись общему командованию, были дисциплинированы и хорошо вооружены. На стороне правительства осталось и большинство высших и старших офицеров, полагавших, [274] что присяга обязывает их хранить верность АЛНС. Среди коммунистов и народных добровольцев было немало специалистов по ведению партизанской войны, но не было крупных военачальников, профессиональных военных, прошедших японскую кампанию. В распоряжении правительства была авиация (хоть и состоявшая всего из нескольких старых самолетов), что давало ему возможность даже в самый тяжелый период войны поддерживать постоянную связь с отдаленными пунктами, снабжать их оружием, боеприпасами и направлять подкрепления. Наконец, правительственные войска удерживали Рангун — крупнейший морской порт, ворота во внешний мир.

Четвертым фактором, решившим судьбу войны в пользу правительства, было изменение его внутренней и внешней политики, приведшее к далеко идущим последствиям. После провала попыток найти компромисс с повстанцами У Ну и его сторонники полностью прекратили заигрывание с левыми силами и избрали основной опорой бирманскую национальную буржуазию и горных феодалов. В соответствии с этим с лета 1948 г. шло непрерывное продвижение правительства вправо. К весне 1949 г. никто уже не вспоминал о 15 пунктах и о «Марксистской лиге». Не последовало более и немедленных актов национализации промышленных предприятий и компаний. Нельзя было раздражать местных промышленников, тем более нельзя было обострять отношения

с Великобританией и США, ибо внешняя помощь была жизненно необходима правительству Бирмы. (Заметим, однако, что при всем своем поправении правительство и парламент Бирмы приняли осенью 1948 г. закон о национализации земли сверх 50 акров.)

Процесс сближения с западными державами был взаимным. Лейбористское правительство, воздержавшееся от антибирманской кампании, которую вели в 1948 г. консерваторы и влиятельная английская пресса, поняло, что поступило правильно: поддержка У Ну стала единственной реальной надеждой на сохранение британских интересов в Бирме. В феврале 1949 г. правительство Бирмы обратилось к Великобритании с просьбой о финансовой и военной помощи. Запрос Бирмы рассматривался на совещании представителей Содружества в Нью-Дели. Совещание решило оказать нажим на Бирму и предложило [275] посредничество в умиротворении каренов. Однако бирманское правительство, опасаясь, что посредничество приведет к отпадению каренов от Бирмы, отказалось от него. Отказ Бирмы никак не повлиял на политику правительства Великобритании, и дальнейшее улучшение отношений произошло после того, как в марте У Ну пошел на назначение министром иностранных дел д-ра Е Мауна, политика консервативного толка. Обратившись к Англии с просьбой о поставках оружия, Е Маун предложил в обмен уладить выгодным для западных промышленников образом их финансовые претензии к бирманскому правительству. Последовал немедленный ответ: лейбористское правительство решило предоставить Бирме 10 тысяч винтовок.

Летом 1949 г. в Лондон и Вашингтон направились генерал Не Вин, сменивший после начала каренского восстания генерала Смит-Дуна на посту главнокомандующего армией (бирманское правительство не доверило карену руководство войсками в критический момент), и министр иностранных дел Е Маун. Момент для их визита был крайне благоприятным, так как совпал с поражением гоминьдановских войск в Китае и переходом там власти в руки коммунистов. Бирма, до того не имевшая первостепенной важности в мировой политике, оказалась на авансцене: западные политики опасались, что в случае победы в Бирме коммунистов Китай получит выход к Индийскому океану. Это могло, по их мнению, решительным образом повлиять на судьбы Малайи, Индонезии, Индокитая, в которых также не прекращалась борьба против колониальных режимов и внутренней реакции.

Правительства Великобритании и США с готовностью обсуждали с бирманскими посланцами вопросы снабжения Бирмы оружием и оказания ей помощи. В ответ Е Маун обещал, что Бирма будет способствовать расширению частных капиталовложений и согласна рассмотреть вопрос о присоединении к Тихоокеанскому военному блоку. В результате бирманская миссия вернулась в Рангун, договорившись о займе в 350 млн. бирманских рупий со стороны стран Британского содружества и с надеждой на получение военной и экономической помощи от США.

Весна 1949 г. была кульминационным пунктом гражданской войны в Бирме. Наступление каренов на Рангун [276] вызвало восстание каренов, живших в пригородах столицы, и последующую резню каренов бирманскими экстремистами. На помощь правительству, как уже отмечалось, пришли отряды НДО, позиция которых в гражданской войне далеко не всегда была последовательной, а также ополчение, состоявшее из горожан, включая англо-бирманцев и гурков. Одна из каренских колонн, наступавших на Рангун, была разгромлена воздушным налетом, вторая остановлена чинским батальоном неподалеку от Пегу. Оставшихся каренских подразделений было недостаточно для взятия Рангуна, и потому карены окопались на окраине столицы. В то время как карены вели бои у Рангуна, коммунисты и НДО, организовавшие Объединенный демократический фронт, укрепляли контроль над Центральной Бирмой, однако их действия зачастую прерывались из-за политических и военных разногласий лидеров.

1 апреля 1949 г. еще остававшиеся в правительстве министры-социалисты и министры — члены НДО «Желтые повязки» (меньшинство НДО, оставшееся в Лиге) вышли из правительства, вызвав новый правительственный кризис. Однако действия этой

оппозиции ограничивались политическими угрозами и лишь развязали руки У Ну для создания нового кабинета. В правительство был введен в качестве министра обороны и министра внутренних дел генерал Не Вин, пять портфелей достались Е Мауну, три — ближайшему соратнику У Ну У Тину, остальные — самому У Ну. Впоследствии некоторые посты были переданы представителям национальных меньшинств.

Апрель ознаменовался последней попыткой каренов взять штурмом Рангун и первыми крупными успехами правительства. Подкрепления, которые шли к каренам с севера, были остановлены в 100 милях от Рангуна и после трехдневного боя настолько обескровлены, что, несмотря на отступление правительственных войск, участия в штурме Рангуна не приняли. Штурм был отбит, а в конце апреля правительственная армия перешла в контрнаступление и 24 апреля отбила у повстанцев Мандалай. 30 апреля прекратилась забастовка государственных служащих, а 22 мая, после более чем 100 дней осады, каренские войска отступили из пригорода Рангуна, Инсейна, открыв правительственным войскам дорогу на север. Обострились [277] разногласия между различными группами восставших. Часть каренов выступила за заключение мира с правительством. На конференции Объединенного демократического фронта в Магуэ в середине мая лидер НДО Бо По Кун высказался за переговоры с У Ну, но коммунисты отвергли это предложение.

Несмотря на отдельные военные неудачи и отступление (в июне восстал батальон в Аракане, в августе качинский повстанческий отряд занял Таунджи), общий ход событий стал для правительства благоприятным. Летом начало поступать в большом количестве оружие и другие виды военной помощи из Англии. В Рангуне правительство добилось определенной политической стабильности. Начиная с этого периода повстанцы в целом перешли к обороне, оставляя один за другим города, уходя в джунгли и с каждым днем все более теряя надежду на победу в гражданской войне.

1950 год был годом дальнейших военных успехов правительства. 19 марта пал Таунгу — столица каренского повстанческого «государства Котулей». С утратой этого города карены были лишены последних надежд на признание за рубежом. Таунгу был к тому же важной станцией на железнодорожной линии Рангун — Мандалай. Несмотря на то что возобновить железнодорожное сообщение не удалось, так как были разрушены пути и мосты, военные конвои получили возможность беспрепятственно продвигаться вдоль железной дороги на север. На руку правительству был распад Объединенного демократического фронта коммунистов и НДО. В начавшихся столкновениях коммунисты были вынуждены после тяжелых боев с НДО оставить Таемью. Бои завязались также в Пьи (Проме), что позволило правительственным войскам взять этот город 19 мая. Поражения вызвали раскол в рядах НДО, и 19 июля организация была официально распущена (часть членов НДО тогда же объединилась в Партию народных товарищей — ПНТ). Это еще не означало сдачи повстанцев, однако оказалось важным деморализующим фактором. В августе попал в засаду и был убит лидер КНОО Со Ба У Джи, наиболее видный из каренских военачальников.

Летом 1950 г. У Ну объявил программу «Мир в течение года», направленную на привлечение на сторону правительства народных масс, не знавших мира уже почти [278] 10 лет, и на раскол повстанцев, среди которых после исчезновения надежд на военную победу начался разброд. К концу 1950 г. пал последний оплот каренов в дельте Иравади — город Эйнме; отряды КНОО отступили к северу от Бассейна и перешли к партизанской войне. Основные силы каренов отошли в горы и леса за рекой Салуин. За эту черту правительственные войска не заходили, и в Восточной Бирме наступило затишье. Лидеры каренов пытались получить помощь в Таиланде и не теряли надежд на своих сторонников в Великобритании. Однако если помощь и поступала, она была весьма ограничена, так как английское правительство уже твердо решило сделать ставку на У Ну, и сочувствие каренам перестало выходить за рамки запросов в парламенте и выступлений правых газет.

Западная ориентация кабинета У Ну отнюдь не снимала острых политических проблем, стоявших перед руководством АЛНС. Слишком откровенный союз с западными державами неизбежно должен был вызвать отрицательную реакцию не только среди повстанцев, но и среди лояльных правительству сил. Это имело особое значение в отношениях правительства У Ну с военным командованием, а также с проявлявшими большую политическую активность социалистами. В связи с этим весьма характерна судьба министра иностранных дел Е Мауна, ведшего основные переговоры с западными державами по поводу займов и военной помощи. На пути в Рангун из Лондона Е Маун объявил в Дели, что У Ну примет участие в конференции стран Содружества наций в Коломбо. Заявление министра вызвало политическую бурю в Рангуне, ибо давало основание полагать, что возвращение Бирмы в Британское содружество было той ценой за военную помощь, которую согласилось заплатить правительство АЛНС. У Ну немедленно выступил с опровержением, хотя и был вынужден признать, что намеревался именно в это время посетить Коломбо «совсем с другими целями». Признание премьер-министра говорит за то, что Е Маун выступал не на свой страх и риск, однако министр иностранных дел был все же сделан козлом отпущения, и социалисты добились его ухода в отставку.

После ухода Е Мауна социалисты решили вернуться в Совет министров. Всего в кабинет вошло шесть социалистов, однако лидеры партии У Ба Све и У Чжо [279] Нейн воздержались от вхождения в правительство, ожидая более удобного момента. Пока что социалисты укрепляли свои позиции в армии и в областях, отнятых у повстанцев, стараясь ставить своих людей во главе районных и областных организаций Лиги. Председатель Социалистической партии У Ба Све с февраля 1949 г. стал комиссаром области Иравади, социалист У Вин — комиссаром Верхней Бирмы. Будучи фактически безраздельными хозяевами на этих территориях, социалисты насаждали своих людей в местных организациях Лиги и в государственных учреждениях.

С отставкой Е Мауна основным соперником социалистов в кабинете стал министр обороны и внутренних дел генерал Не Вин. Соединение в его руках столь важных постов вкупе с авторитетом Не Вина в армии делало его очень опасным для планов социалистов. Генерал Не Вин не устраивал многих правых, так как он был сторонником демократических преобразований, национализации земли и промышленности, возражал против допуска в Бирму иностранного капитала и активности иностранных военных миссий. Летом 1950 г. генерал Не Вин восстановил против себя промышленников, отказавшись направить войска на каучуковые плантации Тенассерима и оловянные рудники до тех пор, пока они не будут национализированы. Позиция генерала Не Вина могла обострить отношения Бирмы с западными странами и отпугнуть иностранных вкладчиков, к которым бирманское правительство уже не раз обращалось с призывом принять участие в восстановлении бирманской экономики, гарантируя выгоду и безопасность помещения капитала. В сентябре в Бирму должна была прибыть представительная американская военная миссия. Министр обороны отказался ее принять, несмотря на согласие правительства. После этого было официально объявлено, что генерал Не Вин выходит из правительства, чтобы уделять больше внимания укреплению армии, главнокомандующим которой он остался.

Место Не Вина на посту министра обороны занял социалист У Вин, бывший до того комиссаром Верхней Бирмы. Теперь на пути социалистов к власти оставался лишь У Ну, завоевавший к этому времени значительный авторитет на Западе как олицетворение стойких антикоммунистических сил в Бирме, сильный своими связями с [280] национальными меньшинствами, а также с монашеством и частью сельского населения, которых привлекало к У Ну его стремление к возрождению буддизма в Бирме. Вынужденные считаться с У Ну, социалисты предпочли сговориться с ним о совместных действиях, чтобы затем, добившись большинства в правительстве и в Высшем совете Лиги, диктовать ему свою волю.

Помощь со стороны Великобритании и США, убедившихся в способности бирманского правительства противостоять коммунизму, росла. Несмотря на уверения бирманского правительства в том, что никаких политических обязательств в связи с получением этой помощи Бирма на себя не берет, несмотря на отказ Англии от требования гарантий в отношении каренов и удовлетворения претензий английских промышленников, политические обязательства бирманцам брать все же приходилось. Необходимость в этих обязательствах усилилась после того, как в сентябре 1950 г. было подписано соглашение с США о технической помощи (военная помощь так и не была принята ввиду отказа генерала Не Вина), по которому в Бирме начинала работать американская техническая миссия, решавшая, каким образом и в какой форме эту помощь оказывать.

Впервые Бирма открыто солидаризировалась с позицией западных держав в июне 1950 г., когда она голосовала за резолюцию США в ООН по корейскому вопросу. Характерно, что голосование в ООН происходило незадолго до подписания бирманско-американского соглашения о технической помощи.

Сдвиг бирманской внешней политики вправо был с одобрением встречен частью бирманской прессы, в которой появились также открытые нападки на Советский Союз. Однако одобрение политики У Ну было далеко не всеобщим, и оппозиция ей распространилась даже среди широких слоев бирманских социалистов, принимавших на веру довольно частые в это время «левые» выступления социалистических лидеров. Возмущение политикой правительства высказал руководимый социалистами Конгресс профсоюзов Бирмы, который после ухода коммунистов в подполье стал главным профсоюзным центром страны. Левые элементы контролировали также орган социалистов газету «Голос Союза». Конфликт между профсоюзными лидерами и руководством партии зрел [281] уже давно, так как Конгресс профсоюзов Бирмы открыто заявлял о желании вступить во Всемирную федерацию профсоюзов, членами которой состояли СССР и КНР, а руководители социалистов требовали включения бирманских профсоюзов в реформистскую Конфедерацию свободных профсоюзов. В июле 1950 г. газета «Голос Союза» высказалась против позиции Бирмы в корейском вопросе и осудила интервенцию США в Корею. Выступая в парламенте, лидер Конгресса профсоюзов Бирмы Такин Хла Чве резко критиковал правительство У Ну. АЛНС и Социалистическая партия немедленно реагировали на выступление левых социалистов, исключив из Лиги профсоюзных лидеров Такин Хла Чве и Такин Лвина и распустив Конгресс профсоюзов Бирмы. Следующими шагами были полная смена левосоциалистического руководства Всебирманской крестьянской организации и закрытие газеты «Голос Союза».

В декабре 1950 г. вышедшее из партии левое крыло социалистов объединилось в Рабоче-крестьянскую партию Бирмы, провозгласившую своей идеологией марксизм. Раскол в Социалистической партии подорвал влияние правых социалистов на трудящиеся классы и слои Бирмы. В то же время исключение из партии левых социалистов способствовало ее консолидации на позициях правых лидеров.

Знаменательным для отхода АЛНС от лозунгов первых послевоенных лет было принятие парламентом по инициативе У Ну трех законов о религиозных реформах и возрождении буддийской религии в Бирме. Были организованы религиозные суды для восстановления порядка в монашеском ордене, члены которого во время гражданской войны зачастую присоединялись к врагам правительства. Был также организован Палийский университет, получивший задание определить стандарты для монашеских экзаменов. Наконец, была создана организация «Бирма-сасана» для перевода на современный бирманский язык буддийских книг и организации религиозных уроков в школах. В своей речи по поводу этих законов премьер-министр подчеркнул, что Будда мудрее Маркса, предлагая таким образом предать забвению злополучные 15 пунктов «Левого единства».

Несмотря на то что бирманский парламент большинством голосов одобрил религиозные законы, далеко не [282] все политические деятели Бирмы одобряли действия правительства, справедливо полагая, что они являются очевидным отступлением от заветов Аун Сана об отделении церкви от государства и ведут к возрастанию роли невежественных политиков от буддизма. Средства, направленные на возрождение буддизма, отрывались от более насущных экономических нужд, что особенно проявилось в закупке в Индии, на Цейлоне и в Китае буддийских реликвий. Недовольство пробуддийской политикой У Ну возросло еще более, когда через два года премьер-министр объявил о созыве в Бирме Шестого всемирного буддийского синода, на строительство огромных сооружений которого было выделено 5,6 млн. чжа (1 чжа=1 бирманской рупии). Опасения высказывались и представителями национальных меньшинств, значительная часть которых или исповедовала христианство, или придерживалась анимистических верований. Однако У Ну настойчиво продолжал пробуддийскую политику, ибо таким образом он привлекал на свою сторону часть крестьянства, монашество и консервативные круги общества, создавал себе репутацию примерного буддиста и защитника национальных традиций, что в Бирме играло немаловажную роль. Борьба за возрождение буддизма позволяла У Ну также широко использовать в пропагандистских целях лозунги непротivления злу, всепрощения и миролюбия, на фоне которых радикальные требования марксистов изображались как кроважадные и «небирманские».

Восстановление власти правительства в главных городах Бирмы к середине 1951 г. и отступление повстанцев в сельские районы, в горы и леса дало возможность провести в июне 1951 г. давно обещанные всеобщие выборы. К выборам лучше всего была подготовлена Социалистическая партия, которая сумела к тому времени укрепить позиции в местных органах власти. Партия поддержала пробуддийские действия У Ну и его предвыборный лозунг «Мир в течение года». Крайне правые оппозиционные партии не пользовались в Бирме серьезной поддержкой избирателей; из легальных левых организаций противостоят Лиге могла лишь недавно созданная Рабоче-крестьянская партия, влияние которой на избирателей было ограничено.

Предвыборная программа Лиги провозглашала «создание социалистического государства мирными методами», [283] отказ от антирелигиозной идеологии, нейтралитет в «холодной войне», заботу о национальных меньшинствах, национализацию земли, сельскохозяйственный кредит и плановую программу экономического развития в интересах народа. Первые два пункта программы были направлены против повстанцев, третий пункт был как бы самооправданием в связи с прозападными внешнеполитическими тенденциями. Что касается обещаний национализации земли, субсидий крестьянам и т. п., то они имели чисто пропагандистское значение. Правительство особенно и не рассчитывало на голоса крестьян, так как его власть кончалась за пределами городов и сельские районы в подавляющем большинстве находились под влиянием повстанцев. Не удивительно, что выборы проводились в течение полугода и, несмотря на это, прошли лишь в 30% избирательных округов. Для привлечения на свою сторону государственных служащих правительство перед самыми выборами увеличило им заработную плату, отменив таким образом ее понижение, проведенное в 1949 г. и приведшее к забастовке чиновников.

Функционеры Социалистической партии осуществляли надзор над выборами в большинстве округов, так как представляли там государственную власть, и потому часто оказывали влияние на ход выборов. Для обеспечения надежного большинства все армейские части были направлены к урнам строем и голосовали за правительство. По официальным данным, всего проголосовало около 1,5 млн. человек из общего числа — более 8 млн. имеющих право голоса. 60% голосов было отдано за АЛНС. В результате Лига получила 85% мест в парламенте.

В автономных государствах депутаты в палату национальностей были избраны князьями и представляли их интересы. В палату депутатов прошли в основном кандидаты по спискам АЛНС, которых поддерживали те же князья.

Единственное поражение Лига потерпела в Ракхайне (Аракане): из семи мест там шесть достались сторонникам автономии.

В марте 1952 г., после завершения подсчета голосов и переговоров с представителями национальных меньшинств и политическими деятелями, было сформировано новое правительство. Во главе его стоял У Ну, но большинство портфелей в нем принадлежало социалистам, [284] причем теперь в правительство вошли и лидеры Социалистической партии во главе с У Ба Све. У Чжо Нейн был избран генеральным секретарем АЛНС. Именно с этими двумя социалистами У Ну делил власть в последующие годы, и именно они направляли в основном политику Бирманского Союза. Остальные министры кабинета были либо социалистами, подчинявшимися более У Ба Све, чем У Ну, либо лично близкими У Ну политиками.

5. План «Пидота»

К моменту прихода к власти нового правительства У Ну экономическое положение страны хоть и не было столь катастрофичным, как в 1948—1949 гг., однако оставалось весьма тяжелым. Железные дороги еще не функционировали, речной флот был большей частью уничтожен, добыча полезных ископаемых была почти невозможна. Правда, обладание Рангуном и возвращение ряда рисопроизводящих районов дельты и Нижней Бирмы в руки правительства дало возможность несколько расширить экспорт риса, а выданный английским правительством краткосрочный заем в 0,5 млн. ф. ст. на закупку урожая помог правительству свезти на склады Рангуна значительное количество риса. Однако основной проблемой, стоявшей перед Бирмой, было помимо восстановления хозяйства ее превращение из отсталой сельскохозяйственной страны и поставщика сырья в современное самообеспечивающееся государство. За исключением крайне правых группировок, все политические партии страны были сторонниками индустриализации Бирмы — разница заключалась в том, с помощью каких средств планировалось этого достигнуть.

Правительство Лиги полагало, что наиболее верный путь — обращение к иностранной помощи с привлечением новых иностранных капиталовложений, а также сохранение существующей социальной структуры бирманского общества.

В соответствии с соглашениями об экономической помощи с Великобританией и США в Бирму прибыла сначала группа английских экономистов, а затем американские эксперты, представители частных компаний, проводившие обследование бирманской экономики. Одновременно [285] в Бирме начала работать миссия ООН, изучавшая проблемы местного самоуправления, кустарных промыслов, управления промышленностью и т. д. Сведения, собранные различными специалистами, попадали в руки американских технических экспертов, приехавших из США по программе помощи, а они координировали эти данные и решали, в каких областях экономики следует оказывать помощь.

На основе сведений и рекомендаций американских специалистов бирманское правительство разработало и опубликовало в 1952 г. план «Пидота» («земля изобилия»), который должен был стать всеобъемлющей программой на будущее, основой планов экономического и культурного развития Бирмы на много лет вперед.

Конференция «Пидота», состоявшаяся в Рангуне в августе 1952 г., одобрила весь комплекс планов экономического развития, рассчитанных на 8 лет. Общая сумма капиталовложений за этот период должна была достичь 7,5 млрд. чжа, из которых 5,5 млрд. планировалось направить на хозяйственное развитие страны, остальные — на социальные и культурные нужды. План «Пидота» предусматривал увеличение объема

валового национального продукта с 4,3 млрд. чжа в 1952/53 г. до 7 млрд. в 1959/60 г., в результате чего доход на душу населения должен был на 4% превысить довоенный уровень.

В сельском хозяйстве программа предусматривала проведение в жизнь закона 1948 г. о национализации земли, регулирование арендной платы, интенсификацию производства, восстановление довоенных площадей, улучшение системы орошения, создание показательных ферм. В результате всего этого сельскохозяйственная продукция должна была к 1960 г. подняться на 77% по сравнению с 1951/52 г.

В области добычи полезных ископаемых и нефти планировалось восстановление разрушенных рудников и промыслов и дальнейшее увеличение добычи. В обрабатывающей промышленности помимо восстановления ранее существовавших предприятий предполагалось создать три промышленных центра (в Акьябе, Мьинджане и Рангуне) и построить в этих центрах в числе других предприятий химические заводы, заводы по производству удобрений, цементный и сталепрокатный заводы, фармацевтический комбинат и т. д. Для снабжения этих [286] предприятий электроэнергией планировалось сооружение ряда электростанций.

Другие разделы программы касались расширения системы социального обеспечения, народного образования и медицинского обслуживания.

Источником финансирования программы «Пидота» помимо доходов от налогового обложения и экспорта риса должно было стать широкое использование иностранных кредитов и иностранных частных капиталовложений.

План «Пидота» предусматривал местную инициативу в восстановлении дорог, сооружении колодцев и резервуаров, школ и читален. Для этого каждый район получал ссуду в 50 тыс. чжа, которую наряду с частными пожертвованиями местные власти должны были использовать там, где это нужнее.

Что касается иностранных капиталовложений, то вкладчиков старались привлечь гарантиями от национализации (от 10 до 25 лет), освобождением от налогов и прочими преимуществами.

План «Пидота» широко рекламировался в выступлениях руководителей АЛНС и в печати как внутри страны, так и за рубежом. Богатый цифрами и графиками, он производил впечатление обоснованного документа, следуя указаниям которого через несколько лет можно добиться истинной независимости и благосостояния. План выглядел весьма привлекательно для многих бирманцев, ибо обещал улучшить жизнь, создавал иллюзию построения мирного государства без партийной борьбы, несправедливости, угнетения. Для его осуществления государство обращалось к патриотическим чувствам бирманцев.

Наиболее быстрые и очевидные успехи в выполнении плана были достигнуты именно в той его части, где говорилось об инициативе местных органов власти и населения. Успехи стимулировались также призами для наиболее активных деревень, соревнованием, разгоревшимся между деревнями. По официальным данным, за первые два года осуществления «Пидоты» было построено около 2 тыс. местных дорог и мостов, 1700 колодцев, 1500 водохранилищ, более 3300 деревенских школ и 400 читален.

Однако строительство читален и восстановление местных [287] ирригационных систем, хотя и имело значение для экономики, не было главным. Основными оставались земельный вопрос и производство риса. Рис был не только главным продуктом питания, но и важнейшим источником поступления иностранной валюты. Без увеличения экспорта риса все планы индустриализации оставались не более чем планами.

Первоначальной задачей в рисоводстве было достижение довоенного уровня производства и подъем залежных земель, брошенных крестьянами во время оккупации и гражданской войны. Для осуществления этого вскоре после принятия плана была создана Корпорация развития, а несколько позже организованы сельскохозяйственные банки. Корпорация развития и банки должны были регулировать расходование средств на

развитие экономики, а также давать крестьянам ссуды на подъем целины, расширение посевных площадей и выращивание новых культур: земляного ореха, хлопка, сахарного тростника и т. д. В обязанности Корпорации входило также обеспечение земледельцев семенами и техникой и обучение их новым агротехническим приемам.

Проблема расширения производства была тесно связана с насущными земельными реформами. Здесь правительство оказалось в сложном положении, и политика его отличалась двойственностью. Когда речь шла о помещиках-абсентеистах, индийских ростовщиках и т. п., правительство выступало на стороне крестьян не только на словах, но и на деле, тем более что почти все индийцы покинули Бирму во время войны и мало кто из них вернулся обратно после 1945 г. Еще в 1950 г. правительство Бирмы наотрез отказалось удовлетворить просьбу четвъяров о пересмотре суммы компенсации за национализированную землю. Сумма компенсации осталась на уровне двенадцатилетней ставки земельного налога с данного участка (четвъяры просили увеличить ее втрое) и платилась лишь в неконвертируемой валюте — бирманских чжа, т. е. выплата носила в значительной степени символический характер. Часть этой земли к началу 50-х годов находилась во владении крестьян, занявших ее во время японской оккупации, часть была заброшена, часть попала в руки местных помещиков, которые были влиятельной силой в Социалистической партии и активно поддерживали Лигу в гражданской войне. Поэтому, [288] с одной стороны, правительство, которое неоднократно афишировало готовность передать землю тем, кто ее обрабатывает, вынуждено было к каким-то действиям, тем более что отсутствие их подтверждало правильность антиправительственной позиции повстанцев. С другой стороны, эти действия неизбежно вызвали бы отрицательную реакцию со стороны помещиков. И даже наличие благих намерений части АЛНС не могло преодолеть ни объективных трудностей, ни силы оппозиции реформе.

В результате в плане «Пидота» и в последующих выступлениях членов правительства наступление новой эры для крестьян растягивалось на 10 лет (1953—1963). Было объявлено, что на первом этапе необходимо, подготовить и обучить административный персонал, который будет руководить распределением земли, затем следует избрать земельные комитеты, не находящиеся под партийным контролем. После этого каждая семья получит по 10 акров (4 га) земли (столько, сколько обрабатывается одной упряжкой волов). Крестьянские семьи будут объединены в кооперативы, получающие кредиты и семена от государства. К 1955 г. должно быть перераспределено в общей сложности 10 млн. акров, а к 1962 г. миллион крестьянских семей будет объединен в 50 тыс. кооперативов.

В действительности аграрная реформа проходила совсем иначе, чем декларировалась. В 1953—1954 гг. ее проведение было начато в восьми небольших районах, и к концу 1955 г. в общей сложности было распределено всего 6% намечавшихся к перераспределению земель. К примеру, в районе города Амарапура реформа проводилась в 24 деревнях. В ноябре 1953 г. было объявлено о выборах в земельные комитеты. Однако ни в одной из деревень комитеты не были выбраны в полном составе и не представляли крестьян — во главе их стали местные администраторы из АЛНС. Сначала из числа перераспределяемых земель были изъяты земельные владения менее 50 акров, затем земли, принадлежащие буддийским монастырям и организациям. В результате перераспределялась лишь треть земель, причем большей частью даже в экспериментальных районах лишь подтверждались права мелких владельцев. Арендаторы в среднем получали не более 3 акров на семью, что не давало возможности прокормиться. Вопросы создания [289] кооперативов в подавляющем большинстве экспериментальных деревень были отложены и забыты, и бирманские помещики через родственников, подставных лиц и с молчаливого согласия руководителей земельных комитетов остались фактическими собственниками крупных земельных владений.

Благоприятные погодные условия в 1952/53 г. и спрос на рис на внешнем рынке улучшили положение в сельском хозяйстве. Площади под рисом приблизились к

довоенным, а урожай риса достиг 5740 тыс. *t* (в 1938/39 г. он составлял 8050 тыс. *t*). В первые годы независимости Бирма могла экспортировать несколько более 1 млн. *t* риса, и до 1953 г. ее доходы от продажи риса постоянно росли ввиду роста цен, особенно в связи с корейской войной. Однако с 1953 г. цены на рис на мировом рынке покатались вниз и Бирма с трудом продала затоваренный рис по сниженным ценам. В результате доходы в валюте от продажи риса в 1953/54 и 1954/55 гг. составили лишь 80% от доходов в 1952/53 г. Выполнение плана «Пидота» оказалось под угрозой.

Трудности возникли и в области промышленности, ибо выполнению планов препятствовали как продолжавшаяся гражданская война, так и катастрофическая нехватка национальных кадров. Обращение правительства к иностранным фирмам (что выразилось в первую очередь в создании смешанных компаний вместо прежде целиком английских «Бирма Корпорейшн» и «Бирма Ойл») не принесло желаемых результатов. Если в 1952 г. добыча нефти составляла менее 10% довоенной, то к 1955 г. она не превышала 15%. Практически не увеличивалась добыча олова и других цветных металлов: рудники большей частью оставались в зоне деятельности каренских повстанцев.

Трудности в выполнении плана «Пидота», сказавшиеся уже в первые два года, заставили многих бирманцев обратить внимание на деятельность американских экспертов, представлявших доклады, на основе которых и были разработаны планы промышленного развития.

Многочисленные эксперты (стоимость помощи которых оценивалась правительством США в миллионы долларов ежегодно) проникали во все области бирманской экономики и составляли многочисленные, часто невыполнимые в бирманских условиях планы. В Бирме все шире [290] распространялось мнение, что эти советники преследуют цели, не имеющие ничего общего с интересами Бирмы. Недоверие к американским плановикам увеличивалось с ростом сомнений в том, что «Пидота» — панацея от экономических и социальных бед.

В АЛНС и Социалистической партии лишь незначительное меньшинство хотело или могло признаться в том, что Бирме следует стать союзником США. Большинство членов этих организаций отражало демократические и националистические взгляды слоев бирманского общества. Поэтому явный переход Бирмы в западный лагерь никак не способствовал бы популярности правительства. Даже правая оппозиция предпочитала играть на националистических чувствах избирателей, обвиняя правительство Лиги в сговоре с американцами. Любое открытое выступление правительства либо в пользу американской помощи, либо в поддержку американской политики вызывало резкую реакцию в парламенте. Наиболее твердую антиамериканскую позицию занимала Рабоче-крестьянская партия Бирмы. Правительство Лиги было вынуждено учитывать антиимпериалистические тенденции в бирманском обществе. В любой критический момент правительству пришлось бы выбирать между американской поддержкой и общественным мнением. Такой кризис в бирмано-американских отношениях наступил с началом гоминьдановского вторжения в Бирму.

6. Гоминьдановская агрессия

Первые гоминьдановские части появились на территории Бирмы в конце 1949 г., с падением гоминьдановского режима в Южном Китае. Отступившие через границу отряды под командованием генерала Ли Ми обосновались в северо-восточных горных районах. В то время, в разгар гражданской войны, начало вторжения прошло почти незамеченным. Однако уже в июле 1950 г., с ликвидацией угрозы повстанцев Рангуну, бирманские части оттеснили китайский отряд к границе. Отступив в горы, гоминьдановцы получили подкрепления, оборудовали посадочные площадки, наладили связь с Тайванем и начали рекрутировать в свои ряды молодежь из местных племен. К апрелю 1951 г. общая численность гоминьдановских [291] войск достигла уже 4 тыс. человек. Предпринятое

этим отрядом вторжение в Юньнань провалилось, и в июле гоминьдановцы вновь отступили в горы. Следующую попытку вторжения в Китай гоминьдановцы предприняли в 1952 г. К тому времени их насчитывалось в Северо-Восточной Бирме более 12 тыс. Попытка вновь была неудачной, и разгром, учиненный гоминьдановцам Народно-освободительной армией Китая, был таков, что надежды на реванш пришлось полностью оставить. С этого момента гоминьдановские части перестали рассматривать оккупированные районы Бирмы лишь как базу для нападения на КНР и прекратили называть себя «освободительной армией». Они решили остаться здесь надолго, начали облагать налогами местное население, проводить рекрутские наборы и наладили регулярное воздушное сообщение с Тайванем через Таиланд. С Тайваня поступали оружие, боеприпасы и даже американские инструкторы: военный очаг на южной границе КНР в разгар войны в Корее был выгоден США. Во второй половине 1952 г. владения гоминьдановцев охватывали значительную часть шанских княжеств и доходили до реки Салуин. Отдельные подразделения гоминьдановских войск появились в окрестностях Бамо и Мьичины, а на юге наметился их союз с частями КНОО.

Раньше, чем правительство, опасность гоминьдановской угрозы поняли коммунисты, которые предложили народным добровольцам и партии «Красный флаг» вступить в союз для совместных действий против гоминьдановской агрессии. В результате 1 октября 1952 г. было подписано «Соглашение о тройственном союзе». Однако правительство Лиги никак не откликнулось на призыв компартии, считая повстанцев куда более опасным врагом, нежели гоминьдановцев, и не желая обострять отношения с США. До самого конца 1952 г. Рангун относился к существованию гоминьдановской армии весьма спокойно, и переход гоминьдановцев к активным действиям оказался для Лиги неожиданным.

4 января 1953 г., в день независимости Бирмы, гоминьдановские дивизии начали активное наступление на города шанских княжеств. К середине февраля гоминьдановцы вместе с частями каренов подошли к Таунджи и осадили Лойко. Лишь в начале марта бирманская армия смогла подтянуть достаточно сил, чтобы остановить [292] продвижение гоминьдановцев и перейти в наступление. Три бирманские бригады отбросили противника от Лойко и Таунджи, причем после ожесточенного сражения, разыгравшегося на реке Салуин, победившие бирманцы обнаружили среди убитых тела американцев. Это доказательство участия США в гоминьдановской агрессии, как и захват новейшего американского оружия, вызвали резкую реакцию в Бирме. Правительство Лиги не могло игнорировать всеобщее возмущение, и в то время как гоминьдановские войска с боями отступали на восток, Бирма обратилась в ООН с жалобой на гоминьдановцев. Генеральная Ассамблея рекомендовала вывести китайские войска из Бирмы мирным путем. К октябрю 1953 г., после длительных переговоров в Бангкоке, было достигнуто соглашение об эвакуации 2 тыс. гоминьдановцев. Но в это число были включены в основном раненые, больные, насильно мобилизованные в армию шаны и т. и. Сданное при эвакуации оружие также оказалось вышедшим из строя. Не было секретом, что основная, наиболее боеспособная часть гоминьдановцев осталась в Бирме.

Убедившись в этом, бирманская армия возобновила наступательные действия, в ходе которых лучшие части гоминьдановцев были в 1954 г. разгромлены. Однако, по подсчетам наблюдателей, генерал Ли Ми все еще обладал шеститысячной армией и регулярно продолжал получать подкрепления и оружие с Тайваня, без чего он не мог бы продолжать войну. После июня — июля 1954 г. гоминьдановцы уже не пытались штурмовать города, но даже после очередного бирманского наступления в апреле — мае 1955 г. их войска, разделившись на небольшие отряды и отступив в горы, сохранили контроль над некоторыми труднодоступными районами, где они собирали дань с деревень, торговали контрабандным опиумом и изготавливали фальшивые деньги.

Возмущение широких слоев бирманской общественности разбоем гоминьдановцев уже вскоре после начала боев переросло в возмущение политикой США. Действия

американского правительства, продолжавшего войну в Корее, увеличившего военную помощь Франции в Индокитае и решившего защищать с помощью американского флота Тайвань в надежде на реставрацию режима Чан Кай-ши, не оставляли сомнений в том, что гоминьдановцы остаются наиболее верными союзниками США в Азии. [293] Последовавшие заявления США и Тайваня о том, что они не имеют никакого отношения к действиям в Бирме частей генерала Ли Ми, в то время как факты говорили об обратном, поставили бирманское правительство перед необходимостью пересмотреть политику по отношению к США. Результатом этого стало заявление Бирмы от 17 марта 1953 г. об отказе от американской помощи.

Еще раньше бирманское правительство пришло к решению о расширении связей с социалистическими странами, что выразилось в посещении СССР экономической делегацией Бирмы в апреле 1962 г., а также в посещении СССР и КНР Такин Тинном, президентом Всебирманской крестьянской организации, для ознакомления с опытом социалистических стран в области сельского хозяйства.

С ликвидацией серьезной угрозы гоминьдановского нашествия к маю 1954 г. распался «тройственный союз» повстанцев и их силы, и без того уступавшие правительственным, вновь оказались разрозненными, что дало Лиге важные преимущества. В ходе военных операций 1954—1955 гг. бирманская армия нанесла ряд поражений каренским повстанцам и перешла в наступление против коммунистов. Возможность действовать против повстанцев поодиночке, не опасаясь, что другие группы придут к ним на помощь, сильно облегчала действия правительственных войск.

В конце 1954 г. бирманская армия заняла города Ракхайна (Аракана) и разгромила основные силы араканских мусульманских сепаратистов — муджахидов. В начале 1955 г. началось новое наступление бирманской армии против КНОО, активизировавшей диверсионные действия на железной дороге Рангун — Мандалай. После трудных и затяжных боев в горах правительственные части смогли взять штурмом центр каренских повстанцев Папун.

К концу 1955 г. основные противники Лиги были разбиты и оставили все крупные населенные пункты. Отныне повстанцы могли контролировать лишь горные и лесные районы и были вынуждены перейти к чисто партизанским действиям, не могущим принести военного успеха. В этих условиях многие повстанцы, устав от многолетней войны и потеряв надежду на победу, складывали оружие и возвращались к мирной жизни.

К началу 1955 г. число сдавшихся в плен повстанцев [294] самого различного толка достигло 25 тыс. Помимо необходимости обеспечить их работой (а многие из сдавшихся в плен умели лишь воевать) правительство полагало, что следует обеспечить какой-то надзор над бывшими противниками, дабы они не попали под влияние левых сил в городах. С этой целью некоторая часть повстанцев была включена в регулярную армию, а большинство — в специально созданную Реабилитационную бригаду, полувоенную строительную организацию, дислоцированную на окраине Рангуна. Бригада находилась под контролем Лиги и насчитывала в 1955 г. 10 батальонов. Лига предполагала в будущем, если возникнет необходимость, использовать Реабилитационную бригаду в качестве собственной армии.

7. Проблемы экономического развития Бирмы в середине 50-х годов

К середине 50-х годов острота проблемы гражданской войны в Бирме ослабла, хотя правительство контролировало далеко не всю территорию страны и в некоторых районах уже в течение нескольких лет власть повстанцев никем не оспаривалась. Стабилизации положения способствовали не только успехи правительственных войск, но и определенные экономические достижения. В 1950—1955 гг. многие промышленные объекты были восстановлены, велось строительство новых. В то же время правительству пришлось столкнуться с целым рядом экономических трудностей.

Многие объекты не оправдали возлагающихся на них надежд. В несколько раз была превышена проектная стоимость строительства нового аэродрома в Мингаладоне, соорудившегося датской фирмой под наблюдением американских экспертов. Текстильная фабрика, построенная с помощью американских экспертов и оборудованная японскими и американскими станками, оказалась экономически невыгодной, так как машины не были приспособлены для бирманского хлопка и пришлось ввозить его из США. Экономические прогнозы американских экспертов, на основе которых была принята программа развития, базировались, в частности, на том, что цена риса на мировом рынке не опустится ниже 50 ф. ст. за тонну. [295] Однако уже в конце 1954 г. обнаружилось, что эту цену бирманский рис на мировом рынке не получит. С декабря правительство прекратило закупки риса и цена на него внутри страны резко упала, что ударило в первую очередь по земледельцам. Наконец, часть затоваренного риса была продана Индии, однако из полученной при сделке цены в 50 ф. ст. за тонну 15 ф. ст. перечислялись Индии в погашение бирманского долга, уплата которого была одним из условий получения независимости в 1947г. Таким образом, практически Бирма продавала рис из расчета 35 ф. ст. за тонну, и, несмотря на это, к началу 1955 г. на складах Бирмы скопилось 700 тыс. *т* непроданного риса.

Ухудшение конъюнктуры на мировом рынке усугублялось недостатками в системе управления сельским хозяйством, охваченной, как и другие области государственного аппарата, жестокой коррупцией. Проверка деятельности Государственного управления сельскохозяйственной торговли обнаружила астрономическую недостачу средств и нехватку на складах 200 тыс. *т* риса. Коррупция и бюрократизм в системе закупок сельскохозяйственных продуктов приводили к тому, что крестьяне предпочитали продавать рис частным посредникам, и жизненный уровень крестьянства никак не мог достичь довоенного. Попытки сдержать рост коррупции и обуздать спекуляцию приводили на практике лишь к созданию все новых управлений и проверочных комиссий.

Ввиду резкого сокращения валютных запасов правительство пошло на свертывание программы развития. Строительство ряда объектов, начавшееся по плану «Пидота», было законсервировано. Кроме того, была сделана попытка ввести режим экономии. В марте 1955 г. было объявлено о сокращении вдвое всех импортных лицензий, что привело лишь к вспышке спекуляции и резкому увеличению ввоза товаров, не облагавшихся лицензиями. Тогда запрещение на импорт было распространено и на эти товары. Одновременно правительство увеличило долю бирманских торговцев в импорте: так, доля бирманцев в импорте текстиля не должна была опускаться ниже 88%. Однако протекционистские шаги, направленные на укрепление национальной буржуазии, не были до конца эффективны, ибо многие бирманские импортеры стали лишь подставными лицами для иностранных [296] фирм. Страдал от этого в первую очередь потребитель, потому что отныне он должен был обеспечивать прибыли как торговцам, так и посредникам. За весну 1955 г. цены на товары широкого потребления выросли в несколько раз и реальный курс чжа резко упал.

Насущные проблемы экономического и политического развития Бирмы заставили бирманское правительство внести коррективы в свою внешнюю политику. Если раньше основными контрагентами Бирмы были страны Британского содружества, а также США, то теперь Бирма пошла на расширение международных связей. К этому толкала также и внутренняя обстановка. Правительство АЛНС стремилось расширить свою опору внутри страны и искало новых путей подавления как легальной, так и вооруженной оппозиции. В выступлениях У Ну все большее место стали занимать внешнеполитические проблемы нейтралитета и сотрудничества с социалистическими странами. Эти выступления отражали демократические, антиимпериалистические тенденции в бирманском обществе, в том числе среди членов АЛНС.

Расширение связей Бирмы с другими странами, как неприсоединившимися, так и социалистическими, было очевидным шагом к укреплению государственной и достижению экономической независимости страны, и он приветствовался и левой

оппозицией, и значительной частью национальной буржуазии. Таким образом, в середине 50-х годов совокупность политических и экономических причин привела к изменению внешнеполитического курса Бирмы.

В 1955 г. торговые миссии Бирмы посетили ряд стран Европы и Азии, заключая контракты на продажу риса. В ходе переговоров определился новый тип торговых соглашений: Бирма заключила ряд бартерных сделок, при которых в обмен на рис получала либо товары и оборудование, либо экономическую помощь, не связанную с политическими обязательствами. Были подписаны договоры с Филиппинами об обмене риса на сахар, с Индонезией — о поставках риса в обмен на сахар, кофе, копру, перец и т. д. Впервые были заключены договоры с социалистическими странами. КНР согласилась приобрести 150 тыс. *t* риса в обмен на пряжу и другие товары, был подписан договор с Югославией о ежегодной поставке 50 тыс. *t* риса в обмен на товары и техническую помощь. [297] Наконец, Советский Союз согласился купить 150—200 тыс. *t* риса в счет поставки Бирме станков, оборудования и других товаров.

В то же время Бирма уладила вопрос о репарациях с Японией. В отличие от других оккупированных во время войны азиатских государств Бирма согласилась на меньшую, чем было ранее установлено, сумму репараций, однако выплата их должна была начаться немедленно как в виде поставок японских товаров, так и путем предоставления различных форм технической помощи на сумму 20 млн. долл. ежегодно. Это соглашение оказалось весьма выгодным для Японии, так как позволило японским промышленникам вернуться на бирманский рынок. Более широкая внешнеполитическая ориентация и внутренняя стабилизация в Бирме дали возможность бирманскому правительству пойти на некоторые шаги, направленные против остатков зависимости от Великобритании. Был расторгнут договор об английской военной миссии и ликвидированы преференциальные тарифы для товаров, ввозимых из стран Британского содружества. Это позволило японским коммерсантам занять первое место среди поставщиков текстиля в Бирму и оттеснить находившихся ранее в более выгодном положении индийских торговцев.

Несмотря на изменение внешнеэкономической политики, борьбу с коррупцией и бюрократизмом (которая так и не дала ожидаемых результатов), создание новых управлений и контрольных комиссий, сокращение импорта, режим экономии и т. д., экономическое положение Бирмы оставалось нелегким. Летом 1955 г. правительству Лиги пришлось фактически отказаться от претворения в жизнь плана «Пидота». После многочисленных заседаний было решено отказаться от тех объектов, строительство которых еще не начиналось. Вместо престижного восьмилетнего плана был выработан четырехлетний план на 1956/57—1959/60 гг., который был значительно скромнее, чем программа «Пидота» и планы, разработанные американскими советниками. Из запланированных 196 объектов было изъято 85 (завершен в конце концов был лишь 31 объект).

Понимая, что Бирма нуждается во внешней помощи и при определенных условиях готова принять ее, и зная, что среди бирманских политиков и в деловых кругах существуют [298] сторонники сближения с США, американцы взяли на себя инициативу восстановить свой престиж и позиции в стране, являющейся «задними воротами в Китай». 26 февраля 1955 г. Бирму посетил государственный секретарь США Дж. Ф. Даллес. Формально причиной его краткого визита было разъяснение бирманским лидерам политики СЕАТО (от участия в котором Бирма отказалась) и выяснение позиции Бирмы на предстоящей Бандунгской конференции. В ходе встречи Даллеса с У Ну обсуждались также вопросы возобновления американской помощи. Летом того же года У Ну посетил США, где был встречен на самом высоком уровне, и выступил на совместном заседании обеих палат конгресса с разъяснением политики неприсоединения. Несмотря на взаимные уверения о стремлении к миру и взаимной терпимости, переговоры о возобновлении помощи проходили в сложной атмосфере, так как У Ну желал получить помощь без явных политических условий и не мог обещать взамен изменения политики Бирмы по

отношению к социалистическим странам. Последовали затяжки с американской стороны, что вызвало ответный шаг Бирмы, направившей торговую делегацию в Индию, где бирманцам удалось добиться принципиального согласия на большой заем. В то же время Бирма продолжала переговоры с социалистическими и нейтральными странами.

Поняв, что политическое давление на Бирму результатов не даст и дальнейшие оттяжки с предоставлением помощи могут привести лишь к укреплению связей Бирмы с социалистическими странами, не требовавшими никаких политических обязательств, США пошли на заключение соглашения 1956 г. об экономической помощи. Однако она выразилась не в предоставлении долларового займа, в чем была заинтересована Бирма для покрытия дефицита торгового баланса, а в продаже Бирме продовольственных излишков и хлопка на бирманскую валюту. Это соглашение (в общей сложности Бирма должна была получить по нему и последующим соглашениям товаров на 40,7 млн. долл.), хоть и покрыло часть бирманского спроса на товары широкого потребления, далеко не удовлетворило Бирму, так как эти поставки давали США возможность влиять на бирманскую экономику, создавая конкуренцию с другими поставщиками этих же [299] товаров и в некоторых случаях даже препятствуя развитию национального производства. В дальнейшем экономическая помощь США выражалась также в предоставлении Бирме займов и других форм помощи.

К концу 1955 г. наиболее острый этап экономического и валютного кризиса был преодолен, однако кардинальные вопросы социального и экономического развития не были решены, и положение в стране продолжало оставаться напряженным. Внутренние противоречия постепенно накапливались, легальная оппозиция Лиге росла как справа, так и слева. Падение авторитета и влияния АЛНС обнаружилось во время выборов 1956 г.

8. Политическая борьба в 1954—1956 гг.

За несколько лет, прошедших со дня достижения независимости, в Бирме ообразовалась категория профессиональных политиков, живущих на доходы от политической деятельности. Почти все они входили в Лигу, составляя ее центральные и местные органы, заполняя государственный аппарат и парламент. Несмотря на сравнительно скромное жалование, которое получали парламентарии и представители лиги на местах, за годы господства АЛНС они настолько вросли в свои кресла, что не представляли иной жизни. В бирманских условиях это способствовало коррупции, ибо все, начиная от помещиков и торговцев, желавших приорестить привилегии или лицензии, и кончая представителями крупных иностранных корпорации, желали заручиться поддержкой того или иного министра, чиновника или члена парламента. Уже в 1951 г. У Ну признавал, что за первые три года независимости было раскрыто около 500 случаев коррупции, которые обошлись стране в 16 млн. чжа. Образование специального бюро расследований не смогло изжить продажности чиновников, причем в Бирме существовало убеждение, что бюро, преследуя рядовых чиновников, куда либеральнее относится к видным членам Лиги. В 1954 г. в темной сделке с рисом было замешано имя одного из руководителей Лиги и лидеров Социалистической партии — У Чжо Нейна. В конце 1954 г. У Ну посвятил многие выступления этой больной теме, ибо продажность чиновников и политиков сильно подрывала авторитет [300] Лиги и была серьезной помехой в экономическом развитии. Теме борьбы с коррупцией была посвящена и конференция АЛНС в мае 1955 г. Более того, была назначена комиссия по чистке Лиги от примкнувших к ней темных дельцов и честолюбцев, стремившихся использовать в своих целях неограниченную власть, которой пользовалась АЛНС. Недовольство Лигой начало проявляться и в армии, где часть молодых офицеров, а также некоторые высшие командиры высказывали разочарование деятельностью правящей элиты, отошедшей от заветов Аун Сана. Паллиативные меры, принимавшиеся правительством, не могли спасти положения: должности, лицензии, подряды, распределение иностранных займов — все это продавалось и покупалось.

Руководство Лиги сознавало, что приближавшиеся всеобщие выборы могут не принести Лиге безусловной победы, как было ранее.

Состоявшиеся в феврале 1955 г. муниципальные выборы в Рангуне стали пробой сил как для Лиги, так и для оппозиции. Оппозиционные партии согласились на время забыть о разногласиях и объединились в Патриотический союз. На политической арене вновь появился Ба Мо, не выставивший своей кандидатуры, но выступивший с левой платформой «народной демократии». К Союзу присоединились даже крайне правые политики, пытавшиеся под его знаменами получить голоса бирманских избирателей, которые в массе отрицательно относились к союзу с Западом и укреплению позиций частного капитала. В целом же Союз отражал настроения мелкой буржуазии, части рабочего класса и городской интеллигенции.

Лига бросила в Рангун все свои силы, организуя митинги, вывешивая красные знамена и транспаранты, избрав в качестве предвыборного символа портрет Аун Сана, обрабатывая буквально каждого избирателя. Сотрудники Лиги контролировали все избирательные участки. В результате победа АЛНС была, как и прежде, подавляющей. Из 35 мест в муниципальном совете Лиге достались 33. Однако за этими цифрами скрывались и тревожные данные: за объединенную оппозицию голосовало 29% принявших участие в выборах, в то время как многие имевшие право голоса не были зарегистрированы или не явились на избирательные участки. Одним из [301] двух кандидатов оппозиции, победивших на выборах, был брат Аун Сана Аун Тан, порвавший с Лигой. Тем не менее результаты выборов в Рангуне вселили уверенность в руководителей АЛНС, и они спокойно ожидали всеобщих выборов, назначенных на апрель 1956 г.

Уверенность в победе обострила борьбу внутри самой Лиги. Начался дележ выгодных мест между соперничающими лидерами и организациями, входившими в АЛНС. Основными соперниками выступали социалисты, уже не в первый раз желавшие полностью подчинить себе АЛНС, и Всебирманская крестьянская организация, надевавшаяся укрепить свои позиции в правящей коалиции за счет голосов крестьян. Однако ни те ни другие не осмеливались открыто выступать против У Ну и его ближайшего окружения, ибо в значительной степени влияние Лиги зиждилось на его личной популярности.

Несмотря на поражение оппозиции на рангунских муниципальных выборах, левые силы, перегруппировавшись, организовали новый союз — Национальный объединенный фронт (НОФ), основной силой которого была Рабоче-крестьянская партия. Правые силы страны объединились в Бирманский национальный блок (БНБ).

Всего АЛНС выставила 220 кандидатов сравнительно с 300 кандидатами оппозиционных блоков и независимых. Как и за год до этого, выборам сопутствовала мобилизация избирательной машины Лиги, вложившей большие средства в агитационную кампанию и контролировавшей все местные органы власти.

Результаты голосования в столице, казалось, подтверждали самые смелые расчеты АЛНС: все девять мест в Рангуне остались за Лигой. Лидеры Лиги — У Ну, У Ба Све и У Чжо Нейн — были избраны уверенным большинством голосов. Однако куда менее обнадеживающими были известия о ходе выборов в сельской местности. Начали поступать сообщения о серьезных потерях, понесенных Лигой. В общей сложности из 240 мест в парламенте 145 досталось Лиге, НОФ получил 47 мест, остальные мандаты пришлось на долю БНБ и независимых. Несмотря на то что Лига сохранила за собой контроль в парламенте, оснований для оптимизма не было: в то время как за Лигу голосовало 1 743 816 избирателей, НОФ набрал 1 139 286 голосов — разрыв был не так велик, [302] как можно было бы заключить по числу избранных парламентариев.

Реальной причиной падения авторитета Лиги было разочарование избирателей в ее деятельности, усталость от продолжавшейся гражданской войны и неудач в области экономики, недовольство профессиональными политиками Лиги, НОФ же выступил с

программой немедленного заключения мира с повстанцами и реальных демократических преобразований в стране. Эта программа была понятна избирателям и отвечала их действительным стремлениям.

После выборов социалисты вновь сделали попытку воспользоваться обстановкой и оттеснить от руководства Лигой и правительством своих соперников. Главным препятствием на пути к этому был У Ну, на которого социалисты не осмеливались нападать публично, но которого они на закрытых заседаниях Высшего совета Лиги обвиняли в провале на выборах. К этому прибавлялись также личные разногласия и неприязнь, давно копившиеся между У Ну и лидерами социалистов. В создавшихся условиях У Ну вторично пошел на тактический маневр: как и в разгар гражданской войны, он объявил о своем уходе от руководства страной, по крайней мере временно, для того чтобы заняться оздоровлением Лиги и подготовить себе достойного преемника. Возможно, У Ну решил отмежеваться от провалов в деятельности Лиги и, предоставив власть социалистам, дать им возможность дискредитировать себя в глазах широких масс. Социалисты со своей стороны полагали, что уход У Ну позволит им, даже если он впоследствии вернется к политической деятельности, укрепиться в руководстве Лиги настолько, что власть У Ну по возвращении будет номинальной.

5 июня 1956 г. У Ну покинул пост премьер-министра, оставшись президентом АЛНС. Лига ограничила его «отпуск» одним годом.

С уходом У Ну премьер-министром стал У Ба Све, сохранивший за собой пост министра обороны. Два других лидера социалистов, У Чжо Нейн и Такин Тин, стали заместителями премьера. Третьим заместителем был назначен шанский князь Сао Кун Чо. Заместители премьера одновременно держали в руках важные министерские портфели: иностранных дел, национальной экономики и социальных служб. [303]

Сосредоточение ключевых постов в руках социалистов не ликвидировало имевшихся разногласий, а действия социалистов по оттеснению сторонников У Ну ускорили начало открытых «боевых действий». У Чжо Нейн первым перешел в наступление, опубликовав письмо к У Ну, в котором он обвинял президента Лиги в подрыве единства социалистов и в попытках удалить их из руководства АЛНС. У Ну не медлил с ответом: он заявил, что обвинения У Чжо Нейна — вымысел и напомнил, что У Чжо Нейн был замешан в незаконной сделке с рисом в 1954 г.

Новый источник раздоров возник и в самой Социалистической партии, которая не была единой ни в классовом, ни в организационном отношении. Она объединяла политические группировки весьма различного направления, и их лидеры враждовали между собой. В этой борьбе внутри партии был очень силен личный элемент — тщеславие и стремление к господству отдельных лидеров.

У Чжо Нейн возглавлял группу «образованных», представлявшую интересы верхушки национальной буржуазии. Политика этой группы находила выражение в выступлениях за индустриализацию Бирмы, за превращение ее в современное экономически независимое государство. За этим скрывалось стремление укрепить позиции национальной торгово-промышленной буржуазии. Вместе с тем «образованные» держали в руках бирманские профсоюзы и оказывали определенное влияние на рабочее движение.

Фракция «необразованных», возглавлявшаяся Такин Тингом, представляла интересы имущих слоев деревни и контролировала Всебирманскую крестьянскую организацию. Лидеры ее выступали за преимущественное развитие сельского хозяйства, полагая, что Бирма должна оставаться сельскохозяйственной страной. Они объявляли индустриализацию преждевременной и разорительной для страны.

За различием позиций этих двух фракций скрывались интересы различных слоев национальной буржуазии, а также личное соперничество между Такин Тингом и У Чжо Нейном и их приверженцами, потому что победа любой из фракций значила также и

дележ административных постов и возможность приблизиться к государственной кормушке. [304]

С приходом к власти социалистов эти разногласия резко обострились и лидеры социалистов обрушились с упреками друг на друга. В различных районах Бирмы соперничество «образованных» и «необразованных» привело к кровавым столкновениям между их сторонниками и к дальнейшему расколу партии. Возможно, У Ну предвидел возникновение такой ситуации и в начавшемся конфликте, не связывая себя формально с той или иной фракцией социалистов, в действительности поддерживал определенные связи с Такин Гином и «необразованными», так как его личные отношения с У Чжо Нейном исключали возможность примирения. Помимо этого У Чжо Нейн, как политический деятель, был значительно более крупной фигурой, нежели Такин Тин, и стремился к неограниченной власти в Бирме. Третий лидер социалистов, председатель исполкома партии У Ба Све, был связан с У Чжо Нейном давнишними личными и партийными отношениями, однако предпочитал до поры до времени не обострять отношений с «необразованными».

В этой обстановке бирманская армия пока оставалась вне политики, хотя ситуация, сложившаяся в стране, беспокоила ее руководителей. С одной стороны, в армии, выросшей и усилившейся в ходе борьбы с повстанцами, были сильны антикоммунистические настроения, и образование Национального объединенного фронта — левой организации, выступавшей за немедленное прекращение гражданской войны мирным путем и демократизацию общественной жизни, — вызвало неодобрение части офицерства. С другой стороны, националистически настроенная основная масса офицерства была разочарована в деятельности Лиги, отрицательно относилась к коррупции и политическим махинациям ее функционеров и стремилась к созданию такого режима, который мог бы установить в Бирме твердую власть, руководствующуюся интересами страны в целом.

9. Обстановка в Бирме в 1957—1958 гг.

По мере того как подходил к концу «отпуск» У Ну, «образованные» социалисты начали принимать меры к тому, чтобы не допустить его возвращения на пост премьер-министра. Подготовка к этому шагу велась негласно, [305] так как авторитет У Ну в Бирме не позволил бы социалистам воспрепятствовать возвращению У Ну официально.

В начале 1957 г. на узком совещании «образованных» было решено сохранить за У Ну должность постоянного президента АЛНС и не «обременять» его впредь постом премьер-министра. В это время У Ну был на Цейлоне, где присутствовал на торжествах, посвященных 2500-летней годовщине со дня рождения Будды. Поездка имела пропагандистский характер, ибо должна была поднять авторитет У Ну как защитника буддийской религии. По возвращении в Рангун У Ну был немедленно информирован о решении «образованных» Такин Гином и Такин Чжо Дуном — лидерами «необразованных» социалистов. Новость заставила президента АЛНС поспешить с возвращением из «отпуска», и У Ну заявил о своем намерении раньше намеченного срока вернуться к исполнению обязанностей премьера. Заручившись поддержкой фракции Такин Тина, У Ну собрал парламент, должный утвердить его решение. Застигнутые врасплох, «образованные» социалисты не посмели возражать против возвращения У Ну, и У Ба Све занял, как и прежде пост заместителя премьер-министра.

После этого отношения У Ну с фракцией У Ба Све — У Чжо Нейна еще более обострились. Исчезли даже внешние признаки единства Лиги. Кроме того, У Ну начал подозревать командование армии в поддержке У Чжо Нейна. Что же касается лидеров социалистов то им лишней раз стало ясно, что Социалистическая партия как организация недостаточно сплочена и едина и в нужный момент на нее трудно будет опереться. Поэтому сразу после возвращения У Ну к власти У Ба Све отправился в Тенассерим для

реорганизации местных отделений партии, что было воспринято У Ну как еще одно доказательство подготовки социалистов к перевороту

Ни временная отставка У Ну и правление социалистов, ни возвращение У Ну к власти не принесли с собой коренных изменений в политике и экономическом положении Бирмы. Классовая принадлежность и социальная база правительства и парламента оставались в целом теми же, а неустойчивость социальных сил, на которые опирались ведущие бирманские политики, и сложность обстановки в стране диктовали непоследовательность и [306] противоречивость конкретной политики как социалистов, так и сторонников У Ну.

Если во внешней политике Бирма твердо придерживалась нейтралистских позиций и активная международная деятельность У Ну даже сделала его одним из лидеров «третьего мира», то внутренняя обстановка изменилась незначительно. Распределение земли среди неимущих крестьян шло медленно: за пять лет действия аграрного закона было отчуждено и перераспределено 1,45 млн. акров (580 тыс. га) земли среди 190 тыс. земледельцев, что затрагивало лишь малую часть бирманских крестьян. К тому же земля, полученная безземельными крестьянами, как правило, вскоре переходила в руки помещиков и ростовщиков (правда, теперь не индийских, а бирманских); сельскохозяйственные кредиты распределялись большей частью среди обеспеченных земледельцев. Не имевшие оборотных средств владельцы крохотных участков зависели от погодных условий, и первый же плохой урожай лишал их земли.

Некоторый рост общего объема промышленного производства, переход промышленных предприятий в руки бирманских собственников (от 40% в 1940 г. до 95% в 1959 г.) и рост государственного сектора в промышленности не улучшили положения рабочего класса. Даже в Рангуне, где заработная плата была выше, чем в других местах, лишь 30% рабочих получали зарплату, достигавшую официального прожиточного уровня. Улучшению положения рабочих мешала раздробленность рабочего движения. Все профсоюзные организации были так или иначе связаны с политическими партиями, и любому расколу в политическом движении сопутствовал раскол в профсоюзах. Сто с небольшим тысяч бирманских рабочих были объединены в четыре основные профсоюзные организации, которые соперничали между собой, выражая зачастую не интересы рабочих, а интересы политиков.

Несмотря на сокращение числа строительных объектов и отказ от плана «Пидота», некоторые из предусмотренных ранее проектов проводились в жизнь. К ним относились в первую очередь те, которые сооружались за счет иностранной экономической помощи.

Возобновление американской помощи Бирме способствовало определенному сближению Бирмы и США, ибо [307] помимо чисто экономической США оказывали Бирме и военную помощь, будучи удовлетворены внутренней политикой правительства АЛНС. В 1958 г. США предоставили Бирме 10 млн. долл. на закупку оборудования и вооружения для полиции, а вскоре после этого Бирма получила 35 млн. долл. на вооружение армии. Подобные соглашения помимо чисто экономических выгод для США, продававших в Бирму излишки вооружения, сковывали бирманскую армию последующей зависимостью от западной военной помощи, так как перевооружение на основе американских стандартов вызывало дальнейшую потребность в получении амуниции и запасных частей к американскому оружию и технике. Поставки оружия дали США возможность направить в бирманскую армию группу специалистов, которые должны были обучить бирманцев обращению с новой техникой.

В 1956 г. находившийся под контролем США Международный банк реконструкции и развития также предоставил Бирме крупные займы на реконструкцию Рангунского порта и развитие железнодорожного транспорта. Впоследствии США предоставили заем на строительство шоссе Мандалай — Рангун и расширение Рангунского университета. Некоторые средства предоставляли Бирме также американские фонды (в первую очередь фонд Форда), выдававшие субсидии на развитие образования и подготовку

государственных служащих. Однако эта помощь носила пропагандистский характер и входила в общую систему идеологического наступления, проводимого также Информационной службой США (ЮСИС) и Бирмано-американским институтом, которые организовали в Бирме библиотеку, издавали журнал, налаживали связи с бирманскими общественными организациями

Участие стран Британского содружества в строительстве некоторых учебных заведений, радиоцентра, завода по производству удобрений, исследовательского института, и поставки этими странами дорожного оборудования и племенного скота были даже в масштабах Бирмы весьма ограниченными.

17 января 1957 г. было заключено соглашение с СССР о строительстве нескольких, так называемых подарочных объектов значительного для Бирмы масштаба. Это были Технологический институт и гостиница в Рангуне, а также больница в Таунджи, столице Шанского [308] Государства. Советский Союз, установивший к тому времени экономические связи с Бирмой, поставляя Бирме оборудование и необходимые ей продукты в обмен на бирманский рис, предложил построить «подарочные объекты» безвозмездно. Однако правительство У Ну не пошло на принятие дара, опасаясь правой оппозиции и неблагоприятной реакции США. Достигнутое с СССР соглашение предусматривало оплату услуг и оборудования советской стороны поставками бирманского риса в качестве ответного дара Бирмы.

Помимо Советского Союза техническую помощь Бирме в этот период оказывали КНР, Югославия и другие социалистические страны.

Благоприятно развивавшиеся отношения Бирмы с социалистическими странами, включавшие обмен правительственными визитами, носили, однако, ограниченный характер и не могли оказать существенного влияния на развитие бирманской экономики.

10. Раскол АЛНС и приход армии к власти

Решающим смотром сил У Ну и его противников стала третья всебирманская конференция АЛНС (первый съезд Лиги со дня достижения независимости), состоявшаяся в январе—феврале 1958 г., в дни празднования десятилетия независимости. Схватка между противниками началась немедленно после открытия съезда. Сигналом к бою стали выборы генерального секретаря АЛНС, на пост которого У Ну прочил Такин Чжо Дуна, одного из лидеров «необразованных» социалистов. У Ба Све, сам претендовавший на этот пост, после яростной дискуссии согласился на компромисс: пост переходил к Такин Чжо Дуну лишь на 1,5 месяца, после чего тот должен был от него добровольно отказаться. На съезде стало ясно, что У Ну еще больше склонился на сторону «необразованных» социалистов и, нуждаясь в массовой поддержке против группы У Ба Све — У Чжо Нейна, не сможет оставаться, как прежде, «над схваткой».

В программной речи на съезде У Ну заявил, что конечная цель АЛНС состоит в том, чтобы создать «социалистическое государство», в котором «не будет капитализма». Однако далее, разъясняя политику руководства [309] Лиги, У Ну показал, что на деле цели АЛНС не ведут ни к созданию социалистического государства, ни к ликвидации капитализма. Из речи следовало, что Лига, одобряя некоторые экономические положения теории Маркса, «отклоняет марксизм как руководящую политическую философию». У Ну почти игнорировал проблемы экономики и одной из основных причин неудач в области экономики объявил нежелание иностранных фирм вкладывать средства в развитие бирманской промышленности. Значительно большее внимание было уделено развитию образования и здравоохранения в стране, ибо в этой области в самом деле были достигнуты определенные успехи. Съезд подтвердил принципы политики неприсоединения и достижения мира во всем мире.

После завершения съезда дни Лиги были сочтены и любое обострение событий в стране могло ускорить ее гибель. Последним толчком оказалась попытка правительства

бороться с преступностью в Рангуне, для чего было приказано провести в городе облавы. Арестами руководил сторонник У Чжо Нейна, и в результате оказалось, что 19 из каждых 20 арестованных принадлежат к фракции Такин Тина — Такин Чжо Дуна. «Необразованные» обратились с протестом к У Ну, заподозрив его в политическом двурушничестве. Поставленный перед угрозой потерять союзников, У Ну был вынужден дать «необразованным» социалистам обещание официально поддерживать их в случае раскола Лиги, снял с поста санкционировавшего аресты министра внутренних дел, не информировав об этом ни У Ба Све, ни У Чжо Нейна, и взял министерство в свои руки. Это было открытым объявлением войны.

27 апреля 1958 г., через два дня после снятия министра внутренних дел, соперники решили разделить Лигу. 5 мая на последнем совместном заседании Высшего совета Лиги ее лидеры договорились созвать 5 июня чрезвычайную сессию парламента для обсуждения этого вопроса.

Известие о фактическом расколе Антифашистской лиги народной свободы взволновало всю Бирму. Большинству бирманцев Лига представлялась неотъемлемой частью политической жизни страны. Раздел оказался пагубным не только для АЛНС, но и для ее лидеров, в первую очередь для У Ну, ибо до этого момента, несмотря [310] на разногласия и фракционную борьбу, он лично оставался вне подозрений. До тех пор, пока У Ну не связывал свое имя ни с одной из борющихся фракций, авторитет его был незыблем, и все попытки социалистов оттеснить его от руководства проваливались. До раскола У Ну пользовался поддержкой армии, заинтересованной в едином и сильном руководстве страной; раскол же Лиги и последовавшая за этим борьба, в которую политики пытались втянуть и армию, внушили армейскому руководству серьезные опасения за судьбу государства.

Месяц подготовки к сессии парламента ознаменовался невиданной дотоле в Бирме кампанией взаимной дискредитации противников. Пожалуй, за этот месяц авторитет бирманских политиков упал больше, чем за все предыдущие годы. Обе фракции шли на любые средства ради того, чтобы опорочить соперников. И в этой борьбе не пощадили ни У Ну, ни прошлую политику Лиги в целом.

В то время как фракция У Ну сохраняла в своих руках основные посты в Лиге и контролировала ее денежные средства (к фракции принадлежали президент, генеральный секретарь и казначей АЛНС), правительство разделилось почти поровну, а в местных организациях АЛНС и среди депутатов парламента от Лиги «образованные» социалисты имели явное преимущество. Попытка «образованных» социалистов добиться добровольного ухода У Ну с поста президента Лиги до сессии парламента не увенчалась успехом. Тогда фракция У Ба Све — У Чжо Нейна потребовала созыва Высшего совета Лиги до начала сессии, на что У Ну также не пошел, понимал, что в Совете большинство у его противников.

На июньской (1958) сессии парламента фракция У Ба Све — У Чжо Нейна внесла предложение о вотуме недоверия правительству У Ну. Все зависело от того, чью сторону примет левая оппозиция — Национальный объединенный фронт. НОФ голосовал за У Ну, выбрав из двух зол меньшее. Вотум недоверия был отклонен 127 голосами против 119, т. е. большинство было незначительным.

Видя нежелание У Ну созывать Высший совет Лиги, фракция У Ба Све — У Чжо Нейна провела совещание своих сторонников в Совете (сторонники У Ну бойкотировали заседание), распустила на нем исполком Лиги, [311] исключила У Ну и его сторонников из Лиги, а затем избрала новый исполком, нового президента — У Ба Све и нового генерального секретаря — Такин Та Кхина. Новый генеральный секретарь Лиги потребовал от У Ну передачи архива и денежных фондов Лиги ее «законному» руководству.

Затем последовало исключение из Социалистической партии «необразованных» социалистов, а также снятие их с постов лидеров Всебирманской крестьянской организации и Федерации торговцев и ремесленников.

Последовали ответные меры: У Ну и Такин Чжо Дун исключили из АЛНС У Ба Све и его сторонников, обвинив их в нарушении устава Лиги. В стране образовалось две Лиги, каждая из которых считала себя законной и единственной, хотя ни та ни другая в действительности не могли представлять прежнюю АЛНС.

Обе фракции сохранили за собой старое название — Антифашистская лига, но дополнили его. Сторонники У Ну стали называть свою организацию «чистой» Лигой, желая показать этим, что в нее вошли лишь «чистые» политики, не связанные с коррупцией и злоупотреблениями. Фракция У Ба Све — У Чжо Нейна назвала свою Лигу «стабильной».

Уже перед началом июньской чрезвычайной сессии парламента 15 министров — представителей фракции У Ба Све — У Чжо Нейна — додали в отставку, и У Ну назначил на их место министров из своей фракции. Однако победа в правительстве была временной. Это было понятно У Ну и его сторонникам, которых ожидал тяжелый бой на августовской сессии парламента, созывавшейся для утверждения государственного бюджета.

У правительства была альтернатива созыву сессии парламента: оно могло провести бюджет президентским указом, ибо конституция предусматривала такую возможность в случае, если созыв парламента был по каким-то причинам невозможен. Однако до поры до времени У Ну держал парламента в неведении относительно своих намерений, так как рассчитывал на переход в свой лагерь нестойких членов фракции У Ба Све — У Чжо Нейна, соблазненных правительственными должностями. В то же время в его интересах было не посвящать в свои планы не только противников, но и сторонников — фракцию НОФ, усиления которой он весьма опасался. [312]

Раскол Лиги повлек за собой дальнейший раскол рабочего движения в стране. Профсоюз рабочих Рангунского порта остался в руках «стабильной» Лиги, и фракция У Ну — Такин Тина приняла меры для создания конкурирующего профсоюза. Новый профсоюз потребовал монопольного права на разгрузку судов в Рангунском порту, и, когда правительство удовлетворило эти требования, начались столкновения между рабочими. В конфликт оказались вовлечены рабочие речного транспорта и железнодорожники. В тех случаях, когда деятели рабочих союзов и рядовые рабочие выступали против создания раскольнических организаций, правительство прибегало к арестам, что вело к дальнейшему осложнению обстановки и разногласиям с НОФ, ибо прогрессивные профсоюзные организации, связанные с НОФ, также были затронуты раздорами в рабочем движении.

Выразив поддержку У Ну, лидеры НОФ не тешили себя иллюзиями относительно действительных целей и возможностей правительства «чистой» Лиги. Одним из основных вопросов, в котором позиций «чистой» Лиги и НОФ совпадали, был вопрос об установлении внутреннего мира. Прекращение гражданской войны на этом этапе укрепило бы авторитет правительства и позволило бы ему без опасений провести всеобщие выборы.

24 июня правительство У Ну заявило о своей готовности объявить всеобщую амнистию и созвать общенациональную конференцию с участием всех партий, включая коммунистов. НОФ положительно отнесся к заявлению У Ну и обратился с призывом к коммунистам выйти из подполья. 1 августа постановление об амнистии было официально опубликовано. В нем содержалось обещание легализовать все партии, вышедшие из подполья. Однако коммунисты выдвинули встречные предложения, требуя непосредственных переговоров с правительством. Сознвая непрочность позиций У Ну и усиление правых сил в стране, коммунисты желали получить дополнительные гарантии.

Очевидное «полевение» правительства У Ну и блокирование «чистой» Лиги с НОФ вызвало отрицательную реакцию не только у правых социалистов. Внимательно присматривалась к событиям и армия. Если 23 июня, за день до опубликования заявления об амнистии, командующий армией генерал Не Вин подтвердил нейтралитет [313] армии в политических событиях, то в дальнейшем этот нейтралитет оказался под угрозой, ибо армия подвергалась активной обработке со стороны политиков, и это, вкупе с общим тревожным положением в стране, дало свои результаты.

Среди части бирманского офицерства правые социалисты пользовались большим влиянием, чем сторонники У Ну. Это объяснялось в первую очередь тем, что У Ба Све в течение долгого времени был министром обороны в правительстве АЛНС и имел крепкие личные связи со многими офицерами. Второй причиной, склонявшей этих офицеров к поддержке правых социалистов, была твердая антиповстанческая позиция «стабильной» Лиги. За время одиннадцатилетней гражданской войны армия в массе привыкла расценивать повстанцев как врагов. Умело направленная агитация правых социалистов утверждала армейских офицеров в мысли о том, что У Ну вместе с НОФ намереваются «продать» страну повстанцам и лишит этим смысла многолетние действия и жертвы армии.

Заинтересованность высшего командования бирманской армии в политических событиях объяснялась не столько этими причинами, сколько опасениями за целостность Бирмы и разочарованием в руководстве АЛНС, чему раскол Лиги и драка за власть давали окончательное подтверждение. В отличие от части офицеров, выходцев из состоятельных семей, в командовании бирманской армии пользовались влиянием командиры, начинавшие свой путь в армии Аун Сана и принимавшие участие в борьбе за независимость Бирмы. Оставаясь в стороне от политических склоков, они с горечью следили за тем, как правительство и парламент Бирмы все далее отступают от идеалов, за которые они боролись.

Настороженность армии по отношению к политике «чистой» Лиги не была односторонней. Деятели «чистой» Лиги также опасались перехода армии на сторону У Ба Све — У Чжо Нейна и высказывали требования о чистке армии, слали в Рангун жалобы на ее действия в провинции.

Эти опасения впервые прозвучали на Всебирманской конференции «чистой» АЛНС, начавшейся в конце августа 1958 г. Обвинения в адрес армии и требования ее [314] чистки звучали в выступлениях делегатов из провинций, но лично У Ну не стал поддерживать этих требований. Когда 3 сентября группа армейских офицеров заявила ему протест, он ответил, что ни о каких обвинениях в адрес армии не знает, и выступил с предложением образовать правящую хунту из трех представителей армии и трех членов «чистой» Лиги. Это предложение было отвергнуто, и У Ну вновь оказался перед лицом оппозиции, преодолеть которую с помощью одной лишь «чистой» Лиги он не мог.

Еще до начала конференции «чистой» Лиги У Ну сделал два заявления, которые свидетельствовали о неустойчивости его положения: 28 июля он объявил о созыве бюджетной сессии парламента 28 августа, а 19 августа неожиданно отменил сессию, мотивировав это решение выходом из подполья части повстанцев, которые должны будут принять участие во всеобщих выборах.

Если коммунисты не спешили с принятием объявленной амнистии и выходом из подполья, то некоторые другие группы повстанцев, крупнейшей из которых была Партия народных товарищей, решили легализоваться. Их выход из джунглей приветствовался НОФ, но был холодно встречен правым крылом армейского офицерства: не было исключено, что коммунисты, внимательно наблюдавшие за положением в стране, через некоторое время последуют за Партией народных товарищей.

Признаки приближающегося выступления армии, главными инициаторами которого были офицеры-социалисты полковники Аун Джи и Маун Маун, заставили потерявших лидеров «чистой» Лиги обратиться к мобилизации имевшихся в их

распоряжении вооруженных сил, а именно военной полиции и лесной охраны, находившихся в распоряжении министерства внутренних дел и министерства сельского хозяйства. Правительство могло также рассчитывать на поддержку Реабилитационной бригады, сельских отрядов самообороны «пьюзоти» и только что вышедших из подполья частей повстанцев. Дальнейшие события зависели как от решительности противостоящих сторон, так и от того, пойдет ли правительство «чистой» Лиги на союз с коммунистами, части которых, примкнув к правительству, могли бы изменить баланс сил.

Однако правительство действовало неуверенно. Стягивавшиеся [315] к Рангуну части полиции были в основном задержаны армией на подступах к Рангуну и разоружены. К штаб-квартире Лиги смогли прибыть не более 500 полицейских и членов отрядов «пьюзоти». Армия, действовавшая решительнее, объявила чрезвычайное положение, ввела войска в города и перерезала коммуникации, отделив от Рангуна преданные Лиге отряды, расположенные в Пьи и Таравади.

Уехавший в Верхнюю Бирму У Ну оставил запись своей речи для радио, в которой уверял, что антиармейские выступления его сторонников являются следствием недопонимания членами Лиги роли армии и ее преданности стране и правительству. У Ну еще надеялся на примирение с армией и давал понять, что отказывается от союза с коммунистами.

Возвратившемуся в Рангун У Ну члены кабинета сообщили о том, что армия намерена провести этой же ночью государственный переворот. На заседании было предложено отправить У Ну в безопасное место на случай, если дело дойдет до боев между армией и сторонниками Лиги. Отказавшись от бегства, У Ну направил делегацию министров к генералу Не Вину, однако командующий армией заявил, что ничего не знает о перевороте. В течение двух следующих дней, 23 и 24 сентября, Маун Маун и Аун Джи дважды посетили У Ну, объяснив ему позицию армии, которая опасалась как нападений и акций, со стороны «чистой» Лиги, так и возможного вмешательства коммунистов на стороне Лиги. Офицеры высказали неверие в способность правительства контролировать положение в стране.

25 сентября У Ну собрал своих ближайших сторонников. Предложения некоторых, из них о союзе с левыми силами и о сопротивлении армии, за которой, по их убеждению, стояли правые социалисты, не вызвали у премьер-министра энтузиазма. Его, очевидно, страшила перспектива народной революции и новой вспышки гражданской войны в стране, ибо в случае победы левых У Ну и «чистой» Лиге могло не найтись места в новом правительстве. Разногласия с правыми социалистами и армейскими офицерами объяснялись борьбой за власть, разногласия с коммунистами были классовыми.

26 сентября 1958 г. У Ну пригласил в свою резиденцию бригадного генерала Тин Пе и полковников Аун [316] Джи и Маун Мауна и объявил им о решении «чистой» Лиги передать власть армии. Будучи опытным политиком, У Ну подготовил проект своего письма генералу Не Вину и проект ответа генерала Не Вина, в котором тот соглашался взять на себя временно управление страной. В ответе Не Вина говорилось, что армия берет на себя власть для подготовки в нормальных условиях всеобщих выборов 1959 г., обязуется оградить от политики военнотружущих и государственных чиновников, возьмет на себя восстановление в стране порядка и достижение мира. Во внешней политике армия обязывалась продолжать политику нейтралитета.

28 сентября чрезвычайная сессия палаты депутатов приняла отставку У Ну и избрала премьер-министром генерала Не Вина, который образовал непарламентский кабинет из 14 министров. Все они были гражданскими лицами, однако каждое министерство контролировалось представителями армейского командования.

У Ну сумел сохранить свою партию и шансы на возвращение к власти. Он получил также обещание генерала Не Вина добровольно уйти с поста премьера после всеобщих выборов. Социалисты группы У Ба Све — У Чжо Нейна не смогли прийти к власти, хотя и не теряли надежды захватить ее позднее, пользуясь поддержкой правых офицеров. Более

всех пострадали от прихода к власти военных левые силы, так как именно против них должно было обернуться недовольство правых элементов в армии. Особенно беспокойно чувствовали себя Национальный объединенный фронт и Партия народных товарищей, лишь недавно вышедшая из подполья показавшаяся беззащитной перед лицом возможных репрессий. Коммунисты сохранили свои вооруженные силы и базы в джунглях, однако и они ожидали резкого усиления активности армии, большинство офицеров которой полагало, что гражданскую войну можно прекратить, лишь победив коммунистов.

11. Временное правительство у власти

31 октября 1958 г. новый премьер-министр Бирмы, генерал Не Вин, выступил в парламенте с программной речью. Из нее следовало, что основная цель временного [317] правительства — установление в стране порядка и законности, подорванных расколом Лиги и партийной борьбой. Указав на то, что вследствие раскола Лиги коммунисты, готовые уже сдать, остались в джунглях, премьер-министр поставил под сомнение искренность вышедшей из подполья по призыву прежнего правительства Партии народных товарищей, укрывшей, по его словам, большую часть оружия на случай, если придется им воспользоваться вновь. Не Вин также намекнул на опасность антиармейских действий со стороны военной полиции.

Далее генерал Не Вин сказал, что повстанческое движение настолько сложно по своему составу, что достижение мира с какой-либо группировкой повстанцев не означает мира со всеми повстанцами. Единственным мирным путем к прекращению гражданской войны новое правительство считало сдачу повстанцев в плен без каких-либо гарантий. Дальнейшая судьба повстанцев, заявил премьер-министр, будет определяться их прошлыми поступками.

Обещая в своей деятельности не опираться ни на одну из существующих партий, генерал Не Вин обязался создать в течение полугода условия для проведения свободных всеобщих выборов.

В речи нового премьер-министра не нашли отражения экономические и социальные проблемы. Однако генерал Не Вин ввел в заключительной части своей программы новый для Бирмы термин — «экономический повстанец», имея в виду тех дельцов, которые в погоне за прибылью забывали об интересах государства и подрывали бирманскую экономику. Именно на них возлагалась ответственность за рост цен в стране и нехватку товаров. Снижение цен на товары широкого потребления было единственным обещанием, данным новым правительством в области экономики.

Руководство армии, не связанное необходимостью давать отчет в своих действиях парламентскому кабинету, полагало, что решительное наступление поможет в течение нескольких месяцев положить конец гражданской войне. Широкое наступление на повстанцев должно было идти по нескольким направлениям. Помимо чисто военных операций, в которых участвовала бирманская армия, в стране были созданы отряды самообороны, в основном из жителей деревень, которые должны были сообщать [318] о появлении повстанцев, их базах и намерениях. В городах и сельской местности проводились многочисленные аресты среди тех, кого считали сторонниками повстанцев. От этого в первую очередь пострадали Партия народных товарищей, незадолго до того покинувшая подполье, и Национальный объединенный фронт, особенно входившая в него Рабочая партия (так с 1958 г. называлась Рабоче-крестьянская партия). Были арестованы также многие лидеры левых профсоюзов, студенческого и крестьянского движения, некоторые деятели «чистой» Лиги. Эти аресты часто организовывали социалисты, которые таким образом чужими руками устранили политических противников.

Создавшаяся ситуация определила отношение основных политических партий страны к временному правительству. «Стабильная» Лига полностью солидаризировалась с армией, полагая, что к моменту ухода генерала Не Вина она с помощью армии сможет

обеспечить себе полное политическое господство в стране. «Чистая» Лига стала в оппозицию к правительству, хотя на первых порах эта оппозиция была весьма сдержанной. Удар, направленный против НОФ, оказался роковым для этого союза различных партий, который, потеряв многих лидеров, не смог выработать четкой программы и фактически распался, особенно после того, как из него вышла, чтобы влиться в «чистую» Лигу, Партия справедливости во главе с Е Мауном.

Развернув широкие военные действия против вооруженных противников правительства, армия определила их последовательность. Основные удары были направлены против коммунистов и К.НОО, тогда как борьба с гоминьдановцами временно отошла на задний план. По официальным данным, опубликованным временным правительством, в 1958 г. в Бирме насчитывалось до 9 тыс. повстанцев различного толка (15 тыс. вместе с активно сочувствующими), из них примерно по 3700 коммунистов («Белый флаг» и «Красный флаг» вместе) и каренов и несколько более 1 тыс. гоминьдановцев. За время пребывания военного правительства у власти было убито и ранено в общей сложности около 4 тыс. повстанцев и 1238 сдались в плен. В коммунистических отрядах после окончания кампании осталось менее 1 тыс. человек, в КНОО — около 1700, в то время как численность гоминьдановцев [319] увеличилась до 2300 за счет пополнений из числа шанских повстанцев. Потери же гоминьдановцев были незначительны.

Несмотря на успехи правительственных войск, уже в первые месяцы армейского правления стало ясно, что справиться с повстанцами чисто военными методами не удастся. Внушительные цифры потерь коммунистов и каренских повстанцев, сообщения о сдаче в плен все новых отрядов не означали, что в стране установлен мир. В феврале 1959 г. правительство признало, что армия не сможет победно завершить гражданскую войну в течение отведенных ей для этого шести месяцев. Генерал Не Вин подал в отставку (указав парламенту альтернативу — отложить на год выборы и продлить полномочия правительства), и парламент проголосовал за продление полномочий непарламентского кабинета до весны 1960 г.

Некоторые политические шаги временного правительства, предпринятые в это время, были подчинены задачам борьбы с повстанцами, однако по своему значению они подчас выходили за пределы этой частной цели. Важнейшим из них было заключение соглашения о границе между Бирмой и КНР, т. е. решение вопроса, в течение многих лет вызывавшего трения, ибо граница, проведенная англичанами, никогда не была признана китайским правительством. Бирманское правительство полагало, что упорядочение отношений с сильным северным соседом усилит позицию Бирмы в деле ликвидации гоминьдановцев и воспрепятствует поддержке правительством КНР левого подполья.

Соглашение о границе, а также подписание в Пекине в январе 1960 г. договора о ненападении и дружбе, обмен визитами между главами правительств Бирмы и КНР и договоренность о предоставлении КНР займа Бирме (оформленного в 1961 г.) были поддержаны «чистой» Лигой и отрицательно встречены как «стабильной» Лигой, так и частью качинских феодалов.

Другим важным шагом военного правительства была ликвидация привилегий шанских феодалов. В 1959 г. под нажимом правительства 29 из 32 шанских князей отказались от своих привилегий и согласились на передачу власти «народному правительству» Шанского государства. Отныне шанские феодалы были лишены своих армий и большей части доходов, а также потеряли возможность [320] заигрывать в выгодные для себя моменты с гоминьдановцами, поддерживать их и пользоваться их поддержкой в личных целях. Лишь три феодала отказались подчиниться решению правительства, и два из них — князя Кентунга и Ва — подняли восстание и начали войну против правительства. Их действия не тревожили временное правительство, так как ограничивались горными районами. Однако позднее, когда центральная власть ослабла, деятельность сепаратистов привела к более серьезным последствиям.

12. Возвращение У Ну и политический кризис 1961 — начала 1962 г.

Расходование значительной части бюджета на ведение военных действий против повстанцев, дальнейшее замедление темпов экономического развития, солидарность части бирманского офицерства со «стабильной» Лигой и неспособность армии восстановить мир на своих условиях вызвали разочарование в стране. Некоторое снижение цен на предметы широкого потребления, ограничение деятельности частного сектора во внешней торговле, расширение экономической деятельности армии, меры по благоустройству Рангуна и борьбе с преступностью были паллиативами, не могущими существенно улучшить состояние экономики. Принятый в 1959 г. «Закон об инвестициях», по которому правительство обещало в течение 10 лет не проводить национализации иностранных предприятий и разрешало их владельцам переводить прибыли за границу в иностранной валюте, получение крупных займов от США на строительство стратегической дороги Рангун—Мандалай подтверждали подозрения о сильном влиянии правых социалистов на экономическую политику правительства. Наконец, внешне пока незаметное, накапливалось недовольство и в самой армии, где были сильны демократические традиции и сохранялись тесные связи с демократическими слоями деревни и города. В то время как правые социалисты продолжали оказывать влияние на офицерский корпус, большинство рядовых и среднего командного состава поддерживали «чистую» Лигу.

В предвыборной кампании, проходившей в конце [321] 1959 — начале 1960 г., У Ну предостерегал избирателей от поддержки социалистов, указывая, что их победа будет означать приход фашизма в Бирму. Не обещая немедленного мира с коммунистами, «чистая» Лига выступала за путь «демократии и свободы».

В феврале 1960 г., несмотря на то что победа над повстанцами все еще не была достигнута, были проведены обещанные выборы в парламент. Избиратели должны были решить, поддержать ли программу «стабильной» Лиги, направленную на военную победу над повстанцами и «жесткую» внутреннюю политику, или «чистую» Лигу с ее обещанием мира и демократии. Выборы также решали, какой должна стать политика самой армии, внешне дисциплинированной и сплоченной, внутри же разделенной на сторонников войны до победного конца и союза со «стабильной» Лигой и сторонников внутреннего мира на демократической основе.

Рассчитывая на поддержку армии, лидеры «стабильной» Лиги полагали, что победа на выборах им обеспечена, тем не более что по бирманской конституции в выборах могут принимать участие и военнослужащие, на голоса и влияние которых правые социалисты весьма рассчитывали. Но уже в первый день выборов обнаружилось, что избиратели отрицательно относятся как к «стабильной» Лиге, так и к политике, проводившейся в течение полутора лет армейским правительством. Победа сторонников У Ну была ошеломляющей. «Чистая» Лига, переименованная в марте 1960 г. в Союзную партию, победила во всех девяти избирательных округах Рангуна, причем таким большинством голосов, что лидерам социалистов не приходилось и надеяться на победу в масштабе страны. На открывшейся в апреле 1960 г. первой сессии нового парламента Союзную партию представляли 160 депутатов от Бирмы и 12 — от национальных меньшинств. «Стабильная» Лига получила всего 44 места, причем ни один из ее лидеров в парламенте не был избран.

Неудачу потерпели и остатки Национального объединенного фронта. Разброд, охвативший НОФ в первые месяцы пребывания у власти временного правительства, и отсутствие четкой положительной программы лишили его многих избирателей. И все-таки во многих округах кандидатам Фронта удалось набрать больше голосов, [322] чем кандидатам «стабильной» Лиги, хотя ни один депутат от НОФ в парламент не вошел.

Важным фактором, сказавшимся на дальнейшей позиции армии, был результат голосования солдат и офицеров. Из 10 тыс. военнослужащих и членов их семей, голосовавших в Рангунском округе, более половины отдали голоса за «чистую» Лигу.

Избиратели ожидали от нового правительства установления мира в стране и очевидного улучшения экономического положения. Пора было выполнять предвыборные обещания. Будущее Союзной партии и правительства У Ну зависело от того, насколько быстро и энергично они смогут добиться перемен.

Правительство, созданное У Ну, состояло в основном из его старых соратников, занимавших посты и в прежних кабинетах. Семь портфелей было сосредоточено в руках самого У Ну, Такин Тин стал министром финансов и министром национального планирования, У Рашид — министром шахт и труда. Состав кабинета не обещал кардинальных перемен в политике. С первых же дней правительство прибегло к маневрам. С одной стороны, оно заверяло, что гражданская война будет вестись до победы и о переговорах с коммунистами речи пока нет, с другой — заметно спала военная активность и ослаб контроль над политической деятельностью в стране. Это выразилось в роспуске созданных при военном правительстве «Советов безопасности», в возобновлении выхода левых газет, в освобождении из тюрем ряда политических деятелей, в том числе некоторых руководителей компартии.

К моменту прихода к власти Союзной партии было ясно, что не только программа «Пидота», но и значительно более умеренный первый четырехлетний план (1956/57—1959/60 гг.) не выполнены. В соответствии с планом площади под рисом должны были вырасти до 12 млн. акров, однако в 1960 г. они составляли всего 10,7 млн. Задания плана по расширению посевов технических культур были выполнены лишь на четверть. Отставала и промышленность, в первую очередь горнодобывающая. Ввиду этого второй четырехлетний план, утвержденный в 1961 г., составлялся уже с учетом невыполнения первого и во многих частях лишь дублировал его задания. [323]

Валовой отечественный продукт Бирмы превысил в 1958/59 г. довоенный уровень в 1961 г. превзошел его на 12%. Однако реальный доход на душу населения был ниже довоенного, ибо население Бирмы увеличилось по сравнению с довоенным на треть, а производство важнейших сельскохозяйственных продуктов было ниже, чем до войны. В 1960/61 г. производство риса достигло лишь 91% довоенного уровня. Вместе с тем правительство Союзной партии не решалось продолжить в широких масштабах перераспределение земли, опасаясь восстановить против себя деревенскую верхушку, которая была одной из основных опор партии.

Значительного увеличения поступлений в казну от экспорта риса и других сельскохозяйственных продуктов не предвиделось, и правительство изыскивало дополнительные средства на финансирование экономики с таким расчетом, чтобы не испортить отношения с национальной буржуазией. В апреле 1960 г. У Ну выдвинул лозунг «передать в руки национального капитала контроль над всей торговой деятельностью страны». Одновременно шло относительное сокращение государственного сектора в пользу частного национального капитала. Лишь те промышленные предприятия и другие объекты, которые были близки к завершению, оставались в руках государства, новые же предприятия было решено создавать исключительно на основе частного предпринимательства. Государство продавало промышленное оборудование частным лицам в рассрочку, что открыло благоприятные возможности для национальных промышленников. Ширилась сеть национальных бирманских банков: если в колониальной Бирме был всего один бирманский банк, то в 1961 г. их было 10 (из 24). Расширение возможностей кредита способствовало росту мелких предприятий. В 1960 г. они составляли абсолютное большинство в стране и давали почти половину промышленной продукции. Наряду с этим быстро шел и процесс концентрации капитала. К 1962 г. в стране насчитывалось около 2 тыс. акционерных обществ, из них 266 были зарегистрированы в 1962 г. Покровительство национальному частному капиталу отразилось и в изменении соотношения иностранных и бирманских фирм в стране. Если накануне войны бирманцам принадлежало всего 40% предприятий обрабатывающей промышленности (преимущественно [324] мелких), то к 1960 г. лишь 5% предприятий

такого рода оставались в руках иностранцев (в действительности их число было большим, потому что часть иностранных владельцев предпочитала выступать под бирманской вывеской, используя подставных лиц).

Правительство У Ну, выражая в целом интересы национальной буржуазии, в ряде случаев не отказывалось от развития государственного капитализма. Была расширена государственная монополия на импортную торговлю, доля государства в англо-бирманской нефтяной компании увеличилась с 33,8 до 51%. Одновременно с этим продолжалось привлечение в Бирму иностранного капитала, особенно в тех областях, где его появление не задевало интересов национальной буржуазии (а зачастую и приветствовалось бирманской буржуазией, искавшей связей с внешним рынком и возможностей приобщиться к получению валюты). Попытки привлечь иностранный капитал были тем более настойчивыми, что зарубежные фирмы часто не доверяли бирманскому правительству, требуя возможности свободного перевода прибылей за границу и гарантий от национализации.

Принятый в 1959 г. закон об иностранных инвестициях, дававший освобождение от уплаты подоходного налога в течение первых трех лет и гарантии от национализации в течение 10 лет, в 1961 г. был пересмотрен в интересах иностранных компаний. Отныне в каждом отдельном случае этот срок определялся президентом Бирмы. Принятие этого закона и поправок к нему благоприятно отразилось на притоке иностранного капитала. Отлив частного капитала за границу сократился за год с 23 млн. до 2 млн. чжа.

Для налаживания связей с деловыми кругами капиталистических стран был создан Инвестиционный комитет, и его председатель отправился в поездку по Англии, США и Канаде. За двухлетний срок пребывания у власти правительства Союзной партии Инвестиционный комитет получил 60 заявок от заграничных фирм и 10 из них удовлетворил. Две американские компании, например, получили лицензии на разведку нефти, а одна — на создание смешанного нефтедобывающего предприятия.

Наибольшую активность в Бирме проявлял в 1960 — 1962 гг. японский капитал. В 1961 г. было подписано [325] предварительное соглашение о создании бирмано-японской компании по добыче редких металлов. Разрешение на разведку меди получил японский концерн «Мицуи». Японские автомобильные фирмы подписали соглашение о создании в Бирме автосборочного завода, а также предприятия по сборке транзисторных радиоприемников.

Помимо подписанных соглашений к 1962 г. накопилось несколько десятков заявок самых различных фирм как в области добывающей, так и в области текстильной, цементной промышленности и т. д. Представители иностранных фирм начали переговоры о передаче им в эксплуатацию уже существующих объектов и предприятий. Усиление иностранного проникновения в экономику страны и свертывание государственного сектора (во втором четырехлетнем плане капиталовложения в частный сектор были вдвое больше, нежели в предыдущем) свидетельствовали о том, что в экономической политике правительство делает упор на развитие частного предпринимательства. В то время как богатели дельцы и торговцы, усиливалась эксплуатация рабочих на многочисленных мелких предприятиях, крестьяне ежегодно теряли за долги около 160 тыс. акров земли, а деятели правящей партии продавались и покупались так интенсивно, что коррупция 50-х годов была многократно перекрыта. Ликвидация привилегий шанских князей — крупнейших феодалов страны, контролировавших значительную часть территории Бирманского Союза, — прошла в 1959 г. относительно спокойно. Однако в последующие годы слабость правительства способствовала объединению недовольных князей. Дело осложнилось тем, что входившие в правительство министр иностранных дел шанский князь Сао Кун Чо и председатель совета Шанского государства примкнули к недовольным. Идеи сепаратизма подогревались князьями Кентунга и Ва, которые вели партизанскую войну с правительством и поддерживали контакты с гоминьдановскими войсками.

В июне 1961 г. в Таунджи была проведена Всебирманская конференция по вопросам федерализма, на которой шанские лидеры потребовали введения в Бирме федеральной системы, при которой собственно Бирма была бы одним из федеральных государств. Государства, входившие в федерацию, имели бы право выйти из нее. [326] Несмотря на то что большинство участников конференции не поддержало этот проект, обнаружилось, что у него много сторонников, в первую очередь среди шанов, каренов, чинов и качинов. У Ну, к этому времени уже терявший контроль над страной и Союзной партией, ограничился тем, что призвал участников конференции к решению вопросов демократическим путем. В это время им владела идея, которая должна была укрепить его авторитет в собственно Бирме. Этой идеей было объявление буддизма государственной религией — план, не только не выполнявший возложенных на него надежд, но и ускоривший падение правительства.

Намерение У Ну сплотить Бирму на основе буддизма объяснялось не только политическими соображениями. У Ну находился во власти заблуждения о возможности разрешить с помощью буддизма проблемы, стоящие в середине XX в. перед многонациональным государством, где даже бирманцы зачастую воспринимали религию лишь как часть традиционного уклада, далеко не всегда определяющего нормы морали, и где сама буддийская сангха давно уже потеряла реальную власть над умами бирманцев и переживала классовые и социальные схватки, отражавшие политическую борьбу в стране. Однако упорные попытки У Ну возродить буддизм лишь подорвали авторитет премьер-министра среди политиков Бирмы, из которых мало кто был связан с буддизмом, и вызвали острую реакцию национальных меньшинств, видевших в пробуддийской политике У Ну дискриминацию по отношению к каренам, шанам, чинам и араканцам независимо от их религиозной принадлежности. Возможно, в другой политической обстановке кампания за превращение буддизма в государственную религию не вызвала бы такого недовольства на национальных окраинах, однако в 1961 г., когда сепаратизм стал знаменем правых сил национальных окраин, решение У Ну оказалось подарком и для сепаратистских лидеров и для политической оппозиции.

Закон об изменении конституции с целью объявления Бирмы первой в мире буддийской республикой был утвержден парламентом 26 августа 1961 г., тотчас после завершения работы конференции по федерализму в Таунджи. Несмотря на подавляющее большинство, которым обладала в парламенте Союзная партия, дебаты по законопроекту [327] продолжались 14 часов. Правительство оцепило здание парламента войсками, и шумная кампания за поправку к конституции, раздувавшаяся сторонниками У Ну и фанатичными монахами, продолжалась и во время дебатов. Несмотря на то что лишь 30 членов парламента голосовали против поправки к конституции, оппозиция ей, даже в самой Союзной партии, была значительной. Через месяц правительство под давлением массового недовольства внесло на рассмотрение парламента дополнение к закону, которое должно было защитить права национальных меньшинств. Характерно, что, несмотря на давление, оказываемое частью фанатичной сангхи, дополнение было принято единогласно.

Обязательство государства поддерживать и развивать буддизм дало в руки сепаратистов выгодный пропагандистский козырь: угрозой бирманского буддизма пользовались и шанские и качинские князья, изображавшие себя защитниками национальных меньшинств. В то же время закон не сплотил бирманцев под знаменем буддизма и не привел к сплочению сангхи, так как монахи еще более разделились на секты и враждующие фракции, стремящиеся использовать блага, обещанные правительством.

Тем временем в правящей партии назревал новый раскол. Превращение «чистой» Лиги в Союзную партию мыслилось У Ну как одновременная перестройка ее из коалиционной организации с коллективным членством в партию с индивидуальным членством. Однако добиться этого ему не удалось, так как другие лидеры партии,

контролировавшие крупные общественные организации, опасались потерять над ними контроль. В результате членство в Союзной партии было как индивидуальным, так и коллективным. В числе организаций, вступивших в партию, были Всебирманская крестьянская организация и Организация труда Бирманского Союза, возглавлявшиеся лидерами «необразованных» социалистов Такин Тином и Такин Чжо Дуном, которые называли себя и своих сторонников в партии «такинами», а также Федерация торговых организаций Бирмы, возглавлявшаяся группировкой «У — Бо», названной по имени ее вождей — У Вина, бывшего посла в США, и Бо Хму Ауна. Эти политики, присоединившиеся к У Ну позже, чем «необразованные» социалисты, и не игравшие главных ролей в период [328] раскола 1958 г., представляли правое крыло Союзной партии.

Отношения между двумя группировками были далеки от мирных. Положение осложнялось и тем, что в правящую партию вошли многие организации и политики, примыкавшие до того к «стабильной» Лиге либо бывшие независимыми. Политические воззрения «новичков» были весьма разнообразны.

Группа «У — Бо» ратовала за более широкое привлечение иностранного капитала, более жесткую политику по отношению к повстанцам, обеспечение интересов крупной буржуазии. «Такины» выступали за большее внимание к нуждам крестьянства, за прекращение гражданской войны путем переговоров. Отражая интересы поочередно то одной, то другой группы, правительство У Ну то выступало с антикоммунистическими заявлениями и призывами вести борьбу до победы, то начинало переговоры с повстанцами через старейшего деятеля национально-освободительного движения Такин Кодо Хмайина, который уже в течение нескольких лет выступал в качестве посредника между правительством и коммунистами; то правительство приглашало в страну иностранные компании и отказывалось от развития государственного сектора, то решало монополизировать импортную торговлю. Последнее привело к своеобразной забастовке импортеров Бирмы, закрывших в феврале 1962 г. все свои конторы и магазины.

Политическая аморфность Союзной партии вела к тому, что любое решение правительства встречалось в штыки внутри самой партии и приводило к длительным дебатам, тормозившим и без того робкие действия государственных органов.

К началу 1962 г. правящая партия созрела для очередного раскола. Бой между фракциями разгорелся во время выборов делегатов на Всебирманскую конференцию Союзной партии, начавшихся 27 января. «Такины», более опытные и популярные политики, пользовались поддержкой не только в рабочих и крестьянских организациях страны, но и со стороны левых партий. На конференции Союзной партии «такины» оказались в большинстве и оттеснили группу «У — Бо» с руководящих постов в партии и правительстве. Победа эта, однако, не была окончательной, так как группа «У — Бо» пользовалась [329] поддержкой бирманских деловых кругов и не намеревалась складывать оружие.

Перед лицом очередного раскола У Ну, как бы выражая общие настроения избирателей, выступил с речью, в которой осудил фракционные склоки членов партии заявив, что народ ненавидит обе стороны в схватке. Несмотря на призывы разрешить противоречия демократическим путем и не мстить политическим противникам, несмотря на уверения в том, что он «никогда не позволит чтобы Союзная партия погибла», речь У Ну в целом производила удручающее впечатление. Оно усугубилось последующим заявлением премьер-министра о том, что он отказывается от поста президента Союзной партии. Это решение рассматривалось многими не только как политический шаг, но и как признание неудачи олицетворяемого им внутривнутриполитического курса.

Устранившись от внутренних дел, которыми теперь ведали «такины», У Ну основное внимание уделял внешней политике Бирмы, стараясь расширить связи Бирмы с другими странами и одновременно укрепить свой международный авторитет. Он посетил арабские страны совершил поездку в Непал, где выступил с заявлением призывающим к

ликвидации колониализма и разрешению мировых проблем путем переговоров. Посетив Дели У Ну поддержал позицию Индии в вопросе о Гоа. Наметилось оживление отношений Бирмы с социалистическими странами. В 1961 г. состоялась передача Бирме завершенных советских объектов, а в январе 1962 г. в СССР была направлена правительственная делегация подписавшая соглашение о строительстве ирригационного комплекса Чемолтау.

Развивались отношения Бирмы с КНР. В декабре 1961 г. была достигнута договоренность о технической помощи Китая в строительстве 12 промышленных объектов и помощи в развитии сельского хозяйства. Однако несмотря на то что КНР по объему экономических связей с Бирмой постепенно выходила на первое место оттесняя Японию и Индию, политические отношения осложнялись там, что Пекин оказывал все большее влияние на руководство бирманских повстанцев.

На фоне общего расширения связей Бирмы с внешним миром было очевидно некоторое сокращение контактов с крупнейшими капиталистическими странами. [330] Если развитие отношений с Японией тормозилось вновь возникшими спорами о сумме и характере японских репараций, то английские и американские фирмы сокращали капиталовложения в Бирме, опасаясь слабости и неустойчивости правительства и роста сепаратистских настроений. В западной прессе появлялись сообщения о близких переменах в Бирме, о возвращении к власти армии или правых социалистов. Сократилась помощь США Бирме и на государственном уровне, чему способствовала политика бирманского правительства в вопросе о Южном Вьетнаме и Лаосе (поддержанная подавляющим большинством бирманцев — даже социалисты были вынуждены одобрить выступления У Ну). Характерны в этом отношении были отказ бирманского правительства от услуг американского «корпуса мира» и не приведший к положительным результатам визит в Бирму заместителя государственного секретаря США.

После отхода У Ну от руководства Союзной партией взаимные нападки ее лидеров, не сдерживаемые более авторитетом У Ну, становились все ожесточенней. Бирма жила в ожидании перемен, и этим пользовались как наиболее темные политические элементы, так и сепаратисты. Национальный семинар по вопросам федерализма, открывшийся 25 февраля 1962 г., был как бы продолжением состоявшейся годом раньше конференции, на которой планы феодалов встретили сопротивление большинства участников. На семинаре лидеры шанов, заручившиеся за год поддержкой националистов из других областей, выступали уже куда более уверенно, чем раньше. В случае отказа правительства принять их требования они угрожали восстанием. Выступление У Ну, уговаривавшего участников семинара решить разногласия «в семейном духе», было вялым и неубедительным. Никаких решений сам У Ну не предлагал.

1 марта, за день до окончания работы семинара и опубликования декларации феодалов, вошло в силу постановление правительства о национализации импортной торговли. Это постановление задевало жизненно важные интересы влиятельной группы национальной буржуазии. Бирма находилась на пороге нового острого кризиса.

В этой обстановке в ночь на 2 марта армейские части заняли все ключевые посты в стране и арестовали членов правительства, лидеров правящей Союзной партии, [331] премьер-министра У Ну, а также собравшихся в Рангуне вождей-сепаратистов. Арестован был также сторонник У Ну, президент Бирмы У Вин Маун. переворот был подготовлен в тайне и осуществлен без заминки. В стране не нашлось сил, способных организовать сопротивление армии ни во время переворота, ни после него. Казалось, вся страна ждала какого-то выхода из тупика, и военный переворот стал этим выходом.

В 9 часов утра 2 марта было объявлено, что армия контролирует положение в стране и власть находится в руках Революционного совета во главе с генералом Не Вином. [332]

ГЛАВА X

БИРМА НА ПУТИ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

1. Первые шаги Революционного совета

Несмотря на неустойчивое положение в Бирме, армейский переворот, сопровождавшийся арестом правительства, был неожиданным как для всего мира, так и для самой Бирмы.

В обращении к народу 2 марта генерал Не Вин заявил, что «Вооруженные силы Союза в связи с серьезным ухудшением обстановки в стране приняли на себя ответственность за поддержание порядка и безопасности», и призвал население Бирмы спокойно заниматься своими делами. В заявлении о внешней политике, опубликованном в тот же день, Революционный совет подтвердил традиционную для Бирмы политику нейтралитета и борьбы за мир во всем мире, а также готовность поддерживать дружеские отношения со всеми странами. Во время встречи с представителями крупнейших политических организаций 4 марта генерал Не Вин оказал, что Революционный совет будет выступать против империализма, восстановит порядок в стране, понизит цены на товары широкого потребления и будет осуществлять социалистическое строительство. В заявлении Революционного совета от 7 марта говорилось, что основной причиной, побудившей армию к выступлению, была опасность раскола Бирмы, причем день принятия решений семинаром по федерализму и был избран армией для переворота.

Первые документы и заявления нового правительства оставляли широкую возможность для толкования и никак не раскрывали ни целей Революционного совета, ни его будущей политики, поскольку с такого рода заявлениями выступали и предыдущие правительства Бирмы, в том числе и первое военное правительство в 1958 г. [333]

Прогнозы, касающиеся будущего Бирмы, строились в основном на аналогии как с деятельностью бирманской армии в 1958—1960 гг., так и с действиями военных режимов в других азиатских и африканских странах. В целом западные комментаторы встретили выход армии на политическую арену благожелательно, видя в ней лишь «сильную руку» и рассчитывая на возврат к линии военного правительства 1958—1960 гг. Приход к власти Революционного совета был лояльно воспринят и большинством политических партий в стране. О своем желании сотрудничать с Революционным советом заявил НОФ. На словах поддержали переворот лидеры Союзной партии и Лиги, ставшие впоследствии в оппозицию Революционному совету справа. Подпольные силы и сочувствовавшие им легальные организации восприняли переворот как сигнал к усилению действий против левых партий и организаций и отнеслись к нему настороженно.

Однако практическая деятельность нового правительства вскоре разочаровала как западных предсказателей, так и правых политиков Бирмы. Уже 7 марта Революционный совет объявил, что Бирма временно отказывается от иностранной помощи, так как она «получила более, чем может использовать». Через несколько дней было опубликовано решение Революционного совета запретить деятельность в Бирме американских и английских фондов и частных организаций. За первые два месяца пребывания у власти Революционный совет приостановил действие старой конституции, распустил парламент, передал власть на местах в руки новых органов — Верховных государственных советов и Комитетов безопасности и администрации, во главе которых стояли офицеры. Становилось все яснее, что возврата к старому не будет.

Смена власти в стране прошла спокойно, и никто открыто не выступил в поддержку старого правительства, заведшего страну в тупик. Спокойствие населения объяснялось не страхом перед армией, а верой в честность и искренность революционной части бирманского офицерства. Внушало доверие и то, что слова Революционного совета не расходились с его практической деятельностью.

30 апреля 1962 г. Революционный совет выступил с политической декларацией «Бирманский путь к социализму», провозглашавшей принципиально новый путь развития

страны. Появление этой программы не было [334] зигзагом политической линии бирманских военных, а имело реальные исторические и социальные корни.

Как уже отмечалось, одной из причин того, что Бирма первой из британских колоний добилась независимости, было наличие в стране патриотической национальной армии, созданной уже за несколько лет до освобождения страны от колониального ига, имевшей боевой опыт и не связанной с колониальным аппаратом. Почти все командование бирманской армии тех лет вышло из среды революционно настроенного студенчества, некоторые высшие офицеры получили образование в военных училищах Японии и были среди «тридцати товарищей», последовавших за Аун Саном в Японию в 1940 г. К числу последних относился и будущий председатель Революционного совета генерал Не Вин, который происходил из семьи провинциального налогового чиновника, учился в колледже Рангунского университета и, прежде чем перейти на партийную, а затем на военную работу, служил в департаменте почт и телеграфа. Схожие биографии были у большинства бирманских офицеров. Некоторые из них примкнули к бирманской армии еще в Таиланде, в начале второй мировой войны, другие были участниками сопротивления японцам или сражались в партизанских отрядах, руководимых коммунистами.

После достижения независимости и начала гражданской войны молодые бирманские командиры оказались во враждебных лагерях. Причины, побудившие одних уйти в подполье, а других остаться на стороне правительства, были, как это ни парадоксально, сходными: и те и другие стремились к превращению Бирмы в передовое, независимое и свободное государство. Одни видели путь к этому в создании социалистической республики рабочих и крестьян, руководимой коммунистами, другие полагали, что следуют заветам Аун Сана и целям АЛНС, поддерживая законное правительство и спасая этим страну от хаоса. Важную роль для вторых сыграли еще и соображения верности присяге и знамени, которые олицетворялись правительством Лиги.

Жестокая многолетняя гражданская война внесла изменения в состав и идеологическую основу армии. С одной стороны, армия значительно усилилась, количественно выросла (до 100 тыс. человек) и всегда пользовалась вниманием правительства, не скупившегося на военные [335] расходы. С другой стороны, несколько изменился социальный состав армии. Погибли или отошли от дел многие офицеры и солдаты, начинавшие путь в борьбе с Японией. На смену им пришли молодые кадровые офицеры, не знавшие другого дела, кроме военного, а некоторые важные посты в армии заняли люди, родственными или какими-либо еще отношениями связанные с политическими деятелями того или иного толка.

То, что бирманская армия была во многом автономной организацией, способствовало созданию в ней хозяйственных и коммерческих управлений, бравших на себя заботу о нуждах военных и их семей, а также контролировавших армейские поставки. Крупнейшей из них была Корпорация экономического развития Бирмы, на предприятиях и в филиалах которой было занято 11 тыс. человек. Ее активы оценивались в четверть миллиарда чжа. Корпорация владела несколькими промышленными компаниями, имела право заключать договоры с иностранными фирмами и даже создавала смешанные предприятия с иностранным капиталом. Создание Корпорации и подобных учреждений способствовало формированию хозяйственных армейских кадров. В течение нескольких лет руководители Корпорации сталкивались с бирманскими политиками и торговыми кругами и многие из них сблизились как с деловыми кругами Бирмы, так и с иностранными дельцами. В этой среде возникли наиболее тесные связи с правыми социалистами.

В армии было и крайне правое крыло, склонное к установлению в стране правления военной хунты с ликвидацией всяческой оппозиции и развитием связей с США, перед военным могуществом которых эти офицеры преклонялись.

Несмотря на существование различных группировок в офицерском корпусе, основа армии оставалась патриотической, и в ее рядах росло недоверие к правящим политикам. До середины 50-х годов господствующей реакцией армии на интриги и продажность политиков и гражданской администрации был уход от любой политики и даже противопоставление армии, ведущей борьбу за единство Бирмы, руководителям страны, забывающим ради своих партийных и личных интересов высокие цели, провозглашенные Лигой в период борьбы за независимость. Начиная с 1955 г. командование армии неоднократно [336] призывало правительство У Ну обратить внимание на опасное положение в стране, выражало недовольство отсутствием экономического прогресса и продажностью политиков и администрации. Вплоть до 1958 г. обращения армии не давали результатов, за исключением того, что У Ну и его сторонники теряли к армии доверие (так что процесс этот был взаимным) и все более старались опереться на полицию. Однако ни сократить армию, ни урезать ее права они в обстановке гражданской войны не могли.

Важным фактором, ускорившим поляризацию противодействующих сил в армии, были результаты выборов 1960 г. Внушительная победа Союзной партии, обещавшей мир и демократическое развитие, ее поддержка на выборах большинством военнослужащих помогли укрепиться в армии патриотическому крылу. Это привело к поражению сил, связанных с правыми социалистами и в первую очередь ответственных за жесткую политику армии в 1958—1960 гг. В 1961 г. были уволены в отставку влиятельные военачальники бригадные генералы Маун Маун и Аун Шве и их сторонники.

К 1962 г. командование армии в лице генерала Не Вина и его ближайших помощников пришло к выводу, что единственным выходом для Бирмы является возвращение к идеалам борцов за независимость. Парламентский путь, на котором Бирма находилась в течение 14 лет, себя не оправдал. На этот раз армия взяла власть не для того, чтобы снова вернуть ее скомпрометированным политикам, а для того, чтобы полностью изменить политическую и социальную структуру страны.

В политической декларации «Бирманский путь к социализму», которая была впервые оглашена 30 апреля 1962 г. на ежегодной конференции командного состава, Революционный совет отвергал эксплуатацию человека человеком и заявлял о своем намерении построить в Бирме социализм. Путь к этому, говорилось в декларации, лежит в национализации жизненно важных средств производства в сельском хозяйстве, промышленности, внешней торговле и т. д.; государственная собственность должна составлять основу социалистической экономики. Декларация провозглашала создание государства социалистической демократии, авангардом и стражем которого должны стать крестьяне и рабочие. Система буржуазной [337] парламентарной демократии объявлялась для социалистической Бирмы неприемлемой.

Ликвидация бюрократического аппарата, плановое развитие производительных сил, модернизация сельского хозяйства, развитие промышленного производства в соответствии с естественными ресурсами должны были, как отмечалось в декларации, сопровождаться сохранением с разумными ограничениями частного предпринимательства. Провозглашалась реформа просвещения и здравоохранения. Наконец, декларировалось право каждого гражданина Бирманского Союза свободно исповедовать любую религию.

Революционный совет заявил, что он намерен опираться прежде всего на крестьян и других трудящихся, а также обещал создать массовую политическую организацию. Во исполнение этого обещания 4 июля 1962 г. было опубликовано заявление об образовании Партии Бирманской социалистической программы (ПБСП) и ее устав. Создание партии нового типа предусматривалось в два этапа: сначала должна была быть организована кадровая политическая организация, затем на ее основе планировалось создать массовую партию.

В течение переходного периода, который должен был закончиться лишь после превращения кадровой партии в общенациональную, верховным органом партии объяв-

лся Революционный совет и членами партии могли быть лишь те, кто не имеет никаких доходов, кроме заработанных собственным трудом. Революционный совет назначил также руководящие органы партии, а именно Центральный организационный комитет, дисциплинарный комитет и комитет планирования социалистической экономики. Центральный организационный комитет, состоящий из ряда отделов (крестьянский, рабочий, массовых организаций и т. д.), должен был в свою очередь создать окружные, городские и первичные организации партии.

Была разработана сложная процедура приема в партию. Желая вступить в нее сначала становился сочувствующим, затем должен был пройти двухлетний кандидатский стаж и лишь после этого мог стать полноправным членом партии по рекомендации ячейки и двух членов ПБСЛ. Таким образом, формирование партии тщательно продумывалось, и ее созданию должна была предшествовать [338] большая подготовительная работа. Это объяснялось также стремлением оградить ПБСП от потока случайных лиц, желающих записаться в партию, находящуюся под покровительством правительства.

Открытых выступлений против декларации и других документов нового правительства не последовало ни от одной легальной партии Бирмы. Все они заявили о поддержке декларации: одни потому, что были готовы принять ее как обещание действительно нового выхода из тупика, другие — потому что не смели высказать недовольство и надеялись на то, что заявления армии и ее действительная политика разойдутся и вскоре Революционный совет, натолкнувшись на объективные трудности, откажется от своих лозунгов. Надежды правых были связаны с бригадным генералом Аун Джи — вторым человеком в Революционном совете после генерала Не Вина, президентом Корпорации экономического развития, лидером правого крыла в командовании армии, одним из руководителей временного правительства в 1958—1960 гг.

Вторая половина 1962 г. прошла спокойно, без обещанных в декларации изменений в экономической и социальной структуре страны. В Бирме распространялись слухи о болезни генерала Не Вина, о том, что власть перейдет к бригадному генералу Аун Джи — противнику кардинальных перемен. Однако за внешним затишьем скрывалась напряженная подготовительная работа Революционного совета, отголосками которой было создание в октябре 1962 г. Комитета планирования аграрной революции и кооперативного движения и отмена закона, гарантировавшего предпринимателей от национализации их собственности. К этому же времени относится начало проведения рабочих и крестьянских семинаров — метода непосредственных контактов руководителей государства с народными массами.

2. Меры Революционного совета по национализации частной собственности

1 января 1963 г. правительство объявило о национализации иностранной доли капитала в смешанной нефтяной компании «Бирма Ойл», 49% акций которой принадлежало [339] англичанам. Отныне вся нефтяная промышленность Бирмы перешла в руки государства. Этот шаг правительства далеко выходил за пределы единичного факта национализации, поскольку Революционный совет уже не только на словах, но и на деле отвергал положение о гарантиях от национализации, с помощью которых его предшественники пытались привлечь в Бирму иностранный капитал и добиться валютных вливаний в бирманскую экономику. Национализация нефтяной компании была совершена с выплатой компенсации, что, однако, не уменьшало значения этого шага.

15 февраля генерал Не Вин выступил с речью, в которой заявил, что «частный сектор несовместим с нашими целями». Председатель Революционного совета сказал, что все существующие частные промышленные предприятия будут в конце концов национализированы и новые инвестиции допускаться не будут. Было указано и на неизбежность национализации торговли. В речи была подчеркнута решимость

правительства безжалостно пресекать любую подрывную деятельность как местной, так и иностранной буржуазии.

Бирма была охвачена ожиданием: последуют ли новые меры по национализации. В отличие от предыдущих правительств Революционный совет предпочитал проводить подготовку к важным решениям без огласки, полагая, что это будет способствовать более успешному выполнению его программы социально-экономического и политического преобразования бирманского общества.

23 февраля ко всем банкам Бирмы (14 иностранным и 10 бирманским) подъехали грузовики с солдатами и вошедшие в банки офицеры наложили арест на банковские операции. Банки страны были национализированы и объявлены «народными банками». Государство вступило во владение активами в 860 млн. чжа с намерением использовать их для финансирования своих начинаний в области экономики. Вскоре было объявлено о том, что в течение 1963 г. будут национализированы закупка, распределение и экспорт риса, а также лесозаготовительная и лесобрабатывающая промышленность. 14 июня была национализирована «Англо-Бирма Тин К^о», занимавшаяся добычей оловянной руды.

Все эти действия преследовали две цели: подрыв позиций иностранного капитала и усиление роли государства [340] в экономической жизни страны. Однако осуществление правительственной программы уже на этом этапе столкнулось с рядом трудностей, как внешних, так и внутренних. К трудностям внешнего порядка относилось сопротивление буржуазии и связанных с ней политиков. К счастью для правительства, это сопротивление было относительно слабо организовано, ибо бирманская буржуазия так и не смогла стать крупной силой, а каждое новое правительственное мероприятие, ликвидируя экономическую основу той или иной части собственников, вносило еще больший разброд в ряды оппозиции. Более опасной для политики и самого существования правительства оказалась деятельность оппозиции внутри армии, которая опиралась в основном на правое крыло высшего офицерства во главе с Аун Джи и рассчитывала отстранить генерала Не Вина от власти, используя его отъезд за границу на лечение. Наконец, дополнительные трудности создавались также субъективными факторами, проистекавшими из недостаточного опыта новых руководителей страны и игнорирования чисто экономической стороны дела: желание как можно скорее превратить Бирму в процветающее передовое государство приводило иногда к опрометчивым решениям, исправление которых требовало больших усилий, расходов и времени.

Противодействие принятию новых законов, а также саботаж в промышленности и со стороны части государственных служащих не приостановили деятельности Революционного совета. Более того, 19 октября 1963 г. был принят закон, по которому правительство могло национализировать любое частное предприятие в стране. Лица, препятствующие осуществлению этого закона, подвергались тюремному заключению на срок до 5 лет. Вслед за тем был принят «Закон о защите социалистической экономики», по которому лица, «чинящие препятствия производству и транспортировке товаров, затрудняющие деятельность торгующих и банковских организаций, а также занимающиеся контрабандной торговлей», подлежали тюремному заключению.

Если в начале 1963 г. основной упор в национализации был сделан на передачу государству иностранной собственности, то теперь правительство перешло к национализации бирманских предприятий. Одним из первых и важных шагов в этом направлении, имевшим одновременно [341] политический смысл, была национализация Корпорации экономического развития, руководимой армейскими офицерами под руководством Аун Джи, а также торговых заведений Института вооруженных сил. Корпорация к 1963 г. выросла в крупнейшую торгово-промышленную силу в Бирме и, пользуясь своей автономией и влиянием, активно прибирала к рукам различные предприятия, торговые учреждения и средства транспорта. Уже после прихода к власти Революционного совета Корпорация заключила договор с японскими специалистами на разведку железной руды и вела переговоры с банками ФРГ о получении валютного займа.

Ликвидация Корпорации была тесно связана с ликвидацией внутриармейской оппозиции политике правительства. Возглавлявший оппозицию бригадный генерал Аун Джи был уволен из армии с запрещением жить в Рангуне и заниматься политической деятельностью. Через несколько месяцев, в начале 1964 г., из Революционного совета был выведен сторонник Аун Джи, министр развития и торговли полковник Чит Мьяин, который пытался проводить политику своего бывшего шефа, ориентируясь на капиталистические страны и препятствуя национализации торговли и промышленности. Изгнание правых из Революционного совета консолидировало его силы, решения отныне принимались более согласованно и, главное, развеялись надежды противников Революционного правительства на изменение его политического курса.

Теперь оппозиция сказывалась в первую очередь в действиях торговцев, придерживавших дефицитные товары, поднимавших цены на предметы первой необходимости и скупавших в государственных магазинах товары для перепродажи их на черном рынке. 19 марта 1964 г. было объявлено о национализации торговых заведений в Рангуне. Эта операция была проведена так же оперативно, как и национализация банков. Несколько тысяч солдат заняли магазины, склады и конторы, группы военнослужащих обошли магазины, информируя владельцев о национализации. За 6 дней было национализировано более 3 тыс. магазинов и лавок, хозяевами которых были большей частью индийцы и китайцы. Учет товаров и активов торговых предприятий проводился с помощью добровольцев. Убедившись в успехе операции в Рангуне, [342] правительство перенесло действия в другие города и районы Бирмы. К 19 апреля в руки государства перешло более 8 тыс. магазинов, а в общей сложности по стране было национализировано 12 тыс. торговых предприятий.

Однако эта мера, как бы энергично она ни была проведена, не решила проблемы спекуляции, роста цен и черного рынка. Большое количество товаров, особенно в провинции, где торговцы успели подготовиться к национализации, было припрятано. К тому же правительство не имело ни достаточного числа честных работников, которые могли бы занять места торговцев в магазинах, ни возможностей обеспечить иступление товаров в магазины после того, как частники были отстранены от дел.

Весной 1964 г. обнаружилось, что контроль лишь над имевшимися в продаже товарами и над банковскими депозитами недостаточен. Бирманские дельцы, припрятавшие большие суммы денег, вывозили их из страны и сбывали ниже официального курса, а также скупали товары широкого потребления, прятали их и перепродавали по складывавшимся высоким ценам. Все это вело к инфляции, и остановить рост цен при нехватке товаров и саботаже торговцев не представлялось возможным. Принятый еще в октябре 1963 г. новый закон о подоходном налоге, по которому не облагался налогом годовой доход до 4200 чжа, а далее ставки налога были прогрессивными (88,3% при годовом доходе в 300 тыс. чжа, 95,8% при доходе в 1 млн. чжа), лишь усиливал саботаж торговцев и заставлял их свертывать операции и припрятывать наличные деньги в ожидании лучшего будущего.

Чтобы нанести торговцам решительный удар, правительство заявило об изъятии из обращения крупных денежных купюр и обмене их на новые по ставкам подоходного налога. Это решение правительства не должно было затронуть интересов трудящихся, так как сумма до 4200 чжа налогом не облагалась и деньги обменивались полностью. Из 1364 тыс. человек, сдавших деньги для обмена, только 27 тыс., или 2%, предъявили суммы более 4200 чжа, однако именно они сдали 43% всех денег и выплатили государству в виде налога 132 млн. чжа. В два раза большая сумма из бывшей в обороте денежной массы не была предъявлена государству вообще.

В ходе ликвидации позиций крупных частных собственников [343] в 1963—1964 гг. была завершена национализация внешней торговли, табачных фабрик и наконец в январе 1965 г. были национализированы последние смешанные англо-бирманские компании. Национализация и экспроприация собственности крупных промышленников и

торговцев, уничтожавшая в первую очередь иностранные фирмы, привела к массовому отъезду из Бирмы иностранцев. С апреля 1963 по июль 1967 г. Бирму покинуло более 170 тыс. человек, главным образом индийцев. Характерно, что представители китайской буржуазии, многие из которых также попали в число «экономических повстанцев», предпочитали, в отличие от индийских коллег, оставаться в Бирме.

Национализация торговли и промышленности в Бирме приняла очень широкий характер. Решения правительства, оказываясь недостаточными для достижения поставленных целей, влекли за собой новые действия, которые должны были прикрыть лазейки, оставшиеся для дельцов. Недостаток опыта в области экономики и стремление покончить с противником одним ударом привели даже к ухудшению экономического положения: производство сократилось, товаров не хватало, государственные организации, укомплектованные молодыми офицерами, не справлялись со снабжением, цены продолжали расти. Понимая это, генерал Не Вин говорил на митинге в Рангуне 1 мая 1963 г.: «Мы полностью сознаем наши недостатки... Хотя мы руководствуемся своими убеждениями, мы в конце концов люди и не гарантированы от ошибок». Позднее, 10 декабря 1965 г., генерал Не Вин развил эту мысль, заявив: «В торговле у нас работают и офицеры и политические деятели, но они не экономисты... Определенные трудности вызвало также то, что национализация торговли не была должным образом спланирована... Мы оказались в положении человека, схватившего тигра за хвост. Мы не могли отпустить его».

Признав необходимым ослабить напряжение, создавшееся в экономике страны, правительство пошло на уступки мелким торговцам. В конце 1964 г. было денационализировано более 3 тыс. торговых предприятий (из 12 тыс. национализированных ранее). Тогда же было объявлено о расширении списка товаров, которыми разрешили торговать розничным торговцам. Все эти меры отнюдь не означали, что правительство вообще отказывается [344] от национализации частного сектора. Позиции крупного частного капитала в Бирме были уже основательно подорваны, и создавались благоприятные условия для развития государственного сектора. Ему предоставлялось монопольное право закупки и распределения наиболее важных товаров, которые должны были реализоваться как через государственные магазины, так и через зарегистрированных частных торговцев.

3. Политика Революционного правительства в области сельского хозяйства

Развитие сельского хозяйства с самого начала было поставлено Революционным советом в зависимость от аграрной революции, т. е. от изменения самого характера землевладения в Бирме, от привлечения крестьян к общественной жизни и от их организации как наиболее массового класса бирманского общества.

К моменту прихода Революционного совета к власти в некоторых районах страны потеряли землю каждые два из трех крестьянских хозяйств. Более полутора миллионов крестьянских хозяйств обладали участками, недостаточными для того, чтобы прокормить семью; более миллиона крестьянских хозяйств в 1961/62 г. арендовали землю. В то же время в стране почти отсутствовало крупное землевладение. Иностранцы землевладельцы не вернулись в Бирму после войны, своих же крупных помещиков в Бирме было сравнительно немного. В 1961/62 г. в собственно Бирме, по официальным данным, насчитывалось всего 2336 помещиков, имевших владения более 50 акров (20 га), и лишь 300 помещиков владели более чем 100 акрами (40 га). В действительности помещичье землевладение в Бирме было развито сильнее, но не поддавалось официальному учету, так как помещики, опасаясь национализации, делили землю среди родственников и подставных лиц.

Помещичье землевладение в Бирме носило своеобразный характер: большинство бирманских помещиков являлись также ростовщиками и торговцами. У таких лиц

крестьянин арендовал землю, к ним он шел за ссудой на обработку, им же продавал урожай и от них получал необходимые товары. [345]

Подавляющее большинство крестьянских хозяйств, все более дробившихся и бедневших, не могло сохранять независимость без кредита. Существуют данные, что в начале сезона 95% крестьян не имели средств, чтобы покрыть расходы по обработке земли, 30% не имели рабочего скота. Часто на питание уходил и семенной рис. К моменту прихода к власти Революционного совета государственный сельскохозяйственный кредит мог удовлетворить потребности крестьян лишь на четверть. Таким образом, крестьянин неизбежно возвращался за ссудой к помещику-ростовщику. Зачастую крестьянин лишь формально оставался собственником земли, так как все доходы с нее уходили к ростовщику. Отчуждение земель за долги сводило на нет частичную реформу, проведенную АЛНС: только за 1958—1960 гг. крестьянство потеряло более 200 тыс. акров земли.

Созданный в 1962 г. Комитет по осуществлению аграрной революции должен был подготовить рекомендации для проведения преобразований в деревне. В ходе его работы выяснилось, что, с одной стороны, существующих обрабатываемых земель в Бирме совершенно недостаточно, чтобы наделить каждого крестьянина участком. С другой стороны, обследование почв Бирмы, проведенное с помощью советских специалистов, показало, что лишь 30% годных для обработки земель находится в сельскохозяйственном пользовании. Однако освоение заброшенных земель и перераспределение обрабатываемых требовали и времени, и капитальных вложений. Ввиду этого на первом этапе правительство ограничилось предварительными, хотя и серьезными мерами.

В марте 1963 г. были приняты законы, запрещающие отбирать у крестьян за долги землю, скот или инвентарь а также запрещающие помещикам отдавать земли в аренду по своему усмотрению. Это могло делаться лишь через специальные земельные комитеты, в состав которых не имели права входить помещики, кулаки и ростовщики. Были отменены права на землю шанских феодалов. Наконец, 5 апреля был принят закон об отмене арендной платы. Таким образом, помещики, оставаясь формально владельцами земли, лишались возможности ее эксплуатировать.

Дальнейшие меры правительства, направленные на улучшение положения крестьян, были связаны с общей [346] политикой национализации и экспроприации частной собственности. Средства, полученные при национализации частных и иностранных банков, дали возможность значительно расширить сельскохозяйственный кредит. Если в 50-х годах сумма государственного сельскохозяйственного кредита составляла 50—80 млн. чжа в год, то в 1962/63 г. были выданы кредиты на сумму 358,4 млн. чжа. Кроме того, были списаны старые крестьянские долги на 100 млн. чжа, увеличены размеры ссуд и введена выдача ссуд сельскохозяйственным рабочим. Для приближения кредитной системы к крестьянам (как известно, ростовщики часто пользуются тем, что их деньги доступны крестьянам куда легче, чем государственный кредит) открывались сотни отделений Сельскохозяйственного банка. Наконец, правительство пошло на повышение закупочных цен на рис.

Все эти меры улучшили положение крестьян, но не дали полностью ожидаемого результата. Это выяснилось на ежегодных крестьянских семинарах, проходящих в Бирме, и при закупках товарного риса.

Во-первых, крестьяне не спешили с возвращением кредитов, предпочитая тратить их на питание, а перед пахотой идти вновь к ростовщику. В 1962/63 г. крестьянами не были возвращены кредиты на сумму 30,2 млн. чжа, а в 1963/64 г. — на 80 млн. чжа. К 1965 г. общая сумма задолженности крестьян государству достигла 420 млн. чжа. Размер ее был ощутим для общего финансового состояния страны, и это заставило правительство начиная с 1964 г. несколько снизить сумму кредитов и выставить ряд условий, обеспечивающих кредит лишь в случае возвращения крестьянином долга за прошлый год. Кроме того, были сделаны попытки скупать урожай на корню сразу после уборки.

Во-вторых, в результате действия ряда факторов, в том числе измельчения замлельческих хозяйств, нехватки и вздорожания товаров широкого потребления, произошло сокращение товарности рисового производства. Это создало определенные проблемы, в том числе напряжение в снабжении рисом городского населения и падение экспортных излишков риса.

В-третьих, расширение системы государственного кредита и отмена арендной платы подорвали позиции помещиков, но не ликвидировали их. Во многих местах [347] помещикам и торговцам удалось взять в свои руки земельные комитеты и, запугивая крестьян, продолжать сбор арендной платы, получать кредиты для последующей передачи их крестьянам под высокий процент и т. д.

Революционный совет постарался частично компенсировать неудачи в области сельского хозяйства мерами по переводу сельского хозяйства на современную основу. Среди них в первую очередь надо отметить внедрение техники и создание кооперативов. Кооперативы, существовавшие в Бирме до 1962 г., были капиталистическими хозяйствами, доходы от которых попадали в руки наиболее зажиточных и энергичных их членов. Революционный совет, поощряя создание кооперативов нового типа, с готовностью выделяет ссуды и землю для их членов (кооперативы в первую очередь создавались из сельскохозяйственных рабочих и демобилизованных солдат). Далеко не все кооперативы являются сельскохозяйственными (кооперативными деревнями). По большей части это снабженческо-сбытовые организации, закупающие у крестьян товарную продукцию и продающие ее государственным закупочным организациям. Такие кооперативы открывают в деревнях свои магазины.

В соответствии с кооперативным планом, принятым Революционным советом в 1970 г., на деревенские кооперативы кроме хозяйственной деятельности возлагается осуществление социально-культурных мероприятий, предусмотренных общегосударственным планом. Кооперативам запрещено привлекать частный капитал, и это наносит еще один удар по торгово-ростовщическому капиталу в деревне. Для кооперативных деревень Революционный совет закупает за границей (в первую очередь в Чехословакии и СССР) тракторы и другие сельскохозяйственные машины. За 1962—1968 гг. тракторный парк страны вырос в 10 раз, достигнув 5 тыс. машин. Проводятся работы по ирригации и освоению новых земель.

В результате мер Революционного совета власть помещиков и ростовщиков в деревне была подорвана, положение крестьянства несколько улучшилось. В то же время эти меры не привели к намечавшемуся увеличению товарного производства сельскохозяйственных продуктов как из-за дробления участков, снижения культуры земледелия и сопротивления помещиков, так и из-за организационных неурядиц и злоупотреблений на местах. [348]

В 1961/62 г. было собрано 6,73 млн. *т* риса (программа «Пидота» предусматривала рост производства риса к этому году до 12 млн. *т*). В последующие три года производство риса росло, достигнув 8,37 млн. *т* к 1965 г., затем начало падать и снизилось к 1967 г. до 6,53 млн. *т*. Хороший урожай 1967/68 г. позволил вновь собрать свыше 7,6 млн. *т*, в 1969 г. было собрано 7,8 млн. и в 1970 г.— около 8 млн. *т*.

Невозможность закупить нужное количество товарного риса привела к падению экспорта и снижению валютных запасов. Так как создание кооперативных хозяйств, ирригационные работы, внедрение техники и освоение заброшенных земель не дали еще ощутимых результатов, Революционный совет, не отказываясь от проведения своей политики в целом, активизировал создание крестьянских советов, видя в них орудие воздействия на сознательность крестьян и метод борьбы с их традиционным подчинением ростовщикам и помещикам. Кроме того, в 1967 г. были вновь повышены закупочные цены на рис и приняты решительные шаги по снижению цен на товары широкого потребления и улучшению снабжения деревни.

Основной опорой правительства и ПБСП в деревне являются Народные крестьянские советы (НКС) — наиболее массовые организации крестьянства, создаваемые повсеместно Революционным советом и ПБСП с 1967 г. К началу 1970 г. было создано уже свыше 200 районных и более 8 тыс. первичных Народных крестьянских советов. Согласно уставу НКС, принятому в 1967 г., крестьянские советы должны организовывать крестьянство на выполнение политики правительства и ПБСП в деревне, поднимать политическое сознание и общий культурный уровень крестьянства. Программа НКС, разработанная ПБСП и принятая первой сессией Центрального (всебирманского) народного крестьянского совета в 1969 г., нацеливает крестьянские советы на достижение единства среди крестьянства и союза крестьян и рабочих для развития сельского хозяйства и создания «социалистического демократического государства».

На праздновании Дня крестьян 2 марта 1971 г. в присутствии более 100 тыс. участников были подведены некоторые итоги аграрных преобразований и подчеркнуты цели, стоящие как перед крестьянством, так и перед страной в целом. [349]

За годы, прошедшие со времени образования Центрального народного крестьянского совета, крестьянские советы достигли определенных успехов в увеличении сельскохозяйственного производства и использовании земель. Однако, несмотря на повышение урожайности риса, Бирма не может уже зависеть от него как основного экспортного продукта, и следует увеличивать производство в стране технических культур, а также сахара, растительного масла и хлопка для удовлетворения внутренних нужд. Путь к этому лежит прежде всего через создание кооперативов. Число торговых кооперативов к началу 1971 г. достигло 12,5 тыс. Кроме того, в деревнях было организовано более 2500 закупочных и 430 производственных кооперативов. Производственным кооперативам в первую очередь предоставляются кредит, средства производства и сортовые семена.

4. Мероприятия по развитию промышленности

Промышленность Бирмы к началу 60-х годов состояла в основном из мелких предприятий: рисоушек, лесопилок, предприятий по производству продовольственных товаров и обработке табака, текстильных фабрик. 96% промышленных предприятий в стране составляли мелкие кустарные мастерские и фабрички, дававшие 43% промышленной продукции.

Государству принадлежали сахарные заводы, наиболее крупные табачные и текстильные фабрики (помимо них в Бирме насчитывалось более 100 тыс. ручных ткацких станков в частных мастерских и у кустарей). В прочих отраслях промышленности государству принадлежали наиболее крупные, а зачастую и единственные предприятия. К ним относились цементный завод, фармацевтический комбинат, сталепрокатный завод, железнодорожное депо, судостроительные верфи, нефтеперерабатывающий завод в Сириаме, сборочные заводы по производству автомобилей, транзисторных радиоприемников и т. д.

До войны значительную роль в экономике страны играла горная промышленность: Бирма стояла на втором месте в мире по добыче вольфрама, на пятом — по добыче олова и на шестом — по добыче свинца. Однако рудники [350] были разрушены еще во время японского вторжения, а после войны, так и не будучи восстановлены, оказались на территории, контролируемой каренскими повстанцами.

Лишь с середины 50-х годов добыча цветных металлов возобновилась, причем велась она смешанными англо-бирманскими компаниями. Многие из месторождений к тому времени были уже выработаны, а геологическая разведка велась недостаточно, и добыча не расширялась. К 1961 г. добыча грудных ископаемых в Бирме составляла лишь треть, а добыча нефти — половину довоенной.

Национализовав в течение 1963—1965 гг. все крупные добывающие компании, а с апреля 1965 г. также национальные бирманские предприятия и промыслы,

Революционный совет сконцентрировал в руках государства всю добычу нефти и большую часть добычи цветных металлов. Трудности, связанные с недостатком специалистов, истощением промыслов и рудников, а также с наличием в окружающих районах очагов повстанческого движения, не дали возможности поднять добычу цветных металлов до довоенного уровня. Однако в добыче нефти были достигнуты определенные успехи, позволившие довести ее почти до 1 млн. *т* в 1968 г. и отказаться от импорта нефтепродуктов.

Заготовка и экспорт денных пород дерева, в первую очередь тика, были сконцентрированы с 1949 г. в руках государства, вывезшего в 1960/61 г. 92 тыс. *т* тиковой древесины. Однако подавляющее большинство лесозаготовок шло и идет за счет неценных пород деревьев, валкой и обработкой которых занималось более 300 мелких лесопильных предприятий. Национализовав в 1968 г. 43 крупнейших из них, государство взяло таким образом под контроль производство древесины и начало строительство современных лесопильных заводов. Одновременно принимались меры для покрытия нужды в бумаге, фанере и других изделиях деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности.

Большую часть электроэнергии в Бирме производят маленькие дизельные электростанции мощностью в 100—1000 *квт*. Пуск в 1960 г. гидроэлектростанции на реке Балу мощностью в 84 тыс. *квт* решил лишь проблему энергоснабжения Рангуна. Введение в строй второй очереди [351] этой ГЭС позволит во многом сократить потребление нефти в других важных центрах страны. В Бирме планируется также создание ряда электростанций на реках севера для обеспечения энергией отсталых горных районов.

Если в 1952—1960 гг. государственные капиталовложения в промышленность составляли в среднем около 23% всех государственных капиталовложений и достигали чуть более 100 млн. *чжа* в год, то в 1962/63 г. они достигли 200 млн. *чжа*, или 26,8% всех капиталовложений, а в 1969/70 г. составили почти 500 млн. *чжа*, или 55% всех капиталовложений. Несмотря на то что запланированные капиталовложения далеко не всегда реализуются из-за просчетов в планировании и перебоев в получении иностранных займов, промышленное строительство в Бирме в течение 1962—1970 гг. непрерывно расширялось. В 1968/69 г., например, строилось 54 промышленных объекта, велись геологоразведочные работы, происходило освоение новых месторождений нефти и газа. Однако темпы роста промышленного производства в Бирме в 1961/62—1970/71 гг. составляли всего 2,5% в год.

Темпы развития промышленности и сельского хозяйства Бирмы сдерживаются из-за нехватки кадров. Несмотря на ряд успехов в области просвещения, особенно после 1962 г., проблема создания собственных технических и научных кадров далеко еще не разрешена. Подготовку инженеров и техников ведут Рангунский университет, Техническое училище в Инсейне, Политехнический колледж и Технологический институт в Рангуне. Однако для обеспечения специалистами хозяйства страны возможности Бирмы недостаточны, и Революционный совет практикует отправку студентов в развитые страны, в том числе в СССР.

Проведение политики национализации, постепенно передавшей в руки государства ключевые позиции во всех областях промышленности, вызвало сопротивление предпринимателей. Революционный совет, национализовав в 1963—1965 гг. основные крупные предприятия и собственность иностранцев, не тронул мелких фабрик и кустарных мастерских, возможно не желая обострять отношения с мелкой буржуазией и понимая, что национализация этих предприятий не даст экономических выгод государству. Однако государство осуществляло надзор [352] за частными предприятиями, контролируя сбыт и получение сырья, облагая их высокими налогами и т. д. Эти меры не могли понравиться промышленникам и владельцам мастерских, и формы протеста, к которым они прибегали, выражались как в отказах платить налоги, так и в невозвращении ссуд и задержке зарплаты рабочим. К середине 1964 г. задолженность мелких

предпринимателей государству в два с лишним раза превысила сумму государственных капиталовложений в промышленность. Промышленники, не уверенные в завтрашнем дне, отказывались идти на модернизацию и расширение предприятий, закрывали их как нерентабельные. С 1963 г. правительство запретило закрывать предприятия без разрешения властей, и в связи с этим выработалась новая форма их существования: рабочие брали фабрику в свои руки и выплачивали хозяину часть прибыли, если предприятие начинало давать доход.

Сопротивление предпринимателей сильно мешало развитию бирманской промышленности. Если в 1962/63 г. наблюдался некоторый прирост производства, то уже в следующем году за счет сокращения производства в частном секторе уровень промышленного производства в Бирме упал на 13,6%. Помимо нежелания промышленников расширять принадлежащие им предприятия на уровне производства неблагоприятно сказалось сокращение (после национализации банков) кредитования частных предприятий, а также уменьшение импорта, которое ударило по множеству фабрик и мастерских, работавших на импортном сырье. Кроме того, в Бирме широко развернулось забастовочное движение. Рабочие, чувствуя поддержку государства, стали чаще выступать в защиту своих прав, и количество конфликтов возросло в несколько раз. Наконец, далеко не лучшим образом работали государственные закупочные организации, не умевшие зачастую учитывать спрос и создававшие дополнительные трудности для частников при скупке и распределении продукции.

В последующие годы Революционный совет продолжал политику национализации. Доля государственного сектора в Бирме росла. В 1965 г. она уже достигла 60% в общем объеме производства и еще более увеличилась в 1968 г., когда было национализировано свыше 200 промышленных предприятий. [353]

Важным рычагом в улучшении работы как государственного, так и частного сектора Революционный совет считал рабочий контроль над производством. В 1963 г. было решено создать на предприятиях консультативные комитеты с участием представителей рабочих и предпринимателей для урегулирования трудовых конфликтов. Однако такие консультативные комитеты чаще всего оказывались неэффективными, и с 1965 г. министерство промышленности начало создавать на всех частных промышленных предприятиях комитеты управления, в которые входят как представители власти, так и рабочие и владельцы предприятий. В течение 1965 г. было создано около 100 таких комитетов и было решено создавать подобные органы на частных рисоружках.

В опубликованном в апреле 1963 г. программном документе Революционного совета по рабочему вопросу было объявлено, что правительство обязуется содействовать активному участию рабочих в управлении производством, выработать новые законы, которые зиждились бы на социалистических принципах, и обеспечить рабочим доходы, соответствующие достигнутому росту производства.

В следующем году на рабочем семинаре был обсужден и принят закон о правах и обязанностях рабочих, предусматривающий право на труд, отдых, образование и социальное обеспечение. Рабочие со своей стороны обязаны соблюдать производственную дисциплину, охранять государственную собственность и содействовать единству трудящихся.

С 1965 г. в Бирме вместо распущенных профсоюзов создаются Народные рабочие советы. Задержки с созданием этих советов вызвали возражения рабочих, высказывавшиеся на рабочих семинарах. Идя навстречу пожеланиям рабочих, Революционный совет организовал курсы по подготовке кадров рабочих организаторов, которые к 1968 г. закончили более 5 тыс. человек. Выборы в первичные организации рабочих, начавшиеся в конце 1966 г., заняли почти два года. В выборах приняло участие более 1300 тыс. рабочих и служащих и было создано 2195 первичных организаций, объединенных под руководством Центрального рабочего совета. Массовые рабочие

организации, как и крестьянские советы, рассматриваются правительством как одна из опор ПБСП. [354]

На положении рабочих все еще отрицательно сказываются как большая безработица в Бирме, возникающая из-за сокращения промышленного производства, особенно в частном секторе, так и рост цен на товары потребления. Установленный правительством минимум заработной платы в 82 чжа в месяц недостаточен для пропитания семьи. Создание рабочих кооперативов и снабжение рабочих через организации, контролируемые рабочими советами, должны способствовать дальнейшему улучшению положения трудящихся и росту их заинтересованности в экономическом развитии Бирмы.

5. Политическая обстановка в Бирме в 1962—1970 гг.

Создание крестьянских и рабочих советов проходило в Бирме одновременно с продолжением работы над созданием общенациональной политической партии, призванной объединить все прогрессивные силы страны. Именно создание единой партии, способной объединить все политические силы, согласные сотрудничать с Революционным советом в осуществлении программы «Бирманский путь к социализму», должно было определить успех нового курса Бирмы.

Политические, организационные и идеологические основы Партии Бирманской социалистической программы на этапе ее формирования были изложены в уставе партии, в опубликованной в январе 1963 г. «Философии» партии и в документах семинаров ПБСП.

В «Философии» очевидно значительное влияние марксизма как в терминологии, так и в объяснении развития общества. Ввиду того что целью ПБСП объявляется построение социализма в Бирме, «Философия» дает следующее определение социализма: «Это экономическая система, базирующаяся на соответствии общественного характера производства и общественной собственности на средства производства». В соответствии с задачами построения социализма партия выступает против частной собственности на средства производства, как ведущей к развитию общественного антагонизма. История, говорится в «Философии», — это история борьбы классов, история трудящихся, которые являются движущей созидательной силой жизни. [355]

«Философия» избегает слова «марксизм» и пытается сохранить нейтралитет в вопросе о политической организации общества. Подчеркивая отличие своей теории от буржуазных теорий, авторы объявляют ее «практикой среднего пути, свободного как от левого, так и от правого уклона».

Логическим шагом после опубликования программы и «Философии» ПБСП было изменение политики правительства по отношению к повстанцам. Вскоре после опубликования «Философии», 1 апреля 1963 г., была объявлена амнистия, распространявшаяся на всех участников подпольных вооруженных организаций, которые сложат оружие до 1 июля. Были выпущены из тюрем арестованные ранее левые политики (амнистия не распространялась на лидеров Союзной партии и министров последнего правительства), и под влиянием этого сообщения среди повстанцев произошел раскол. Вышедшие из подполья крупные деятели Коммунистической партии Бирмы обратились к товарищам с призывом прекратить гражданскую войну, ибо «она невыгодна народу — она выгодна империалистам и реакционерам внутри страны».

11 июня, за двадцать дней до истечения срока амнистии, Революционный совет обратился к повстанцам с предложением провести прямые переговоры с правительством, если они полагают, что предложенная амнистия недостаточна. Революционный совет гарантировал представителям повстанцев безопасный проезд к месту переговоров и возвращение в подполье с трехдневной гарантией от «ареста или враждебных действий». Заявление правительства свидетельствовало о его искреннем желании покончить с затянувшейся кровопролитной гражданской войной.

Переговоры с различными повстанческими организациями длились в течение четырех месяцев. Однако, за исключением Революционного карежского совета (Котулей), ни одна из повстанческих организаций не пришла к соглашению с правительством. Националистические подпольные организации араканцев, качинов и шанов требовали либо полной независимости, либо создания республик с правом выхода из Бирманского Союза. Партия «Красный флаг» прекратила переговоры уже на подготовительной стадии. Наконец, крупнейшая из подпольных организаций — Национальный демократический объединенный [356] фронт (НДОФ), включавший в себя компартию Бирмы и ряд национальных повстанческих организаций, вел переговоры в течение длительного времени, но к ноябрю 1963 г. и они зашли в тупик и были прерваны. Революционный совет счел неприемлемым требование НДОФ сохранить свои вооруженные силы и оставить до полного урегулирования ряд районов под их контролем и настороженно отнесся к ряду демонстраций и митингов, организованных сторонниками компартии, рассматривая их как попытку оказать давление на правительство в ходе переговоров.

За шестнадцать лет гражданской войны сильно изменились и состав повстанцев, и методы их действий, и даже их идеология. Если в первые годы левые повстанцы, и прежде всего коммунисты и народные добровольцы, вели войну за создание государства рабочих и крестьян, то после ряда поражений, главной причиной которых было отсутствие единства, компартия ушла в глубокое подполье и перешла к партизанским действиям. В течение многих лет коммунисты скрывались на тайных базах в джунглях, устраивали засады, совершали налеты на полицейские участки, поезда и т. д.

Многолетнее пребывание в джунглях привело к изменению первоначального состава компартии, она закостенела идеологически, а ее руководство превратилось в сектантскую группу, изолированную не только от международного коммунистического и рабочего движения, но и от собственного рабочего класса. На первый план вышла борьба за власть.

В Бирме рабочий класс никогда не был силен, и прослойка сознательных рабочих в нем была невелика. Руководство КПБ представляла в основном мелкая буржуазия. И без того слабые связи КПБ с рабочим классом были совершенно прерваны за долгие годы вооруженной борьбы. Все большую роль в партии играли деклассированные элементы, признающие больше силу разрушительную, нежели созидательную. И не удивительно, что руководство КПБ так легко поддавалось влиянию маоистов и с самого начала приняло их сторону в идеологическом конфликте КПК с КПСС и другими марксистско-ленинскими партиями.

Отход руководства Коммунистической партии Бирмы от реальности, переоценка возможностей партии и были [357] одной из основных причин, из-за которых НДОФ отказался выйти из подполья и не смог оценить смысла преобразований и деятельности Революционного совета. Более того, руководство КПБ продолжало вопреки фактам клеймить Революционный совет как «военную фашистскую диктатуру». С этих позиций и велись переговоры НДОФ с правительством до ноября 1963 г. Тем не менее всю вину за срыв переговоров руководство КПБ возложило на Революционный совет и призвало легальную левую оппозицию к антиправительственным выступлениям. Правительство ответило на это арестами в кшце 1963 г. левых политических деятелей, в том числе профсоюзных лидеров и руководителей Бирманской объединенной рабочей партии (БОРП). Одновременно усилилась деятельность политических партий правой оппозиции, направленная против Революционного совета. Внутриполитическая обстановка резко обострилась, и Революционный совет был вынужден принять решительные меры.

В соответствии с законом «О защите национальной солидарности» с 28 марта 1964 г. все политические партии, кроме Партии Бирманской социалистической программы, распускались. Революционный совет предложил лидерам трех ведущих партий (Лиги, Союзной партии и БОРП) объединить свои усилия с правительством и не чинить препятствий в его деятельности. Это предложение было сразу принято БОРП, руководство

которой объявило о присоединении к Партии Бирманской социалистической программы. Не решились открыто выступить против закона и лидеры Лиги и Союзной партии, хотя было очевидно, что многие из них пошли на это скрепя сердце и не собирались прекращать оппозиционную борьбу. Тогда Революционный совет принял решение арестовать лидеров Лиги — правых социалистов У Ба Све и У Чжо Нейна, а вскоре освободил левых политических деятелей, в том числе и тех лидеров БОРП, которые были арестованы после ноябрьских демонстраций.

Желающих вступить в Партию Бирманской социалистической программы оказалось множество. Среди них были и те, кто в самом деле верил в политику Революционного совета и намерен был способствовать ее проведению в жизнь; было, несомненно, и немало лиц, решивших извлечь выгоду из принадлежности к правящей партии. [358] В мае 1964 г. Революционный совет принял решение считать тех, кто подал заявление о приеме в партию до 30 июня 1963 г. (а таких было около 150 тыс.), сочувствующими, однако прием в члены партии не форсировать: правительство придерживалось ранее высказанной точки зрения, что созданию массовой партии должно предшествовать создание кадровой партии. Поэтому первыми членами партии стали некоторые военнослужащие, а накопившиеся после июня 1963 г. еще четверть миллиона заявлений о приеме были временно отложены, ибо среди подавших эти заявления было множество членов правых партий, в искренности которых были все основания сомневаться.

Поток заявлений в новую партию не означал, что оппозиция отказалась от борьбы. Действия Революционного совета ежедневно плодили все новых врагов правительства как среди бирманской буржуазии, так и среди монашества и части крестьянства. Арестованные лидеры социалистов и У Ну выставлялись оппозицией в виде мучеников. К концу 1966 г. положение Революционного совета было уже достаточно прочным, чтобы пойти на освобождение лидеров правых партий. Осенью 1966 г. Революционный совет освободил из тюрьмы У Ну и У Ба Све. После этого были освобождены и другие руководители Союзной партии и Лиги и лидеры национальных меньшинств.

В развитие политики достижения национального единства Революционный совет пошел на создание в конце 1968 г. Консультативного совета по вопросам внутреннего единства Бирманского Союза, к работе в котором были приглашены политические деятели различного толка. Доклад Консультативного совета был опубликован в июле 1969 г. К единому мнению о дальнейших путях развития Бирмы члены Совета не пришли. Если лидеры левых партий и профсоюзов выразили поддержку действиям правительства, предложили разработать новую программу на основе декларации «Бирманский путь к социализму» и высказались за введение в Бирме методов социалистической демократии, то У Ну выступил с отдельным меморандумом, в котором заявлял, что единственным выходом для Бирмы является передача всей власти ему, У Ну. Кроме того, он потребовал созыва старого парламента и смещения генерала Не Вина с поста Председателя [359] Революционного совета (с выделением ему почетного, но ничего не значащего поста президента страны).

Заявление У Ну, не рассчитывавшего на то, что Революционный совет добровольно откажется от власти и согласится вернуть страну к прошлому, было продиктовано пропагандистскими соображениями. В 1969 г. У Ну было разрешено выехать в Индию на лечение и для посещения святых мест буддизма. Оказавшись за границей, У Ну не отошел от политики, а развил бурную деятельность, обращаясь за помощью к западным державам и пытаясь оживить память о себе как о миротворце и стороннике демократии. Переехав в Таиланд, У Ну наладил связи с политическими эмигрантами и представителями сепаратистского движения горных районов. Результатом его деятельности было создание на территории Таиланда Национального фронта освобождения Бирмы, в который вошли организованная им Партия парламентарной демократии (эмигрантская организация, оборудовавшая радиоцентр и ведущая антиправительственную пропаганду), а также Каренский национальный союз и Партия нового момского государства. Методом

борьбы У Ну избрал «военные операции с участием партизан». Не без участия У Ну в тайландских газетах периодически появлялись сообщения о том, что У Ну перешел со своими войсками на территорию Бирмы и что его армия насчитывает до 50 тыс. человек. Однако в действительности эта армия была очень немногочисленной и не нашла реальной поддержки у населения Бирмы.

Между тем в лагере левого подполья все более накалялась внутренняя борьба. К концу 60-х годов руководство КПБ полностью захватили маоисты. Генеральная линия КПБ, выразившаяся в заимствованных из арсенала КПК лозунгах «Винтовка рождает власть» и «Затяжная гражданская война до полной победы», своей нереальностью вызвала возражения ряда членов руководства компартии, недовольных ориентацией на КПК, отказом от собственной политики и забвением интересов Бирмы. Трения в Политбюро, отразившие настроения рядовых членов партии, уставших от войны и не видящих причин бороться с Революционным советом, привели в 1967 г. к разгулу репрессий внутри партии. В ходе репрессий были уничтожены старейшие деятели партии, в том числе один из основателей КПБ, заместитель ее председателя [360] Ба Тин (Гошал). Террор распространился и на низовые партийные организации, в результате чего погибли сотни коммунистов. В конце 1967 г. председатель КПБ Такин Тан Туна отдал приказ о переходе компартии в наступление на всех фронтах. Это неподготовленное и необеспеченное в военном отношении наступление привело к ответным военным действиям правительства и в результате к разгрому основных сил коммунистов, оставлению ими многих баз и гибели самого Такин Тан Туна, убитого в сентябре 1968 г. телохранителем во время отступления под натиском правительственных войск. Реакция прогрессивных сил Бирмы на известие о гибели одного из лидеров национально-освободительного движения, ближайшего соратника Аун Сана, была подытожена в выступлении по этому поводу генерала Не Вина: «Некоторые могут утверждать, что я испытываю радость, услышав о ликвидации врага. Но я знаю и верю, что определенная часть коммунистов является истинными патриотами. Смерть каждого из них — утрата для страны».

Смерть Такин Тан Туна и серия военных поражений на некоторое время снизили военную активность повстанцев и сократили размах военных действий в стране. Однако через несколько месяцев обнаружилось, что новое руководство компартии, составленное из маоистов, решило продолжать прежнюю политику. Основные военные действия были перенесены в северо-восточные районы Бирмы, где во время дождливого сезона 1970 г. и после его окончания войска КПБ, стянутые из других районов, попытались перейти в наступление и овладеть рисопроизводящими долинами, чтобы компенсировать территориальные потери на юге и в центре страны. В больших по бирманским масштабам сражениях в долине Монтси и на хребте Лой Мун повстанцы потерпели поражение и были вынуждены отказаться от открытых боев.

В конце 1970 г. неудача постигла и партию «Красный флаг», давно уже переставшую играть роль в бирманской политике и насчитывавшую лишь несколько десятков приверженцев. В районе Пакхоуку правительственные войска обнаружили в джунглях и уничтожили штаб «Красного флага», а затем с помощью крестьян устроили широкую облаву, в ходе которой был захвачен в плен глава партии «Красный флаг» Такин Со.

Таким образом, за последние тоды левое повстанческое [361] движение потеряло своих основных лидеров, которые были либо уничтожены во время внутренней борьбы, либо убиты или захвачены в плен правительственными войсками. Однако повстанческое движение в Бирме еще не ликвидировано, и выполнить эту задачу одними лишь военными средствами вряд ли возможно.

6. Внешнеполитическая и внешнеэкономическая деятельность Революционного совета

Внешняя политика Революционного совета остается нейтралистской, и бирманское правительство тщательно подчеркивает полную независимость от каких бы то ни было блоков или союзов. Однако в наши дни неприсоединившиеся государства неизбежно должны высказывать свое мнение по наиболее острым вопросам; не остается в стороне от международной политики и Бирма.

На политику Бирмы оказывают большое влияние события, происходящие в самой Юго-Восточной Азии. Военный конфликт, в течение ряда лет существовавший во Вьетнаме, косвенно влиял и на внутреннее положение Бирмы. В связи с событиями в Юго-Восточной Азии Бирма неоднократно выступала на стороне тех, кто требовал прекращения войны путем переговоров и вывода всех иностранных войск из Индокитая.

Международная позиция Бирмы нашла отражение в ее внешнеэкономической политике.

В первые годы своего правления Революционный совет не проявлял особой активности в деловых связях страны с внешним миром. В это время в основном уточнялись и корректировались заключенные прежними правительствами соглашения с капиталистическими странами. Целью этих мероприятий были ослабление и подрыв положения иностранного капитала в экономической жизни страны. Уже в октябре 1962 г. было аннулировано право иностранных фирм ввозить в страну по собственному усмотрению свои изделия по так называемым открытым или общим лицензиям. В октябре 1963 г. вообще была запрещена частная импортная торговля, а в апреле 1964 г. — и экспортная.

Сосредоточив в руках государства всю экспортную и импортную торговлю, Революционный совет получил возможность [362] контролировать экономические отношения с другими странами. В октябре 1965 г. был создан специальный Торговый совет во главе с министром торговли Революционного правительства, взявший под свой контроль всю внешнюю и внутреннюю торговлю. Установление жесткого государственного контроля существенно изменило характер и направление внешней торговли страны. В импорте заметно сократилась доля продовольствия (за 1962—1966 гг. с 20,2 до 13,4%) и вырос удельный вес машин, промышленного оборудования и транспортных средств (в 1962—1966 гг. их доля в импорте составляла в среднем 21%). Изменилась и география внешней торговли. В 1966 г., например, доля Англии во внешнеторговом обороте Бирмы составила 11% против 13,3% в 1961 г. Доля социалистических стран во внешней торговле Бирманского Союза за те же 1962—1966 гг. выросла с 11 до 17%.

К 1970 г. Бирма имела внешнеторговые связи с 76 странами мира. Англия утратила господствующее положение во внешнеторговом обороте Бирмы и отошла на второй план. На первое место выдвинулась Япония. Японские поставки прибывают в Бирму в виде товаров и услуг в счет репараций; кроме того, Япония предоставила Бирме заем на 30 млн. долл. Финансовая помощь со стороны Англии поступает в основном по «плану Коломбо» и в общем бюджете Бирмы незначительна. Общая доля Англии и Бирмы составляет примерно треть всего внешнеторгового оборота Бирмы. Доля других развитых капиталистических стран по-прежнему невелика. Значительны торговые связи Бирмы с Индией; с другими странами Азии торговые отношения Бирмы не выходят за рамки традиционного обмена.

Принципиально иным, нежели раньше, стал подход бирманского правительства к экономической помощи империалистических держав. В 1964 г. правительство Революционного совета отказалось от «безвозмездного дара» США на строительство стратегической дороги Рангун — Мандалай. Революционный совет не скрывал своего принципиально отрицательного отношения к помощи США в связи с их агрессивными действиями в Юго-Восточной Азии.

Лишь в 1965 г. было подписано окончательное соглашение о помощи с ФРГ, переговоры с которой были начаты [363] еще в 1961 г. Соглашение было расширено и дополнено в 1970 г.

Совершенно очевиден не только рост, но и качественные изменения в торгово-экономических отношениях Бирмы с социалистическими странами. По договорам 1964 и 1970 гг. большие кредиты предоставила Бирме ГДР, поставляющая комплектное оборудование для бирманских предприятий. Развиваются отношения с Югославией, строящей в Рангуне верфь, и с Польшей, предоставившей Бирме кредит на закупку оборудования. Значительны экономические и технические связи Бирмы с Чехословакией. В области нефтедобычи трудятся румынские нефтяники.

В августе 1962 г. было подписано соглашение Бирмы с СССР о строительстве плотины и водохранилища в Чемолтау, что позволит оросить большие площади в засушливой зоне. В 1963—1964 гг. советские эксперты помогали Бирме в разработке проектов комплексного использования водных ресурсов реки Ситаун и ирригационных сооружений в долине реки Му и в Тицо. В общей сложности помощь Бирме со стороны социалистических стран за время пребывания у власти Революционного совета возросла в процентном отношении ко всей иностранной помощи с 1% (1,5 млн. чжа в 1961/62 г.) до 30% (70 млн чжа в 1966/67 г.).

Экономические отношения Бирмы с Китаем за последние годы развивались скачкообразно и были связаны с зигзагами во внешней политике КНР. Еще в январе 1961 г. КНР предоставила Бирме беспроцентный заем в 400 млн. чжа с правом использования его в течение 6 лет и обязалась в счет этого займа оказать помощь Бирме в строительстве 14 объектов. В ходе выполнения этих соглашений в Бирму прибыло более 300 китайских специалистов, число которых впоследствии выросло еще больше. Однако к октябрю 1967 г. — моменту истечения сроков займа — было завершено лишь два из 14 объектов. Происходили задержки и с перечислением в Бирму средств по займу. Разочарование в эффективности китайской помощи усугубилось тяжелым внутренним положением КНР, для которой продолжение оказания помощи Бирме стало трудновыполнимым. В этой обстановке вспыхнувшие в Рангуне китайско-бирманские столкновения были очень выгодны для китайской стороны. Выступление [364] летом 1967 г. хунвэйбинов из числа китайских учащихся и избиение ими бирманской учительницы вызвали антикитайские демонстрации в Рангуне и ответную вспышку антибирманских выступлений в Пекине, где в демонстрациях перед бирманским посольством раздавались призывы к свержению «фашистской клики Не Вина». Несмотря на сдержанную официальную реакцию Революционного совета, 31 октября 1967 г. правительство КНР отозвало из Бирмы своих специалистов.

Отказ КНР от продолжения технической помощи серьезно сказался на строительстве уже начатых объектов и сильно подорвал доверие бирманцев к КНР. Лишь во второй половине 1971 г., после окончания в Китае «культурной революции» и возобновления китайской внешнеполитической активности, отношения Бирмы и КНР вновь улучшились. В августе 1971 г. генерал Не Вин посетил КНР; была достигнута договоренность о возобновлении экономической помощи КНР Бирме. Во время визита были также улажены вопросы, связанные с бирмано-китайскими столкновениями в Рангуне в годы «культурной революции» в Китае.

Нормализация отношений с КНР лежит в русле внешней политики Бирмы, твердо придерживающейся миролюбивого курса. Свидетельством этому служат успешно проходившие в 1971 г. работы по демаркации индийско-бирманской границы, а также более широкий, чем раньше, обмен делегациями с самыми различными странами и выступления руководителей Бирмы по международным вопросам.

В целом правительство Революционного совета за первые 10 лет не предпринимало больших шагов для расширения экономических связей страны с внешним миром и привлечения различных форм иностранной помощи. В эти годы Бирма в основном

проводила развитие страны собственными силами и иностранный капитал привлекался лишь постольку, поскольку он не ущемлял интересов страны и не оказывал влияния на ее позитивный нейтралитет. Жизнь показала, что Бирма все еще нуждается в значительной помощи других стран, искренне уважающих ее суверенитет и стремление идти по пути независимого экономического развития. Особенно ощутима нужда Бирмы в накоплении капитала, столь необходимого для нормального развития. Оценки бюджета Бирмы на 1970/71 г., [365] опубликованные в сентябре 1970 г., предусматривали дефицит в полмиллиарда чжа, причем для покрытия большей части дефицита 322,8 млн. чжа должны были быть получены в виде займов или помощи от других стран. Бюджет Бирмы на 1971/72 г. — первый год четырехлетнего плана — был предусмотрен с дефицитом более чем в 670 млн. чжа. Из них более 400 млн. чжа должно было быть покрыто за счет внешних займов.

7. Первый съезд ПБСП и проект новой конституции Бирмы

Основным событием, подытожившим десятилетнее пребывание у власти Революционного совета, был созыв в июле 1971 г. первого съезда Партии Бирманской социалистической программы, который должен был ознаменовать создание в Бирме массовой партии.

Превращение ПБСП в действительно массовую организацию потребовало несколько лет. В 1965 г. существовало 195 районных организаций партии, однако многие из них числились лишь на бумаге; в 1966 г. число районных организаций превысило 300, но лишь в 28 из них были укомплектованы исполнительные советы. Осторожность в вопросе о расширении партии подчеркивалась в выступлениях руководителей Революционного совета. На партийных семинарах отмечалось также, что если со стороны военных членов партии часто проявляется желание командовать, то рядовые члены, набранные из крестьян, рабочих и служащих, зачастую недостаточно сознательны и образованны, чтобы играть в партии активную роль.

На первом съезде ПБСП присутствовало 825 делегатов с решающим голосом и 302 делегата с совещательным голосом. Они представляли 313 районных партийных организаций, в которых состояло 73 640 членов партии, более 300 тыс. кандидатов и почти 1,5 млн. подавших заявления. Из числа делегатов с решающим голосом 532 были избраны первичными организациями, остальные были назначены центральными органами партии или представляли армию.

Во вступительной речи Председатель Революционного совета и Председатель Центрального организационного комитета ПБСП генерал Не Вин обратился к делегатам [366] с призывом крепить единство партии и Бирманского Союза. Значительную часть своего программно-выступления генерал Не Вин посвятил истории взаимоотношений народов Бирмы, остановился на исторических корнях противоречий между бирманцами и жителями горных районов, описал трудности, стоящие перед правительством и партией в деле создания единой, дружной семьи народов Бирманского Союза. Второй важной проблемой, к которой генерал Не Вин привлек внимание делегатов, была проблема создания новой конституции Бирмы, в выработке которой должна была принять самое активное участие партия. Генерал Не Вин указал на два обязательных условия конституции: запрещение эксплуатации человека человеком и одной национальной группы другой и гарантия прав каждого гражданина Бирманского Союза.

Политический доклад съезду был прочитан Генеральным секретарем Центрального организационного комитета ПБСП бригадным генералом Сан Ю. Обширный доклад был посвящен в основном итогам работы Революционного совета за 10 лет, а также вопросам создания массовой партии и построения в Бирме социалистического общества.

Съезд избрал Центральный комитет партии, состоящий из 150 членов и 50 кандидатов. Большинство членов ЦК — высшие офицеры армии, однако в него избраны и

гражданские лица, четверо из которых были введены также в новый состав Революционного совета. Помимо этого на съезде было объявлено о создании Консультативного совета, в функции которого входит рассмотрение финансовых и экономических вопросов государственного значения, национальной политики Революционного совета и вопросов внешней политики. В Консультативный совет вошли партийные активисты из местных отделений ПБСП. Наконец, на съезде был оглашен новый состав правительства Бирмы, состоящего из 11 высших армейских офицеров — членов Революционного совета.

Председателем партии был единогласно избран генерал Не Вин, Генеральным секретарем — министр финансов и национального планирования бригадный генерал Сан Ю, назначенный 20 сентября 1971 г. также заместителем премьер-министра.

Как до съезда, так и во время его работы неоднократно [367] поднимался вопрос об организации бирманской молодежи и о привлечении ее к активной политической деятельности для претворения в жизнь социалистической программы. Следствием ряда совещаний по этому вопросу была организация осенью 1971 г. всебирманской молодежной организации — Молодежной лиги Бирманского пути к социализму. Лига должна охватывать детей и молодежь всех возрастов и делиться на три части: организация «Теза» — от 5 до 10 лет, «Юные вожди» — от 10 до 15 лет и Молодежь Бирманского пути к социализму — от 15 до 25 лет. Деятельность Молодежной лиги должна проходить под непосредственным руководством ПБСП. В конце августа 1971 г. был создан Центральный оргкомитет Молодежной лиги и началась подготовка к организации ячеек Лиги во всей Бирме.

В свете решений первого съезда ПБСП вновь избранный ЦК образовал 25 сентября 1971 г. комиссию по разработке новой конституции страны, к участию в подготовке которой были привлечены партийные организации, рабочие и крестьянские советы. Двадцать пятую годовщину своей независимости Бирма встретила с проектом новой конституции, вынесенной на всенародное обсуждение в апреле 1972 г. в первой редакции. Для разъяснения населению сущности конституции были созданы специальные бригады во главе с руководящими деятелями партии и Революционного совета. Окончательный вариант будет принят после трехкратного обсуждения и представлен на утверждение Народного конгресса, избираемого согласно новой конституции гражданами Бирманского Союза прямым и тайным голосованием.

Первый проект Конституции Социалистической республики Бирманский Союз состоит из преамбулы и 210 статей, разбитых на 16 глав.

В преамбуле отвергаются буржуазная демократия и парламентарная система, лишь укрепившие в Бирме «власть феодалов, помещиков и капиталистов», и говорится, что Революционный совет пришел к власти в марте 1962 г. именно ради преодоления этого отрицательного явления в жизни бирманского общества и «построения социализма» в соответствии с программой «Бирманский путь к социализму» под руководством ПБСП. Указывается, что конституция составлена ПБСП с учетом желания народа построить «мирное и процветающее социалистическое [368] общество» и все народы страны должны создавать жизнь, «основанную на принципах социалистической демократии», выполнять «свой долг и обязанности на благо государства и дела социализма», «бороться за мир во всем мире и установление дружественных отношений между народами».

В первой главе — «Государство» — говорится, что Бирма является «суверенным, независимым социалистическим государством трудящихся, именуемым Социалистическая республика Бирманский Союз» и что суверенная власть государства распространяется на всю страну. Во второй главе — «Основные принципы» — объявляется, что «целью государства является социализм», государственный строй «основывается на социалистической демократии» и «социалистическая система» является его «экономической системой». Государство, руководимое единственной в стране партией — ПБСП, защищает интересы трудящихся, не допускает эксплуатации человека

человеком и одной национальности другой. «Законодательная, исполнительная и судебная власть государства принадлежит народу, включая все национальные группы, в лице крестьян и работников физического и умственного труда». Структура органов власти сверху донизу основывается на принципах демократического централизма и «коллективного руководства». Основные средства производства находятся в государственной или кооперативной собственности. Государство является «изначальным владельцем всех естественных богатств» и осуществляет руководство по развитию, эксплуатации и использованию этих богатств «в интересах трудящихся всех национальностей». Частное предпринимательство разрешается только государством и в том случае, если оно «не наносит вреда социалистической системе экономики». В основе внешней политики государства лежат принципы независимости и мирного сосуществования, дружественных отношений между народами и защиты мира во всем мире.

Государственное устройство Социалистической республики Бирманский Союз излагается в третьей главе проекта. В основе государственного строительства, говорится в проекте, «лежит центральное руководство и осуществление его на местах». Существующая федеральная система упраздняется и вводится унитарная. Национальные [369] государства преобразуются в штаты, остальная часть страны делится на округа на правах штатов. Административное деление идет снизу вверх — от деревень и трактов (групп деревень) до сельских и городских районов, составляющих вместе округ или штат. Страна в целом делится на 7 штатов, в которых большинство населения составляют национальные меньшинства: Качин, Кая, Котулей, Чин, Мон, Ракхайн и Шан, и 7 округов с преобладающим большинством собственно бирманского населения: Сикайн, Танинтайи, Пегу, Магуз, Мандалай, Рангун и Иравади. Таким образом, моны, араканцы, чины и другие малые народности получают те же права, что и бирманцы, шаны, карены и др.

Все штаты и округа являются неотделимой частью Бирманского Союза, и все граждане равноправны перед законом. Только Народный конгресс — высший законодательный орган республики может в случае необходимости «образовать штаты или округа с согласия граждан, проживающих на данной территории; пересмотреть территориальные границы штатов и округов или изменить их названия с согласия большинства граждан, проживающих на данной территории». Изменения административного устройства в самих штатах и округах могут быть произведены Советом министров Бирманского Союза с согласия Народных советов соответствующих штатов и округов.

В последующих главах проекта конституции излагаются права и обязанности законодательных, исполнительных и судебных органов власти Социалистической республики Бирманский Союз. Высшим законодательным органом государственной власти является Народный конгресс (НК), избираемый на 4 года «прямым и тайным голосованием гражданами, имеющими право голоса согласно конституции и другим соответствующим избирательным законам». Он состоит из одной палаты и собирается на свои сессии не реже двух раз в год. На каждой сессии избирается Президиум НК из представителей штатов и округов, который руководит работой данной сессии и остается рабочим органом конгресса до его следующей сессии.

Никто, кроме НК, не может осуществлять в стране законодательную власть. Он наделяет исполнительной и судебной властью государственные органы. Свою деятельность [370] на местах НК проводит через выборные Народные советы штатов и округов.

Народный конгресс создает из числа своих членов комитеты по экономическим, социальным, общественно-административным, законодательным, иностранным и другим делам. Контроль над деятельностью государственных учреждений и народных советов Народный конгресс осуществляет через Комитет народного контроля.

Большими правами наделяет конституция Государственный совет, создаваемый НК из числа своих членов, представляющих штаты и округа республики. В Государственный

совет входят также Председатель Совета министров и два его заместителя. Председатель Государственного совета является Президентом республики и «представляет государство». Государственному совету подчинен Комитет национальной обороны и безопасности, состоящий из членов Государственного совета и Совета министров.

Высшая исполнительная власть в стране принадлежит Совету министров, избираемому НК по рекомендации Государственного совета сроком на 4 года. Он претворяет в жизнь решения НК и постановления Государственного совета, «руководит, координирует и объединяет деятельность министров, общественно-административных и исполнительных комитетов Народных советов на всех уровнях». Только Совету министров принадлежит право представлять через Государственный совет на утверждение Народного конгресса долгосрочные и краткосрочные экономические планы, ежегодный бюджет и налоги.

Высшим органом власти в штатах и округах являются выборные Народные советы. Они подотчетны Народному конгрессу и направляют деятельность других местных органов власти. Исполнительную власть в штатах и округах осуществляют Исполнительные комитеты. Председатель Исполнительного комитета является Председателем штата или округа. Такой же порядок и в нижестоящих звеньях местной власти: в районах, сельских трактах, деревнях и поселках. Деятельность местных органов власти контролируется Комитетом народного контроля штата или округа, избираемым Народным советом данного округа или штата из числа своих членов и подотчетным НК и общесоюзному Комитету народного контроля.

Как только проект конституции будет одобрен и станет [371] Основным законом страны, вся полнота власти перейдет в руки выборных органов государственного управления. Подготовка к этому началась с момента опубликования первого проекта конституции. К управлению государством все больше привлекаются гражданские лица. В апреле 1972 г. ушли с военных постов и отказались от воинских званий несколько руководящих деятелей Революционного совета, ПБСП и правительства во главе с Не Вином. У Не Вин сохранил за собой посты Председателя Революционного совета, Председателя ПБСП и премьер-министра. Пост министра обороны и начальника Генерального штаба занял Сан Ю — Генеральный секретарь ПБСП и заместитель премьер-министра. Процесс девоенизации власти начался и в низовых звеньях. В июле 1972 г. Революционный совет принял решение о реорганизации созданных в 1962 г. на местах Комитетов безопасности и администрации. В реорганизованные комитеты с 1972 г. входят гражданские лица: по одному представителю от ПБСП, Народного рабочего совета и Народного крестьянского совета, а в районах, населенных национальными меньшинствами, — еще по два представителя от местной национальности. Были расширены и права этих комитетов в решении социальных и экономических вопросов местного характера.

* * *

За первые 10 лет деятельности Революционного совета экономическая и социальная структура Бирмы претерпела большие изменения, нежели за все предыдущие годы независимости. В результате ликвидации позиций иностранного капитала, подрыва экономической и политической базы национальной буржуазии, изменений в социальной структуре деревни, отказа от буржуазной парламентской демократии, широкого привлечения к общественной жизни крестьян и рабочих и, наконец, создания массовой партии в Бирме складывается новый для Юго-Восточной Азии тип государства.

Бирма, относящаяся к тем странам, о которых в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии говорилось, что в них «борьба за национальное освобождение... стала практически перерасти в борьбу против эксплуататорских отношений, как феодальных, так и капиталистических», [372] испытывает на этом пути немалые трудности, вызванные долгим пребыванием в колониальной зависимости, низким исходным уровнем

производительных сил, отсталой социально-экономической структурой и обострением классовой борьбы.

Перспективы дальнейшего социального и экономического прогресса в Бирме зависят от расстановки классовых сил, от степени и активности участия трудящихся в преобразованиях, от сплоченности и влияния правящей Партии Бирманской социалистической программы. [373]

ХРОНОЛОГИЯ

- 227 г. до н. э. Первое упоминание о Бирме в источниках
- III—IV вв. н.э. Возникновение государства пью
- 638 Начало «бирманской эры»
- 673—718 Правление династии Викрама в Тарекитаре
- VIII в. Перенос столицы пью в Халинджи
- 794, 802 Посольства пью в Китай
- 832 Разгром войсками Наньчжао столицы пью
- 835 Поход войск Наньчжао против монских государств Бирмы
- IX в. Расселение бирманцев в долине Иравади
- 849 Первое упоминание о Пагане
- 1044 Вступление на престол в Пагане царя Анируды. Основание Паганского государства
- 1057 Покорение монских городов Паганом
- 1077 Вступление на престол в Пагане Ман Лулана и восстание монов
- 1083 Второе восстание монов и смерть Ман Лулана. Захват монами Пагана
- 1084 Подавление монского восстания Тилуин Маном
- 1084—1112 Правление Тилуин Мана
- 1113—1165 Правление Кансу I
- 1165 Вторжение цейлонцев
- 1174—1211 Правление Кансу II
- 1231—1255 Судебные процессы паганских царей против буддийских монастырей
- 1277 Начало монгольского наступления на Паган
- 1281 Восстание монов и отделение юга Бирмы от Пагана
- 1283 Разгром бирманских войск под Каунсином и отторжение монголами северных провинций Паганского царства
- 1287 Захват монголами Пагана и конец Паганского государства
- 1300—1301 Карательная экспедиция монголов против «шанских братьев» и уход монголов из Бирмы
- 1360-е годы Основание княжества Ава
- 1363 Перенос столицы монского государства в Пегу
- 1367—1400 Правление Тряпхья III (Минджи Свасоке) в Аве
- Сер. XIV в. Возвышение княжества Таунгу
- 1-я пол. XV в. Войны Авы с монами
- 1426 Захват Авы шанами [374]
- 1430 Отделение Аракана от Бирмы
- Сер. XV в. Первые сообщения европейских путешественников о Бирме
- Нач. XVI в. Покорение Средней Бирмы шанами
- 1531—1550 Правление Табиншветхи
- 1535—1541 Покорение Табиншветхи монского государства
- 1546 Перенос столицы Бирмы в Пегу
- 1548 Поход Табиншветхи на Аютию
- 1550—1581 Правление Байиннауна
- 1555—1560 Присоединение к Бирме Чиангмая

- 1563 Поход Байиннауна в Сиам и взятие Аютии
 1568—1570 Восстания против власти бирманцев в Аютии и Чиангмае
 1581—1595 Правление Нандабайина
 1593 Последний поход Нандабайина против Сиам
 1595 Вторжение сиамцев и араканцев
 1595—1613 «Государство» португальца де Бриту в Сириаме
 1605—1615 Объединение Бирмы Анаупхелуном
 1628 Убийство Анаупхелуна в разгар подготовки похода в Сиам и прекращение завоевательной политики
- 1629—1752 Изоляционистская политика бирманских царей. Упадок Бирмы.
 1686 Первая попытка англичан захватить остров Негрэ в дельте Иравади
 1-я пол. XVIII в. Начало англо-французского соперничества в Бирме
 1752 Захват монами бирманской столицы
 1754 Разгром Алаунпаей монской армии под Авой
 1757 Взятие Алаунпаей Авы и объединение Бирмы
 1760 Поход в Сиам и смерть Алаунпаи
 1763—1767 Походы Синбьюшина в Сиам
 1767—1770 Отражение китайского вторжения
 1785 Присоединение Аракана к Бирме
 1795 Столкновение бирманцев с англичанами на аракано-бенгальской границе
 1795 Английское посольство в Бирму во главе с М. Саймсом
 5.III.1824 Начало первой англо-бирманской войны
 Май 1824 Захват англичанами Рангуна
 24.II.1826 Яндабоский мирный договор. Потеря Бирмой Аракана, Тенассерима, Ассама и Манипура
 1830 Прибытие в Аву британского резидента Генри Бёрни
 1852—1853 Вторая англо-бирманская война. Аннексия Великобританией Нижней Бирмы
- 1853—1876 Правление Миндона
 1856—1857 Бирманские миссии в Лондон, Париж, Вашингтон
 1862 Заключение неравноправного англо-бирманского торгового договора
 1874 Бирманская миссия в Тегеран. Попытки установить контакт с русским правительством
 1874 Гибель Марджори и обострение англо-бирманских отношений
 1878 Вступление на престол в Мандалае Тибо. Антибирманская кампания в Англии
- [375]**
- 1879 Разрыв отношений Англии с Бирмой
 14.X.1885 Начало третьей англо-бирманской войны
 28.X.1885 Взятие британскими войсками Мандалая
 1.I.1886 Манифест о ликвидации независимости Бирмы и вхождении ее в состав Британской империи
- 1885—1892 Партизанская борьба бирманцев
 1897 Образование в Мандалае первого «общества буддизма»
 1906 Создание Буддийской ассоциации молодежи (БАМ)
 1915—1917 Создание бирманских ассоциаций «вунтану атин»
 Август 1918 Первая в Бирме крупная забастовка портовых рабочих
 1919 Делегация БАМ в Англии
 Сентябрь 1920 Преобразование БАМ в Генеральный совет бирманских ассоциаций (ГСБА)
- 4.XII.1920 Начало первого университетского бойкота в Бирме
 Июнь 1922 Раскол ГСБА. Образование Националистической партии и требование самоуправления

- Ноябрь 1922 Выборы в Законодательный совет
 2.I.1923 Официальное введение в Бирме диархии
 1925 Раскол в ГСБА и выделение радикальной ГСБА
 1930 Создание организации «Добама Асиайон»
 1930 Образование Всебирманской лиги молодежи
 1930—1932 Крестьянское восстание под руководством Сая Сана
 1935 Объединение Всебирманской лиги молодежи с «Добама Асиайон»
 Февраль — апрель 1936 Второй университетский бойкот
 Ноябрь 1936 Первые выборы по конституции 1935 г.
 1.IV. 1937 Отделение Бирмы от Индии и официальное принятие конституции 1935 г.
- г.
- 1938 Забастовка нефтяников Бирмы
 Декабрь 1938 — январь 1939 «Голодный поход» бастующих нефтяников в Рангун
 10.II.1939 Расстрел мирной демонстрации в Мандалае
 Февраль 1939 Всеобщая стачка рабочих и служащих
 15.VIII.1939 Создание Коммунистической партии Бирмы (КПБ)
 13—14.I.1940 Вторая конференция Всебирманской крестьянской организации (ВКО)
- Январь 1940 Создание Всебирманского конгресса профсоюзов (ВКП)
 Январь 1941 Третья конференция ВКО. Отъезд «тридцати товарищей» на военную учебу в Японию
- 4.I.1942 Японское вторжение в Бирму
 Июль—август 1942 Роспуск Армии независимости Бирмы (АНБ) и создание Армии обороны Бирмы (АОБ)
- 1.VIII.1943 Провозглашение японцами «независимости» Бирмы
 Август 1944 Создание Антифашистской лиги народной свободы. Принятие манифеста о борьбе против японских оккупантов
- 27.III.1945 Начало всеобщего восстания против японских оккупантов [376]
- 1.V.1945 Освобождение Рангуна
 Май 1945 Опубликование программных заявлений АЛНС
 Июль 1945 II съезд КПБ
 Август 1945 Окончание военных действий на территории Бирмы
 Октябрь — ноябрь 1945 Создание Народной добровольческой организации (НДО)
- 21—22.I.1946 Первый съезд АЛНС. Принятие программы Лиги
 9—10.V.1946 Конференция ВКО в г. Хензада
 25.VIII.1946 Всеобщая стачка и демонстрация в Рангуне
 Конец сентября 1946 Всебирманская политическая стачка
 3.XI.1946 Первая конференция Социалистической партии Бирмы
 Декабрь 1946 Исключение КПБ из рядов АЛНС
 27.I.1947 Подписание «соглашения Аун Сан — Эттли»
 9—12.II.1947 Конференция по вопросу о будущем государственном устройстве Бирмы в Панлоне
- 9.IV.1947 Выборы в Учредительное собрание
 16.VI.1947 Принятие Учредительным собранием резолюции о полной независимости Бирмы
 19.VII.1947 Убийство семи членов Исполнительного совета во главе с Аун Саном
 20—21.VI.1947 Создание Исполнительного совета во главе с У Ну
 2.VIII.1947 Первое временное национальное правительство на правах правительства доминиона
- 17.X. 1947 Подписание в Лондоне англо-бирманского договора о независимости Бирмы
- 4.I.1948 Провозглашение независимости Республики Бирманский Союз

- Март 1948 Начало гражданской войны в Бирме
 Июль 1948 Раскол в НДО
 Март 1949 Создание под руководством коммунистов Объединенного демократического фронта
 Март—апрель 1949 Бои под Рангуном
 Январь—март 1950 Вторжение гоминьдановских войск в Бирму
 Декабрь 1950 Создание Рабоче-крестьянской партии Бирмы
 Июнь 1950 — январь 1952 Первые выборы в условиях независимости
 Август 1952 Опубликование восьмилетнего плана развития страны («Пидота»)
 Ноябрь 1955 Создание Национального объединенного фронта (НОФ)
 1956 Всеобщие выборы в парламент
 1956 Опубликование первого четырехлетнего плана
 Апрель 1958 Раскол АЛНС на «чистую» АЛНС и «стабильную» АЛНС
 Сентябрь 1958 Создание Партии народных товарищей
 25.X.1958 — 6.П.1960 Временное правительство генерала Не Вина
 6.П.1960 Всеобщие парламентские выборы и победа Союзной партии
 Июль 1961 Конференция представителей малых народов в Таунджи [377]
 27.I.1962 Конференция Союзной партии
 2.III.1962 Приход к власти Революционного совета. Обращение генерала Не Вина к народу
 30.IV.1962 Опубликование политической декларации Революционного совета «Бирманский путь к социализму»
 4.VII.1962 Принятие Революционным советом устава Партии Бирманской социалистической программы (ПБСП)
 5.VIII.1962 Создание Комитета по осуществлению аграрной революции и кооперативному движению
 17.I.1963 Опубликование «Философии» Партии Бирманской социалистической программы
 23.II.1963 Национализация частных национальных и иностранных банков
 25.III.1963 Принятие Революционным советом закона о защите прав крестьян и нового закона об аренде
 11.VI.1963 Предложение Революционного правительства начать прямые переговоры с повстанцами о восстановлении мира
 19.X.1963 Опубликование закона о национализации частных предприятий
 28.III.1964 Введение в стране однопартийной системы. Опубликование закона о защите национальной солидарности
 11.IV.1964 Национализация экспортной торговли
 18.I.1965 Национализация англо-бирманской горнорудной компании «Бирма Корпорейшн»
 5.IV.1965 Принятие закона об отмене арендной платы за землю с крестьян
 Июль 1971 Первый съезд ПБСП
 Апрель 1972 Начало обсуждения проекта новой конституции Бирмы [378]

ЛИТЕРАТУРА

- Маркс К., Британское владычество в Индии, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 9.
 Маркс К., Война в Бирме. — Русский вопрос. — Любопытная дипломатическая переписка, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 9.
 Маркс К., Ост-Индская компания, ее история и результаты ее деятельности, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 9.
 Энгельс Ф., Бирма, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 14.

- Ленин В. И., Культурные европейцы и дикие азиаты, — Полное собрание сочинений, т. 23.
- Ленин В. И., Пробуждение Азии, — Полное собрание сочинений, т. 23.
- Азовский И. П., Бирма, М., 1971.
- Аун Сан, Бирма бросает вызов. Статьи и речи, М., 1965.
- Берзин Э. О., Католическая церковь в Юго-Восточной Азии, М., 1966.
- Бирманский Союз. Сборник статей, М., 1958.
- Былиняк С. А., Государственные финансы независимой Бирмы, М., 1968.
- Васильев В. Ф., Бирма, М., 1954.
- Васильев В. Ф., Бирма на новых рубежах, М., 1965.
- Васильев В. Ф., Очерки истории Бирмы (1885—1947), М., 1962.
- Васильев В. Ф., Узянов А. Н., Современная Бирма, М., 1956.
- Васильева В. Я., Бирма, М., 1942.
- Всеволодов И. В., Развитие бирманской культуры в эпоху феодализма, — «Очерки из истории Юго-Восточной Азии», М., 1965.
- Гаврилов Ю. Н., Борьба за независимость и прогрессивные преобразования в Бирме, М., 1970.
- Добби Э., Юго-Восточная Азия, М., 1952.
- Жабреев А. Ф., Аграрные отношения в современной Бирме, М., 1971.
- Журавлева Л. Н., Партизанская война бирманского народа против английского закабаления. 1885—1896, Саратов, 1967.
- Кауфман А. С., Бирма: идеология и политика, М., 1973.
- Кауфман А. С., Государственный строй Бирмы, М., 1959.
- Кауфман А. С., Рабочий класс и национально-освободительное движение в Бирме, М., 1961.
- Климко Г. Н., Аграрные проблемы независимой Бирмы, М., 1964.
- Козлова М. Г., Бирма накануне английского завоевания, М., 1967. [379]
- Козлова М. Г., Английское завоевание Бирмы, М., 1972.
- Колониализм и национально-освободительное движение в странах Юго-Восточной Азии. Сборник статей памяти академика А. А. Губера, М., 1972.
- Конституция Бирманского Союза, М., 1957.
- Котляров В.С., США и Бирма, М., 1970.
- Левковский А. И., Третий мир в современном мире, М., 1970.
- Макарова С. М., Ремесло в феодальной Бирме, — «Очерки из истории Юго-Восточной Азии», М., 1965.
- Минаев И. П., Дневники путешествий в Индию и Бирму, М., 1955.
- Можейко И. В., Аун Сан, М., 1965.
- Можейко И. В., О некоторых чертах феодализма в Бирме (XI— XIII вв.), — «Очерки по истории Юго-Восточной Азии», М., 1965.
- Можейко И. В., 5000 храмов на берегу Иравади (Паганское государство. XI—XIII вв.), М., 1967.
- Можейко И. В., Просвещение в колониальной Бирме, — «Из истории стран Юго-Восточной Азии», М., 1968.
- Муранова А. П., Сельскохозяйственный кредит в Бирме (1948— 1962), — «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР», № 79, М., 1964.
- Мья Тин До, К вопросу о землевладении в Бирме, М., 1961.
- Не Вин, Бирма на новом пути, М., 1965.
- Ожегов С. С., Архитектура Бирмы, М., 1970.
- «Пидота» — Новая Бирма, М., 1956.
- Политика европейских держав в Юго-Восточной Азии (60-е годы XVIII — 60-е годы XIX в.). Документы и материалы, М., 1964.

- Политика капиталистических держав и национально-освободительное движение в Юго-Восточной Азии (1871—1917). Документы и материалы, ч. 1, М., 1965; ч. 2, М., 1967. [Поло Марко], Книга Марко Поло, М., 1956.
- Тарле Е. В., Очерки истории колониальной политики, М.—Л., 1965.
- Узянов А. Н., Английская агрессия в Бирме в первой половине XIX в. в оценке русских современников, — «Из истории стран Юго-Восточной Азии», М., 1968.
- Узянов А. Н., Русские архивы об антиколониальных движениях в Юго-Восточной Азии в конце XIX — начале XX в., — «Источниковедение и историография стран Юго-Восточной Азии», М., 1971.
- Холл Д. Дж., История Юго-Восточной Азии, М., 1958.
- Чжу Чжи-хэ, Бирма, М., 1958.
- Шнайдер С. С., Бирма, М., 1951.
- Шпирт А. Ю., Научно-техническая революция и развивающиеся страны Азии и Африки, М., 1970.
- Щербакова М. Г., Бирма, М., 1956.
- Археологическое управление Бирмы, Отчеты за 1960—1970 гг. (бирм. яз.), Рангун, 1961—1971.
- Ба Пе У, Краткая история Бирмы (бирм. яз.), Рангун, 1957.
- Ба Шин, История Бирманского Союза (бирм. яз.), Рангун, 1956.
- Пе Маун Тин, История бирманской литературы (бирм. яз.), Рангун, 1955. [380]
- Политический доклад на первом съезде Партии Бирманской социалистической программы (бирм. яз.), Рангун, 1971.
- Последние дни Тан Туна (бирм. яз.), Рангун, 1969.
- Теин Хан У, Вехи бирманской истории (бирм. яз.), Рангун, 1958.
- Хроника Конбаунов (бирм. яз.), Мандалай, 1905.
- Andrus J. R., *Burmese Economic Life*, Stanford, 1948.
- Cady J. A., *History of Modern Burma*, Cornell, 1958.
- Crosthwaite Ch., *The Pacification of Burma*, London, 1912.
- Donnison F. S. V., *British Military Administration in the Far East, 1943—1946*, London, 1956.
- Duroiselle C., Blagden C. O., *Epigraphia Bufmanica*, vol. I—V, Rangoon, 1919—1936.
- Foreign Policy of the Revolutionary Government*, Rangoon, 1968.
- Furnivall J. S., *An Introduction to the Political Economy of Burma*, 2nd edition, Rangoon, 1938.
- Hall D. G., *Burma*, London, 1960.
- Hall D. G., *Europe and Burma*, London, 1945.
- Harvey G. E., *History of Burma from the Earliest Times to 10 March 1824, the Beginning of the English Conquest*, London, 1925.
- Harvey G. E., *British Rule in Burma, 1824—1942*, London, 1946.
- Htin Aung Maung, *A History of Burma*, The Hague, 1967.
- Is Trust Vindicated? A Chronicle*, Rangoon, 1960.
- Luce G. H., *Old Burma—Early Pagan*, vol. I—III, New York, 1969.
- Luce G. H., *Pe Maung Tin, Inscriptions of Burma, 3 Portfolios of Photogravures of Rubbings*, London, 1933—1939.
- Maung Maung, *A Trial in Burma*, The Hague, 1962.
- Maung Maung (ed.), *Aung San of Burma*, The Hague, 1962.
- Maung Maung, *Burma Constitution*, The Hague, 1961.
- Maung Maung, *Burma in the Family of Nations*, Amsterdam, 1957.
- May R. le, *The Culture of South-East Asia*, London, 1954.
- Mya Sein Daw, *Administration of Burma*, Rangoon, 1938.

- Nisbet J., *Burma under British Rule and Before*, London, 1912.
 Nu Thakin, *Burma under the Japanese*, New York, 1954.
 Pe Maung Tin, Luce G. H., *The Glass Palace Chronicle of the Kings of Burma*, London, 1923.
 Phayre A., *History of Burma*, London, 1886.
 Report on the Rebellion in Burma up to May 3, 1931, London, 1931.
 Silverstein J., *Burma*, Cornell, 1964.
 Smith D. E., *Religion and Politics in Burma*, Princeton, 1965.
 Than Tun, *History of Burma A. D. 1000—1300*,—«Bulletin of the Burma Historical Commission», vol. I, pt II, Rangoon, 1960.
 Than Tun, *History of Burma A. D. 1300—1400*,—«Journal of Burma Research Society», 42 (1959).
 Tin Hla Thaw, *History of Burma, A. D. 1400—1500*,—«Journal of Burma Research Society», 42 (1959).
 Tinker H., *The Union of Burma*, London, 1961.
 Tragrer F., *Burma—from Kingdom to Republic*, New York, 1966.
 Tun Wai U, *Economic Development of Burma from 1800 to 1940*, Rangoon, 1961.
 Woodman D., *The Making of Burma*, London, 1962. [381]

*Игорь Всеволодович Можейко,
 Антон Никифорович Узянов*

ИСТОРИЯ БИРМЫ

(Краткий очерк)

*Утверждено к печати
 Институтом востоковедения
 Академии наук СССР*

Редактор *Я. Б. Гейшерик*
 Младший редактор *И. В. Вушужева*
 Художник *С. А. Литвак*
 Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
 Технический редактор *М. В. Погоскина*
 Корректоры *Л. И. Письман* и *Р. Ш. Чемерис*

Сдано в набор 6/IV 1973 г. Подписано к печати 21/IX 1973г. А-11553. Формат 84X108 1/32 Бум. № 2. Печ. л. 12,0. Усл. п. л. 20,16. Уч.-изд. л 2041 Тираж 4300 экз. Изд. № 3238. Зак. 351. Цена 1 р. 46 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
 Москва, Центр, Армянский пер., 2.
 Полиграфическое объединение «Полиграфист»
 Управления издательств полиграфии и книжной торговли Мосгорисполкома.
 Москва, ул. Макаренко, 5/16.

О п е ч а т к а

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
363	17 сн.	Англии и Бирмы	Англии и Японии